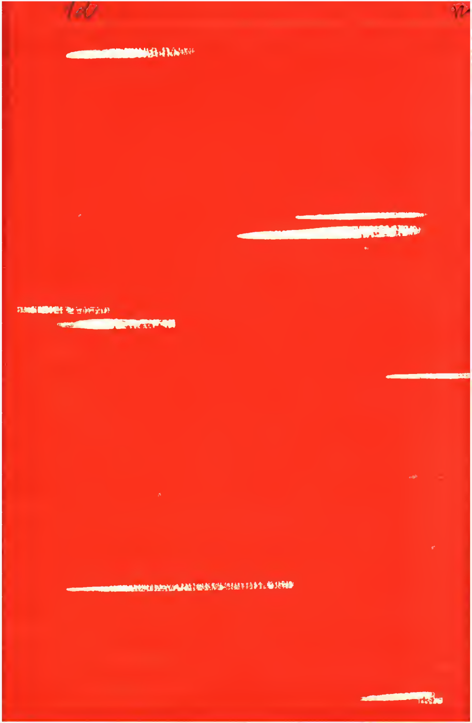
ЖЕНЩИНЫ УРАЛА В РЕВОЛЮЦИИ И ТРУДЕ

ЖЕНЩИНЫ УРАЛА В РЕВОЛЮЦИИ И ТРУДЕ

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

Книга «Женщины Урала в революции и труде» — это сборник воспоминаний. Активные участницы трех революций и социалистического строительства на Урале рассказывают о том, как они вели борьбу с царским самодержавием, боролись за победу Октябрьской революции и упрочение Советской власти, как участвовали в индустриализации и коллективизации страны, в проведении культурной революции. Последние разделы книги посвящены героическим делам женщин в годы Великой Отечественной войны и в период строительства коммунизма.

Книгу с интересом прочтут не только представители старшего и среднего поколения, но и наша молодежь.

Общественная редколлегия: А. Н. Бычкова, М. К. Богнер, А. В. Матвеева, А. Т. Рыкова, Г. П. Рычкова.

Составители: В. Е. Бузунов, З. С. Попова.

Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия...

Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины.

В. И. ЛЕНИН.

ОТ РЕДАКЦИИ *

В иастоящем сборнике публикуются воспомииаиия, статьи и очерки о деятельиостн женщии Урала, на территории ныиешних Свердловской, Пермской, Челябинской, Кургаиской, Тюменской областей и Башкирской АССР.

В сборнике охватывается период от первой русской революции 1905—1907 годов до иаших дней. За эти годы женщииы иашей страны вместе со всем народом прошлн большой и трудный путь и достиглн больших успехов. Далеко позади остались беспросветные времена бесправия и гиета царской монархии. Пройдены трудные рубежн завоевания н упрочеиия победы Великой Октябрьской социалнстнческой революции, положнвшей начало новой эры в истории человечества. Позади — голод, холод, разруха первых лет Советской власти, времен гражданской войны. Преодолены трудиости и лишения, связаиные со стронтельством первого в мнре социалистнческого общества. Пережиты тяжелые испытаиня Великой Отечествеиной войны. Ныие советские жеищииы, как и весь советский народ, уверенной поступью ндут к коммуиизму, имея рядом надежных и вериых друзей в лице соцналистнческих и демократических страи Запада и Востока.

В дореволюциоииые годы жеищииы России — работиицы и крестьяики — вместе со всем рабочим классом и трудящимся крестьянством иаходилнсь под гиетом царского самодержавия, эксплуатировались господствующимн классами. Но женщииы

[1] Статья иаписаиа каидидатом исторических иаук Г. П. Рычковой.

были угнетены вдвойне: они не имели равенства с мужчинами перед законом и вместе с тем находились под бременем домашнего рабства. Они были подавлены «самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства». (В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 138—139).

В годы царизма в ряды большевистской партии становились самые передовые женщины из трудящихся слоев народа и вместе с авангардом рабочего класса боролись за свержение самодержавия, за светлое будущее своего народа, за освобождение женщин от угнетения, бесправия и рабства. О первых женщинах-большевичках, работавших на Урале в период царизма, рассказывают в своих воспоминаниях бывшие подпольщицы, заслуженные члены Коммунистической партии — А. Н. Бычкова, М. М. Загуменных, А. Н. Маркова и другие.

Женщины-работницы принимали активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с рабочим классом и трудовым крестьянством они отстаивали затем завоевания революции в годы гражданской войны. Защищая Советскую власть от интервентов и белогвардейцев, они сражались в рядах Красной Армии, героической работой в тылу оказывали помощь фронту. Коммунистки и комсомолки первых лет революции, беспартийные патриотки вписали в те годы немало славных страниц в летопись молодого Советского государства. Героическая борьба женщин и девушек Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны освещается в воспоминаниях комсомолок того времени А. Ульяновской, Р. Юровской, участницы гражданской войны Ю. Поповой и других.

Октябрьская социалистическая революция принесла трудящейся женщине освобождение от политического гнета и эксплуатации господствующих классов, уничтожила неравноправие ее с мужчинами. Но предстояло еще добиться освобождения от домашнего рабства, от мелкой, отупляющей непроизводительной домашней работы. Этого можно было достигнуть только при условии, если будет построено социалистическое общество, победит коммунизм. Таким образом, сама жизнь диктовала женщинам необходимость активно участвовать в осуществлении задач партии.

Начавшееся с первых дней Октябрьской революции строительство фундамента социалистического общества вызвало небывалый подъем творческой активности народных масс. В. И. Ленин тогда писал: «Главное, основное в большевизме

и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику нменно тех, кто был более всего угнетен при капитализме» (В. И. Леини. Соч., т. 32, стр. 138). Поэтому актнвиое участне женщин в политнческой жизин страны нмело первостепениое значенне. Женщины составляли половиину населения страны, и нменно эта часть населения была иаиболее отсталой н забитой при царизме. Подавляющее большинство женщнн-работниц и крестьянок было неграмотным и малограмотным. Вот почему с первых же дней Октябрьской революции Коммунистнческая партня уделяла самое пристальиое внимание организационной и воспнтательной работе трудящнхся жеищии. Были найдены новые организацнонные формы работы, которые позволили охватить партийным влиянием женщии даже в самых глухих деревеискнх уголках. Создаиие при партнйных комитетах отделов работниц н крестьянок (женотделов), организация женскнх делегатских собраиий в городе и деревне помогли в те годы широко развернуть работу в самой гуще женщин-тружениц, втянуть нх в политическую жизнь страны.

В сборнике широко освещается работа среди женщин в первые годы Советской власти, участие женщии в социалистическом строительстве. О женотделах, о делегатских собраниях, о первых самостоятельных шагах женщин в политической и хозяйствеиной жизни страны рассказывают в своих воспоминаниях М. Богнер, Е. Никулина, А. Армянинова, Е. Елизарьева и многие другие.

На промышленных предпрнятиях, в деревиях н селах женщины-делегаткн вели большую общественную работу. Вступая иа путь активной политнческой борьбы, многне из них начали с того, что ликвидировалн прежде всего свою неграмотность и малограмотность. Женщин-делегаток можно было встретить повсюду: в партийных органах, аппарате местных Советов, в кооперацин. Они вели борьбу с детской беспризорностью, органнзовывали детские дома, сады, ясли, площадки, участвовали в субботниках, боролнсь с грязью, тнфом, ннщетой, голодом и разрухой — со всем тяжелым наследнем прошлого. Здесь онн проявляли подлнинный трудовой героизм и мужество, самоотверженность и бескорыстне, не получая за свой огромный труд никакнх наград и отличий.

Многие женщины проявили незаурядые способности, оргаинзаторские таланты, умеиие широко н толково иалаживать практические дела. Из рядовых работниц и крестьянок вырастали работникн райоиных, областных и цеитральных учреждений, члены правительства, народные комнссары. Об

этом можно узнать из воспоминаний М. Шабуровой, О. Ильиной, Е. Корюкиной и других.

Многим женщинам-активисткам Урала приходилось бывать в столице нашей Родины Москве на различных Всероссийских и Всесоюзных съездах, совещаниях, сессиях. Они слушали там выступления Владимира Ильича Ленина, выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства. С большой любовью и теплотой рассказывает Е. Ширинкина о выступлении В. И. Ленина на I Всероссийском съезде работниц и крестьянок в ноябре 1918 года. М. Стрелкова вспоминает о выступлениях В. И. Ленина на Всероссийском съезде работников текстильной промышленности в 1920 году. О встречах с Н. К. Крупской и М. И. Калининым рассказывает А. Брюхова.

В годы пятилеток женщины активно участвовали в борьбе за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Они строили заводы, овладевали новыми профессиями, управляли хозяйством. В деревне они боролись против кулачества, создавали колхозы, работали в политотделах. О строительстве первых гигантов индустрии — Уралмаша и Челябинского тракторного завода — рассказывают в своих воспоминаниях О. Крылова, М. Евсейник. Об участии женщин в коллективизации сельского хозяйства вспоминают А. Скрябина, Е. Бушманова.

В годы Великой Отечественной войны Урал был кузницей боевого оружия, арсеналом Советской страны. Дни и ночи на заводах Урала напряженно трудились советские люди, забывая об отдыхе и сне. Непрерывным потоком с заводских конвейеров сходили танки, самолеты и другое вооружение для фронта. Своим героическим напряженным трудом в тылу уральцы, в том числе и женщины, внесли неоценимый вклад в разгром фашистской Германии. Они работали на военных заводах, в колхозах, заменяли ушедших на фронт мужей, отцов и братьев, выносили на своих плечах всю тяжесть тыловой работы, все трудности военного времени. О беззаветной любви к своей социалистической Родине, о самоотверженном труде женщин в годы Великой Отечественной войны рассказывают Ю. Егошина, Е. Каргаполова.

Но уральские женщины в эти годы не только трудились в тылу, они работали в госпиталях, несли медицинскую службу в частях Советской Армии, сражались на фронте. Отстаивая честь и независимость любимой Родины, они и здесь проявили патриотизм, мужество, героизм. Просто и проникновен-

но рассказывают об этом в сборнике Л. Лебедева, Ф. Феофилактова, Е. Смирнова.

Отгремела Великая Отечественная война. Советские женщины, как и весь народ, залечивают глубокие раны, нанесенные фашистами, восстанавливают разрушенные районы, ведут борьбу за дальнейший подъем народного хозяйства.

Важнейшим этапом в жизни Коммунистической партии и Советского государства в послевоенный период явился XX съезд партии. Подвергнув смелой критике культ личности И. В. Сталина и порожденные им ошибки, съезд определил дальнейшие задачи коммунистического строительства. Партия проводит в это время целый ряд революционных мероприятий, обеспечивших широкий простор для развертывания творческой инициативы масс, выявления новых резервов производства.

В развернувшейся борьбе за дальнейшее развитие промышленности, за крутой подъем сельского хозяйства, за расцвет культуры, науки, за повышение материального благосостояния советских людей активно участвуют и советские женщины Урала. Они отдают свои силы борьбе за досрочное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства, принятого XXI съездом партии, строят новые промышленные предприятия, борются за внедрение механизации и автоматизации производства, работают на целинных землях, поднимают производительность полей, выращивают кукурузу, строят новые жилища. Нет такой отрасли народного хозяйства, где не трудились бы женщины. О работе женщин Урала в послевоенный период говорится в воспоминаниях В. Климантовой, В. Партиной, П. Пайвиной, Е. Родионовой, З. Пушкаревой, З. Шведовой.

Самое активное участие принимают женщины в широко развернувшейся в послевоенное время борьбе за звание «коллективов коммунистического труда». Это описывают в сборнике З. Суетина, П. Основина.

Коммунистки и комсомолки первых лет революции, зачинатели первого широкого женского движения в советской стране — теперь уже люди пожилого возраста. Они находятся на заслуженном отдыхе. Но и сейчас они тесно связаны с партией, со всей советской общественностью, ведут большую политико-воспитательную работу среди широких масс населения. Об этом рассказывают Н. Черемных, А. Мошкова.

Величественные итоги пути, пройденного советским народом по созданию нового общественного строя, подведены были XXII съездом партии. Съезд принял новую, третью Программу Коммунистической партии Советского Союза, в которой

определил практические задачи построения коммунизма в нашей стране на ближайшее 20-летие. В своей Программе партия торжественно провозгласила, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

В течение ближайших двух десятков лет будут полностью устранены все остатки неравного положения женщин в быту. Широкое развитие общественного питания, ясельных и дошкольных учреждений, школ-интернатов, предприятий бытового обслуживания создадут все условия для полного освобождения женщин от домашнего хозяйства, для еще более активного участия их в общественной жизни.

Почти все воспоминания сборника написаны женщинами, активными участницами трех русских революций и социалистического строительства в нашей стране. Среди них есть Герои Социалистического Труда, орденоносцы, коммунистки и комсомолки, руководящие работники и рядовые строители новой жизни.

Редколлегия сборника приносит глубокую благодарность старым уральским большевичкам, работникам женотделов М. М. Загуменных и О. Ф. Ильиной за большую помощь в создании книги, а также отмечает активное участие в подготовке сборника бывших заведующих Свердловского партархива Н. П. Макарова, Курганского партархива З. П. Бушманова и заведующего Челябинским партархивом В. В. Деревянина.

А. Артюхина

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

Нам, представителям старшего поколения коммунистов, выпало счастье быть делегатами исторического XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, принявшего новую Программу, программу построения коммунистического общества. Партия провозгласила в ней: «Высшая цель партии—построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». В этих словах воплотится лозунг партии: «Все во имя человека, для блага человека». Вдумайтесь в слова Программы:

«...Партия рассматривает коммунистическое строительство в СССР как великую интернациональную задачу советского народа, отвечающую интересам всей мировой социалистической системы, интересам международного пролетариата, всего человечества.

Александра Васильевна АРТЮХИНА родилась в 1889 году. Член КПСС с 1910 года. За активную революционную работу в Петрограде неоднократно арестовывалась и высылалась. Активно участвовала в революционном восстании в октябре 1917 года. С 1917 по 1924 год — на партийной работе в Твери, Вышнем Волочке. В 1924—1930 годах — зав. отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП(б). Избиралась кандидатом в члены ЦК ВКП(б) на XIII съезде партии, членом ЦК ВКП(б) — на XIV и XV съездах, членом ЦКК РКИ — на XVI съезде партии. Награждена двумя орденами «Знак почета». В 1960 году ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. В настоящее время — персональный пенсионер.

Коммунизм выполняет героическую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов».

XXII съезд был самым представительным в истории нашей партии. В его работе участвовало почти пять тысяч делегатов, представлявших десятимиллионную армию коммунистов Советского Союза. Впервые на съезде приняло участие такое большое количество женщин — 1073 делегатки, что составило 22,3 процента общего числа делегатов. Это явилось ярким свидетельством того, что «в жизни нашей страны, в ее великих завоеваниях выдающаяся роль принадлежит женщинам. Победа социализма обеспечила им равные права с мужчинами во всех областях государственной, общественной, хозяйственной и культурной жизни, открыла дорогу к образованию, разбудила их творческие силы и организаторские таланты». (Из доклада мандатной комиссии съезда).

Среди женщин — делегатов XXII съезда, были работницы и колхозницы, инженеры и педагоги, врачи и ученые, партийные и советские работники, видные общественные деятельницы. В числе делегатов съезда 110 женщин — депутаты Верховного Совета Союза ССР и Верховных Советов Союзных и автономных республик, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинских премий. От Свердловской областной партийной организации в работе съезда участвовало восемнадцать женщин.

На съезд были избраны также представители старой большевистской гвардии, прошедшие под руководством В. И. Ленина героическую школу классовой борьбы за победу диктатуры пролетариата и утверждение Советской власти. Никита Сергеевич Хрущев от имени Центрального Комитета сердечно приветствовал старую гвардию большевиков. Он сказал: «Большой, трудный и славный путь прошла ленинская партия коммунистов — плоть от плоти рабочего класса, всего трудового народа, его мозг, его сердце, выразитель его жизненных интересов, его революционной воли. В мире нет другой партии, которая за годы своего существования добилась бы столь великих побед в преобразовании общества...

...И сегодня мы сердечно приветствуем старую гвардию большевиков, которая в рядах ленинской партии на протяжении десятилетий вела мужественную революционную борьбу за счастье народа, за социализм.

Мы горячо приветствуем славных представителей этой старой гвардии, избранных делегатами XXII съезда партии».

В рядах делегатов были старейшие коммунистки Московской организации КПСС тт. Стасова, Гопнер, Фотиева и автор этой статьи; от Ленинграда — т. Лазуркина; от Свердловска — т. Бычкова; от Казахстана — т. Есова. От Азербайджана в числе других была т. Али-Байрамова — одна из первых женорганизаторов партии в республике, основательница женского клуба в Баку, первого из многих женских клубов на Советском Востоке, сыгравших в свое время значительную роль в политическом просвещении и организации вокруг партии трудящихся женщин.

Участвуя в работе XXII съезда, мы чувствовали себя по-настоящему счастливыми. Исполнилась заветная мечта многих поколений революционеров-марксистов. Коммунизм — самый справедливый общественный строй — становится реальной действительностью!

Коммунизм — светлое царство труда всеобщего народного счастья. О нем мечтали мы, изучая в тайных рабочих кружках марксизм, о нем говорили агитаторы-большевики на рабочих маевках. Ради воплощения этой заветной цели в марксистско-ленинскую партию шли передовые рабочие и работницы, не страшась ни царских тюрем, ни вечной каторги, ни даже смерти.

С самого своего зарождения наша партия боролась за политические права женщин, вовлекая работниц в общее революционное движение, вела среди тружениц просветительную и организаторскую работу. Через общества просвещения, воскресные школы, революционные кружки работницы постепенно втягивались в политическую борьбу рабочего класса. Участие в забастовках и стачках становилось для них первой ступенью школы классовой борьбы.

Основатель и вождь большевистской партии В. И. Ленин указал женщинам единственный путь, ведущий к их освобождению,— путь пролетарской социалистической революции.

По пути, указанному Владимиром Ильичом, и вела наша партия женщин, подготовляя их к решительным боям.

Еще в первой Программе партии, принятой на II съезде (июль — август 1903 года), сказано, что партия будет бороться за всеобщее избирательное право для всех граждан и гражданок и за охрану женского труда, а также за охрану материнства и младенчества.

Поставив своей программной задачей борьбу за равные избирательные права женщин, охрану материнства и младенчества и охрану женского труда, наша партия показала себя подлинной марксистской революционной партией и оказала серьезное революционизирующее влияние на международное женское социалистическое движение. К тому времени партия воспитала и вырастила замечательные кадры женщин, выдающихся деятельниц революционного движения, имена которых свято хранят в своем сердце все советские люди. Это стойкие большевички-подпольщицы Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, А. И. Елизарова, К. Н. Смидович, Л. Н. Сталь, П. Ф. Кудели, О. А. Варенцова, Женя Егорова и другие.

Инесса Федоровна Арманд, Александра Михайловна Коллонтай и Надежда Константиновна Крупская по поручению Ленина приняли участие в первых международных конференциях социалисток, положивших начало международному женскому рабочему движению.

Первая международная конференция социалисток состоялась в 1907 году в Штутгарте. Конференция установила, что международное социалистическое женское движение должно развиваться как неразрывная часть общего революционного движения рабочего класса и ставит своей задачей наравне с общими целями революционной борьбы также борьбу за равноправие женщины с мужчиной в обществе, за равную оплату женского труда, охрану материнства и младенчества.

Центральным на конференции был вопрос об избирательных правах женщин, по которому разгорелась горячая дискуссия между оппортунистами, выступавшими против требований избирательных прав для женщин как якобы «несвоевременных», и революционными

марксистами, настаивавшими на этом требовании. В. И. Ленин в своей статье «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» указывал, что борьба рабочего класса за избирательные права женщин будет способствовать освобождению работниц от буржуазного влияния, вовлечет их в русло социалистического движения и увеличит «размах агитации и силу народного движения» (В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 74).

К этому времени в капиталистических странах женский труд приобрел широкое распространение. Отдельные социалистические партии (в Германии, Англии, России) повели работу среди женщин-работниц, чтобы пробудить их классовое самосознание и вовлечь в общее русло революционной борьбы пролетариата. Назрела необходимость в координации этой работы. Поэтому первая конференция создала Центральное Бюро социалисток, избрав секретарем его Клару Цеткин, по решению конференции журнал германских работниц «Равенство» стал органом этого бюро.

Собравшаяся через три года в Копенгагене Вторая международная конференция социалисток, на которой присутствовало 100 делегаток, представлявших 17 стран, отметила значительное оживление женского пролетарского движения в Англии, Германии, России. Особенно ярких успехов достигла Германская социал-демократическая организация, где работой среди женщин руководила Клара Цеткин. По ее предложению конференция вынесла решение ежегодно отмечать женский день, с тем чтобы укреплять международную солидарность и интернациональные связи работниц всех стран. Конференция обсуждала вопрос о возможности празднования этого дня в России. Через участника конференции А. М. Коллонтай, представлявшую Петербургский профсоюз работников по обработке волокнистых веществ и союз «Игла», весть об установлении Международного женского дня дошла и до русских рабочих организаций. Но в условиях драконовского царского режима, когда наша партия находилась в глубоком подполье, а активные деятели партии — в тюрьмах и ссылках, невозможно было организовать празднование женского дня. Только с началом подъема революционного рабочего движения в России удалось впервые в 1913 году провести Международный женский день.

Этот день был подготовлен годами кропотливой работы нашей партии среди женщин. Причем, Российская социал-демократическая организация большевиков достигла немалых успехов и потому, что она опиралась на опыт революции 1905—1907 годов, когда передовые женщины России, в том числе и на Урале, приняли активное участие в забастовках, самоотверженно боролись на баррикадах Красной Пресни, посылали своих представителей в Советы, требовали раздачи помещичьей земли крестьянам.

Даже в самое тяжелое время реакции 1907—1910 годов партия большевиков не прекращала своей работы среди работниц. По указанию В. И. Ленина, наряду с нелегальной работой, партия использовала все легальные возможности — печать, профсоюзы, общества образования, вечерние и воскресные школы, страховые кассы, чтобы интенсивней вовлекать женщин в борьбу против самодержавия.

Центральный орган партии «Правда» задолго начал подготовку к Международному дню женщин. 20 января 1913 года в газете появился специальный отдел «Женский день и работница». Инициаторами празднования женского дня выступила группа текстильщиц. Она резко высказалась против совместных собраний с представительницами буржуазного женского движения и предложила организовать собрания самых широких слоев работниц.

8 марта 1913 года (23 февраля по старому стилю) в Петербурге, в помещении Калашниковской биржи, состоялось так называемое «Женское научное утро». Строжайший полицейский режим исключил возможность открытого проведения революционного праздника трудящихся женщин. Но большой зал Калашниковской биржи был переполнен.

Многие работницы, даже имея билеты, не смогли попасть на собрание. Входы в зал были закрыты, двор занят конной и пешей полицией. В первых рядах тоже сидели жандармы.

«Научное утро» началось докладом «О положении женщин в промышленности», с которым выступала работница-ткачиха А. Н. Алексеева. Свой доклад она закончила призывом к женщинам активно включаться в революционную борьбу рабочего класса.

Другой докладчик — товарищ Картечьева, рассказала о тяжелом положении женщин-крестьянок, о их приниженности и семейном бесправии.

«Утро» закончилось, а ночью докладчика Алексееву арестовали...

Первый женский день получил широкий отклик в крупных промышленных центрах страны. «Правда» несколько дней печатала отчеты о собрании и приветствия женщин из многих уголков России. Увеличился приток работниц в профсоюзы и культурно-просветительные общества, наиболее активные и преданные делу социализма женщины вступали в ряды большевиков.

Празднование первого женского дня в России приветствовали Клара Цеткин, Август Бебель и другие видные деятели международного рабочего движения. Его отметила вся социалистическая пресса за границей.

Особенно сохранился у меня в памяти Международный женский день 1914 года. Этот день отмечался в России значительно шире не только в Петербурге и в Москве, но и в Самаре, Саратове, Иваново-Вознесенске, Киеве и других рабочих центрах.

Петербургский комитет большевиков создал специальную комиссию из представителей профсоюзов для подготовки женского дня. Готовился выпуск первого номера журнала «Работница». Были выпущены специальные номера рабочих газет, проведен ряд подготовительных собраний. На собрании профсоюза металлистов я выступила по вопросу о снижении членских взносов для женщин, чтобы открыть им более широкий доступ в профсоюзную организацию. Позднее в газете «Путь правды» была напечатана моя статья за подписью «Шура-металлистка», в которой говорилось о несправедливой оплате женского труда, об издевательском, грубом отношении мастеров к работницам. Статья призывала женщин вступать в профсоюзы, теснее сплачиваться вокруг рабочих организаций, активнее бороться за свои права.

Организаторы женского дня в Петербурге с большим трудом получили разрешение градоначальника на проведение нескольких женских собраний женщин в рабочих районах столицы. Петербургский комитет большевиков заранее подготовил докладчиков на эти собрания.

Но накануне праздника более 30 женщин — членов партии — были арестованы, в том числе все докладчики и члены редколлегии журнала «Работница». Однако, несмотря на драконовские меры властей, митинги и собрания состоялись. Вовремя вышел и журнал «Работница» (благодаря усилиям сестры Владимира Ильича Ленина — А. И. Ульяновой-Елизаровой, случайно избегнувшей ареста). Международный женский день 8 Марта был отмечен в 1914 году широко.

Этот второй женский день в России прошел как общепролетарский интернациональный праздник. Петербургские работницы через газету «Правда» послали приветствия своим зарубежным сестрам. Горячие поздравления снова прислала работницам России Клара Цеткин. Большевистская фракция Государственной думы приветствовала всех женщин-работниц России в твердой уверенности, что в их деятельности партия найдет новую и твердую опору. Номер газеты (орган большевистской партии) «Путь правды» был целиком посвящен празднику. В номере было напечатано свыше 20 корреспонденций самих работниц с фабрик и заводов.

Праздновать день 8 Марта в последующие годы нам помешала начавшаяся летом 1914 года империалистическая война. Рабочие организации были разгромлены, журнал «Работница» и газета «Правда» закрыты, а сотни товарищей брошены в тюрьмы.

Мужчин почти поголовно забрали на войну. Женщины занимали их места на заводах и фабриках. Но агитация нашей партии не прекращалась. Лозунги «Долой кровавую войну!», «Верните мужей с фронта!» часто появлялись на заводских и фабричных заборах.

В эти годы рабочий класс России пополнился значительным отрядом женщин, которые стали смело выступать за свои права, организуя длительные забастовки. И здесь нельзя не сказать о международной конференции социалисток, состоявшейся в 1915 году в Берне (Швейцария). Инициаторами конференции явились русские большевички. Значительную помощь в организации ее оказала Клара Цеткин. В конференции участвовали немецкие, английские, голландские, швейцарские социалистки, делегатки из Франции и Польши.

Н. К. Крупская отстаивала на конференции позицию большевиков в вопросе о войне и мире и об отношении

ко II Интернационалу. «Конференция очень точно отразила тогдашнее настроение социалисток большинства стран,— писала потом Надежда Константиновна.— Они думали об одном — чтобы выразить свой протест против братоубийственной бойни, чтобы заявить, что рабочим не следует воевать друг с другом».

Резолюция, принятая большинством делегаций, отразила горячее стремление к миру.

Назревал революционный взрыв в России. В. И. Ленин писал, что в начале XX века узловым пунктом всех противоречий империализма и наиболее уязвимым его звеном оказалась Россия. Сочетание всех видов гнета — капиталистического, помещичьего, национального с полицейским деспотизмом самодержавия делало невыносимым положение народных масс и придавало классовым противоречиям в России особую остроту. К началу XX века Россия стала центром революционного движения.

Мировая империалистическая война 1914—1918 годов ускорила нарастание революционного взрыва. В феврале 1917 года царское самодержавие пало. Женский день 8 Марта 1917 года стал первым днем революции и последним днем самодержавия в России. В этот день в Петрограде, в Москве и в других городах проходили многотысячные демонстрации рабочих и работниц под лозунгами: «Долой войну!», «Хлеба — детям!», «Долой самодержавие!»

В весенние дни 1917 года революционное движение среди женщин-работниц стало бурно расти. По поручению партии, на работу в массы были направлены вернувшиеся из ссылки и эмиграции Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, А. И. Елизарова, К. Н. Самойлова, А. М. Коллонтай, К. И. Николаева и другие проверенные борцы революции. Состоялись многочисленные митинги и конференции работниц, где большевики выступали с разъяснением Апрельских тезисов В. И. Ленина. Работа партии среди женщин становилась все более массовой.

На Выборгской стороне в Петрограде по прямому указанию В. И. Ленина, собралась первая женская конференция, на которую были приглашены и представительницы других районов. Конференция единодушно присоединилась к позиции большевиков. Такие же конференции прошли в Москве, а затем и по всей стране.

Россия переживала бурные дни. Народ собирался и шумел на площадях, улицах, в цехах заводов и фабрик. То и дело возникали митинги. На них выступали представители разных партий, каждый, кому хотелось высказать накопившееся в душе за годы вынужденного молчания, гнета и бесправия. Охваченные небывалым революционным энтузиазмом работницы, особенно молодые, переходили с митинга на митинг, боясь пропустить интересное, новое для себя. Они громко кричали «долой!» ораторам из меньшевиков и эсеров, дружно поддерживали большевиков, требующих прекращения войны, свержения Временного правительства. В те дни получали политическое крещение сотни и тысячи женщин России.

И когда большевистская партия дала сигнал к решительному штурму капиталистического мира, многие работницы Петрограда, Москвы, Иванова, Екатеринбурга и других революционных центров страны взяли в руки винтовки, надели санитарные сумки, пошли с горячим большевистским словом в солдатские казармы и матросские отряды.

Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась. Она коренным образом изменила правовое положение трудящихся женщин, создала необходимые условия для их фактического раскрепощения. Как великий дар восприняли работницы первые замечательные декреты Советского правительства, подписанные В. И. Лениным — декреты о мире, о земле, о равенстве женщин в обществе и семье, о равной оплате за равный труд, о государственной охране материнства и младенчества.

В первые же месяцы своего существования Советская власть не оставила камня на камне от всех подлых законов капитализма в отношении к женщине, существовавших века.

Победивший пролетариат в первой же своей Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 года, записал специальный пункт о полном равенстве политических и гражданских прав мужчины и женщины. Так было покончено, по словам В. И. Ленина, «с неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми законами о неравенстве женщины». (В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 101).

Это были первые шаги молодого Советского государства по пути раскрепощения женщин.

Но для подлинного, фактического раскрепощения, действительного равенства женщин с мужчинами, как указывал В. И. Ленин, мало было декретов. Надо было создать еще материальные условия, чтобы облегчить женщинам воспитание детей, освободить их от домашней кабалы, вовлечь в общественно полезную трудовую деятельность.

Эти ленинские идеи нашли свое отражение во второй Программе, принятой нашей партией на VIII съезде в марте 1919 года.

Приведем полностью замечательные строки из этого исторического документа.

«Буржуазная демократия в течение веков провозглашала равенство людей независимо от пола, религии, расы и национальности, но капитализм не позволил нигде осуществить этого равноправия на деле, а в своей империалистической стадии привел к сильнейшему обострению расового и национального гнета. Только потому, что Советская власть есть власть трудящихся, она смогла до конца и во всех областях жизни впервые в мире провести это равноправие вплоть до полного уничтожения последних следов неравенства женщины в области брачного и вообще семейного права. Задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства.

Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.».

Ленинские идеи об уничтожении до конца всех следов неравенства женщины последовательно развиты в третьей Программе нашей партии, принятой XXII съездом КПСС. Для осуществления их у нашей страны теперь есть все материально-технические возможности.

В первые годы после Октября молодое Советское государство, окруженное огненным кольцом интервентов

и белогвардейщины, вело героическую борьбу. Но и тогда Советская власть взяла на свои плечи заботу об охране материнства и детства, считая это своей прямой обязанностью.

В январе 1918 года за подписью народного комиссара государственного призрения (впоследствии — наркомсобес) А. М. Коллонтай был обнародован декрет об основных задачах и перспективах развития охраны материнства и младенчества. Светлой верой в будущее звучал текст этого документа:

«Два миллиона едва затеплившихся младенческих жизней ежегодно гасли в России от темноты и несознательности угнетенного народа, от косности и равнодушия классового государства. Два миллиона страдалиц-матерей обливали ежегодно слезами ранние могилки бессмысленно погибших жертв уродливого государственного строя. Веками искавшая пути, человеческая мысль выбилась наконец на простор лучезарной, светлой эпохи свободного строительства руками рабочего класса тех форм охраны материнства и младенчества, которые должны сохранить ребенку мать, а матери — ребенка...»

Разбуженные Великим Октябрем передовые работницы сами брались организовывать первые детские учреждения, родильные дома, медицинские консультации, питательные пункты для детей. 17 мая 1919 года Совет Народных Комиссаров за подписью В. И. Ульянова (Ленина) издает постановление о бесплатном питании за счет государства детей до 14 лет включительно. Постановление это распространялось на крупнейшие фабрично-заводские города и рабочие поселки центральной России. Продовольственным органам предписывалось отпускать в первую очередь продукты для питания детей, предоставлять бесплатное питание детям «безотносительно к категории пайка родителей».

В момент наибольшей опасности для Советской республики большевистская партия обратилась к рабочим и работницам с призывом: «Социалистическое Отечество в опасности! К оружию, все на фронт, все на борьбу с захватчиками! За социализм, за освобождение человечества!»

По зову В. И. Ленина пролетарки стеной встали против внутренних и внешних врагов Советской власти.

Тысячи из них ушли на фронт, миллионы работали в тылу. Женщины, старики, подростки поддерживали жизнь фабрик и заводов. Работницы устраивали субботники и воскресники (а на Урале еще и понедельники) по восстановлению железных дорог, мостов, добыче и вывозу топлива, пуску нужных для обороны предприятий. Они собирали по домам теплую одежду, обувь, белье и продовольствие для бойцов молодой Красной Армии. Мы, женщины-коммунистки и комсомолки, в те годы считали себя мобилизованными партией и по первому ее зову оставляли семью и шли на фронт, вступали в ряды вооруженных рабочих дружин и дрались с бандитами, добывали хлеб в составе продовольственных отрядов. Мы работали в Советах и профсоюзах, первыми выходили на субботники, отправлялись в тифозные бараки. Нас было немного тогда, но мы вели за собой сотни тысяч, миллионы раскрепощенных женщин России, вместе с партией преодолевая все трудности. На Урале в период борьбы с бандитами атамана Дутова, а несколько позднее с колчаковским нашествием многие и многие женщины и девушки одели красноармейские шинели и не только с санитарными сумками, но и с винтовкой в руках бесстрашно вступали в ряды Красной Армии.

После Октября активность трудящихся женщин, их стремление участвовать в общественной деятельности проявилась еще ярче. Повсюду создавались различного рода женские комиссии, секции, бюро при партийных комитетах и Советах. Эту возросшую политическую активность женщин требовалось возглавить. В трудных условиях разгоревшейся гражданской войны Центральный Комитет нашей партии созвал Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Съезд открылся в Москве 16 ноября 1918 года в Колонном зале Дома Союзов. Делегаток приветствовал председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. В президиуме съезда заняли места К. Н. Самойлова, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, Н. К. Крупская, В. А. Мойрова, работницы и крестьянки.

По составу съезд представлял волнующую картину: здесь присутствовали работницы, жены рабочих, крестьянки, одетые в сермяжные кафтаны, тулупы, закутанные в платки, в лаптях и чунях.

Съезд рассмотрел несколько вопросов — «Задачи работниц в Советской России», «Семья и коммунистическое государство», «Задачи социального обеспечения», «Международная революция и работница», «Организационный вопрос», «Борьба с проституцией в Советской России», «Борьба с детским трудом», «Жилищный вопрос» и ряд других.

Первый Всероссийский съезд работниц явился той исторической вехой, которая положила начало широкой и систематической политико-воспитательной и организаторской работе партии среди трудящихся женщин.

Волнующим событием на съезде была встреча делегаток с В. И. Лениным. Все мы ждали эту минуту с тревогой и нетерпением. И хотя было известно, что Владимир Ильич еще не совсем оправился после ранения, надежда увидеть и услышать его не оставляла нас.

И вот счастливая минута наступила. Это произошло на четвертый день съезда, 19 ноября, просто и как-то необычно. Ленин появился в президиуме неожиданно. На трибуне очередной оратор продолжал говорить и вдруг по залу прокатился все усиливающийся гул. Делегатки взволнованно поднялись с мест, многие из них устремились к трибуне. Раздались аплодисменты, приветственные крики.

Молча постояв несколько минут, Владимир Ильич поднял руку, призывая делегаток к спокойствию. Когда все заняли свои места, В. И. Ленин начал говорить.

Навсегда запечатлелись в наших сердцах замечательные слова Владимира Ильича:

— Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия. Успех революции, то есть построение социализма — коммунизма, будет зависеть от того, насколько в нем участвуют женщины.

Затаив дыхание, слушали мы Ленина. Глава Советского государства, вождь партии и народа обращался к нам, простым женщинам, с призывом бороться за победу революции, участвовать в управлении государством, помогать отстаивать родную Советскую власть от врагов, строить социализм.

Простая и мудрая речь Владимира Ильича произвела на всех нас неизгладимое впечатление. Мы были охвачены необычайным энтузиазмом, стремлением пре-

одолеть все трудности, совершить любые подвиги. Делегатки съезда как бы лично от В. И. Ленина, прямо из его уст получили партийное поручение участвовать в строительстве первого в мире социалистического государства, которое может дать им полное фактическое равенство.

Безграничная вера в народ, в его силу, в способность преодолеть любые трудности — вот что было главным в речи Владимира Ильича Ленина. Речь эта стала программой действия для широких масс работниц и крестьянок, указала практические цели и задачи работы партии среди женщин. Жизненный путь многих делегаток определился здесь, на этом съезде. Почти все мы стали горячими активистками, первыми женорганизаторами партии. На другой день, по предложению работницы Бариновой, съезд принял приветствие В. И. Ленину, Коммунистической партии и Советскому правительству. Это приветствие звучало, как клятва:

«Клянемся нашей пролетарской Октябрьской революции, что сумеем оправдать возлагаемые на нас надежды правительством трудового народа и все возьмемся за строительство новой коммунистической жизни...» («Правда», № 251, 1918).

После Первого Всероссийского съезда работниц и крестьянок при партийных комитетах были созданы комиссии по пропаганде и агитации среди женщин. Первым председателем комиссии по работе среди женщин в ЦК ВКП(б) была Инесса Арманд. В 1919 году эту комиссию в ЦК реорганизовали в отдел по работе среди работниц и крестьянок. И. Ф. Арманд стала первой заведующей этим отделом. По ее же инициативе возник журнал «Коммунистка», первый номер которого вышел в июле 1920 года. Позже работой среди женщин в ЦК ВКП(б) руководили А. Коллонтай, В. Мойрова, В. Голубева, С. Смидович, К. Николаева. Миллионы женщин помнят и глубоко чтут их имена.

После VIII съезда партия, руководствуясь новой Программой, развернула широкую политическую работу среди работниц и крестьянок, привлекла женский актив к государственному и культурному строительству. И. Ф. Арманд и К. Н. Самойлова нашли и предложили такую форму работы партии среди беспартийных женщин, как делегатские собрания, которые стали первой

массовой политической школой для широких масс женщин-тружениц.

Второй Всероссийский съезд женщин открылся 10 октября 1927 года. На первом съезде на тысячу делегаток было всего 10 процентов крестьянок, совсем мало депутатов Советов, а женщины Востока вовсе отсутствовали. На второй же съезд прибыло 1052 женщины, в том числе 403 крестьянки, работающие в своем хозяйстве, 63 батрачки, 226 работниц с предприятий, 25 женщин, занятых на руководящей работе, 20 домашних хозяек и 62 служащих. В числе делегаток с решающим голосом 772 были депутатами сельских и городских Советов.

Съезд показал возросшее участие женщин в управлении государством, особенно в сельских и городских Советах. В 1927 году в составе городских Советов было уже 19,5 процента женщин. В сельских Советах в 1927 году 11,3 процента депутатских мандатов принадлежали крестьянкам, тогда как в 1922 году их было не более 1 процента. Председателями сельских Советов уже работало 683 крестьянки (1,2 процента общего состава председателей). Появились первые женщины — председатели исполкомов волостных и городских, уездных и губернских Советов.

На съезд приехали делегатки от многих народностей, населявших Союз Советских Республик. От восточных народностей присутствовало 200 человек. Это было огромное достижение революции.

В работе съезда участвовали представительницы зарубежных стран. И хотя их приезд был связан с большими трудностями, все же к нам в гости прибыли 6 делегаток из Англии, 6 — из Германии, 5 — из Франции, 2 — из Австрии, 2 — из Польши и 1 — из Китая. Этот факт показал крепнущую связь женского движения нашей страны с международным женским пролетарским движением.

Съезд заседал 7 дней — с утра и до поздней ночи. В своих выступлениях делегатки выразили полное доверие и беспредельную преданность Коммунистической партии и Советскому правительству.

Съезд продемонстрировал крепкую спайку между работницами и крестьянками, братскую дружбу народов Советского Союза. Нужно было видеть, с каким

вниманием съезд выслушивал речи делегаток из Узбекистана, Якутии, Киргизии, Калмыкии, Белоруссии, Украины, с каким восторгом встречал сообщения о достижениях в борьбе за фактическое раскрепощение женщин во всех уголках нашей страны.

Съезд с большим удовлетворением отметил значительные успехи в раскрепощении тружениц Востока, заклеймил позором попытки враждебных элементов задержать это движение, призвал всех трудящихся к всемерной поддержке и защите женщин, порвавших с затворничеством.

Съезд содействовал оживлению работы местных Советов. Усилилось выдвижение работниц и крестьянок на руководящие посты. ЦИК СССР, ВЦИК и исполкомы национальных республик организовали систематическое обучение женских советских кадров, улучшилась помощь их работе.

Осенью 1928 года отмечалось 10-летие со дня первого съезда работниц и крестьянок. В связи с этим Центральный Комитет нашей партии подвел итоги работы среди женщин. Успехи были значительны. Женщины активно участвовали в управлении государством, работали в профсоюзах и кооперациях, помогали строить бытовые и детские учреждения. Сеть учреждений охраны материнства и младенчества по городам возросла до 1938, а число сезонных ясель по деревням в 1928 году составляло почти 6 тысяч. За короткий срок было обучено грамоте 3 миллиона женщин. В делегатских собраниях участвовало около двух с половиной миллионов работниц и крестьянок. В 1928 году выпускалось 18 женских журналов, из которых 10 массовых. Число рабселькоров-женщин достигло 21 тысячи человек. За прошедшие десять лет число членов партии — женщин увеличилось до 137 430 человек, что составило 12,9 процента всех коммунистов.

Большие успехи были и в работе партии среди женщин Востока. Десятки тысяч тружениц Узбекистана и Азербайджана отказались от затворничества, принимали активное участие в социалистическом строительстве. Было создано 87 специальных женских клубов, организованы кочевые женские юрты и дома скотоводок и крестьянок в Казахстане, Бурятии, Туркменистане, Калмыкии. Появились первые кадры учителей, медицин-

ских сестер, партийных и советских работников из числа женщин коренного населения национальных республик. Возросла роль женщин в социалистическом переустройстве республик.

Центральный Комитет партии обратился к женщинам Советского Союза с горячим приветствием:

«В день десятилетия со дня первого съезда работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) шлет вам пламенный привет. Вы вместе с рабочим классом, под руководством партии большевиков, самоотверженно бились за пролетарскую диктатуру, против буржуазии и помещиков... В тяжелые годы гражданской войны мужественно преодолевали голод, холод, разруху... Вы помогли нашей партии сплотить под боевыми знаменами борьбы за социализм широкие массы крестьянок».

Отметив успехи социалистического строительства, огромные трудности роста в ожесточенной классовой борьбе, партия призвала миллионы трудящихся женщин встать в ряды строителей социализма, вооружаться знаниями и опытом, укреплять пролетарскую бдительность и революционное чутье, учиться, улучшать свой быт, вести борьбу с пьянством, религиозными предрассудками, со всеми скверными пережитками прошлого.

В первые годы Советской власти Международный женский день 8 Марта стал любимым пролетарским праздником. Но праздновали мы его так, как требовало то суровое время. В этот день рабочие и работницы отчисляли часть заработка или скудного продовольственного пайка детским домам, госпиталям, отрабатывали дополнительные часы на производстве, а заработок отдавали на те же нужды. Мы шли разгружать поезда, пароходы в фонд армии или в помощь детям-сиротам. К праздникам 8 Марта приурочивали обычно открытия детских садов, яслей, торжественный выпуск школ грамоты, где обучались женщины. А самые передовые, самые преданные Советской власти пролетарки в этот день вступали в Коммунистическую партию.

Во все годы борьбы и труда женский день 8 Марта оставался днем международного смотра боевых пролетарских сил. Через кольцо блокады, пограничные кордоны шла перекличка между трудящимися женщинами Советской России, Германии, Англии, Австрии и других стран. Движимые чувством пролетарской солидарности,

рабочие и работницы Запада протягивали руки помощи братьям и сестрам России, борющимся с контрреволюцией, разрухой и голодом. «Руки прочь от Советской России!» — это грозное требование международного пролетариата звучало во всех уголках земного шара. Английские рабочие-докеры отказывались грузить смертоносное оружие для интервентов и белогвардейских войск, многотысячные демонстрации рабочих в крупных пролетарских центрах Запада требовали прекращения войны против первого в мире социалистического государства.

В 1917 году день 8 Марта был первым праздником революции. В 1918 году праздник не мог состояться: над социалистической родиной нависла смертельная опасность, партия призывала к оружию. Работницы Петрограда взяли в руки оружие, ломы, лопаты. При наступлении Юденича один только Выборгский район направил для рытья окопов и устройства проволочных заграждений две тысячи работниц Василье-Островского района, сотни женщин ушли на передовые позиции. Свято чтят ленинградцы память отважной коммунистки Веры Слуцкой, отдавшей свою молодую жизнь в боях за Советскую власть.

День 8 Марта в 1919 году проходил также под лозунгом укрепления красного фронта, а в 1920 году его праздновали под лозунгом объединения сил всех трудящихся женщин на борьбу за восстановление транспорта, за хлеб и уголь.

В 1921 году В. И. Ленин выступил со статьей, обращенной к работницам. Владимир Ильич писал: «И в международный день работниц во всех странах мира на бесчисленных собраниях работниц будут раздаваться приветы Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело. Будут раздаваться бодрые призывы не падать духом перед лицом свирепой и часто зверской буржуазной реакции. Чем «свободнее» или «демократичнее» буржуазная страна, тем более свирепствует и зверствует банда капиталистов против революции рабочих, пример тому демократическая республика Северо-Американских Соединенных Штатов. Но рабочий в массе уже проснулся. Империалистическая война окончательно разбудила спящие, полусонные,

косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии. Лед сломан во всех концах мира. Освобождение народов от ига империализма, освобождение рабочих и работниц от ига капитала идет неудержимо вперед». (В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 139—140).

Как живо перекликаются эти пророческие строки Ленина с событиями нашего времени, как злободневна характеристика «демократического» государства США, преследующего, уничтожающего все остатки демократии.

В день женского праздника партия призвала работниц и крестьянок к активному участию в хозяйственном возрождении Советской республики. Были открыты школы ликвидации неграмотности и около 100 учреждений для детей и матерей. Состоялись конференции крестьянок и были организованы первые ясли и детские сады в деревне.

В тяжелый голодный 1922 год международный день работниц в нашей стране прошел под лозунгом борьбы с голодом, с женской безработицей. В тот год работницы Москвы взяли шефство над голодающей Чувашией. В Сибири, на Урале, в Туркестане, на Украине строились детские дома и больницы для голодающих. Работницы и крестьянки брали в свою семью детей, чтобы спасти их от голодной смерти. На собраниях делегатки снимали свои кольца, серьги, пуховые платки и сдавали в фонд помощи голодающим. Крестьянки, собрав по домам муку, крупу и другое продовольствие, обозами везли его в детские дома. Женщины засевали специальные «делегатские полоски», а выращенное зерно отдавали голодающим. Эта всенародная помощь спасла тысячи и тысячи жизней.

В Международный женский день в 1923 году партия призывала работниц и крестьянок повести наступление на темноту и безграмотность, взяться за овладение политической грамотой, освоить новые производственные квалификации на заводах и фабриках, а в деревне агротехнику, а также развивать «ростки коммунизма» — ясли, детские сады, общественные столовые и т. п.

В 1924 году Международный женский день отмечался вскоре после великой утраты, постигшей нашу партию, наш народ, — после смерти Владимира Ильича

Ленина. Следуя призыву Центрального Комитета, рабочие и работницы вступали в Ленинскую Коммунистическую партию. В ленинский призыв стали коммунистами 240 тысяч рабочих от станка и в их числе 25 тысяч работниц.

В годы восстановления, в годы социалистической реконструкции, в годы тяжелых испытаний и побед женщины рабочего класса и трудового крестьянства под руководством партии вместе со всем трудовым народом решали грандиозные политические, экономические и культурные задачи всемирно-исторического значения. Женщины вложили свой героический труд, жар своих сердец, свой энтузиазм в строительство социализма.

Партия всегда высоко ценила труд и самоотверженность советских женщин. 9 марта 1933 года в связи с 20-летием со дня первого празднования (1913 г.) Международного женского дня, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР наградил высшими орденами 60 женщин — общественных деятельниц —«за выдающуюся самоотверженную работу в области коммунистического просвещения работниц и крестьянок». Была награждена также группа работниц — ударников социалистического труда.

С тех пор прошло много лет. Мы отметили в 1960 году новую дату — 50-летие со дня установления Международного женского дня. В ознаменование этого замечательного юбилея наша великая Родина щедро наградила своих лучших дочерей.

За выдающиеся заслуги перед Родиной награждены орденами и медалями 10 тысяч работниц, колхозниц, инженеров, техников, служащих, общественных деятельниц.

Более 200 женщин удостоены высокого и почетного звания Героя Социалистического Труда, в их числе три старые коммунистки-подпольщицы, более полувека состоявшие в рядах нашей великой партии, — Е. Д. Стасова, С. И. Гопнер, А. В. Артюхина.

В честь 50-летия дня 8 Марта состоялась международная конференция женщин. Она проходила 21—24 апреля 1960 года в столице Дании Копенгагене, где 50 лет назад был учрежден женский день. В конференции приняли участие представительницы 73 стран. Впервые в истории удалось созвать такую широкую

международную женскую конференцию. Она была подготовлена всем ходом международной жизни, непреклонной волей народов к миру, их горячим стремлением добиться всеобщего разоружения.

В подготовке этой международной встречи приняли участие женские организации различных политических направлений многих стран Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии.

Многочисленную делегацию послал на конференцию Советский Союз. В числе наших делегаток были ученые, депутаты, министры, общественные деятельницы, работницы, колхозницы, журналистки. Я, как одна из пионерок женского движения, была членом нашей делегации. Возглавляла советскую делегацию председатель Комитета советских женщин Н. В. Попова. Женщины и матери всего мира озабочены сохранением мира на земле и естественно, что в центре внимания конференции стояли вопросы борьбы за мир.

К женщине-матери взывает Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в своем обращении к 50-летию Международного женского дня:

«Пусть священный огонь материнской любви восстанет во всем мире против войн, воодушевит сердца всех людей на борьбу за мир и дружбу, за светлое будущее и счастье наших детей, за торжество разума и справедливость...»

50 лет назад в Копенгагене крепко завязался международный союз женщин для борьбы за лучшую жизнь трудящихся, за мир на земле. Эти международные связи настолько расширились, что, пожалуй, на земле нет такого уголка, где не знали бы о борьбе женщин Советского Союза за разоружение, за запрещение атомного оружия, за мир на земле. Советские люди верны в своей дружбе, верны своему интернациональному долгу.

После окончания встречи в Копенгагене 87 делегаток из 24 стран приехали в Москву в качестве наших почетных гостей. Среди них представительницы 7 стран Азии, 6 стран Африки, 10 стран Латинской Америки и США. Они посетили не только Москву, но и другие крупные города, а также побывали в республиках Советского Союза.

Гостьи встречались с нашими женщинами, собственными глазами увидели наши достижения. Они увезли с собой частицу нашей любви и дружбы и нашу уверенность, что мир не придет сам собой, за него надо бороться, как борется и отстаивает мир Советское правительство во главе с товарищем Н. С. Хрущевым.

Мы за сосуществование всех государств на земле, мы за мир и разоружение, мир нам нужен, чтобы построить коммунизм — осуществить третью величественную Программу нашей партии,— говорим мы, советские женщины.

Нам нужен мир для того, чтобы полностью и как можно быстрее осуществить задачи, поставленные XXII създом КПСС. Заботой о женщине пронизаны слова новой Программы партии: «Должны быть полностью устранены остатки неравного положения женщины в быту, созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством. Женщинам должны предоставляться относительно более легкие и в то же время достаточно оплачиваемые работы. Увеличится продолжительность отпусков по беременности.

Необходимо обеспечить условия для сокращения и облегчения женского труда в домашнем хозяйстве, а затем создать возможности для замены этого труда общественными формами удовлетворения материально-бытовых нужд семьи. С этой целью широкое распространение в домашнем хозяйстве получат усовершенствованные дешевые бытовые машины, приспособления, электроприборы; полностью будут удовлетворены в ближайшие годы нужды населения в предприятиях бытового обслуживания».

Заботясь о полном раскрепощении женщин, партия ставит конкретную задачу на ближайшие 10—15 лет полностью удовлетворить потребности населения в общественном питании, обеспечить всех детей яслями, детскими садами, школами-интернатами бесплатно, за счет государства.

Программа подчеркивает, что намеченные задачи могут быть успешно выполнены только в условиях мира. Мир ускорит выполнение наших планов. Партия

призывает весь советский народ честно выполнить свой долг в строительстве коммунистического общества.

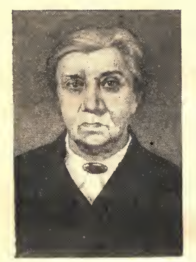
Партия твердо уверена, что советские люди, и в том числе советские женщины, выполнят свой долг. Вся история нашей партии, весь полувековой путь, пройденный труженицами в борьбе и труде, служат тому порукой.

В БОРЬБЕ С САМОДЕРЖАВИЕМ

А. Бычкова

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИЧКИ ЕКАТЕРИНБУРГА

Анна Николаевна Бычкова родилась в 1886 году, в семье учителя. Член КПСС с 1906 года. По окончании Екатеринбургской гимназии, с 1905 года учительствовала. За участие в революционной деятельности в 1909 году была осуждена на вечное поселение в Сибирь. В 1911 году из ссылки бежала и до Февральской революции была в эмиграции, состояла членом русской федерации при Американской социалистической партии. С 1917 года работала на Урале, на ответственной партийной, советской, профсоюзной работе. С 1958 года — персональный пенсионер. Делегат XXII съезда КПСС. Награждена орденом Ленина.

К жизни уральских женщин в дореволюционный период в полной мере применимы слова великого русского поэта Н. А. Некрасова: «Доля ты русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...» Женщины маялись в постоянной нужде, им приходилось прирабатывать шитьем или стиркой на стороне.

Низкая заработная плата, почти каторжные условия труда уральских рабочих создавали тягчайшую обстановку жизни в рабочих семьях.

Только незначительная часть женщин занята была на заводах и фабриках Урала: до 1914 года они составляли 6 процентов, а после 1914 года — 16 процентов работающих. В Екатеринбурге, правда, существовали две фабрики, где работали преимущественно женщины: прядильно-ткацкая Макаровская и спичечная — Логиновская. Положение женщин-работниц на заводах Ура-

ла было безотрадным. Заработная плата их, как правило, была на 40—50 процентов ниже, чем у мужчин. Никакой охраны женского и детского труда не существовало. Притеснениям и издевательствам, которые терпели они от мастеров, не было предела. Не лучше была жизнь уральских крестьянок. От зари до зари гнули они спину и у себя дома, и в поле или батрачили на богатеев. Унижений и обид терпели не меньше, чем их заводские сестры. Общее бесправное положение женщины освещалось законом и религией. Недаром женщины старого поколения характеризуют свою прошлую жизнь кратко: «жила и света белого не видела». Только единицы могли выбиться из этой кромешной тьмы.

Партия Ленина с самого своего создания боролась против рабства женщин и стремилась вовлечь их в единый рабочий строй, научить бороться против царизма и капитализма. Всем известны имена славных коммунисток, соратниц великого Ленина, Н. К. Крупской, Е. Д. Стасовой, И. Арманд и других, которые много сил отдавали организации женского коммунистического движения.

Женщины-труженицы, несмотря на свою забитость, не оставались безучастными к тем схваткам, которые возникали на Урале между заводчиками и рабочими.

В знаменитом движении ревдинских углежогов в 1841 году, закончившемся расстрелом рабочих, в рядах демонстрантов были и жены, и дочери рабочих. Среди расстрелянных оказалось 8 женщин. В демонстрации златоустовских рабочих в марте 1903 года, подвергшейся расстрелу, тоже участвовали женщины. Вот краткая выдержка из донесения одного из высших царских чинов: «Раздался первый залп. Толпа ни с места. Второй залп — множество упавших. Через несколько секунд некоторые вскакивают и убегают, другие поднимаются с ругательствами и поднятыми кулаками и с остервенелой бабой впереди кидаются по направлению войск»...

Среди убитых и здесь — женщины.

В бурные годы первой русской революции работницы, жены рабочих, передовые интеллигентки, учащиеся начали приобщаться к великому движению рабочего класса, руководимого Лениным. Они участвовали в забастовках, демонстрациях, оказывали всяческую помощь партии большевиков. Большевистские организации

на Урале и в Екатеринбурге оформились и начали действовать в середине 1903 года.

В условиях постоянных преследований царского правительства, частых полицейских разгромов большевистские организации Урала, центром которых по преимуществу являлся Екатеринбург, неустанно несли правду в народные массы. Большевистские пропагандисты проникали в гущу рабочих на заводах, создавали кружки, где глубоко разъясняли марксистское учение о классовой борьбе, о неизбежности гибели капитализма, о задачах Коммунистической партии. Тысячи революционных листовок-прокламаций распространяли большевики на заводах и в рабочих поселках.

Большую роль в подъеме революционного настроения трудящихся Екатеринбурга сыграла организованная Екатеринбургским городским комитетом РСДРП открытая майская демонстрация в 1905 году. В городе, где, казалось, безраздельно царили купцы, золотопромышленники и чиновники, 6 мая 1905 года поднялся рабочий люд. Шли широкой колонной по главной улице города. Громко и смело звучала грозная боевая песня: «Вставай, поднимайся, рабочий народ, иди на врага, люд голодный». Это еще не была революция, но здесь во весь голос раздался открытый призыв к ней, к свержению самодержавного строя.

Летом 1905 года в окрестностях города систематически проходили массовки, и новые силы рабочих, учащейся молодежи приобщались к движению. Осенью, в период «свобод», на открытых многолюдных митингах раздавались смелые речи замечательного оратора «товарища Андрея» (Я. М. Свердлова) о злодеяниях царизма, о задачах социал-демократии. Эти речи звали рабочих к организации для борьбы и находили живой отклик в рабочей массе. Революционное сознание масс быстро росло. Ожил тихий Екатеринбург. Екатеринбургский городской комитет, возглавляемый Я. М. Свердловым, наряду с широкой агитационной и пропагандистской деятельностью, вел большую организационную работу: закреплял партийные группы на предприятиях города, устанавливал связи с заводами и городами Урала.

В создании и укреплении уральских большевистских организаций и в их последующей работе активное участие принимали и женщины.

С 1904 года вместе с Ф. Ф. Сыромолотовым, С. А. Черепановым, Н. Е. Вилоновым и другими работали К. Т. Новгородцева, Д. Х. Полякова, М. А. Мартьянова, с 1905 года — М. О. Авейде, С. И. Дерябина и другие.

Когда я вспоминаю участниц работы большевистской организации Екатеринбурга в годы первой русской революции и годы реакции, одним из первых передо мной возникает образ Клавдии Тимофеевны Новгородцевой (Свердловой).

Мои первые встречи с ней произошли в 1904 году. Тогда она работала в книжном магазине Клушина. Это в Екатеринбурге в то время был почти единственный очаг культуры. Мы, гимназистки старших классов, частенько забегали в магазин, интересуясь книжными новинками. В этот период назревающего общественного подъема начали работать издательства «Молот», «Донская речь» и другие, выпускавшие дешевые издания по острым общественно-политическим вопросам. Мы больше всего любили обращаться за книгами к Клавдии Тимофеевне, которая всегда была внимательна к нам и охотно беседовала о прочитанном.

А в начале 1905 года она пришла в наш нелегальный ученический кружок как пропагандист от социал-демократической организации, с программой которой мы начали знакомиться. Чувство большой признательности и благодарности испытываю я, вспоминая о ее занятиях с нами.

Мы стремились вырваться из старого уклада жизни, мелких интересов, искали высшего идеала, искали путей, как изменить жизнь, чтобы не было в ней униженных, горькой нищеты одних и богатства других. В этих исканиях нам, неискушенным, не трудно было и заблудиться, так как существовали в то время и другие партии, называвшие себя революционными: социалисты-революционеры, анархисты разных толков. Все они стремились усилить влияние на молодежь. В нас самих живы были еще иллюзии народничества.

Клавдия Тимофеевна тогда уже крепко стояла на марксистских позициях. Не будь этого, она не могла бы с такой простотой и ясностью разрешать наши вопросы и споры о роли крестьянства, о терроре и многие другие.

Ее спокойные, терпеливые разъяснения помогали нам серьезно продумывать и воспринимать марксистское учение о законах общественного развития. Часто потом вспоминались сказанные как-то ею в беседе слова: «Там, в среде рабочего класса, в общении с ним и в борьбе вы найдете наибольшее удовлетворение и не сойдете с этого пути».

Клавдия Тимофеевна имела уже к этому периоду за плечами немалый опыт революционной борьбы. Она родилась 22 марта 1876 года, в семье разорившегося купца, окончила Екатеринбургскую гимназию, после чего три года работала учительницей на Сысертском заводе (1894—1897 гг.). Есть сведения, что она знакомила учеников и молодых рабочих с произведениями Белинского, Чернышевского, Добролюбова. В 1897—1899 годах Клавдия Тимофеевна жила в Петербурге и училась на курсах Лесгафта. Там она принимала участие в работе марксистских студенческих кружков. Из-за болезни матери она вернулась в Екатеринбург, не окончив курсы, и поступила на работу заведующей книжным магазином Клушина.

С января 1904 года Клавдия Тимофеевна становится членом социал-демократической партии и ведет в Екатеринбургской организации большую работу. Место своей работы — книжный магазин — она использует для партийных явок, для хранения литературы, а иногда он служит и убежищем для скрывающихся товарищей.

Работавший в то время в магазине еще подростком, впоследствии активный большевик, Ося Гилев вспоминает о ней, как о первой своей партийной наставнице.

Занятия Клавдии Тимофеевны в нашем кружке были незначительной частью ее партийной работы. Она вела кружок рабочих на заводе Ятеса, кружок среди работниц швейных мастерских. Кроме того, Клавдия Тимофеевна участвовала в организации подпольных типографий, которые после полицейских разгромов приходилось всякий раз создавать заново. В 1904 году и в 1905—1907 годы екатеринбургская организация большевиков издавала газету и распространяла десятки тысяч листовок. В январе 1905 года полиция захватила типографию на электростанции. Вскоре начала дейст-

вовать другая типография на Верх-Исетском заводе, но и ее выследили.

Сохранились воспоминания Клавдии Тимофеевны о том, как ей пришлось вместе с товарищами перевозить ночью эту типографию сперва в какой-то заброшенный амбар, на окраине города, а потом в лес. Весной 1905 года она организовала типографию у своей родственницы Мыльниковой за городом. В этой типографии работала опытная подпольщица Александра Петровна Орехова (Кин). В течение лета типография действовала. В августе 1905 года по доносу предателей жандармы захватили ее почти на ходу с большим количеством напечатанной литературы. В связи с этим были арестованы Мыльникова, Орехова, а также Клавдия Тимофеевна, у которой при обыске найдены были литература, револьвер и прочее. Она просидела в тюрьме до конца сентября 1905 года и была выпущена на поруки по состоянию здоровья.

Клавдия Тимофеевна считала нецелесообразным оставаться в Екатеринбурге, поскольку была очень известна шпикам и жандармам. Однако Я. М. Свердлов, приехавший в это время в Екатеринбург, считал необходимым сохранить на Урале опытных работников. Клавдия Тимофеевна состояла членом Екатеринбургского городского комитета.

Под руководством «Андрея» работа партийной организации приняла широкий размах. Это было связано с общим подъемом рабочего движения в стране и на Урале. Началась подготовка уральских рабочих к всеобщей политической стачке и к вооруженному восстанию.

Клавдия Тимофеевна не только вела большую пропагандистскую работу, но и выполняла множество других поручений: участвовала в организации боевых дружин, привлекала учащуюся молодежь и работниц к занятиям в кружке красных сестер, договорившись с больницей на Верх-Исетском заводе о практических занятиях с ними.

В дни «свобод» большевистская организация вышла из подполья, ее штабом в Екатеринбурге стал дом брата Клавдии Тимофеевны, И. Т. Новгородцева, на Верх-Исетском заводе (ул. Кирова). Там же стали жить коммуной и члены комитета, ранее скитавшиеся без посто-

янных квартир: Я. М. Свердлов, М. О. Авейде, Батурин. Клавдия Тимофеевна вспоминает: «Не надо было бегать друг за другом по городу, все регулярно собирались, сообща обсуждали наиболее важные вопросы, принимали нужные решения. Каждый день подводили итоги проделанной работы и намечались планы на завтра. С утра сюда приходили пропагандисты, агитаторы, боевики, рабочие — все, у кого дело было к комитету. По вечерам квартира пустела. Все расходились по рабочим собраниям, на митинги. К сожалению, наша коммуна просуществовала всего около двух месяцев, после чего нам вновь пришлось перейти на нелегальное положение и скрываться в разных местах».

В начале 1906 года, в связи с начавшимися преследованиями Клавдия Тимофеевна вынуждена была переехать в Пермь, где работала под кличкой «Ольга».

Пермская организация тогда, после разгрома Мотовилихинского восстания, переживала тяжелый период.

Клавдия Тимофеевна подготовила переезд Я. М. Свердлова в Пермь, и вместе с немногочисленными уцелевшими пермскими большевиками они начали восстанавливать пермскую и мотовилихинскую партийные организации, а также укреплять связи с другими партийными организациями Урала. Клавдия Тимофеевна была избрана в состав Пермского городского комитета РСДРП. В сравнительно короткий срок собраны были силы, стала действовать типография. Шла подготовка к IV партийному съезду. Развернулась острая борьба с меньшевиками. Клавдия Тимофеевна избирается от пермской организации делегатом на съезд, под фамилией Яковлев. Вернувшись в Пермь, она в своих докладах о работах съезда отстаивала ленинские позиции. Они легли в основу деятельности большевистских организаций Урала.

Между тем не дремала и царская охранка, пытаясь разгромить организацию и арестовать Свердлова и его ближайших помощников. В июне 1906 года при возвращении с собрания на улице были арестованы Я. М. Свердлов, К. Т. Новгородцева. После годового пребывания в тюрьме Клавдия Тимофеевна была приговорена еще к одному году, а Яков Михайлович — к двум годам крепости.

Совместная работа связала уральскую большевичку Клавдию Тимофеевну Новгородцеву и замечательного партийного вожака Я. М. Свердлова. Никакие силы реакции, тюрьмы и ссылки, всевозможные лишения не могли разрушить их любовь, их дружбу, и не могли сбить их с пути борьбы за счастье народа. Эта дружба обогащала обоих и давала силы для борьбы. В одном из своих писем Я. М. Свердлов пишет жене: «...наши взаимоотношения дают мне в большей степени тот колорит бодрости, неизменной жизнерадостности. Когда мы с тобой встретились, я был достаточно примитивен, ты сумела возбудить во мне целую гамму сложных переживаний, способствовала моему довоспитанию...»

Клавдия Тимофеевна отбывала «крепость» сперва в Пермской тюрьме, а затем, с 1907 года,— в Екатеринбургской, где в то время находилась и я, и мы снова встретились.

Вспоминается тюремная обстановка того периода. Женская тюрьма в Екатеринбурге помещалась в одноэтажном деревянном здании по соседству с большим каменным двухэтажным корпусом мужской тюрьмы и отделялась от него высокой каменной стеной. Это не мешало перебрасывать пачки с письмами с мужского двора на женский и обратно. Эта своеобразная «почта» была не столько развлечением, сколько необходимостью, чтобы сговориться о совместных действиях, обмениваться информацией с воли. Конечно, не обходилось в этой переписке и без лирики — ведь мы были еще молоды! Получение почты было нелегким делом, так как дежурные надзиратели всегда пытались ее перехватить. Среди нас были очень ловкие и бойкие девушки и недаром одну из них — Нюру Чернавину Клавдия Тимофеевна в шутку называла: «Федька-почтальон».

Политические заключенные женщины размещались в трех небольших камерах по 6—8 человек, а четвертая, очень большая, была заполнена многочисленными уголовницами. Нередко там возникали шумные ссоры или раздавалось громкое пение заунывных тюремных песен. Камеры наши были всегда полны, хотя состав и менялся: одних высылали, реже освобождали, и приходили вновь арестованные.

Спали мы на нарах, на соломенных тюфяках. Зимой бывало холодно и сыро. Освещением служила одна керо-

синовая лампа, на которой мы ухитрялись вечером разогревать ужин.

Праздниками были дни свиданий с родными или проникавшими под их видом товарищами, хотя происходили они в тяжелых условиях: нас от посетителей отделяла проволочная перегородка из частой сетки, за нею шагал тюремный надзиратель, а дальше, за барьером, находились родственники, пришедшие на свидание. Всем приходилось громко кричать, чтобы услышать друг друга. И все же увидеть дорогое лицо, услышать родной голос, узнать какие-то новости с воли и, наконец, получить возможность вырваться сюда на короткое время из-за высокой ограды, почувствовать волю, мельком увидеть собравшихся к нам на свидание, в большинстве знакомых, пока идешь к главному корпусу,— все это доставляло великую радость, хотя в то же время и волновало и расстраивало.

Во всяком случае, лишение свиданий, применявшееся иногда, как наказание, переносилось тяжело.

Все продовольственные передачи шли в общий котел и мы их по-братски делили. У нас в камере главным делильщиком была Вера Сабанеева. Тюремная пища была плохой: хлеб оправдывал вполне свое название —«динамит», черный и грубый — так же, как и обеденная «баланда» из коровьих голов и зубов, а на ужин — пшенная каша. Хорошо, когда кто-нибудь из нас получал больничную пищу. Тогда прибавлялась еще тонкая мясная котлетина, которую мы делили между собой.

Конфликты с тюремным начальством были частыми и поводов для них было много. Одним из средств борьбы, когда не помогали переговоры, была так называемая «обструкция». Сговорившись, во всех трех камерах начинали колотить по дверям чем попало. Поднимался невообразимый грохот, прибегали дежурные тюремщики, появлялось тюремное начальство. Результаты были разные. Однажды такая «обструкция» разразилась в связи с тем, что наш тюремный фельдшер, по прозвищу Кузя, видимо, с похмелья, сделал вместо прописанных некоторым из нас уколов мышьяка, уколы морфия, и мы почувствовали себя плохо. Администрации пришлось вызвать врача и нас отпаивали черным кофе.

В период 1907—1908 годов, насколько я помню, в политической тюрьме в Екатеринбурге были организованы две общие голодовки. Первая — однодневная — была

устроена в знак протеста против казни юноши М. Пермикина. Вторая голодовка длилась 5 или 6 дней, в конце 1907 или в 1908 году. Заключенные при помощи голодовки пытались прекратить избиения наших товарищей в николаевских ротах. Эта удаленная от центра тюрьма считалась самой страшной на Урале, там зверски издевались над заключенными. В результате поднятого шума за стенами тюрьмы в Николаевку выехала комиссия. Начальник тюрьмы был переведен и на какое-то время там положение улучшилось.

Особенно тяжелой была тюремная обстановка в марте — апреле 1908 года. Шли судебные процессы над «лбовцами» и выносилось много смертных приговоров. Казни стали массовыми. Лбовцы — организовавшиеся после поражения мотовилихинского восстания вооруженные отряды анархиствующих и деклассированных элементов во главе с беспартийным рабочим Лбовым. Прикрываясь революционной фразой, они занимались набегами, грабили учреждения и отдельных богачей. Страшно вредили нашей работе, усиливая деятельность полиции и охранки.

Среди осуждаемых было много честных юношей, увлеченных революционной фразой. Из переписки мы знали, как переживали некоторые из них сознание своей ошибки и бесполезность своей гибели.

Мы стремились использовать время заключения для пополнения своих политических и общеобразовательных знаний. У нас была установлена так называемая «конституция»— строгий распорядок дня. Выделено было время для занятий, когда не допускались никакие разговоры и никто не имел права мешать другим. Читали политическую литературу, иногда готовили рефераты. Кроме того, изучали иностранные языки, а с некоторыми занимались повышением грамотности.

Так в тюрьме, мы, новички в революционной работе, закалялись и воспитывались, преодолевали в себе всякого рода индивидуалистические, мелочные черты. Большое влияние оказывали на нас старшие товарищи. Среди них особое место занимала Клавдия Тимофеевна Новгородцева. Она была в Екатеринбургской тюрьме с нами с осени 1907 года и почти весь 1908 год. Мы звали ее «твердокаменная Клавдия». Она была старше нас, но и характер ее был особенный, вполне «уральский». В выс-

шей степени сдержанная в своих чувствах, она казалась немного суровой. Этому соответствовал и ее внешний облик: строгие черты лица и очень внимательный и умный взгляд серых глаз. Была она для нас образцом стойкости и мужества, а вместе с тем и необычайной скромности. К ней мы обращались за советами, как держаться на допросах, она разъясняла нам и непонятное в книгах. Бывало, одним своим осуждающим взглядом или коротким и шутливым замечанием успокаивала она терявших душевное равновесие. Большое значение для нашего политического воспитания имела переписка Клавдии Тимофеевны с Яковом Михайловичем Свердловым, который в 1907 году был переведен в Екатеринбургскую тюрьму. Обычно его письма были общим достоянием, читались вслух, ибо их содержанием по преимуществу были вопросы партийной работы, политической обстановки того времени, информация о событиях на воле, новых книгах и т. д. Газеты ведь в тюрьму не допускались, а у Я. М. Свердлова была налажена хорошая связь с волей. Шли тогда споры с меньшевиками о дальнейших судьбах русской революции, начались философские споры. Все это для нас было страшно интересно, будило и развивало наше политическое сознание. Клавдия Тимофеевна в тюрьме много читала.

В 1908 году осенью кончился срок ее тюремного заключения. Мы провожали ее на волю, радуясь за нее, а она на этот раз была как-то растеряна и на глазах ее появились слезы, чего никогда с ней не бывало. Каменная Клавдия не могла сдержать грусти, оставляя в тюрьме товарищей.

По выходе из тюрьмы Клавдия Тимофеевна до 1910 года жила в Петербурге, принимала участие в партийной работе, живя на скудный заработок канцелярского работника в книжном складе. Вся жизнь ее была целиком посвящена делу партии и тесно связана с революционной деятельностью и жизнью Якова Михайловича Свердлова. Она пишет в своей книге «Я. М. Свердлов»: «Нам очень мало доводилось бывать вместе. Свердлова сажали в одну тюрьму, меня в другую, его высылали в одно место, меня в другое. Периоды же совместного пребывания на свободе были коротки, редко исчислялись месяцами, чаще неделями, и даже днями. Но и эти недели и дни нужны были Якову Михайловичу для напряжен-

ной партийной работы. Для личной жизни времени не оставалось». И однако, как пишет Клавдия Тимофеевна, «отношения наши были всегда для нас неиссякаемыми источниками радости, источником бодрости и силы». В период пребывания Клавдии Тимофеевны в Петербурге, где работал Яков Михайлович после освобождения из Екатеринбургской тюрьмы, а затем после бегства из Нарыма, она являлась его ближайшим помощником в партийной работе. За это время ей, высланной под надзор полиции, пришлось два раза быть в Екатеринбурге. Каждый раз она включалась в партийную работу, пока снова не приходилось уезжать. В 1912 году Клавдия Тимофеевна с маленьким сынишкой на руках ездила в Нарым, куда вторично был сослан Свердлов, и помогла организовать его новый побег.

В начале 1913 года Клавдия Тимофеевна возвращается в Петербург, где находился и Яков Михайлович, но в первый же день после встречи обоих арестуют вместе с сынишкой. Свердлова ссылают в далекий Туруханский край, а ее после тюрьмы беременную высылают сперва в Екатеринбург, а затем в городок Туринск, Тобольской губернии. В 1915 году она уезжает с двумя ребятишками к Якову Михайловичу в Туруханскую ссылку. Бывший туруханский ссыльный, большевик т. Иванов вспоминает: «Притягательной силой в туруханской ссылке был домик Свердловых. Там мы находили товарищескую обстановку, там не было жалоб на тяжелые условия ссылки. Там, в этом домике, мы получали свое революционное воспитание». Жизнь была полна высоких партийных интересов. Приходившие из центра материалы Клавдия Тимофеевна сама и с помощью товарищей переписывала и распространяла затем среди ссыльных. Вернувшись после Февральской революции в Петербург в 1917—1918 годах, она заведывала партийным издательством «Прибой».

Я встретилась с Клавдией Тимофеевной снова только в 1919 году в Москве, когда она работала помощником секретаря ЦК нашей партии, заведуя секретариатом ЦК.

В январе 1919 года я и Е. Б. Вайнер были вызваны из Вятки в Москву и работали в информационном отделе Центрального Комитета. Клавдия Тимофеевна не изменилась. Это была все та же несгибаемая, стойкая и удивительно скромная женщина. На ее плечах лежала

тогда очень большая работа: ей приходилось вести предварительный прием товарищей, приезжавших с мест, переписку с организациями. Время было суровое и тревожное, страна находилась в огненном кольце интервентов и белогвардейцев. Шла подготовка к VIII съезду партии. Перед самым съездом партию постигла тяжелая утрата: после короткой болезни умер ближайший помощник Ленина Я. М. Свердлов, буквально сгоревший на работе. Какое необычное мужество и тут проявляет Клавдия Тимофеевна. Она — на съезде, на работе, только похудевшая, а лицо стало как будто еще строже, глаза глубже.

Летом началось освобождение Урала от Колчака, и Клавдия Тимофеевна признала правильным наше желание вернуться на Урал.

После 1920 года Клавдия Тимофеевна работала в системе Наркомпроса, а потом заведывала Учпедгизом и была членом Государственного ученого совета Наркомпроса. Замечательна в этот период ее работа по изданию новых учебников для школ. По ее инициативе и под ее руководством вышли три учебника для чтения: «Смена», «Советские ребята» и «Искорка». Она подобрала для составления учебников коллектив педагогов, для оформления — художников. Затем Клавдию Тимофеевну направили на работу в Главлит.

Я не теряла связи с Клавдией Тимофеевной и во время приездов в Москву всегда старалась повидаться с ней, поговорить. С большим интересом относилась она к той огромной преобразовательной работе, какая велась на Урале, всегда просила рассказывать обо всем, что у нас делалось.

В 1941—1943 годах Клавдия Тимофеевна жила в Свердловске и за это время помогла организации музея Я. М. Свердлова. В последние годы своей жизни, уже будучи на пенсии, больная, Клавдия Тимофеевна написала книгу о Якове Михайловиче Свердлове, этом замечательном деятеле нашей партии, ближайшем соратнике Ленина. Рука об руку с ним прошла она трудную, но прекрасную жизнь.

23 марта 1960 года Клавдия Тимофеевна скончалась. Свердловский обком КПСС направил на ее похороны делегацию, чтобы от имени уральских трудящихся отдать последний долг славной партийной труженице, актив-

ному участнику создания и укрепления большевистских организаций на Урале в суровые годы первой русской революции.

* * *

Обаятелен образ Марии Оскаровны Авейде. Незаметная, на первый взгляд, женщина с миловидным лицом и ясными голубыми глазами, она таила в себе огромную нравственную силу и душевную красоту, поражавшую даже врагов. Мученически закончилась ее короткая героическая жизнь.

20-летней девушкой она приехала из Вятки, где была учительницей, сперва в Пермь, а вскоре после провала там организации в начале 1905 года в Екатеринбург и стала одним из активнейших помощников в работе большевистского комитета.

Тогда в условиях нарастающего революционного подъема в стране городской комитет РСДРП начал устанавливать широкие связи с предприятиями города, и Оскаровна, как ее стали называть, была незаменима. Никто лучше ее не мог воздействовать даже на самых отсталых рабочих и работниц, пробудить в них стремление к новой жизни, чувство классового сознания и волю к борьбе. Она начала агитационную и пропагандистскую деятельность среди работниц льнопрядильной Макаровской фабрики, а затем и на других предприятиях города. Ни от какой работы для организации она не отказывалась, особенно, когда требовались риск и отвага.

Клавдия Тимофеевна Новгородцева рассказывала, как Оскаровна спасла от полиции типографский шрифт. Это случилось в начале 1906 года. Боевики, пряча экспроприированный шрифт, впопыхах не заметили, что из одного мешка шрифт высыпается, оставляя след. По этому-то следу полиция и нагрянула в дом, в огороде которого зарыли шрифт. Мария Оскаровна, прикинувшись сварливой бабенкой, затеяла у ворот дома громкий спор с околоточным надзирателем. На шум, как обычно, собралась толпа любопытных. Полиция перевертывала все в доме, а околоточный отбивался от горластой бабы. Благодаря этому переполоху полицейские ограничились обыском в доме, и в сарае, а в огород не заглянули. Шрифт был спасен.

Другой случай, когда Оскаровна была уже в Самаре:

казаки оцепили театр и обыскивали каждого выходящего, Мария Оскаровна взяла у товарищей револьверы и, спрятав их под большую шаль, прикинулась наивной мещаночкой — ее не стали осматривать и вытолкнули из театра. А между тем ей грозила смерть, если бы ее поймали с револьверами.

В феврале 1906 года Оскаровна была участницей и секретарем Уральской областной конференции в Екатеринбурге, которой руководил Я. М. Свердлов. После освобождения из-под ареста летом в 1906 года она уехала в Самару, где работала неустанно в большевистской организации вплоть до захвата Самары в 1918 году белочешскими и белогвардейскими войсками. М. О. Авейде вела большую работу среди молодежи и женщин, часто забывая о себе. А жилось ей нелегко. Она воспитывала трех детей. Старший сын подростком ушел в отряды Красной Армии, а две девочки были совсем маленькими, и, когда Марию Оскаровну эсеровские заправилы в Самаре посадили в тюрьму, детей приютили товарищи. При приближении красных войск к Самаре белогвардейцы часть заключенных расстреляли, а оставшихся, в том числе и Оскаровну, в «поезде смерти» повезли в Сибирь. Ей удалось бежать, и она начала работать в колчаковском тылу. Весной 1919 года Урало-Сибирское бюро ЦК направило ее в Екатеринбург на смену А. Валека, за которым началась слежка. Как всегда, она с жаром принялась за работу, но 31 марта 1919 года вся подпольная группа большевиков была выдана и арестована. В тюрьме Мария Оскаровна стоически перенесла зверские пытки. 6 апреля колчаковский суд вынес ей смертный приговор.

Какими мужеством, силой духа и верой в победу пролетариата обладала эта замечательная женщина, если накануне неизбежной смерти она могла радостно улыбаться при известии о венгерской революции.

— Нет, нашего дела не убить,— говорила она.

8 апреля 1919 года группа большевиков и среди них Мария Оскаровна Авейде была зверски зарублена в лесу у Верх-Исетского завода.

* * *

Активную работу вела в большевистской организации Екатеринбурга молодая учительница Режевского

завода Мария Алексеевна Мартьянова, или как звали ее — Алексеевна. В 1904 году, приехав в Екатеринбург, она выполняла различные поручения партийной организации: находила явки, распространяла литературу, доставала паспорта. Летом 1905 года она с успехом вела кружок работниц на спичечной логиновской фабрике, состояла в группе красных сестер при боевой дружине. В январе 1906 года Алексеевна вместе с мужем, Сергеем Черепановым, переехала в Самару. В 1911 году они вернулись в Екатеринбург.

В стране намечался новый подъем рабочего движения. С особой остротой стал вопрос о полном организационном размежевании с меньшевиками, началась подготовка к Пражской конференции. Партийная работа на Урале оживилась. Мария Алексеевна выполняла обязанности секретаря Екатеринбургского городского комитета. Сохранилась ее переписка с Надеждой Константиновной Крупской. В своих письмах Надежда Константиновна передавала ленинские директивы о работе, предостерегала организацию против попыток ликвидаторов сорвать созыв Пражской конференции. В свою очередь Мария Алексеевна информировала о состоянии работы в Екатеринбурге, о ходе подготовки к конференции, просила о высылке программ лекций заграничной школы, указаний по организационной и пропагандистской работе. Она в те дни писала: «Дела у нас ничего, только жаль, что нет сведущего человека, а мы уже слишком на счету. Шпики не дают ходу». В ноябре 1911 года екатеринбургской охранке удалось перехватить одно из писем к Н. К. Крупской и даже расшифровать его. Произведены были массовые аресты, захватили адреса и переписку. Создалось судебное дело. Марию Алексеевну арестовали и после длительного тюремного предварительного заключения осудили на вечное поселение, которое она отбывала в Красноярской губернии. Еще в тюрьме Мария Алексеевна тяжело заболела, в ссылке болезнь усилилась. В 1915 году оборвалась ее жизнь, вся отданная революции.

* * *

В бурный 1905 год пришла в социал-демократическую партию совсем юная 18-летняя девушка Серафима Ивановна Дерябина (Сима). Весь пыл своей молодости отдает она партийной работе.

Сима родилась в Екатеринбурге. До сих пор сохранился этот домик по бывшей Усольцевской улице (теперь улица имени Сакко и Ванцетти, № 81), только совсем врос он в землю. Жила она с матерью и сестрами. Старшая сестра ее была сельской учительницей и редко приезжала в город. Жили на небольшую пенсию отца, мелкого чиновника, рано умершего.

Симу я знала еще по Екатеринбургской женской гимназии, мы учились в одном классе. Помню ее гимназисткой, несколько замкнутую, чаще задумчивую и сосредоточенную и лишь изредка в беседах остроумную и веселую. Училась она всегда хорошо. Ближе мы сошлись только в старших классах, когда начались сомнения в религии, а затем возник интерес к общественным и философским вопросам. Она тогда казалась нам даже консервативной. Видимо, еще сказывалось влияние матери.

Потом Сима вошла в наш кружок. Летом 1905 года мы окончили гимназию и разбрелись. Когда я встретила ее осенью 1905 года, это была уже убежденная социал-демократка. Она посещала нелегальные курсы пропагандистов и начала работать в рабочих кружках. Она решила остаться в городе и жить частными уроками. В рабочих кружках ее любили, она умела доходчиво и просто разъяснять учение Маркса о классовой борьбе, о роли рабочего класса, необходимости его организации, о его партии. В 1906 году я иногда встречала ее летом на явках, всегда озабоченную каким-нибудь поручением: устроить товарища, передать литературу, известить о собрании и т. д. В 1907 году Сима была секретарем Екатеринбургского комитета РСДРП, вместе с другими товарищами вела большую работу по проведению выборов во II Государственную думу, а затем по подготовке к V съезду партии и выборов в III Государственную думу. Осенью 1907 года она была арестована.

В тюрьме она читала нам замечательные рефераты на философские темы в связи с возникшими тогда в партии разногласиями. В тюрьме же выяснилось и богатство ее разносторонней натуры, ее художественное дарование: она писала стихи, проникнутые юношеским романтизмом, любовью к народу, любила петь.

В 1908 году Симу ссылают в глухой городок Кадников, Вологодской губернии. И там она ведет полезную для партии работу, занимается культурно-политическим

образованием ссыльных рабочих и крестьян. (Ссылали тогда массами за участие в забастовке или беспорядках в деревне.) В 1911 году, отбыв ссылку, Сима возвращается в Екатеринбург, отдается партийной работе, но шпики гоняются за ней по пятам, и ей пришлось покинуть родной город. Начинается скитальческая жизнь профессионального революционера, с тюрьмами, ссылками. Сперва она живет в Ростове-на-Дону и, работая учительницей в железнодорожной воскресной школе, налаживает связь с рабочими.

Недреманное жандармское око вынуждает ее покинуть Ростов-на-Дону, и она снова в Екатеринбурге. Это начало 1913 года. Партийная организация здесь ослаблена арестами. С помощью рабочего актива и прибывших сюда большевиков организуются партийные группы на заводах, налаживается доставка и распространение газеты «Правда». Вместе с тем Сима ведет пропагандистскую работу в кружках, где пользуется большим уважением и любовью. Все это не по вкусу жандармскому начальству, и в марте 1913 года группу товарищей (Голощекин, Гилев, Сабанеева и другие), в том числе и Симу, засаживают в тюрьму, а затем ее ссылают на два года в Челябинск.

В сентябре 1913 года Серафима Ивановна как представитель Урала участвует в совещании большевиков, организованном В. И. Лениным в Поронино. Она делает доклад о состоянии партработы на Урале.

К этому времени Сима становится крупным партийным работником, умелым организатором и пропагандистом. После совещания в Поронино ее направляют в Москву. Но из-за преследований полиции ей пришлось скрыться из Москвы. Она в Петербурге, работает в составе городского комитета. В марте 1914 года новый арест, тюрьма и высылка в Челябинск. Сима работает как агент ЦК партии большевиков. Через нее Екатеринбургская и Челябинская большевистские организации получают тезисы Ленина о войне и манифест ЦК РСДРП(б).

Все возможности использует Серафима Ивановна, чтобы связаться с рабочими, поступает наборщицей в типографию, становится режиссером самодеятельного драмкружка печатников, чтобы быть среди масс и вести среди них политическую работу.

Вместе с тем она держит связь с Екатеринбургом, передает директивы, к ней приезжают за литературой.

Направленная затем Центральным Комитетом партии в Тулу, Сима поступает в один из оружейных заводов цеховым счетоводом. Летом 1915 года на тульских оружейных заводах вспыхивает забастовка, и Симу, как одного из ее организаторов, арестовывают и высылают в Калугу. В сентябре 1916 года Серафима Ивановна вместе с мужем Ф. И. Венцек переезжают в Самару под фамилией Левандовских.

Сима поступает на работу сестрой милосердия в военный госпиталь и ведет работу среди солдат. Она использует и другие легальные возможности для политической работы (общество «Самопомощь», женский союз и другие).

В День 8 марта 1917 года она произносит замечательную речь на митинге солдаток, организованном либералками, и снова быть бы ей в тюрьме, если бы не Февральская революция. Поле деятельности Дерябиной в условиях легальной работы партии еще более расширилось. Ожесточенную борьбу ведут самарские большевики с прихвостнями буржуазии — эсерами и меньшевиками, и Сима одна из сильнейших в этих схватках.

После Октябрьской революции, несмотря на резко пошатнувшееся здоровье (она болела туберкулезом), не зная отдыха, Дерябина выполняла ответственные поручения: была комиссаром печати, фактическим редактором газеты «Приволжская правда», неизменно являлась одним из лучших и популярнейших ораторов, особенно на женских митингах. Трудно себе представить, где она брала силы для такой работы. После захвата Самары белочехами Сима снова в тюрьме. Она переживает тяжелое личное потрясение: ее муж Ф. И. Венцек, бывший председатель ревтрибунала, убит. Несгибаемая революционная воля побеждает, и Сима в тюрьме поддерживает товарищей. А впереди — новые испытания: вместе с другими заключенными ее в «поезде смерти» везут в царство Колчака. Непостижимо уму, как она, больная, могла вынести это страшное путешествие. Где-то за Иркутском их высаживают и, видимо, считая безнадежными для жизни, выпускают. Едва отдохнув, Серафима Ивановна, имея явки в сибирских городах, включается

в работу подпольных большевистских групп в тылу Колчака.

В марте 1919 года она участвует в Омске во второй Всесибирской конференции подпольных большевистских организаций. Затем пробирается на родной Урал в Екатеринбург. Здесь ее арестовывают, и снова она в колчаковском застенке. К счастью, ее личность не была установлена. Приход Красной Армии открыл двери тюрьмы. Это было, как «воскресение из мертвых», говорила Сима.

Ни о каком отдыхе и слышать не хотела Серафима Ивановна, сразу включилась в работу по восстановлению партийных и советских органов. Ее выбрали в организационный партийный комитет. Вскоре ей поручают работу, которой В. И. Ленин и партия придавали очень важное значение — привлечь к активной общественной деятельности трудящихся масс женщин и вовлечь лучших из них в ряды партии.

Весь свой опыт, душу и сердце отдает она этой работе. Сима привлекает на помощь актив коммунисток и начинает повседневную массовую работу среди уральских женщин. Своими пламенными речами на собраниях женщин и в задушевных индивидуальных беседах она пробуждала у малограмотных, еще не верящих в свои силы женщин желание жить по-другому. Она направляла их силы на полезные и близкие женскому сердцу дела — работу в госпиталях, организацию детских учреждений, помощь Красной Армии, еще сражавшейся на фронтах гражданской войны. Ей помогают Е. Б. Вайнер, А. Н. Никифорова, М. Н. Уфимцева и другие. За немногие месяцы 1919 года вырос крепкий женский актив, наладилась работа делегатских собраний. Женское движение разливается по всей области. Из других городов, заводов и деревень едут женские делегации в Екатеринбург за помощью. В газете «Уральский рабочий» печатается «Страничка работницы», почти в каждом ее номере статьи Дерябиной. Она участвует и в общепартийной работе.

Еще раз блеснуло ее художественное дарование. К празднованию второй годовщины Октябрьской социалистической революции она написала пьесу: «На заре новой жизни», которая ставилась после торжественного заседания в оперном театре в Екатеринбурге.

В декабре 1919 года Серафима Ивановна едет делегатом на VII Всероссийский съезд Советов и избирается членом ВЦИКа. Эта поездка оказалась роковой. Сима простудилась при переходе через Каму и по возвращении в Екатеринбург слегла и уже не поднялась. 9 апреля 1920 года перестало биться сердце Серафимы Ивановны, сгоревшее в неустанной борьбе за счастье народа. Вечный огонь у памятника коммунарам, где покоится и ее прах, есть символ того революционного пламени, каким горели их сердца, призывавшие к дальнейшей работе.

* * *

В условиях подпольной работы партии мы не могли знать всех ее участников и некоторые встречи происходили потом в тюрьме, в ссылке. Наряду с видными руководящими товарищами в партии работали десятки рядовых ее членов, выполнявших незаметную, но необходимую по тем временам работу.

Из членов нашего кружка после окончания гимназии в Екатеринбурге осталась кроме Симы Дерябиной также и Зинаида Федоровна Осколкова. Старший брат ее пошел к анархистам, а Зина стала большевичкой и с 1905 года начала принимать участие в работе партийной организации, состояла в кружке красных сестер при боевой дружине. В 1907 году, оказавшись в тюрьме, она ведет общеобразовательную работу с малограмотными. В 1908 году Зину ссылают в административном порядке в Архангельскую губернию. С 1917 года она снова в Екатеринбурге и ведет работу по созданию библиотек. Жизнь ее рано оборвалась, в 1920 году, заболев сыпным тифом, она умерла.

Я после окончания гимназии весной 1905 года была назначена учительницей в Шемахинский завод. Завода фактически не было, осталась гвоздарка с 30—40 рабочими. Место глухое, население полукрестьянское, занимались кто чем: хлебопашеством, извозом и т. п. Было две школы: одна для мальчиков с двумя учительницами, вторая — женская, где я и работала одна на три отделения. Но ведь я ехала учительствовать, с тем чтобы развернуть работу среди населения.

Из Екатеринбурга стала получать письма о бурлящей там политической жизни, о многолюдных митингах, о «товарище Андрее». Получила литературу, брошюры и листовки. С помощью приехавшего из Михайловского завода товарища в школе провели митинг, направленный против царского манифеста. На митинге были розданы листовки. Вскоре мне поручено было начать работу среди учителей и провести в Шемахе районный съезд учителей, как подготовку к уездному учительскому съезду в Красноуфимске на зимних каникулах. Объезжая соседние деревенские школы, насмотрелась я на их убожество, на трудную обстановку учительской работы.

В конце декабря 1905 года в школе, где я работала, было организовано совещание учителей. Новы и необычны были для сельского учительства задачи, которые выдвигала социал-демократия. Особых споров не было, приняли резолюцию о свержении самодержавия через вооруженное восстание, требования по народному образованию, какие выдвигала программа социал-демократов. Из Красноуфимска вскоре пришло сообщение о том, что учительский съезд запрещен, но желающие могут приехать. Я поехала в Красноуфимск, считая это своим революционным долгом. Совещание съехавшихся учителей проходило в конспиративных условиях, в библиотеке уездного земства. Я встретила там знакомого товарища большевика из Екатеринбурга Э. Г. Светласанова («Большой Иван»), который докладывал о задачах социал-демократической партии, политической обстановке и задачах учительства. Партия усиливала влияние среди всех трудящихся слоев населения и, конечно, среди учительства. Красноуфимская полиция пронюхала о наших собраниях и во избежание разгона и арестов совещание через два дня должно было свернуться. Последнее заседание, где принимали резолюции, проходило уже в какой-то школе.

Началось наступление на революцию, ни о каких широких митингах и открытой работе среди населения нечего было и думать. Поговорив с учителями, я задумала организовать воскресную школу для взрослого населения и воскресные чтения. Надо было получить на это разрешение. Никаких денежных ассигнований мы не просили, но разрешения нам не дали.

На летние каникулы в 1906 году я поехала в Екатеринбург и сразу окунулась в гущу партийной работы, так как моя сестра, Мария Николаевна, или, как ее звали тогда, — Маруся Бычкова, была активным членом Екатеринбургской организации. Наша квартира по Тихвинской, 12 (сейчас ул. имени Хохрякова) была и явочной квартирой и местом для хранения литературы.

Несмотря на все усиливающееся наступление реакции и сильные удары, нанесенные уральской организации арестами ряда руководящих работников (Я. М. Свердлов, К. Г. Новгородцева в Перми, в Екатеринбурге — Вилонов, Ф. Ф. Сыромолотов) екатеринбургская организация летом 1906 года вела очень оживленную работу. Вместо ликвидированной в апреле типографии организована была новая, выпускались десятки тысяч листовок [1].

Оживленно работала боевая дружина, боевики вели практические занятия в лесу. Продолжали собираться рабочие на массовки в окрестностях города. Одним словом, велась подготовка к новому подъему и вооруженному восстанию в соответствии с ленинскими установками и вопреки меньшевистским резолюциям объединительного IV съезда.

Я стала работать в технической группе вместе с Асей Ивановой, Пашей Быковым и Верой Сабанеевой, которая держала связь с типографией. Мне приходилось переправлять литературу. Надо было ее принять, а затем быстро через явки известить, чтобы ее забирали. Квартира наша была удобна тем, что на заднем дворе было несколько запущенных амбаров; кроме того, иногда прятали литературу в доме напротив, где квартировали наши земляки.

Наступление реакционных сил все усиливалось. В 1906—1907 годах в Шемахе мне все же удавалось распространять литературу. К весне создался небольшой кружок, мы читали статьи в журналах. Весной, в апреле 1907 года нагрянул со своей сворой из Михайловского завода становой пристав и произвел ряд обысков.

---

[1] Некоторое время в типографии работала молодая девушка Таня Барановa. Я потом встретилась с ней в 1910 году в ссылке в Сибири и до сих пор переписываюсь с ней. Сейчас она персональный пенсионер.

Где-то нашли полученную от меня брошюру. Дело кончилось на этот раз тем, что на допросе пристав намекнул, что лучше бы мне перевестись из Шемахи.

Летом 1907 года в Екатеринбурге условия работы были очень тяжелыми. Шпики гонялись по пятам. Была арестована моя сестра, выполнявшая обязанности технического секретаря областного комитета РСДРП. Ее обязанности возложили на меня. Работником областного комитета в Екатеринбурге являлся «Червонный» (И. И. Кириевский). Приезжали на некоторое время и другие товарищи. Вскоре после съезда приезжал Н. Н. Накоряков («Назар»), т. Игнат. Связь с типографией осуществлял приехавший из Перми т. Минкин («Матвей»). На моих обязанностях лежала переписка с организациями по заводам, большею частью шифром, иногда встречи с приезжающими товарищами, получение писем по разным адресам, большей частью шифрованных. Вся переписка шла по указаниям «Червонного».

Помню арест в ночь на 7 августа. Мы к этому времени переменили квартиру. Почти всю ночь накануне ареста мне пришлось работать над несколькими письмами. Раздались бесцеремонные удары с обоих входов. Это налетела полиция. Не все удалось надежно укрыть. Счастье, что не нашли записной книжки с адресами. Однако часть архива попала в руки жандармам. Забрали меня, Минкина, а также ученика уральского горного училища, жившего у нас в то время.

После арестов создано было дело Уральского областного комитета РСДРП. В составе привлеченных к нему было 6 женщин: А. Бычкова, А. Ашихмина, Г. Рядкина, В. Сабанеева, А. Жулина, К. Флоринская. С некоторыми я в первый раз встретилась в тюрьме.

* * *

Веру Дмитриевну Сабанееву я знала с 1905 года. Она работала в библиотеке имени Белинского, где была явка, а также адреса для переписки. Ближе я столкнулась с ней в 1907 году, так как через нее получала указания от И. И. Кириевского, кроме того она передавала письма и паспорта. Ося Гилев, избранный делегатом на V съезд, вспоминает, что мандат на съезд писала ему Вера Сабанеева, у нее же находилась и партийная печать.

Ближе я познакомилась с В. Сабанеевой в тюрьме, так как мы находились в одной камере.

Она была немного старше нас: высокая, стройная блондинка, очень рассудительная, немногословная, сдержанная, стойкий, чудесный товарищ. Бывало, всякий раз после обысков в камере и разгрома, учиненного тюремщиками, когда все мы были взбудоражены и озлоблены, именно Вера молча принималась за усиленную приборку, а мы начинали ей помогать и успокаивались. По суду она была приговорена к заключению на год в крепости. После выхода из тюрьмы она продолжала партийную работу в Екатеринбурге, арестовывалась в 1911 году, а затем в 1913 году была выслана в Сибирь. Умерла она в Москве в годы Отечественной войны.

* * *

До тюрьмы я знала «Галю» (Рядкину) и встречалась с ней (сейчас К. Ф. Щекина). Звали ее «Галей маленькой» (была еще «Галя большая», но я ее не знала). Галя в 1905 году работала секретарем в обществе горных техников, возглавлявшемся Ф. Ф. Сыромолотовым, и принимала участие в работе большевистской организации. В Екатеринбурге летом 1905 года полиция арестовала ее на плотине, когда она переносила красное знамя. Из тюрьмы она была освобождена в «дни свобод» в октябре. В течение 1906 и 1907 годов продолжала вести партийную работу. Впоследствии была привлечена к суду по делу Уральского областного комитета. Галя получила год заключения в крепости. Впоследствии по ряду семейных причин она от партийной работы отошла. Сейчас персональный пенсионер.

* * *

Александру Азарьевну Ашихмину (Андрееву) я узнала только в тюрьме. Она приехала в Екатеринбург, кажется, из Перми. По преимуществу вела работу в воинских частях и в боевых дружинах на Южном Урале. И в Екатеринбурге она начала заводить связи среди частей городского гарнизона. Через месяц ее арестовали. Казалось, полиция Екатеринбурга еще не знала ее, и арест вызвал у нас удивление. Потом выяснилось, что все августовские аресты — результат предательства провокатора Н. Летнего. Вскоре он был ликвидирован бое-

виками. Саша была очень энергичной, живой девушкой и трудно переносила тюрьму. Она затеяла побег. Достали с воли пилки и начали выпиливать доску из пола под нарами. Во время работы мы в соседних камерах должны были поднимать шум, чтобы надзирательница не услыхала звука пилы. Потом почему-то отказались от этой затеи, пол затерли. Ни при одном из обысков тюремщики так и не обнаружили изъяна.

Саша обладала сильным красивым голосом и иногда вместе с другими голосистыми девушками — Симой, Галей, Афоней Мельниковой радовала нас концертами. Сашу присоединили к нашему судебному делу и приговорили к году заключения в крепости. Впоследствии она работала в Вятке. Позднее я встретила ее в Москве в 1919 году, когда она работала в органах ВЧК.

* * *

Я не раз упоминала о моей сестре Марусе Бычковой (впоследствии М. Н. Уфимцева). В 1906 году ей было всего 17 лет, и она еще училась в шестом классе второй женской гимназии, но все ее помыслы были связаны с делом партии. Впоследствии она рассказывала, что еще девочкой с интересом прислушивалась к беседам в кружке, когда мы собирались в нашей квартире. Старалась найти спрятанные у меня брошюры и украдкой читала. А потом в 1905 году стала неизменной участницей митингов и собраний. У себя в гимназии организовала кружок по изучению Программы партии РСДРП, привлекала учащихся к демонстрациям, состояла в кружке красных сестер при боевой дружине, ходила с ней на практические занятия и выполняла всевозможные поручения. В 1907 году до своего ареста она была техническим секретарем областного комитета.

В тюрьме она находилась недолго, так как у нее было нервное заболевание и удалось добиться ее освобождения на поруки. Ее судили вместе с А. Мельниковым и Нюсей Гребневой, тоже еще несовершеннолетней. Обеим им с Нюсей вынесли курьезный даже по тем временам приговор: заключить в монастырь на 6 месяцев для исправления. Тогда этот приговор в исполнение не привели. Позднее, в 1910 году, после высылки в Челябинск моей матери, Марусю посадили на год в Челябинскую тюрьму, ссылаясь на прежнее дело. В годы реакции Мария Николаевна не оставляла партийную работу.

После переезда из Челябинска в Лысьву она работала счетоводом в больничной кассе, являвшейся в Лысьве большевистским штабом. В связи с известной лысьвинской забастовкой в 1914 году ей с мужем пришлось из Лысьвы скрыться. Затем, работая в Екатеринбурге корректором газеты «Уральская жизнь», она была связана с партийной группой рабочих-печатников. После Февральской революции продолжала работать в газете, но вечерами ее можно было видеть в бывшем доме Поклевского, в комитете большевиков. Она собирала членские взносы, была казначеем. Когда начала выходить газета «Уральский рабочий», стала работать там, выполняя и обязанности корректора, и секретаря, и т. д.

Глубоко преданная партии, Маруся Бычкова всегда была там, куда направляла ее партийная организация. В 1919 году Мария Николаевна вместе с Симой Дерябиной принимает участие в работе среди женщин, позднее сменяет Е. Б. Вайнер как заведующая губернским женотделом, затем работает в профсоюзе учителей и с 1929 года в ОБЛКК РКИ. Здоровье ее было надломлено, и она, не выдержав тяжелых испытаний 1937 года, выпавших на ее долю, нервнобольная умерла в заключении.

* * *

В период 1906—1908 годов, когда тюрьмы были переполнены политическими заключенными и шла массовая высылка в Сибирь, выявилась необходимость в организации систематической помощи товарищам. Возникла особая организация — политический Красный Крест. В Екатеринбурге большую работу в Красном Кресте вела Анна Васильевна Трубина. Она тогда уже была немолодой женщиной, на руках у нее было трое ребят, работала она в родильном доме. Используя свои связи с либеральной буржуазией и интеллигенцией, она организовала сборы денег, одежды, книг, продовольствия и т. п. Все это было нужно для снаряжения товарищей, высылаемых в далекие сибирские края. Помогали им и наши матери. Анна Васильевна участвовала в сохранении всякого рода нелегальной литературы и выполняла другие партийные поручения. Она навлекла на себя подозрение полиции, и ее с тремя детьми заключили в тюрьму.

А. В. Трубину вскоре выпустили. Анна Васильевна продолжала помогать, чем могла, партийной организации и после высылки ее в Тюмень. Вела там большую работу. Была привлечена к делу Мартьяновой в 1913 году и сослана на вечное поселение. В рядах партии она находилась до конца своей жизни.

* * *

Хочется вспомнить о девушках — работницах и интеллигентках, участвовавших в партийной работе на ближайших от Екатеринбурга заводах. Ведь перед выборами на съезд на Урале было свыше 9 тысяч членов партии и среди них были и женщины. Страшные репрессии царского правительства обрушились и на заводские организации. По «делу» Каслинского комитета РСДРП (Фигурин, Новиков) у нас в женском корпусе сидела Людмила Леонидовна Панова (сейчас Дружинина). Будучи учительницей в одной из каслинских школ, она активно работала в каслинской партийной группе. По суду она получила суровое наказание — ссылку на вечное поселение в Сибирь.

По Нижне-Уфалейскому процессу судили в 1908 году Наговицына, Швейкина, Земцова, Худякова и А. П. Хромушкину. Шура Хромушкина довольно долгое время сидела в тюрьме. Она была арестована с литературой, которую везла из Екатеринбурга. По суду она получила один год крепости. Она продолжала вести партийную работу до конца жизни.

По Алапаевскому заводу создано было несколько судебных дел. Из «Алапаихи», как мы говорили, у нас находились в тюрьме две девушки: Нюра Чернавина (теперь А. А. Садина) и Аня Богданова, впоследствии А. С. Соколова. Обе они отличались каким-то особенным задором и удалью. Обе по суду получили ссылку на вечное поселение. Ани Богдановой уже нет в живых, а Анне Александровне Садиной недавно товарищи торжественно отмечали 75-летие. Она живет в Москве, персональный пенсионер, ведет общественную работу.

Нельзя забыть и активную участницу большевистской организации в Екатеринбурге в период подполья Елену Борисовну Вайнер. Она приехала в Екатеринбург вместе с мужем Л. И. Вайнер в 1908 году, уже имея опыт партийной работы. В Екатеринбурге она вела про-

К. Новгородцева —
— Свердлова

М. Авейде

М. Мартьянова —
— Черепанова

К. Кирсанова

С. Дерябина

В. Лобова

пагандистскую работу в рабочих кружках на Верх-Исетском заводе, на заводе Ятеса и других. Н. М. Давыдов, бывший слушатель одного из ее кружков, хорошо отзывается о ее занятиях. В последующие годы, согласно ее личным воспоминаниям, она работала в обществе потребителей, используя все возможности для политической работы с массами. В период империалистической войны 1914 года работала в комитете беженцев, где была возможность помогать партийным товарищам материально, паспортами и т. д.

Большую работу вела Елена Борисовна среди женщин. Свыше двух лет (1921—1922) она была заведующей отделом работниц при Екатеринбургском губкоме РКП(б). Провела ряд важных совещаний по женской работе, беспартийных женских конференций. Е. Б. Вайнер была в высшей степени принципиальным товарищем, преданным и честнейшим работником партии. Она умерла в 1954 году.

Хочется еще помянуть добрым, благодарным словом тех беспартийных женщин, которые оказывали всевозможную помощь в нашей партийной работе в тяжелые годы преследований, зная, что навлекают на себя подозрение и полицейскую кару.

Я вспоминаю Анну Андреевну Гребневу, мать Нюси Гребневой. Два ее старших сына ушли в ссылку, а она, обремененная семьей, бывало, приходила за литературой, незаметно скрывая ее то в корзинке с бельем, то с овощами. Вот мать Гали Рядковой — Агриппина Григорьевна, помогавшая дочери вышивать лозунг на знамени. Она вечно у тюрьмы с передачами, выполняет поручения товарищей.

У Митюниной Анны Константиновны находили надежный приют подвергавшиеся постоянной слежке товарищи. Некоторое время у нее жили Я. М. Свердлов, С. Черепанов и др.

Моя мать, Ольга Васильевна Бычкова, всегда была готова помочь товарищам, накормить, приютить их, передать литературу. Ведь недаром в 1908 году по донесению жандармов она была выслана в Челябинск.

Очень многие беспартийные женщины помогали большевикам прятать нелегальную литературу, предупреждать об арестах, о слежке и т. п. Разве могла бы наша партия в условиях жесточайших преследований

вести свою массовую работу, если бы она не опиралась на тысячи сочувствующих и в том числе женщин. Благодаря руководству партии и указаниям В. И. Ленина женское движение приняло огромный размах и открыло широкую дорогу женщинам во всех областях коммунистического строительства.

Жизнь показала правильность марксистского положения — освобождение женщины связано с победой рабочего класса, с созданием социалистического общества.

Будучи делегатом XXII съезда КПСС, я испытывала величайшее чувство радости от сознания торжества дела Ленина. На съезде я видела и слышала замечательных деятельниц международного коммунистического движения, наших славных советских героинь, за которыми стоят миллионы тружениц, в едином строю со всем советским народом борющихся за создание коммунизма.

М. Загуменных

ТРИ ПРОГРАММЫ КОММУНИСТОВ

Мария Михайловна Загуменных родилась в 1886 году. Член КПСС с 1905 года. Неоднократно арестовывалась, была приговорена на вечное поселение в Сибирь. Активная участница Октябрьской революции и гражданской войны. С 1921 по 1930 год была на руководящей партийной работе среди женщин на Урале и в аппарате ЦК ВКП(б). Позднее работала во ВЦИК. Награждена орденом Ленина. В настоящее время — персональный пенсионер.

Я считаю большим для себя счастьем, что с 1905 года как член партии большевиков принимала участие в выполнении Программы партии.

С какой силой встают в памяти славные годы трудной, упорной борьбы за организацию рабочего класса, создание партии и выполнение ее первой Программы. Вспоминаю тернистый, но славный путь борьбы, и кажется, что все это было недавно! Помню, точно это было вчера, как я, 19—20-летняя девушка, спешила выполнить любое поручение Пермского комитета РСДРП(б). Мне поручают подыскать помещение для явок, заседаний комитета и пользуются моим адресом для корреспонденций ЦК партии или областного бюро. Вспоминается, с каким волнением, скрываясь от шпиков, бежала на занятия кружка, где пропагандист обучал нас, молодежь, тому, что мы должны были рассказывать в кружках рабочим. Робкие

это были шаги! Но делали мы большое дело, потому что из таких кружков лучших, проверенных товарищей принимали в партию. Ведь из отдельных групп, кружков наша партия выросла в многомиллионную.

Мне было поручено вести кружок рабочих винокуренного завода на Заимке, одновременно я была организатором в этом районе.

Мои первые шаги пропагандиста запомнились на всю жизнь. Собрание кружка происходило в доме одного рабочего, который жил напротив винокуренного завода. В кружке было 10—12 человек и все были старше меня. Смотрят пытливо, слушают внимательно. Все, конечно, насторожены, не будет ли сигнала тревоги от пикетчика с улицы.

На занятия к нам, молодым пропагандистам, приходил руководитель кружка Д. Н. Бассалыго («Игнат»). Он проверял, как проводим занятия, помогал нам.

Осенью 1906 года Пермский комитет поручил мне работу технического секретаря, а позднее меня выбрали секретарем. Председателем комитета тогда был Ф. А. Сергеев («Артем»).

Работа секретаря была ответственная. Заседания комитета в годы подполья надо было проводить конспиративно, обеспечить хранение протоколов заседаний, в определенные дни организовывать явки. На явки приходили и приезжали товарищи по разным вопросам. Ряд вопросов разрешался тут же, на явке, а некоторые выносились на заседание комитета. Таким образом, в обязанности секретаря входило много организационных и технических дел.

С пропагандистской деятельностью мне, к сожалению, пришлось расстаться, так как предстояла большая работа по проведению выборов во II Государственную думу.

Эта политическая кампания проводилась с конца 1906 — начала 1907 года. В условиях террора, преследуемые жандармерией и полицией, пермские большевики развернули широкую массовую работу среди рабочих. Эта работа дала хорошие результаты: из 12 депутатов, посланных в Государственную думу от Пермской губернии, 3 депутата были большевиками.

Охранное и жандармское управления пришли в ярость. Шпики гонялись за нами по пятам.

Перед созывом губернского съезда выборщиков во II Государственную думу было арестовано несколько членов комитета, арестовали и меня.

На третью ночь после ареста из полицейского участка меня направили в пермскую губернскую тюрьму.

Приближаясь к ней, я невольно вспомнила песню:

Как дело измены,
Как совесть тирана
Осенняя ночка темна.
Темней этой ночи
Встает из тумана
Виденем мрачным тюрьма.

В тюремной камере я встретила много замечательных женщин. С некоторыми из них мы были знакомы по работе на свободе. В тюремной камере мы ближе узнали друг друга. Здесь были дочери мотовилихинских рабочих: Шура Костарева, которая до ареста работала в подпольной типографии в Перми, Анюта Хохрякова, Анюта Захарова, Шура Запольская. Эти девушки были хорошими помощниками подпольной организации, выполняли различные поручения.

Когда вспоминаю мотовилихинских девушек, сидевших со мной в одной камере, хочется сказать еще об одной Анюте. Это Анюта Маркова (Анна Никитична Маркова, теперь персональный пенсионер). Она, казалось, находилась среди нас, поддерживала нас. Анюта, оставаясь на свободе, принимала участие в подпольной работе Мотовилихинской организации, постоянно посещала тюрьму в дни свиданий и всегда сообщала о положении дел на воле.

Была среди нас Таня Филенкова (Татьяна Николаевна Меднэ — ныне персональный пенсионер). Это — работница, портниха. Во время Мотовилихинского вооруженного восстания она выполняла задания Пермского комитета. Клавдия Тимофеевна Новгородцева (Свердлова), работавшая под кличкой «Ольга», среди нас была самой старшей и пользовалась большим авторитетом. Была среди арестованных и Клаша Кирсанова, с которой на воле мне приходилось не раз встречаться: она вела большую работу среди солдат.

В тюрьме Клавдия Кирсанова оказалась также прекрасным организатором. Для нее и в тюрьме не существовало преград. Она умела организовать получение с

воли различной литературы (вплоть до нелегальной), отправку писем на волю и получение их оттуда. Переговоры с тюремной администрацией в большинстве случаев поручали вести Кирсановой.

Кирсанова ни на минуту, ни при каких условиях не забывала своего революционного долга. Она работала над собой, училась. Ее учителями были Яков Михайлович Свердлов и Клавдия Тимофеевна Новгородцева. В тюрьме все ее мысли были о той большой и важной работе, какую на воле ей поручала партия. Она и в тюрьме умела найти возможности поговорить с солдатами, охранявшими тюрьму.

Тюрьма, несколько судимостей, лишение всех прав и ссылка на вечное поселение в Сибирь, побег из ссылки, каторга...

Все эти испытания еще крепче закалили волевую революционерку. После Великого Октября Клавдия, уже будучи матерью, по заданию партии выполняет ответственные поручения. В Октябрьские дни работает в Надеждинске на родном ей Урале председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов. В 1918 году — председатель Военного Совета Верхотурского округа и т. д. С Урала Кирсанову отзывают в Москву, где поручают партийную работу. Она — секретарь Хамовнического райкома партии, член женкомиссии при ЦК РКП(б).

После освобождения от Колчака Урала и Сибири Клавдия Кирсанова вновь здесь на партийной работе. Она — первый ректор Омской областной партийной школы, а затем ректор Коммунистического университета.

В 1922 году она в Москве — ректор Коммунистического университета. Когда там работа была налажена, Кирсанову назначают руководителем курсов уездных партработников при ЦК РКП(б). Все последующие годы и во время Отечественной войны она работает в ЦК партии. Принимала участие в Международном женском движении, была членом президиума антифашистского комитета советских женщин.

В Москве я с ней неоднократно встречалась на съездах, конференциях, собраниях актива, и всегда она была полна энергии, счастья и радости от выполняемой работы. Последняя моя встреча с ней была в 1947 году, перед вылетом Клавдии в Якутск. Встретила я ее в аптеке. В руках у нее груда лекарств. Спрашиваю:

— Что это ты?

— Да вот, набрала лекарств. Врачи говорят, что больна, но я чувствую себя хорошо. Лечу на самолете в Якутск.

И так... улетела. 10 октября 1947 года не стало пламенного борца нашей партии Клавдии Ивановны Кирсановой.

В одной тюремной камере с нами находилась Бина (Валентина Николаевна Лобова). Увидев ее, я вспомнила, как летом 1906 года мне поручили установить, был ли на квартире Бины обыск, нет ли там засады. Имелись сведения, что Бина успела скрыться. Иду в разведку по бывшей Оханской улице, где напротив церкви, в подвале жила Бина. Окна раскрыты. Проходя мимо окон, роняю какой-то сверточек на панель. Медленно его поднимаю, осторожно всматриваюсь в открытое окно. Картина ясна: все в комнате разбросано и восседает полицейская засада. Задание было выполнено и об этом доложено комитету.

Совсем еще юной девушкой Бина в 1905 году вступает в партию. Работать начала она в Ровно и Житомире. В 1905 году получает «боевое крещение» — во время массовки ее ранили драгунской шашкой.

В начале 1906 года Бина была в Перми пропагандистом среди работниц винного склада и портних. Ее арестовали и три месяца продержали в тюрьме. После освобождения переходит на нелегальное положение и уезжает в Екатеринбург, где работает под кличкой «Лиза». Ей поручают работу пропагандиста и организатора в городском районе.

На общегородской конференции в конце 1906 года «Лизу» избирают членом городского комитета.

В январе 1907 года я встретила ее в Пермской тюрьме. В камере, где было 18 женщин — политических заключенных Бина была пропагандистом. Она разъясняла прочитанную нами марксистскую литературу. Помню, как под ее руководством мы читали Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Наши разногласия» и др.

Она была хорошим пропагандистом и чутким, отзывчивым товарищем, к которому можно было обратиться

за советом и разъяснением по любому вопросу. Ее любили за принципиальность. За каждого члена коллектива, когда он прав, стояла горой. Вспоминается такой случай. Трех женщин — Марию Калугину, Елену Макарову и меня тюремщики вытолкали из нашей камеры за то, что мы пели. Я, как сейчас, помню песню «Что ты сокол быстрокрылый, призадумавшись, сидишь?». К нашему пению из тюрьмы, из-за решеток, на улице стал прислушиваться проходящий мимо народ. Останавливались у тюрьмы. Тюремщики пришли в ярость, ворвались в камеру, схватили нас и увели в карцер. Куда нас увели, что с нами сталось, — на эти вопросы наших товарищей тюремная администрация не отвечала. Через день или два в камере устроили обструкцию, требуя нашего возвращения. Бина была особенно активна. Свора надзирателей ворвалась в камеру, учинила дебош, а Бину старший надзиратель так ударил шашкой, что спина Бины превратилась в сплошной кровоподтек. Страшно было смотреть!

Из Пермской тюрьмы Бину сослали на два года в Архангельскую губернию в административную ссылку.

В 1910 году, отбыв ссылку, работает в Московской организации.

По рассказам товарищей, в 1912—1913 годах она в Петербурге. Это были годы, когда начала выходить газета «Правда». После выборов в IV Государственную думу Бина — секретарь думской рабочей шестерки. Затем ее направляют в Москву для организации Московского отделения газеты «Правда». В Москве Бина — член редколлегии газеты «Наш путь», заведует рабочим отделом.

В Москве царские власти вновь арестовывают Бину и ссылают в Олонецкую губернию на три года. В конце 1916 года она возвращается из ссылки.

В годы гражданской войны, когда на Украине хозяйничали немецкие генералы (1918—1919 гг.) Бина с большим риском для жизни выполняет в Киеве поручения партии и Военного штаба. После освобождения Украины и победы революции она — член Киевского губисполкома.

В конце 1919 года ЦК партии командирует Лобову в Пермь, где она ведет работу среди женщин. В самые тяжкие, голодные годы она работает в Самаре.

В 1922—1923 годы работает в аппарате ЦК партии. Вот в эти годы в Москве я с ней вновь встретилась. И тогда ее зловещее покашливание у меня вызвало большую тревогу, но Бина горела на работе, видимо, не придавая значения своему страшному недугу.

Годы работы в подполье, тюрьма, ссылка сделали свое дело. В Сухуми 2 мая 1924 года Валентина Николаевна Лобова умерла. В газете «Правда» от 4 мая 1924 года, № 99, напечатан некролог, посвященный памяти Валентины Николаевны Лобовой.

В тюрьме нам стало известно, что после большой политической кампании, развернутой большевиками во время выборов в думу, проводились выборы на V съезд нашей партии. Большевики Урала и в этой кампании одержали победу. Так, на IV съезде от Урала было 3 делегата, а на V съезд Уральская организация посылала свыше 20 делегатов — большевиков. Уральские большевики от Усольской партийной организации избрали делегатом V съезда Владимира Ильича Ленина.

После первого ареста меня продержали в тюрьме недолго. В мае 1907 года, в один прекрасный день заскрежетал замок нашей камеры, раскрылась дверь и раздался голос надзирательницы: «Загуменных, с вещами в контору...» Такой вызов значил, что уводят из камеры, но куда? Может быть, по этапу повезут в тюрьму другого города, переведут в другой корпус или... или на волю?! Первое общее впечатление — все очень рады. Предполагают лучшее, надеются, что товарищ выходит на волю. Но потом у каждого, особенно у того, кто выходит, становится скорбно на душе: «А товарищи остаются, что их ждет?!»

Прощаясь, невольно уносишь в сердце невысказанную товарищами мысль...

Если, товарищ, на волю ты выйдешь,
Всех, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать...

Да, уходя из семьи революционеров, из тюрьмы, многое приходилось переживать!..

Наши матери никогда нами не будут забыты! Да и как можно их забыть?! Вот хотя бы очень кратко о некоторых из них.

В нашу тюремную камеру привели Абрамовну (фамилию не помню). Это была мать мотовилихинского рабочего, который тоже был арестован. Как ни пытались охранники получить от нее сведения о работе ее сына и его товарищей, ничего не добились. Несмотря на свой очень преклонный возраст, на то, что она была неграмотна, она шла рука об руку со своим сыном и его товарищами. В тюрьме у нее отнялись обе руки, очень болели. Мы принимали все меры к ее лечению, но ей ничего не помогало. Ни жалоб, ни слез мы от нее не слышали. Тяжело больную, с парализованными руками, ее выслали в административную ссылку.

Мать Шуры Костаревой, жена рабочего, всегда в дни свиданий находилась у тюрьмы. Она из очень скудного бюджета старалась выкроить передачу для своей дочери-революционерки. А как она стоически переносила страшные минуты у тюрьмы, когда стало известно, что ее дочь голодает несколько дней и жизнь ее в опасности. Когда полуживую Шуру вынесли на руках из тюрьмы, гордая за свою дочь, славная мать не проронила ни одной слезы...

Мать Михайловых. Две дочери, два сына революционеры-большевики. Ее дочь Сима Михайлова сидела со мной в тюрьме и потом была сослана в Сибирь на вечное поселение. Обыскам в этой семье, кажется, не было числа. И мать всегда была помощником в революционной работе своих дочерей и сыновей.

Надеюсь, что не покажется нескромным, если среди героических матерей революционеров я назову и свою мать. С конца 1906 года и до моего первого ареста у меня дома была штаб-квартира подпольной работы. Моя мать всегда находила возможность не только предоставить квартиру для собрания, но и покормить товарищей. Она, как и мать Костаревой, часами находилась у тюрьмы в дни свиданий. Многие освобожденные из тюрьмы находили у нее сердечный прием и приют. Немало пережила она обысков, когда я и брат сидели в тюрьме.

В первую весну моей ссылки она приехала в Сибирь, в село Тасеево, Енисейской губернии. Какую радость принес ее приезд многим ссыльным. Как ее встречали, как целыми днями вели с ней разговор, будто с родной матерью! Их было много — сотни и тысячи, таких мате-

рей,— это были «Ниловны», активно помогавшие революции.

Освобождена я была, когда подпольная организация залечивала раны после крупного провала Пермского комитета. Накануне отъезда делегатов на съезд партии, 9 марта 1907 года, товарищей, возвращавшихся с заседания комитета, арестовали. Пермская организация лишилась боевых участников.

По выходе из тюрьмы мне вновь было оказано большое доверие: я была избрана секретарем Пермского комитета, но поработать пришлось недолго.

В ноябре 1907 года опять аресты. Провалилась и подпольная типография. Я вновь арестована. Вновь тюрьма. Женщин — политических заключенных уже было больше, и размещены мы были уже в двух камерах.

Во время моего пребывания в тюрьме, после второго ареста, закончилось следствие по первому делу. Привлекалось к суду одиннадцать человек, среди них две женщины — Т. Н. Филенкова и я. Приговорена я была к одному году заключения в крепости.

По второму делу привлекалось тринадцать человек, среди них четыре женщины: Серафима Михайлова (работала секретарем городского комитета), Катя Комарова (работала в подпольной типографии), Ольга Кобелева и я. Все четыре женщины были большевички.

Передо мной обвинительный акт от 28 февраля 1909 года, в котором сказано:

«...В числе обнаруженных по обыскам, а равно среди осмотренных на формальном по делу дознании документов, имеются принятые на съездах партии программы и резолюции с указанием цели, преследуемой партией, и тактики ее в борьбе за достижение означенной цели, а также утвержденные организационные уставы партии.

Как видно из упомянутых документов, программа партии была выработана на II съезде партии в 1903 г., в программе этой значится, что социал-демократическая партия, считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата и ставя конечной целью своей деятельности полную замену капиталистических производственных отношений социалистическими признает необходимым добиться «диктатуры пролетариата»...

«...Одной из крупных местных организаций социал-демократической рабочей партии является Пермская

организация, работавшая в духе вышеизложенных резолюций и постановлений съездов партии...»

«...Означенное тяжкое преступление предусмотрено I ч. 102 ст. уголовного уложения».

На суде, состоявшемся осенью 1909 года, из тринадцати подсудимых одиннадцать заявили: «Да, мы — социал-демократы». В числе одиннадцати была и я. Прокурор и судьи были ошеломлены нашим заявлением.

Прокурор заявил, что он еще никогда ничего подобного в своей практике не встречал. В обвинительной речи он требовал приговорить всех нас к каторге. Подавляющее большинство было осуждено к лишению всех прав и ссылке в Сибирь на вечное поселение.

Какие бы кары ни обрушивало на нас царское самодержавие — первая Программа партии выполнена! Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась.

VIII съезд партии принял вторую Программу. В этой Программе была поставлена задача построения социализма в нашей стране. Социализм в нашей стране победил полностью и окончательно. Выполнена и вторая Программа.

XXII съезд нашей партии принял третью Программу — программу построения коммунистического общества.

Наши давние мечты о лучезарном будущем, о коммунизме претворяются в жизнь!

Н. Накоряков[1]

ДУША КОМИТЕТА

(Воспоминания о Л. И. Бойковой)

В середине декабря 1905 года ранним вечерним часом я подъехал к Уфе.

Отправляя из Самары, товарищи немного подгримировали меня, тщательно приодели под зажиточного сельского «кулачка».

Перед вагонным зеркалом я проверил свой общий вид, ощупал новый паспорт, восстановил в уме его показатели и вышел на перрон.

Здесь заметно было какое-то необычное оживление — обилие постовых жандармов, очевидно, сказывалось недавнее (9 декабря) вооруженное столкновение железнодорожников с войсками.

Надо быть начеку! Провожая меня в Уфу, самарский «Маркс» (Василий Петрович Арцыбушев из Восточного бюро ЦК) предупреждал:

— Будьте особо осторожны с самого начала! В Уфе остро нужны опытные агитаторы, здесь же вы окончательно «провалились» — вас или черносотенцы пришибут на улице, или вот-вот жандармы надолго засадят в узилище!..

Памятуя это, иду в перронной толпе... Тщательно осмотревшись нет ли «хвоста», выбрал самого скромного извозчика, еще раз проверил, не тянется ли за мной «наблюдатель», поехал по заснеженной, ухабистой дороге железнодорожной слободки...

Здесь тоже замечалось нечто необычное: группочки молодых рабочих на углах, но без гармошки, чайнушки открыты и полны народа, полицейские стоят на постах парами, песен не слышно, заигрываний, шуток с проходящими девушками тоже нет...

---

[1] Н. Н. Накоряков — старый коммунист, состоял членом партийных комитетов: Уфимского, Екатеринбургского, Пермского и Уральского областного. Ныне персональный пенсионер.

Уфа встречает своей зимней, снежной красотой и... тишиной.

Останавливаю извозчика на центральной улице около аптеки, отпускаю его. В аптеке покупаю какие-то «лепешки» от кашля и через окно еще раз осматриваю улицу... Все спокойно!..

Чувствую себя увереннее и, без расспросов, иду по хорошо заученному адресу на Достоевскую. Вот и маленький домик с верандой в саду. Выглядит так мирно!

Встречают неожиданного посетителя хотя и с удивлением, но радушно, видно, что по комитетской — особой явке люди не часто прибывают. Внимательные хозяйки девушки Шишкины сразу же угощают чаем и оживленно расспрашивают.

Возникает теплый разговор о больших событиях и людях «своего мира» — подполья...

Девушки с гордостью говорят, что, несмотря на остроту положения после вооруженного столкновения, «головка» организации не тронута, партийная работа не нарушена, и рабочие только «злее» стали. Из окружающих южно-уральских заводов по-прежнему требуют больше литературы и оружия!

— У нас «душа комитета» — секретарь (Лидия Ивановна Бойкова), как скала, со времени первого искровского комитета (1903 год) держится.

Узнаю, что их секретарь еще в далекие (1892—1896) годы участвовала в первых революционных кружках Саратова, Орла, Тулы, что затем в 1897 году примкнула в Туле к социал-демократическому движению, а в 1898 году уже в ссылке с мужем в Бирске, в 1900 году общается с Н. К. Крупской, отбывавшей ссылку в Уфе...

Невольно проникаюсь уважением, узнав, что путь этот она проходит, имея на руках трех девочек, в нелегких трудах и заботах ссыльной семьи.

Как бы отвечая на мои раздумья, одна из Шишкиных неожиданно предложила:

— Знаете что, я сбегаю сейчас в разведку к Лидии Ивановне, здесь недалеко — посмотрю, безопасно ли у них и, может быть, мы сегодня же повидаемся... Она введет вас в курс наших дел...

Я, конечно, соглашаюсь.

Пока же, беседуя с другой Шишкиной, узнаю все больше о Лидии Ивановне. В 1901 году разошлась с му-

жем (М. П. Бойковым — тоже революционером, но колебавшимся между эсерами и социал-демократами), поэтому должна была воспитывать трех дочек одна. Лидию Ивановну знали как прекрасного педагога-репетитора, среди уфимской интеллигенции она имела репутацию лучшего «исправителя» неуспевающих школьников. Пользуясь положением «незаменимого репетитора, она приобрела большие связи среди зажиточных прогрессивных людей и невольно стала незаменимым финансистом партийной организации, собирателем ее средств. Кроме того, она тонкий и умный конспиратор, объединивший вокруг себя лучшую часть молодежи для всей технической работы парторганизации. Она сумела использовать в интересах партии помещика Уфимской губернии — князя Вячеслава Александровича Кугушева, кандидата в члены Государственного совета, симпатизировавшего нашей партии и материально помогавшего ей.

Выслушав эту быль, похожую на сказку, я еще более захотел увидеть долговечного секретаря Уфимского комитета.

В этот момент как раз вернулась наша «разведчица» и радостно сообщила:

— Наш князь вернулся, в приемной у него сейчас какие-то важные посетители, и мы можем без риска пройти к Лидии Ивановне. Местные власти не посмеют тревожить «князя». А вокруг квартиры тоже никакого наблюдения нет! Кстати, на улице прекрасный зимний вечер!

Мне тут уже рассказали, что князь Кугушев для большей конспиративности квартиры Лидии Ивановны снял у нее лучшие комнаты, обставил их, как свою приемную. Временами он приезжал и жил здесь по нескольку дней, чем в известной степени скрывал ее от взоров властей.

Мы с разведчицей тотчас же пошли.

В передней действительно увидели на вешалке несколько богатых шуб — с бобрами, но не чиновных, очевидно, посетители — земская знать! Это успокаивало.

Через дверь-«боковушку» и маленький коридорчик вошли в просторную, очень скромно убранную комнату, очевидно, столовую. Хозяйка, с удивительно добрыми серыми глазами и приветливой улыбкой на полном, чисто русском лице, поднялась к нам из-за самовара. Живопис-

ная группа девочек (от 5 до 12 лет) озорно-насмешливо осмотрела посетителя и даже «пошушукалась», прикрывшись книжками.

Посетителю не пришлось представляться, хозяйка сама весело сказала:

— Ну, о вас я уже имею сведения от Василия Петровича, рада, будем знакомиться!

Естественно, сначала речь шла о борьбе, происходящей в Москве, о нападении царских войск на Самарский пушкинский дом — центр местных революционных событий, о стачках на железных дорогах, о вооруженном столкновении с войсками в самой Уфе.

Этим интересовались и «болели» все, даже малые дети!

Но мамаша скоро прервала горячий обмен новостями и мнениями...

— Ну, девочки, возьмите ваши книжки и идите в свою комнату, позанимайтесь, а мы с товарищем поговорим о делах!

Девочки собрали со стола учебники и не по-детски спокойно ушли в соседнюю комнату. А со мной сразу заговорила не радушная хозяйка, не мать, добрая и строгая, а руководитель партийной организации, ведущий борьбу в сложной обстановке.

— Первое, в чем вам придется помочь организации — это разъяснить значение нашего вооруженного столкновения. Рабочие окрылены тем, что удалось спасти собрание от разгона, в войсках — некоторая ожесточенность за понесенные жертвы, либералы из управления железной дороги хотят вырвать у рабочих власть над железной дорогой — все это требует укрепления организации именно в железнодорожном районе. У нас не хватает физических сил для этого, вам придется включиться... И еще,— продолжала Лидия Ивановна,— нам очень мешает то, что напуганная и озверевшая жандармерия арестовала в том же железнодорожном районе множество людей, среди них есть и непричастные. Власти хотят вызвать панику, доставить массу страданий семьям, нам многих надо выручать, многим помогать! В этом тоже нужна самодеятельность масс района, одним нам не справиться. Это и вы должны учесть.

— У нас,— говорит она спокойным голосом,— началась организация боевых дружин, в них рабочая боевая

молодежь, многие из того же района. Молодежь увлечена, но ее надо направлять, поддерживать постоянную связь со всей организацией и одновременно глубоко вооружать идейно. Мне кажется, что мы будем правы, если это дело поручим вам!

— И, наконец, это большая перспектива: на наших южно-уральских заводах очень хорошие организации, они еще сохраняют в своих руках руководство революционным движением на месте. Это основа для дальнейшего подъема работы массовых рабочих организаций. Они требуют от нас опытных агитаторов, лекторов, литературы и оружия! Выезд туда — это ответственнейшее и важнейшее дело для каждого из членов комитета... Вы меня понимаете?..

Я слушал напряженно эту сжатую программу, обращенную и ко мне лично.

На основе такой простой беседы мы быстро договорились о том, что мне лично предстоит делать. Я, действительно, как бы поговорил с «душой комитета».

Мне было совершенно ясно, как завтра на комитете надо будет определить свою новую жизнь!

Но уснуть в этот вечер я все-таки долго не мог. Раздумья о путях и судьбах революционных, подпольных «муравьев», подтачивающих и разрушающих мрачную, грозную «тюрьму народов», гнали сон. Какие крепкие, непреоборимые люди родились и воспитывались в этой армии революции!

Впоследствии, в течение 1906—1907 годов, я наблюдал Лидию Ивановну во многих делах Уфимской партийной организации. Видел, как она встречала революционеров, бегущих из сибирской ссылки, из тюрем, как вооружала их словом и средствами, и даже одеждой, чтобы помочь добраться до родных мест, влиться в боевые отряды революции.

Видел, как она отбирала в этом потоке лучших, нужных людей для родного ей Урала и направляла на работу. Она сама как-то вспоминала, что в 1904 году «через ее руки» прошло свыше 200 человек.

К самым тонким и рискованным делам — организации печатной техники и другим она не раз прикладывала свою руку и заслуженно гордилась, что газеты «Уфимский рабочий», «Уральский рабочий» имели самые крепкие и долговечные на Урале типографии!..

Вспоминаю ее участие в наших горячих обсуждениях при подготовке к IV и V съездам партии, в них она всегда твердо стояла на большевистских позициях.

Это был тяжелый, но благородный труд, сопровождаемый жестокой борьбой и за существование семьи!

Так она работала не только в годы первой русской революции, но и позднее — вплоть до победы Великого Октября.

Комитеты рождались, их разрушала полицейская рука, они вновь возникали из пепла репрессий в непреоборимом народном движении, а Лидия Ивановна оставалась тем скрепляющим звеном, тем цементом, который сохранял и передавал наследие, опыт, живые связи партии.

Победа Октября заслуженно выдвинула ее сразу же в члены городского комитета Уфы. Она стала одновременно первым комиссаром социального обеспечения. Но захват города «учредиловцами» нарушил ее работу. Эвакуировавшись вместе со всей организацией в Москву, Л. И. Бойкова во Всероссийском бюро военных комиссаров руководит красноармейскими курсами агитаторов, а потом при первой возможности возвращается в Уфу и продолжает деятельность, заведуя агитпросветотделом губвоенкомата.

Новый захват Уфы Колчаком влечет новую эвакуацию в Москву и вынуждает Лидию Ивановну остаться здесь в связи с тяжелой трагической болезнью средней дочери, вскоре погибшей.

Лидия Ивановна находит применение своим силам и способностям сначала в главполитпросвете под руководством Н. К. Крупской — инструктором массовых просветительных мероприятий среди женщин. Но по влечению сердца она возвращается вскоре к любимой партийной деятельности — становится групповым организатором Баумановского райкома партии, а далее последовательно избирается секретарем ячейки партии на ткацкой фабрике им. Урицкого и в парторганизации Московского отдела народного образования.

Это было для нее временем радостного строительства партии в условиях завоеванной свободы.

Уже в период 1923—1924 годов Лидия Ивановна тяжело заболевает и все-таки держится на ногах, преодолевая недуг.

К 1925 году болезнь вынуждает ее уйти от оперативной горячей деятельности в парторганизациях на более спокойную работу в статистический отдел ЦК. И все же болезнь неумолимо разрушает организм, постепенно лишает Бойкову великого счастья труда.

В январе 1934 года после долгой мучительной болезни Лидия Ивановна Бойкова скончалась. Но ее подвижническая, благородная жизнь навеки осталась в сердцах и памяти знавших ее и служит ярким примером труда и мужества во имя торжества коммунизма.

С. Дерябина

ГЕРОИ НАШЕЙ БОРЬБЫ [1]

Серафима Ивановна Дерябина родилась в 1888 году. Видный партийный работник периода подполья и первых лет Советской власти. Член Коммунистической партии с 1906 года. Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. Работала в Ростове-на-Дону, Москве, Петербурге, Самаре и на Урале.

В 1913 году участвовала в совещании Ленинского ЦК РСДРП в Поронино. В марте 1919 года была на Второй Всесибирской конференции подпольных большевистских организаций. На VII съезде Советов избиралась членом ВЦИК. Умерла в 1920 году в Екатеринбурге.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о Марии Оскаровне Авейде, работавшей в первом уральском областном комитете в 1905 году и участвовавшей с Я. М. Свердловым в организации партийной работы в Екатеринбурге. М. О. Авейде прошла длинный путь партийной деятельности. Особенно много она работала в Самаре после Октябрьской революции. Путь этот был, на первый взгляд, незаметным путем рядового работника. Авейде не занимала никаких видных партийных или советских постов, предпочитая все время находиться в самой гуще рабочей массы. Тут она находила применение своему необычайному, оригинально-яркому и могучему организаторскому таланту, тут была богатая, благодатная почва для коммунистического перевоспитания пролетариата. Мария Оскаровна была талантливой само-

[1] Статья была опубликована в газете «Уральский рабочий» № 2 от 5 августа 1919 года и печатается с некоторыми сокращениями.

учкой с разносторонним (почти универсальным) образованием, с необычайно высокоразвитым и коммунистически организованным интеллектом.

К тому же это был человек кристально чистой, ясной души, прямой, необыкновенно чуткий. Ее любили за удивительную, прямо святую доброту, которая делала чудеса, возрождая души совершенно погибших с виду штрейкбрехеров, женщин, павших «на дно», профессиональных босяков, воров и убийц. Авейде, встречая этих людей во время организаторской работы в массах отсталого пролетариата, а еще чаще в тюрьмах, где она сидела много раз и при царе и при колчаковщине, зачастую в камерах с уголовными, не оставалась равнодушной к ним.

В тех организациях, где работала М. О. Авейде, было немало товарищей, превосходивших ее эрудицией, опытом, связями с центром, но более любимых не было... В Самаре ее горячо любила пролетарская молодежь, из которой она сформировала «агитаторскую школу»... Этих юношей она не только просветила, но коммунистически воспитала, и из их среды вышли самые самоотверженные бойцы коммунистической самарской дружины, геройски отстаивавшей Самару от белочехов. Столь же беззаветно любили Оскаровну и рабочие. Без нее не проводили ни одного семейного праздника, ни одного знаменательного дня своей жизни. К ней они шли со своим личным горем, семейной неурядицей, со всеми сомнениями, печалями и радостями. Она умела установить с ними совершенно невиданную товарищескую близость, прекрасную в своей трогательной простоте, глубокой задушевности и искренности. Она умела не только организовать рабочего, но наложить глубокое облагораживающее влияние своей индивидуальности на всю личность пролетария: внедрить коммунизм не только в убеждения рабочего, но в его чувства, привычки — в его повседневный быт. Рабочий, проработавший с Оскаровной, не только входил в ячейку, но переставал бить свою жену, тиранить ребятишек и пить денатурку.

Понятно, что в партийной работе Оскаровна могла сделать чудеса: она могла найти «связь» для партии в среде самой серой, самой озлобленной толпы. «Сброд», совершенно пропащий для работы, в ее руках становился благодатной почвой для партийной агитации. На со-

вершенно «пустом месте», в атмосфере страшной подавленности рабочих, в обстановке чудовищной провокации и провалов, она умела ставить крепкие организации, которые вскоре становились цветущими очагами коммунистического просвещения, рассадниками дисциплины и организованности. Такова была ее роль и в Екатеринбурге, где она работала в обстановке самой черной реакции и сумела поставить дело, несмотря на страшный разгул белого террора, на беспрерывные провалы... Трагическая смерть от руки палачей пресекла ее светлый путь... Эта мученическая, почти безвестная смерть, о которой так же мало писали и говорили, как и о всей жизни и работе этого необычайно скромного, но большого и в высшей степени ценного работника, была для рабочих последним актом величайшего воспитательного значения: при всех пытках, издевательствах и оскорблениях, окровавленная, истерзанная Оскаровна держалась так, что даже потерявшие облик человека колчаковские звери, мучившие ее, говорили друг другу упавшим голосом:

«Изумительно, как идут к этим разбойникам большевикам такие хорошие люди!...»

Неизгладимая печать, которую оставила на партийной работе эта скромная и незаметная Оскаровна, не сотрется много лет. Но Оскаровну рабочие оценят в полной мере только тогда, когда осознают, что такое коммунистическое воспитание, когда пройдут долгую школу этого воспитания и станут «новыми людьми» в полном смысле этого слова. Тогда они поймут, что в фундамент того прекрасного величественного здания коммунистического строя, которое построили они своими мозолистыми руками, немало кирпичей положено руками этого вечно жизнерадостного, вечно деятельного скромного муравья нашей партии.

В низах рабочих имя ее бессмертно.

В верхах партии роль ее будет признана и оценена по достоинству.

Таких имен партия не забывает.

Сегодня Екатеринбургская организация запечатлела это имя на страницах воскресшего «Уральского рабочего», чтобы светлый образ Оскаровны с первых же шагов партийной работы освещал трудовой путь наших товарищей, ободряя и вдохновляя их в великом деле созидания нового мира.

В Самаре у Авейде осталось двое малюток, а старший сын, чрезвычайно талантливый тринадцатилетний мальчик, несмотря на свою молодость, был на фронте и нес довольно ответственную партийную работу, обнаружив большую стойкость и сознание.

Самарский пролетариат, несомненно, будет считать своими этих детей и окажется их достойным отцом и воспитателем.

А. Маркова

НА ЗАРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Анна Никитична Маркова родилась в 1885 году. Член КПСС с 1906 года. С 1902 по 1907 год учительствовала. С 1908 года находилась в ссылке. После Октябрьской революции работала среди женщин в Мотовилихе. С 1921 до 1931 года — на ответственной советской и партийной работе. В 1931—1932 годах училась на курсах марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1933 году — член президиума Центрожилсоюза. В 1934 — 1941 годы — инструктор Президиума ВЦИК, затем консультант приемной Президиума Верховного Совета РСФСР, в 1943—1947 годах — помощник начальника группы труда и зарплаты при Совете Министров РСФСР. В настоящее время — персональный пенсионер.

Я хочу написать о том, как мы, молодые девушки-уралки, работали в подпольных кружках.

В 1905—1907 годах я учительствовала в приходской школе деревни Усть-Сыны (ныне Краснокамский район). В Мотовилиху приезжала только в праздничные дни и на летние каникулы.

Не могу без содрогания вспомнить о том, в каких тяжелых условиях при царизме приходилось учиться детям трудящихся.

Школа стояла на окраине деревни, рядом со свинарником, где арендатор мельницы откармливал породистых свиней. Это была изба с низкими окнами и низким потолком. Посредине избы стояла русская печь. В углу кое-как была отгорожена досками комнатка, где проживала учительница.

Около двадцати учеников из других деревень жили при школе. Мальчики спали на холодном полу, а девочки на печке, вместе со сторожихой. И в такой школе училось 40—45 человек, все три группы в одной комнатке.

Тяжело было детям учиться тогда, да нелегко было и учительнице, получавшей жалованье двенадцать рублей в месяц.

В 1905 году, на каникулах в Мотовилихе, на одной из вечеринок я познакомилась с братьями Туркиными. Они очень интересовались, кто что читает. Я, например, рассказала, что мною прочитаны: Н. Г. Чернышевского «Что делать?», Э. Войнич «Овод», В. Гюго «Отверженные», сочинения М. Горького и другие. Саша Туркин даже похвалил меня и в тот вечер рассказал нам о революционном движении, о расстреле рабочих в Петербурге 9 января, дал листовку с призывом к борьбе с царизмом и две брошюрки. Так завязалось мое знакомство с революционерами.

Мои соученицы и подруги: Костарева, А. И. Колеватова, Г. Н. Дементьева (учительницы), А. А. Запольская, А. А. Хохрякова-Шабанова, Лида Белозерова (медработники) жили и работали в Мотовилихе. Они уже были вовлечены в политические кружки, где с ними периодически проводили беседы.

Когда я приезжала домой на каникулы, мы встречались у нас. Шура Колеватова и Запольская вводили меня в курс работы подпольного кружка, которым тогда руководила М. П. Федорова. Мы разучивали революционные песни и распевали их на вечеринках.

Помню, летом 1905 года у нас в квартире собрались девушки, среди нас была и М. Д. Миславская, член партии с 1903 года. Пропагандист М. П. Федорова рассказала нам о надвигающихся революционных событиях, о террористах-народниках — Перовской, Желябове и других, и разъяснила нам отношение РСДРП к террористическим актам.

Лето 1905 года в Перми и Мотовилихе было насыщено революционными событиями: забастовки, митинги, демонстрации. Помню, например, 14 мая, я только что приехала на летние каникулы. Приходит Шура Колеватова и говорит, что в Перми назначено собрание учителей, где будет обсуждаться вопрос о задачах Всероссийского учительского профсоюза. Мы, учительницы, были

заинтересованы этим. Поехали в город. Оказалось, что губернатор не разрешил собрания. А народу собралось много. Пермский комитет РСДРП выпустил листовки и призывал рабочих и молодежь организовать на улицах демонстрации с протестом против царского произвола.

Приехали мотовилихинские рабочие. Построившись в ряды, с красными знаменами и с пением революционных песен, во главе с вожаками Борчаниновым, Мишей Туркиным прошли по Сибирской улице. И на других улицах, где собрался народ, также выступали ораторы и призывали рабочий класс к борьбе с самодержавием.

Вначале полиция растерялась, а потом начала разгонять демонстрантов, пуская в ход пожарные шланги. В одном месте разгонят, в другом снова соберутся. Так продолжалось несколько часов. Мы, девушки, перебегая от одной группы к другой, ловили каждое слово ораторов.

Еще одно примечательное событие. Это было в июле 1905 года. Мотовилихинские рабочие объявили забастовку, предъявили администрации завода ряд экономических требований, а также потребовали освобождения товарищей, арестованных за майскую забастовку. Не получив от администрации ответа, партийный комитет большевиков предложил в ближайший воскресный день собраться на горе Вышке и обсудить дальнейшие действия.

Мы — группа девушек и молодежь — пошли на этот митинг. Многие рабочие пришли туда с женами. Настроение у всех было боевое, выступавшие большевики сообщили, что администрация завода не выполняет требований рабочих, обрисовали положение рабочих на уральских заводах, рассказали об их борьбе за политические права. Некоторые из присутствовавших начали выкрикивать лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Долой самодержавие!». На конях прискакали казаки и с гиканьем бросились на рабочих, стали хлестать их нагайками, размахивая шашками. Был убит отец известного старого большевика А. Л. Барчанинова. Народ бежал, спасаясь кто как умел.

Так не будучи еще членом партии, проходила я школу политической подготовки. В деревне, где я учительствовала, я также наблюдала, как кулаки-мироеды

издевались над беднотой и батраками. В моей душе разрасталась ненависть к существующему строю.

Декабрьское вооруженное восстание в Мотовилихе в 1905 году не обошлось без жертв. Много было раненых и убито несколько товарищей-боевиков. Похороны убитых сопровождались демонстрациями.

Когда несли на кладбище Васю Копылова и других товарищей, полиция пыталась срывать красные знамена и ленты с надписями. Провожающая публика, дружинники и родственники с возмущением протестовали, не обошлось и без стычек с полицией. М. Д. Миславская ударила своей сумкой по лицу полицейского. Характерно, что священник (отец Сергий), который отпевал павших за свободу, впоследствии был административно выслан в Вологодскую губернию.

После уличных боев партия большевиков поручила нам навещать раненых, оказывать их семьям материальную помощь. В этих боях пострадали мои близкие друзья П. И. Ратаев, А. А. Шабанова, которая, как медсестра, оказывала помощь пострадавшим дружинникам. Однажды, возвращаясь домой, она была ранена казаками в грудь. Только благодаря своевременно сделанной операции она осталась жива.

Накануне нового, 1906 года мы — А. И. Колеватова, Шабанова, Запольская и я, собрались на квартире учительницы Т. Н. Дементьевой для встречи нового года. Сюда же пришли Саша Туркин, А. В. Марков, мой брат Николай и руководитель боевой дружины Яша Кузнецов (перешедший уже на нелегальное положение). Кузнецов сделал коротенькое сообщение о текущем моменте. Он говорил, что поражение революции временно и что надо готовиться к будущим боям. Прошло несколько дней и Яши Кузнецова не стало, его убила полиция по дороге из Мотовилихи в Пермь.

Похоронили его с почестями и мы, девушки, принимали в похоронах самое активное участие. Собрали деньги, купили цветов, венки с красными лентами и надписями: «Дорогому товарищу, погибшему за свободу». Под пение революционного похоронного марша вынесли гроб из дома, а когда пришли на кладбище, оно уже было окружено полицией. Кто-то из товарищей произнес короткую речь, а спуская гроб, еще раз спели похоронный марш.

Пока зарывали могилу, мужчины быстро, поодиночке, разошлись, прячась от полиции, а мы остались среди родственников и с ними ушли с кладбища.

После каникул я привезла в школу много революционных брошюр, популярных книжек издательства «Донская речь», где печатались рассказы Горького, Чехова и других прогрессивных писателей. Я раздавала их ученикам, нередко вечерами устраивала с ребятами совместную читку и беседы.

Приходилось мне бывать и на крестьянских сходках, приносила сюда газеты и книжки. Деревенские кулаки злобствовали, не раз по вечерам пьяные подходили к школе, ругая меня, называли «стриженой политиканкой» и угрожали утопить в пруду. Спасло меня только то, что со мной жили ученики из других деревень.

События 1905 года глубоко укрепили мои революционные взгляды. В июне 1906 года я вступила в РСДРП.

В 1906 году царизм усилил репрессии, стал громить партийные организации, многие участники вооруженного восстания были посажены в тюрьмы. После провала подпольной типографии в Перми были арестованы Миша Туркин, Колеватова, Латышев и другие товарищи.

Позднее, в 1907 году, за оказание медицинской помощи раненым товарищам-боевикам были посажены в тюрьму Запольская и Захарова. Запольскую судил военный суд, но она была оправдана. А. В. Захарова после четырехмесячного заключения была освобождена из тюрьмы, А. А. Шабанова после семимесячного пребывания в тюрьме была сослана на три года в Тобольскую губернию.

Приезжая в Мотовилиху на каникулы, я получала от партийного комитета поручения поддерживать связи с тюрьмой, куда я ходила на свидания под видом сестры Колеватовой, Шабановой, Запольской, а к мужчинам как жена или невеста, при этом приходилось не раз менять свой костюм. Из тюрьмы получала поручения от товарищей М. М. Загуменных, В. И. Петухова и других. Эту связь с тюрьмой поддерживала я вплоть до выезда в ссылку к моему мужу, до августа 1908 года.

Когда мы поженились с А. В. Марковым в 1907 году и жили в Мотовилихе, наша квартира была конспиративной, здесь проводились партийные собрания, печатали мы с ним на гектографе листовки, прокламации, которые

распространяли на заводе. Частенько мне приходилось даже разносить их по квартирам товарищей.

Не могу умолчать об одной обструкции в Пермской тюрьме, которая наделала много неприятностей полиции и властям города Перми.

В 1907 году летом моя подруга А. И. Колеватова, просидев около года в тюрьме, объявила голодовку, предъявив требование о рассмотрении ее дела. Прокуратура никаких мер не принимала. На десятый день голодовки мы вместе с М. М. Загуменных принимали участие в освобождении заключенной.

Был день свидания с родными. Народу у тюрьмы собралось много. Пришлось нажимать с воли на прокурора и Казанскую судебную палату, требовать освобождения А. И. Колеватовой, так как состояние голодающей было тяжелым.

Политические заключенные устроили обструкцию. Вся тюрьма была поднята на ноги. Начали бить стекла, ломали разные предметы в камерах. Все улицы около тюрьмы были заполнены народом, молодежь в садике против тюрьмы распевала вполголоса: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов...»

Нагрянула полиция, драгуны на лошадях начали разгонять народ, размахивая нагайками, бросались на публику. Но обструкция в тюрьме разгоралась все сильнее. Из женской камеры послышались крики: «Товарищи! Нас бьют!» Это кричала К. И. Кирсанова, которую тюремщики стаскивали с решетки в карцер. Публика вне тюрьмы страшно негодовала, выкрикивая: «Убийцы! Опричники!» Наконец, в четыре часа дня, мать, брата и меня впустили в камеру к голодающей, она лежала в каком-то забытьи, еле произносила слова. Минут через 20—30 нам объявили, что заключенная Колеватова освобождается из тюрьмы.

Это известие, как молния, разнеслось по всей тюрьме. Когда мы выносили Колеватову на руках из камеры на свободу, вся тюрьма ликовала.

На четвертый или пятый день после освобождения ей пришлось скрываться, так как в ее доме была полицейская засада. Мы уехали с ней в деревню к моей бабушке, где и прожили около двух недель. За это время Пермский комитет большевиков, секретарем которого была М. М. Загуменных, выправил нелегальный паспорт и

явку для Колеватовой, и она уехала на нелегальную работу в Оренбург, где стала работать в нелегальной типографии, а потом в подпольных кружках.

В 1908 году она вновь была арестована и отправлена в Пермскую тюрьму. Освобождена была в 1910 году. И так вплоть до революции 1917 года, преследуемая царскими сатрапами, она вынуждена была с семьей часто менять местожительство и работу. После революции А. И. Колеватова ряд лет работала на руководящей партийной и советской работе в Перми, Мотовилихе, Кургане и Свердловске. Без отрыва от основной работы она окончила педагогический институт. Умерла она в 1943 году. Член партии с 1905 года, А. И. Колеватова одна из активнейших членов подпольного кружка в Мотовилихе, беспредельно преданная делу революции и партии большевиков.

После поражения революции 1905 года сотни мотовилихинских товарищей-подпольщиков были брошены в тюрьмы, высланы в административную ссылку и на вечное поселение.

Партия большевиков ушла в глубокое подполье. Но, начиная с 1910 года, когда большевики стали возвращаться из ссылки, политическая работа значительно оживилась. Мы, женщины, работавшие вне завода, организовались вокруг библиотеки имени Смышляева. Библиотекарем тогда работал большевик В. Пономарев, вернувшийся из ссылки. Это был по виду легальный кружок, ставивший своей целью идеологическое воспитание рабочей молодежи, борьбу против упадничества, против вредных увлечений арцыбашевщиной. Кружок этот состоял не только из молодежи, но и пожилых рабочих и большевиков, например, в нем участвовали П. М. Обросов, В. Новожилов, А. Ермолаев, А. А. Шабанова и другие.

Иногда в библиотеке проводились читательские конференции с дискуссиями. Мы имели возможность получать здесь информацию о текущих событиях, прочесть листовку, газеты, посланные из Центра.

Так, начиная с небольших подпольных кружков, учились мы у профессиональных революционеров, расширяя свой политический кругозор, участвуя в подпольной работе.

Л. Дружинина

РЯДОВОЙ СТАРОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГВАРДИИ

Анна Александровна Чернавина-Садина родилась в 1885 году в Нейво-Алапаевском заводе. С одиннадцати лет работала «в людях» нянькой. В 1905 году окончила школу кройки и шитья и стала зарабатывать на жизнь шитьем. В конце 1905 года вступила в Алапаевскую организацию большевиков. С 1907 до 1917 года — в тюрьме и ссылке. В 1918—1919 годах работает в подпольной большевистской организации в Сибири. После освобождения Сибири от Колчака — на партийной и советской работе. С 1943 года персональный пенсионер. Награждена орденом Ленина.

Автор воспоминаний — Л. Дружинина, активный участник революций 1905—1907 годов на Урале.

Осень 1907 года. Разгар столыпинской реакции. Екатеринбургская тюрьма заполнена политическими заключенными, мужчинами и женщинами.

В нашу женскую политическую тюрьму начинают прибывать женщины, арестованные на уральских заводах. Это в большинстве работницы заводских партийных организаций — социал-демократки-большевички.

Из этой группы арестованных мне более всего запомнилась Нюра Чернавина, которая прибыла к нам из Нейво-Алапаевского завода. Арестованная в Алапаевске вместе с другими девушками в сентябре 1907 года, она находилась вначале в Верхотурской тюрьме, а затем уже прибыла к нам.

С Нюрой я просидела в Екатеринбургской тюрьме в одной камере около двух лет и теперь, вспоминая прош-

лое, хочется отметить некоторые черты ее характера, на которые мы тогда по молодости лет не обращали особого внимания.

Как сейчас я представляю себе Нюру той поры. Это была живая общительная девушка с простым и приветливым лицом. Тюремная обстановка не мешала ей оставаться веселой и жизнерадостной.

В тюрьме она много болела: у нее были больны легкие, но несмотря на это она никогда не унывала.

Вскоре Нюра получила от нас прозвище (в тюрьме очень любили давать прозвища) «Нюра Алапаиха», очевидно, по месту ее рождения и революционной работы.

В дальнейшем Клавдия Тимофеевна Новгородцева (Свердлова) прозвала ее «Федька-почтальон», за необыкновенную ретивость и ловкость в приеме писем, или, как тогда называли, «почты» от товарищей заключенных.

Обычный способ отправки «почты» был такой. Письма привязывали крепко-накрепко ниткой или веревкой к корке черного хлеба и при громком возгласе «почта»! перебрасывали через тюремный забор во время прогулки.

Ловкость, находчивость, а также быстрота «почтальона» обеспечивали сохранность писем и передачу их по назначению. Главной же задачей было, чтобы «почта» «не провалилась», то есть не попала в руки тюремной администрации.

Письма эти заменяли газеты, которые в тюрьму не допускались, а также личное общение с товарищами.

В письмах сообщались политические и тюремные новости, а письма «Андрея» (Свердлова) к его жене Клавдии Новгородцевой читали всей камерой, так как зачастую это были рефераты на политические темы.

Мы тогда не имели привычки расспрашивать друг друга о семье, об обстоятельствах, при которых произошел арест. Детство Нюры Чернавиной, как я узнала спустя много десятков лет, прошло в тяжелых условиях. Выросла она в рабочей семье, отец умер рано, мать одна подняла восьмерых ребят, среди которых Нюра была младшей. Едва ребятишки подрастали, они шли работать: мальчики на завод, а Нюра, окончив начальную школу, с одиннадцати лет стала зарабатывать кусок хлеба, живя «в людях».

А. Ашихмина

В. Сабанеева

М. Бычкова – Уфимцева

Л. Бойкова

Е. Вайнер

З. Осколкова

После смерти матери, в 1904 году, Нюра уехала в Нижний Тагил, где окончила школу кройки и шитья и, вернувшись весной 1905 года в Алапаевск, стала зарабатывать на жизнь шитьем.

Братья пытались грубо опекать Нюру, и она в девятнадцать лет ушла из дома в семью замужней сестры.

Через мужа сестры Ивана Мишарина, работавшего токарем в механическом цехе, Нюра получила первое знакомство с нелегальной литературой.

Захваченная революционным движением, в конце 1905 года Нюра вступила в партию большевиков, и новые товарищи заменили ей родную семью.

Нейво-Алапаевский завод, в котором родилась, выросла и работала Нюра Чернавина, — один из старейших заводов Урала. Он играл большую роль в революционном движении на Урале в 1905—1907 годах.

В Алапаевске было волостное правление. В годы революции в волостное правление избирали зачастую передовых рабочих, и тогда помещение волостного правления становилось клубом рабочих. А. А. Чернавина в своих воспоминаниях пишет: «Волостное правление было нашим клубом. Там устраивались лекции, народные чтения, доклады. При библиотеке открыт был читальный зал, где можно было прочесть любую центральную газету, установлено дежурство».

В 1905 году на Алапаевском заводе существовала крупная по тем временам большевистская организация, насчитывавшая 150 человек, а к февралю 1907 года Алапаевская окружная организация насчитывала уже 504 члена большевистской партии.

Большую организационную работу на заводах Урала вели выдающийся руководитель и организатор рабочих Урала Я. М. Свердлов, а затем в 1906 году ему на смену пришел товарищ «Артем» (Федор Андреевич Сергеев).

Я. М. Свердлов побывал в Алапаевске в октябре — ноябре 1905 года, а «Артем» по приезде на Урал в 1906 году объехал все крупные заводы Урала, в том числе и Алапаевский завод.

Алапаевцы гордились тем, что их партийная организация была настолько крупной, что от них был избран делегат на V съезд партии.

7 Заказ 964

Обстановка в Алапаевске в те годы была очень напряженной.

Полиция пыталась натравить население на более сознательных рабочих. Она организовывала поджоги и пожары, обвиняя в этом «политиков» и «забастовщиков».

Вот что пишет Чернавина в своих воспоминаниях об этих событиях: «Весна 1905 года началась с пожара. Горели дома и кварталы. Население было встревожено. Распускались провокационные слухи, что поджоги совершают «политики» и «забастовщики»... Мы, молодежь, были самыми активными пожарниками. Тушить пожары ходили группой. Ближе узнавали друг друга.

Заводское начальство и полиция в связи с пожарами добивались высылки передовых рабочих из завода, но эта затея вызвала сильное возмущение среди рабочих и закончилась неудачей.

В начале лета, — пишет Чернавина, — был пойман поджигатель, подкупленный полицией. Население поняло, кто его враг. Усилили надзор по улицам, подняли жителей на охрану кварталов. Таким образом пожары были прекращены».

О размахе и организованности движения рабочих Алапаевского завода свидетельствует тот факт, что с 7 по 20 марта 1905 года на заводе была проведена забастовка, для руководства которой был избран общий центр из представителей каждого цеха.

Избранные депутаты (33 человека) 12 марта постановили именовать себя «Собранием рабочих депутатов», которое возглавлял большевик Г. Г. Ветлугин.

Перед забастовкой большевики выпустили и распространили среди рабочих прокламации. Забастовка носила экономический характер: было выставлено требование повысить сниженные в конце февраля расценки. Забастовку поддерживали и крестьяне, работавшие на добыче и подвозке руды. Они горячо откликнулись на предложение большевиков о совместном выступлении по земельному вопросу и послали своих представителей в «Собрание рабочих депутатов».

С 18 апреля депутатское собрание стало именоваться «Собрание рабочих и крестьянских депутатов». Это была первая попытка создать на Урале Совет рабочих и крестьянских депутатов.

В течение полутора месяца Собрание депутатов фактически управляло заводом. Собрание депутатов проводило митинги и собрания в цехах, потребовало от заводоуправления увольнения тех из административного персонала, кто особенно притеснял рабочих. Были созданы своеобразные цеховые комиссии, которые устанавливали квалификацию отдельных рабочих и расценки на сдельные работы, контролировали прием и увольнение рабочих, обеспечивали революционный порядок в поселке.

Из среды рабочих выделялись организаторы и руководители отдельных групп: токарь Мишарин, токарь Смольников и другие.

Первое мая 1905 года прошло в Алапаевске с большим подъемом. Состоялось многочисленное собрание — маевка, в котором приняли участие и крестьяне деревни Алапаихи.

Насколько велик был страх заводской администрации перед развернувшимся революционным движением алапаевских рабочих, свидетельствует следующая телеграмма управляющего заводами Грум-Гржимайло, посланная 26 августа 1905 года владельцам заводов:

«Положение весьма серьезное алапаихинцы наделали дерзостей окружному инженеру нам грозят смертью буду хлопотать правительственной ревизии и правительственной посреднической комиссии долженствующей разобраться и избавить нас от этой шайки разбойников, иначе всей рудничной администрации Михееву (завед. рудником) и мне придется покинуть Алапаевск. Грум».

Вот в этой-то обстановке росла, работала и закалялась как член партии большевиков Нюра Чернавина, тогда еще совсем молодая девушка из рабочей семьи.

По зову партии была организована боевая дружина из молодежи. Мужчины, готовясь к предстоящим боям, упражнялись в стрельбе. Чернавиной поручили организовать кружок сестер-дружинниц. Девушки прослушали беседы врача, достали медикаменты и перевязочный материал, сшили сумки.

Заводское начальство готовилось к тому, чтобы задушить революционное движение на заводе, были вызваны казаки, которые избивали рабочих нагайками.

Вслед за казаками в Алапаевск прибыла воинская часть. Работа среди солдат была поручена Нюре Чернавиной и еще одной девушке. Они распространяли «Солдатскую газету» (нелегальный орган большевиков). Был организован кружок солдат, в нем занималось девять человек.

В 1907 году Чернавина по поручению партийной организации организовала доставку из Екатеринбурга нелегальных газет и литературы. Она помогала также в печатании на гектографе прокламаций.

Ей было поручено хранение нелегальной библиотеки и партийного архива.

В 1906 году в Алапаевске начались крупные аресты среди рабочих. В сентябре 1907 года Чернавина вместе с семью девушками, членами кружка сестер-дружинниц была арестована и отправлена сначала в Верхотурскую, а затем в Екатеринбургскую тюрьму.

Начались долгие месяцы заключения, протесты, голодовки. Одна из голодовок политических заключенных продолжалась пять дней. Было выставлено требование: прекратить жестокие избиения товарищей, сидевших в Николаевской тюрьме (в Нижней Туре).

Николаевская тюрьма была в то время застенком, в котором рассвирепевшая реакция расправлялась с революционерами.

Наступил день суда. Выездная сессия Казанской судебной палаты судила Чернавину за принадлежность к партии большевиков и приговорила ее к двум годам девяти месяцам каторжных работ, которые были заменены ей ссылкой на вечное поселение «с лишением всех прав и состояния».

«Прав я не имела, состояния меня лишить не могли, так как его у меня не было», — пишет Чернавина в своих воспоминаниях.

Накануне нового 1910 года Нюра Чернавина была отправлена в ссылку в Енисейскую губернию, в деревню Денисовка, Рождественской волости, Канского уезда.

В 1912 году Чернавина была снова арестована. Ее пересылают с места на место, считая «неспокойным элементом».

В жандармских документах уже после Февральской революции 1917 года был найден отзыв полиции: «Ссыльная Чернавина А. А. имеет влияние на ссыльных

и втягивает их в политическую работу. Помогает в побегах ссыльным и сама склонна к побегу».

В связи с объявлением войны с Германией в 1914 году была проведена мобилизация. В деревне Долгий Мост, где в то время жила Чернавина, в день отправки мобилизованных все население вышло на улицу. Мобилизованные построились в ряды. Чернавина вышла из рядов провожающих и произнесла речь, а вечером в тот же день ее вместе с мужем выслали из этой деревни.

Февральская революция застала Чернавину-Садину в городе Канске, где ссыльные создали партийную организацию большевиков. Чернавина вошла в местный партийный комитет и была избрана в городской Совет.

...Началась гражданская война в Сибири. 18 июня 1918 года белогвардейцы захватили Красноярск.

Красноярская тюрьма была переполнена арестованными большевиками из Красноярска, Канска, Минусинска.

Начались расстрелы без суда и следствия. Генерал Розанов объявил всех арестованных заложниками.

В Канске на площади были повешены большевики Коростелев и Степанов.

18 сентября 1919 года в Красноярске был расстрелян муж Чернавиной — ивановский рабочий, бывший политический ссыльный, Евгений Евграфович Садин.

Чернавиной-Садиной удалось бежать. Начались скитания по Сибири и Забайкалью.

Чернавина активно участвует в подпольной большевистской работе. Некоторые члены Правления общества потребителей «Экономия» снабжали забайкальских партизан всем необходимым, в том числе и деньгами, хранение которых было поручено Чернавиной.

С большими трудностями Анне Александровне удалось пробраться в Иркутск, где уже находилась Красная Армия. Ее направляют на работу в Забайкальскую дивизию Красной Армии.

В 1919 году Красная Армия при поддержке сибирских партизан начала преследование отступающей и совершенно деморализованной армии колчаковцев.

Как только были приведены в порядок мосты, взорванные колчаковцами, Чернавина выехала из Иркутска в Красноярск.

Здесь она в течение полутора лет заведует школой-коммуной, где жили и учились дети, отцы которых погибли в борьбе за Советскую власть. Затем партийная организация направляет ее на работу в ЧК, где она работает заместителем председателя и ведет работу с беспризорными ребятами.

В 1925 году Чернавина-Садина переезжает в Москву, где сначала работает в потребкооперации, выполняя одновременно различные партийные поручения.

В 1943 году она по болезни оставляет работу, но продолжает активно участвовать в деятельности партийной организации отдела социального обеспечения, выступает с воспоминаниями и редактирует стенгазету.

С 1935 по 1936 год Чернавина работала в контрольной комиссии Сокольнического райкома партии.

В связи с пятидесятилетием революции 1905—1907 годов А. А. Чернавина-Садина за активное участие в этой революции, а также за многолетнюю работу в рядах партии большевиков награждена высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

17 декабря 1960 года исполнилось 75 лет со дня рождения Анны Александровны и 55 лет со времени вступления ее в ряды партии большевиков.

В этот знаменательный день она получила поздравление от партийной организации родного Алапаевска и от партийной организации Баумановского района города Москвы, в которой она работает и по сей день.

Отмечая революционную работу рядового члена партии большевиков, бывшей уральской работнице А. А. Чернавиной-Садиной москвичи в своем поздравлении писали:

«Ваша революционная деятельность и вся жизнь с юношеских лет, беззаветно направленная на осуществление и торжество марксизма-ленинизма, служит примером для нас и молодого поколения».

С. Семенова

ЖИЗНЬ ПРОЖИТА НЕ ЗРЯ

Серафима Михайловна Семенова родилась в 1887 году. Член КПСС с 1925 года. В революционном движении принимает участие с 1905 года. Делегат I Всесоюзного съезда колхозников. С 1922 по 1950 год — на ответственной партийной, советской и профсоюзной работе. С 1951 года — персональный пенсионер.

Моя биография ничем не отличается от биографий сотен тысяч других людей, но я знаю, есть и моя доля в том, что коммунизм уже не мечта, а наш завтрашний день. Делу революции я отдала все, что могла, и бесконечно счастлива этим.

Родилась я в 1887 году в семье железнодорожника. Горько и нерадостно прошло мое детство. Отец работал кочегаром на паровозе, получал 13—14 рублей в месяц, и, конечно, не мог обеспечить многочисленную семью. Нас было девять человек, каждого надо одеть, обуть, накормить. Об учебе и говорить не приходилось.

Из пяти старших братьев трое смогли закончить начальное училище. Ну, а о девочках вообще не могло быть и речи. Учиться же очень хотелось. Украдкой у старшего брата научилась читать и писать. Когда пошли в школу младшие братья, я уже им помогала и сама около них набиралась грамоте. Отец, видя это, отдал

меня в школу, но проучиться мне удалось только год. Семья была в крайней нужде, и мне пришлось самой начать зарабатывать на хлеб. Совсем еще ребенком меня отдали в чужую семью, в няньки. Это было самое тяжелое для меня время. Оскорбления, обиды, побои, полуголодное существование — вот что сохранила память об этих моих детских годах. Особенно часто мне доставалось за любовь к чтению.

В отчаянии несколько раз убегала домой, но мать, плача от жалости, вынуждена была приводить меня обратно. Наконец, мне повезло: мамина родственница помогла устроить меня ученицей в типографию газеты «Урал». Как я была счастлива этой переменой в своей судьбе!

И вот с тринадцати лет я начала работать в типографии. Хорошего, конечно, было мало: мрачное, подвальное помещение, сырость, грязь и тяжелый непосильный труд.

Работали мы в две смены по 12 часов. Меня ничему не учили, а использовали на подсобной работе. В зимние морозные вечера полураздетую, голодную по нескольку раз посылали в лавку за табаком, за водкой. Постоянно оскорбляли, не скупились и на подзатыльники. Словом, за жалкие гроши издевались надо мной, как хотели. Но с большой теплотой я вспоминаю рабочих, хороших и отзывчивых людей. Старший печатник товарищ Медведко, член партии с 1905 года очень внимательно относился ко мне, учил меня набирать шрифт, подолгу беседовал со мной о жизни рабочих. Этот человек открыл мне глаза на окружающую действительность. Просто, понятно, на жизненных примерах, показывал он нам несправедливость существующего строя, рассказывал о людях, которые хотят построить новое, светлое будущее.

Однажды (это было в 1905 году) попросил он меня помочь наборщице Кате Комаровой набрать текст, разделить оригиналы и тайком вынести его. А в следующий вечер мы должны были прийти вместе с Катей Комаровой на квартиру к наборщице другой типографии Мельниковой. Это было мое первое поручение, которое я выполнила с большим волнением.

У Мельниковой я впервые попала на собрание большевиков, где познакомилась с товарищами из других типографий: с Мельниковой, Безденежных, Бертеневым

(член партии с 1904 года) и другими. Я, конечно, далеко не все поняла, что там говорили, но мне стало совершенно ясно: эти люди хотят построить новую жизнь для таких, как я, и за эту жизнь нужно бороться.

Борьба предстояла серьезная, жестокая. К ней нужно было тщательно готовиться.

С тех пор я стала часто выполнять поручения т. Медведко. Как-то раз он подозвал меня, посмотрел внимательно и сказал:

— Слушай, Сима. Вот этот сверток нужно обязательно передать Ване Чернозипунникову с завода Ятеса. Сможешь?

Конечно! Но как это сделать?

В нашей типографии работала высланная из Казани за политическую агитацию Катя Комарова. Я посоветовалась с ней и пошла выполнять поручение. Состояние было крайне возбужденное. Подошла к проходной завода, вызвала Чернозипунникова и передала ему обед. Он, видимо, все понял и провел меня на заводской двор. Изображая влюбленную парочку, мы присели на бревна и я незаметно передала ему сверток.

С тех пор я приходила к нему не раз, и все сходило с рук. Но на завод я проходила уже не через проходную, а через лазейку в заводском заборе, которую мне показал Ваня.

После этого товарищи Медведко и Бертенев часто давали мне подобные поручения. Несколько раз я ходила на макаронно-обойную фабрику Круковского к т. Петровскому. Обычно я встречала его после работы на Покровском проспекте (ныне улица имени Малышева) и передавала ему все, что мне поручали. Я все время мечтала о более серьезных поручениях. То, что я делала, казалось мне пустяком.

И вот однажды Афанасия Павловна Мельникова попросила меня вынести из типографии клейстер и ждать ее неподалеку. Вместе с ней мы пошли расклеивать прокламации. Это было уже более серьезное дело. Мы наклеили листовки около гостиницы Атаманова, у женской гимназии (по нынешней улице имени Карла Либкнехта), а остатки разбросали у театра, где теперь кинотеатр «Октябрь». В следующий раз я уже сама знала, как и что делать. После этого несколько раз ходила с Безденежным расклеивать прокламации. Клеили мы

прокламации на плотине в районе гранильной фабрики и в других местах. Делали это преимущественно в вечернее и ночное время, соблюдая крайнюю осторожность.

В 1905 году я впервые узнала, как проводится подготовка к празднованию Первого мая. Было проведено собрание на квартире у Мельниковой. Решили собраться на Каменных Палатках, в районе озера Шарташ под Екатеринбургом. Мы должны были приходить по одному-два человека. Были выделены товарищи в пикет. Я впервые была на маевке, слушала ораторов, затаив дыхание, и все старалась понять. Мне удалось увидеть и послушать речь товарища «Андрея» в драматическом театре, где теперь помещается кинотеатр «Октябрь». Впечатление было, конечно, огромное. С тех пор прошло уже более 50 лет, а я до сих пор отчетливо вижу черты его лица, жесты, слышу его пламенную речь. Он очень просто и понятно охарактеризовал наши дальнейшие задачи, призвал направить всю работу на подготовку вооруженного восстания.

Речь этого замечательного человека вливала в нас, простых людей, уверенность в победе, уверенность в то, что царское самодержавие будет свергнуто и вся власть перейдет в руки трудящихся. Мне стало ясно, что я должна делать, каким путем должна активно включиться в борьбу.

Работая в ночную смену, мы набирали прокламации, которые привлекали в наши ряды все больше и больше борцов за новую жизнь, но вскоре ночные смены были отменены и появилась необходимость создания своей подпольной типографии. Создали ее на квартире одной из наших наборщиц Мельниковой (угол Кузнечной и Харитоновской). Макет этой типографии до сих пор находится в музее Я. М. Свердлова. Мне было поручено обеспечить типографию шрифтом. С большим трудом удалось это сделать. Печатать и набирать приходилось и днем и ночью, соблюдая крайнюю осторожность. Уходя, все уносили с собой. Когда полиция нагрянула с обыском, то ничего не нашла. Но пришлось типографию организовать на новом месте.

Особенно запомнился мне один случай. Это было в 1906 году. Однажды во время работы Афанасия Павловна Мельникова сказала мне, чтобы после работы я ее подождала на бульваре. Там она сообщила, что я на

следующий день в 7 часов утра должна встретить ее на Харитоновской улице, захватив с собой корзину с крышкой. Утром мы встретились и пошли по Набережной к Федору Федоровичу Сыромолотову, который нас уже ждал. Для Мельниковой Федор Федорович уложил револьверы в дорожный сверток, завязал ремнями, а мне уложил в корзину, завернув в бумагу и закрыв тряпками и крышкой. Он нам порекомендовал пойти по Мельковке через мост. Мы быстро отправились по этому пути. Около картонажной фабрики нас встретил в переулке знакомый Мельниковой по имени Вася. Прошли калиткой прямо во двор, отнесли свою ношу в сарай, спрятали в сено и быстро ушли. Обратной дорогой Афоня сказала, что револьверы она должна отвезти в Лысьву.

В 1907 году неожиданно арестовали двух наших активных товарищей: Афанасию Павловну Мельникову и Ефима Васильевича Бертенева. Наша маленькая группа осталась без руководителей. До 1912 года работа затихла. И вот во время ленских событий к нам в типографию пришел Леонид Вайнер, который был послан для оживления политической работы среди печатников. Послали Вайнера наборщиком, хотя в этом деле он плохо разбирался, знал только наборную кассу, так что в дальнейшем нам (мне, Мельниковой, Безденежных) приходилось давать ему свой набор для выполнения нормы, выручать его. Леонид стал готовить нас к забастовке.

Работать становилось все труднее. Царская охранка значительно усилила свою деятельность. Вскоре был арестован Вайнер. Мне и другим товарищам было предложено работать только в ночную смену или уйти из типографии. В это время приехал т. Медведко. Он нам порекомендовал уехать куда-нибудь в Москву или Петербург, что мы и сделали.

В Петербурге я нашла союз печатников, председателем которого был т. Борщевский, меня направили в типографию «Труд».

В 1913 году типография забастовала. Я была выбрана членом забастовочного комитета и уполномоченным по сбору средств для многосемейных бастующих рабочих. Вскоре я познакомилась с товарищем Киселевым, членом партии с 1911 года, от которого впоследствии стала получать материалы для листовок. Мне было поручено поддерживать связь с товарищем Карнауховым из

депо Николаевского вокзала, вести там агитационную работу и распространять листовки и прокламации.

В начале 1914 года началась забастовка в типографии «Голос Руси», но нашлись штрейкбрехеры, и работа продолжалась. Союз печатников послал нас туда предложить свои услуги, а потом вывести машины из строя. Я поступила в эту типографию и в течение недели обе наборные машины вывела из строя. Забастовка была выиграна рабочими, но мне из типографии пришлось уйти.

В 1916 году я тяжело заболела туберкулезом, сказались годы работы в тяжелых типографских условиях. При помощи брата мне удалось добраться до дому, в Челябинск. С большим трудом я поднялась на ноги и вновь устроилась в типографию.

В 1918 году перед захватом Челябинска белыми мы вместе с наборщиком Александром Федоровичем Севастьяновым разобрали всю наборную машину и спрятали до прихода красных.

После 1917 года вокруг меня шла такая жизнь, происходили такие события, что я не могла оставаться в стороне и сразу включилась в работу.

Самым большим событием для меня в эти годы было вступление в члены ВКП(б). С тех пор прошло много лет и вот теперь, оглянувшись назад, я вижу, что все эти годы прожиты не напрасно.

Я горжусь тем, что в борьбе за лучшую жизнь есть и моя доля участия.

ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Елизавета Устиновна Белопашенцева-Пиньжакова родилась в 1888 году, работала в подпольной большевистской типографии, в Челябинске. После провала Челябинской организации РСДРП переехала в Уфу, затем в Пермь. С декабря 1907 до марта 1908 года работала в подпольной типографии Екатеринбурга. В марте 1908 года была арестована, а в мае 1909 года судом приговорена к году крепости, тюремное заключение отбывала в Екатеринбурге. По выходе из тюрьмы работала портнихой, а с 1922 года, окончив библиотечные курсы, до выхода на пенсию — библиотекарем.

Моя работа в подпольной типографии началась в конце мая 1907 года. Едва мы приехали в Челябинск и успели разложить вещи, как явился хозяин квартиры познакомиться с нами. Нас прибыло трое, но в комнате находилась одна (мы с товарищем вышли). Он спросил фамилию, и Маруся назвала первую, какая пришла ей на ум. Между тем, во дворе хозяин встретил нашего товарища и спросил его фамилию, тот назвал себя по паспорту. Нечего было и думать основываться на этой квартире. Ночь мы провели в большой тревоге. Мысль о том, что хозяин может донести в полицию и у нас сделают обыск, не давала нам покоя. О себе мы не думали, но жаль было типографию, оборудованную с таким трудом и риском. На второй день, рано утром, мы сняли другую

квартиру уже не в городе, а в поселке, при станции. Когда сообщили хозяину, что мы уезжаем, он сказал: следовало бы заявить о вас в полицию, вы очень подозрительные люди, нет у вас настоящих вещей, а только какие-то ящики да корзины и фамилии свои не знаете.

Пока товарищи разговаривали с хозяином, мы с Марусей уложили вещи на телегу и поспешили уехать. Не знаю почему, но хозяин нас не задержал, и мы благополучно перебрались на другую квартиру. Квартира была удобная, но хозяйка оказалась любительницей поговорить и начала к нам часто приходить, подолгу разговаривать и очень мешала нам работать. Мы решили перенести типографию в подполье.

Работа стала налаживаться, как вдруг хозяйка приходит и говорит, что забыла нас предупредить, что в подполье она на зиму засыпает картофель и поэтому ей нужно его осмотреть и, если там сыро, то посушить. Как только я услышала, что разговор идет о подполье, я сразу же начала одеваться, а хозяйке сказала, что у нас несчастье: умер отец и мне надо дать телеграмму, что мы выезжаем на похороны. Вещи оставим у знакомых и квартиру освободим. Таким образом, нам пришлось снова переезжать на другую квартиру, где мы остались работать вдвоем с приехавшим товарищем. Работали мы, главным образом, ночью.

Был у нас адрес товарища, где я брала бумагу и материал для печатания. Кроме того у меня было еще два адреса. К нам никто не приходил и мы никуда не ходили. Мой муж (по паспорту) был чертежник и работал на дому, в комнате был стол с чертежной доской и разные чертежные принадлежности. Когда хозяева к нам приходили, то видели, что их квартирант занимается работой. Отпечатанные прокламации я уносила в ручной корзине, сверху клала немного овощей, и создавалось впечатление, что я иду с рынка, в руках сверток с недошитой блузкой. Блузку брала для того, чтобы сделать вид, будто я иду к портнихе. Хозяйка квартиры, куда я приносила литературу, сочувствовала нам, и я с ней договорилась, что буду ей приносить работу, что-нибудь шить. С чем я прихожу к ее квартиранту, что уношу от него, она не знала.

В ноябре я пошла с литературой и, как всегда, с корзинкой, в которой были свежие овощи, и с шитьем в ру·

ках. Когда я открыла дверь, увидела жандармов. Стараясь быть спокойной, пошла в прихожую. Через открытую дверь в комнате товарища я увидела, что у него делают обыск. Развернув блузку, я обратилась к подошедшей хозяйке и громко спросила, когда она сделает работу и какие пуговицы купить для блузки. Один из жандармов заглянул ко мне в корзинку и, увидев овощи, отошел от меня. Я со своей корзинкой благополучно ушла.

Во дворе нашей квартиры меня встретила хозяйка и сообщила, что ночью арестовано много людей, что открыта и разгромлена целая организация, только не могут найти типографию, но, бог даст, и ее найдут, сказала она в заключение.

С тяжелым чувством я ушла к себе: жаль было товарищей, жаль, что работа прервется. Нам ничего не оставалось делать, как скорее спрятать типографию.

Я пошла по оставленному адресу, там я узнала, что организация разгромлена (выдал всех провокатор), что обыски еще продолжаются, ищут типографию.

По другому адресу типографию поставить тоже было нельзя: товарищ железнодорожника сам ждал обыска. Пошла с ним к рабочему, который был вне подозрения. Последний достал лошадь и сам поехал за вещами. У нас уже было все уложено и увязано, но когда мы сказали, что уезжаем, хозяин заявил, что без полиции нас не выпустит, так как мы вызываем у него подозрение. Он наказал возчику вещи не увозить и ждать его. Только хозяин вышел за ворота и завернул за угол, мы быстро выехали со двора и благополучно уехали. На другой же день типография была надежно спрятана. Через неделю и мы уехали, один в Иркутск, а я в Уфу, где прожила около месяца и уехала в Пермь, а оттуда в Екатеринбург. Здесь меня ждал товарищ Майоров с женой Ниной Чистяковой. Они приехали из Москвы для работы в нелегальной типографии. Мы сняли квартиру в Верх-Исетском заводе по Матренинской улице, 7 (теперь ул. Синяева). Квартира маленькая, но удобная для нас: внизу кухня, а вверху комната с перегородкой, где мы и устроили типографию. Квартира была обставлена так, что не могла вызвать подозрения: в переднем углу иконы в серебре, на стене два больших портрета — царя и царицы.

Когда к нам приходили хозяева, то с удовольствием смотрели на богатые иконы и портреты в красивых рамах.

Проработали мы с декабря 1907 до марта 1908 года. Хотя товарищ Майоров был хорошим конспиратором, но все же шпик, который следовал за ним из Москвы, выследил его. В ночь с 8 на 9 марта раздался стук в дверь и окна. Пока Майоров открывал дверь, я успела уничтожить адреса и фотокарточки.

Дом был окружен ингушами, комнату и кухню заполнили жандармы. Искали оружие. В 9 часов утра обыск закончился и нас повезли в тюрьму, где находились многие политические заключенные. Началась тюремная жизнь.

Через год и два месяца нас судили, к нам троим присоединили еще двоих: Теодоровича и Бабинцева. Суд был 15 мая 1910 года. Теодорович и Майоров были приговорены к 4 годам каторги, Бабинцев к поселению, а меня и Чистякову приговорили к году заключения в крепости. Наказание отбывала в Екатеринбургской тюрьме.

Вот так приходилось работать в нелегальных условиях царского времени.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

И СКАЗКА СТАЛА БЫЛЬЮ...

Римма Яковлевна Юровская родилась в 1898 году. Член КПСС с 1917 года. В 1918 году работала председателем Уральского обкома РКСМ. Участница гражданской войны на Урале. В последующие годы была председателем Вятского губкома РКСМ, секретарем ЦК РКСМ. С 1926 года — на руководящей и ответственной партийной работе в Свердловске, Воронеже и Ростове-на-Дону. В настоящее время — персональный пенсионер.

Екатеринбург, 1917 год. Я и Маруся Жеребцова (Сокольская) в последнем классе II женской гимназии. Февральская революция всколыхнула все слои населения, но по-разному. Ученицы разделились на два лагеря: буржуазное большинство и революционное меньшинство. Мы, конечно, в меньшинстве. Реакционные преподаватели стараются не допустить проникновения революционного духа «с улицы» в стены гимназии. А на улицах беспрерывные митинги, выступают представители разных партий, но только большевики несут в массы понятные и близкие лозунги: «Долой империалистическую войну!»

Мой отец, в то время солдат, Яков Михайлович Юровский, большевик с 1905 года, выступает от имени большевиков на всех митингах. Мы с Марусей — всюду за ним, до поздней ночи. Он помогает нам формировать наши политические взгляды. Мать моя, Мария Яковлев-

на, с первых дней работает в партийном комитете большевиков, в экспедиции по распространению большевистских газет, журналов и книг. Мы выполняем отдельные поручения, раздаем программу партии, брошюры, разносим газеты. В первые дни революции, с целью оказания помощи освобожденным из ссылки и тюрем, в театре был организован вечер. Проводили кружечный сбор денег. Большевистский комитет открыл там свой книжный киоск, им руководила моя мать, а мы продавали литературу, собирали пожертвования.

Наш черносотенный учитель истории Чернявский на этом вечере старался сагитировать нас вступить в кадетскую «Лигу равноправия женщин». Он рассказывал, что эта «Лига» борется за права женщин.

Возражая ему, я заявила:

— Есть другая организация, которая борется за права женщин.

— Не знаю такой,— ответил он.

— Эта организация,— продолжала я,— социал-демократическая партия большевиков. Вот — программа, пять копеек стоит...

Растерявшись, он покупает у меня программу, но повторяет: — А все-таки, идите в «Лигу равноправия».

Вскоре появилась организация учащихся. Она носила странное название «Цекапос» (Центральный комитет профессионального союза учащихся). Мы боролись в ней с буржуазным влиянием, а потом более революционно настроенная молодежь вышла из этого «Цекапоса».

Выполняя отдельные поручения комитета большевиков, мы с Марусей не могли уже оставаться вне рядов партии. И вот 4 апреля 1917 года мы — члены РСДРП(б), в руках у нас маленькие билеты. Выдала нам их Мария Николаевна Уфимцева. Это была скромная, беззаветно преданная делу большевичка, такая незаметная, тихая, с большой доброй душой. Она всегда была там, где мало почестей, но много трудностей. С большим уважением относились к ней все большевики. Не последнее место занимает она в истории большевистской партии на Урале.

Взволнованные, выходим мы из Екатеринбургского комитета большевиков и видим на стене дома маленькое извещение о созыве 5 апреля собрания молодежи. Мы пошли туда. Собралось 24 человека, в основном дети

большевиков и немного молодых рабочих. На этом собрании и была создана юношеская организация при Екатеринбургском комитете РСДРП(б). Выбрали комитет, определили основные задачи: помощь большевикам и политическое воспитание молодежи. Меня выбрали председателем этой организации, а Марусю Жеребцову-Сокольскую — секретарем.

Так началась наша политическая деятельность. В одной из комнат нам поставили стол — и закипела работа. В юношескую организацию потянулась молодежь.

В помощь нашей организации комитет большевиков выделил Елену Борисовну Вайнер. Она проводила с нами занятия по программе РСДРП(б). Горячо взялись мы за изучение политграмоты и не менее горячо и активно помогали партии в практической работе.

На первомайской демонстрации юношеская организация уже выступила самостоятельной колонной со своим знаменем. Шли мы за колонной большевиков, а на знамени написали лозунг, казавшийся нам тогда очень боевым: «Вперед, товарищи, за дело!», а на другой стороне: «Юные пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Мы вели борьбу за молодежь, попавшую под влияние эсеров, меньшевиков, анархистов. Под воздействием нашей агитации многие юноши и девушки отходили от соглашателей и переходили к нам. Так пришла к нам после короткого пребывания у эсеров Лена Королева (Лабас), вступившая тогда же в партию большевиков и ставшая впоследствии активным комсомольским работником, участником гражданской войны.

В августе обстановка в Екатеринбурге резко осложнилась: меньшевики и эсеры, вкупе с кадетами начали травлю большевиков. По приказу Керенского была закрыта газета «Уральская правда». Многие ребята начали уходить из юношеской организации. Но основной наш актив не падал духом. Наши ребята помогли выкрасть последний конфискованный номер «Уральской правды» (весь тираж) и унести газеты на Верх-Исетский завод и в солдатские казармы.

В августе юношеская организация была реорганизована в «Социалистический Союз рабочей молодежи III Интернационал» — организацию массовую.

В это же время проходил пленум обкома партии, где мне пришлось выступить с докладом о задачах Союза. Я очень волновалась: шутка ли впервые выступить на таком ответственном собрании! Пленум обкома принял тогда решение о помощи делу организации молодежи и о том, чтобы молодые по годам члены партии шли работать в комсомол для усиления в нем партийного влияния. Группа таких членов партии пришла к нам, среди них была Катя Кочкина. Катя тогда была на год-два старше нас, но уже с опытом подпольной партийной работы; невысокая, с длинной русой косой, серьезная, резкая и справедливая, она часто сдерживала нас, порой легкомысленных. Катя провела большую организационную работу. Ряды наши укрепились. Так подошли мы к Октябрьским дням.

В ночь на 26 октября 1917 года по телеграфу пришло сообщение из Питера о переходе власти в руки Советов. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. В ту же ночь городской комитет Союза социалистической рабочей молодежи созвал широкое собрание актива с обсуждением вопроса об отношении к октябрьскому перевороту. Собрание протекало бурно. Проголосовали за социалистическую революцию, за безусловную и активную поддержку большевиков.

В эту же ночь мы получили первое боевое крещение. Верхушка почтово-телеграфных чиновников, узнав о победе питерского пролетариата, начала саботаж. В городе прекратилась телефонная и телеграфная связь. Нас послали заменить саботажников на телефонной станции. Во главе с представителем большевистского Комитета Костей Наумовым, Маруся Жеребцова, я и еще группа молодежи зашли в опустевший и замолкший зал центральной телефонной станции. Никто из нас не имел понятия, как обращаться с аппаратами, но через два часа мы с грехом пополам наладили телефонную связь. К утру саботаж был сломлен, чиновники вернулись на работу. А нас закидали камнями окружившие станцию хулиганствующие молодчики из учащихся.

Когда Екатеринбургский Комитет Союза молодежи под руководством Уралобкома большевиков подготовлял первый областной съезд Союза социалистической рабочей молодежи, к нам пришла, чтобы помочь подготовить съезд, Клавдия Григорьевна Завьялова — старая

большевичка, член обкома партии. В закопченную, полную чада от железной печурки, комнату комитета приходила она по вечерам, проводила беседы с молодежью, помогала составлять программу и устав и проекты постановлений, помогала и в организационной работе. Терпеливо, заботливо возилась она с нами и много вложила хорошего в наши головы. За многое благодарно ей первое поколение уральских комсомольцев, нуждавшееся в поддержке умного наставника.

Маруся на съезде делала доклад об Интернационале, это был ее первый политический доклад. Маруся, круглолицая, румяная, веселая, «колобок» как ее называли близкие товарищи, добросовестно подготовила доклад. Она вообще ко всякому делу относилась со всей серьезностью. В обком из девушек вошли Маруся и я. Меня избрали заместителем председателя, Марусю — членом президиума. В основном она руководила городской организацией.

В конце февраля 1918 года 1-я сотня молодежи уходит на Дутовский фронт в дружине И. М. Малышева. Маруся Жеребцова, Катя Кочкина, я и Соня Гребнева составили санитарный отряд. Как живая, стоит у меня перед глазами кудрявая девушка, с нежным лицом, мягким голосом, но с твердым характером — Соня Гребнева. Она рано начала работать, чтобы помогать родителям поднимать семью. Вступив в партию, целиком отдала себя делу революции. Дутовский, чехословацкий, трудовой фронт... И только уже в поздние годы идет учиться и кончает институт. Умерла Соня от туберкулеза.

В пять дней нас обучили оказывать первую помощь, снабдили медикаментами. Выдали мандаты на реквизицию теплых вещей в частных магазинах. Так достали свитеры, шарфы, рукавицы, шапки. Одели нас в кожаные куртки и выдали по маленькому браунингу. Медицинские знания приобретались уже на фронте. Весь путь прошли мы с сотней. Труднее всего приходилось нам, когда в оренбургских степях в казацких станицах, где не было никакой медицинской помощи, при нашем приходе к нам обращались, видя в нас «докторов». Мы не отказывали, помогали чем могли, но были беспомощными при трудных болезнях.

Вернулись мы из похода 1 мая 1918 года. Надо было

восстанавливать Союз. Он был обескровлен, так как весь актив воевал. На пленуме обкома меня выбрали председателем.

Мирная передышка была короткой. Снова фронт — мятеж белочехов. Весь обком Союза уходит воевать. Нас направляют на Златоустовский фронт. Командует им И. М. Малышев. Мы едем вместе с Н. Г. Толмачевым, назначенным туда комиссаром фронта. К нам присоединилась Лена Королева. Нас, девушек, стало пятеро. Так прошли мы весь путь до Перми. Наш командир Петр Типикин написал даже стихотворение о девушках на фронте. Не помню его целиком, только начиналось оно так:

Я не видал достойней вас,
Вы — радость наших дней суровых...

Трудный путь отступления пришлось пройти нам. После взятия белыми Златоуста, попав в кольцо, мы пять суток выбирались из него через Уральский хребет, болотами. Вышли к Нижнему Уфалею. Были мы в интернациональном отряде. Он состоял из бывших военнопленных чехов, словаков, мадьяр, преданных революции.

С удивительной теплотой, бережно относились к нам, девушкам, бойцы, они знали, что мы заботимся о них и отвечали тем же.

В Нижнем Уфалее нас переформировали и разъединили. Катя Кочкина попала во 2-й горный полк, Соня Гребнева — в штаб фронта, я, Маруся и Лена — в Пермский сводный батальон, с которым мы прошли от ст. Маук до Екатеринбурга. Екатеринбург был накануне сдачи. Я и Маруся, получив разрешение на два часа, ушли в город, чтобы узнать что-нибудь о своих родных. В городе было жутко, тихо, затаенно, только повсюду висели большевистские листовки «Мы еще вернемся».

Дома я застала только бабушку. Ее должны были отвезти в деревню, но не успели. Белые, войдя в город, уже через час арестовали ее и бедная 70-летняя старушка просидела в колчаковской тюрьме целый год. Ее пытали за меня и за сына. Мать моя, М. Я. Юровская, эвакуировалась с детьми, но попала в Невьянск во время эсеровского восстания и спаслась только чудом.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 11-ГО ИЮЛЯ

НАЗНАЧАЕТСЯ

ДЕНЬ ЖЕНЩИНЫ

ПОМОЩИ ЗАПАДНОМУ

ФРОНТУ

в этот день каждая женщина должна поставить себе в обязанность помочь нашим КРАСНЫМ БОЙЦАМ!

Товарищи женщины! Вот уже 6 лет как тянется беспрерывно у нас война сколько хороших товарищей мужчин пришлось за это время послать на фронт, сколько убитых, раненых, изувеченных!

На долю женщины выпало тоже не мало горя, проводив кормильца мужа или сына, ей оставшейся с семьей, пришлось столкнуться лицом к лицу с той суровой действительностью, которая является последствием продолжительной войны—с разрухой.

Товарищи женщины Советская Власть не желает никакой войны, она хочет жить со всеми в мире чтобы все трудились одинаково не было бы угнетенных

Капиталистам не хочется расстаться со своей привольной, праздной жизнью, и взяться за труд поэтому они то и дело нападают на нас то с одной стороны то с другой, нам приходится отражать эти нападения и конечно ни в коем случае не отдавать того что завоевано дорогою ценою кровью наших братьев-товарищей тем более нашу дорогую свободу

Мы женщины в этот день скажем: Нет мы не дадим вам панам-богачам властвовать над нами, мы поможем нашим дорогим красным бойцам мы воодушевим их, ласковым словом, подарком, в борьбе с злодеями, которые мешают нашему мирному труду.

СМЕРТЬ ПАНАМ-БУРЖУЯМ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЖЕНЩИНЫ идущие на встречу новой жизни!

Государственная типография Каменского завода [illegible]

Бюро женщин Каменского завода.

Объявление бюро женщин Каменского завода о проведении дня женщин помощи Западному фронту. 1920.

Отец уехал в Москву. Узнав все это, я возвратилась в свою часть.

Разными путями пришлось нам отступать. В августе, приехав на один день в Пермь, Маруся и я неожиданно были взяты для эвакуации золотого запаса из Пермского банка. Ночью шла погрузка золота по цепочке от грузовиков до вагона, из рук в руки. Поездом руководил мой отец. Так мы оказались в Москве, где посчастливилось впервые увидеть и услышать В. И. Ленина. 23 августа 1918 года он выступал в политехническом музее на митинге.

М. Жеребцову оставили для работы в Москве. Я вернулась обратно в Пермь, где вместе с Леной Королевой (Лабас) работала в политотделе III Армии. Е. Кочкину отозвали с фронта — надо было возрождать работу комсомола, Соню Гребневу направили на работу в облисполком.

На этом закончилась первая страница этапа боевой жизни. А впереди еще было много дел.

Разными путями пошла наша жизнь. В 1958 году после долгой разлуки, на праздновании 40-летия комсомола я встретилась со старыми подругами. Маруся все еще трудится в Москве. Она — председатель РОККа Баумановского района. Остальные — персональные пенсионерки. Только не было среди нас Сони Гребневой.

И вспомнилось мне, как на 1-м Уральском областном съезде ССРМ, в декабре 1917 года, на заре революции, мы слушали доклад «Грядущий социальный строй и выработка социальной личности». Это был доклад о грядущем коммунизме. Мы слушали его как мечту, как сказку.

За эту мечту сложено немало голов.

А сегодня мы видим, как «сказку сделали былью». XXII съезд принял программу строительства коммунизма.

Коммунизм строится, доживем!

А. Медведев

МАРИЯ КУРЕННЫХ

Из славной когорты заводской молодежи первопроходников-красногвардейцев мне особенно запомнилась сероглазая, небольшого роста, круглолицая девушка-работница Маша Куренных. Была она из тех, о чьей незавидной доле пелось в старинной, безрадостной песне: «...сиротою взросла, как былинка в поле...»

Лет двадцати пришла она в варочный цех спичечной фабрики купцов Ворожцова и Логинова, где под низкими сводами потолка клубились ядовитые, сине-зеленые, удушливые дымки фосфора и серы...

Тогда-то вот и пропала звонкая серебринка в контральтовом голосе Маши Куренных... Говорить стала глухо, сипловато, а петь уж и вовсе не пела смолоду постаревшая Маруся. Работать за жалкие гроши приходилось по 11—12 часов в сутки, а тяжесть бесправия так угнетала девушек-работниц, что жизнь казалась беспросветной тьмой.

Так, пожалуй, до гробовой доски не увидеть бы радости Марусе и ее подругам, если бы не партия большевиков, которая посылала своих сынов и дочерей в самую гущу народа, чтобы поддержать в нем неугасимую веру в победу революции. И рабочая молодежь, затаив дыхание, прислушивалась к огневым речам-призывам, шла в ряды борцов за лучшую долю.

Позднее Маша рассказывала: «К нам, фабричным парням и девчатам, частенько наведывался Борис Комаров, бывший связной партийной боевой дружины. На воскресных вылазках-пикниках у Широкой Речки или на Васькиной горе он заводил разговор по душам о грозном для царя и богачей 1905 годе, о товарище Андрее, которого он знал лично. А под конец Комаров убедительно доказывал, что война 1914 года закончится не так, как царю и его прихвостням желательно».

Так что когда и до Урала дошли вести о свержении царя, Маша была уже политически грамотной. Тут-то и развернулась во всю ширь натура Марии Куренных — вожака екатеринбургских рабочих-спичечников.

За смелость суждений, за пролетарскую стойкость большевичку Марию Емельяновну Куренных выбрали в первый состав Екатеринбургского Совета рабочих депутатов. А депутату этому было всего лишь неполных 18 лет.

Когда Екатеринбургский комитет большевиков, возглавляемый Иваном Михайловичем Малышевым, предложил партийным организациям приступить к вооружению рабочих, Мария Куренных одна из первых записалась в красногвардейскую полусотню при спичечной фабрике. И мало того, что сама вступила в боевые ряды, но и брату своему, только что вернувшемуся с фронта, из старой армии, она наказала: «...Иди, Ваня, послужи рабочему народу. Обучающим будешь в нашей сотне...»

А при выборах партийного штаба, в состав штабной коллегии, наравне с бывалыми солдатами выбрали Марию.

В конце 1917 года по предложению Верх-Исетского комитета большевиков, где председательствовал паровозный механик Николай Давыдов, спичечники взашей прогнали купеческих прихвостней и отобрали фабрику у перетрусивших хозяйчиков. Тогда фабричный комитет собрал рабочую коллегию по управлению фабрикой и заместителем председателя этой коллегии была избрана Мария Куренных. Так круто изменилась судьба еще недавно бесправной работницы.

Злобно настроенные против Советской власти обыватели гнусили:

— Да видано ли такое дело, чтобы какая-то девка да вдруг мужиками верховодила!

Но эти злобные выпады не смущали Марусю.

Помню как-то в студеную зимнюю ночь по приказу Центрального красногвардейского штаба группа бойцов отправилась на поимку мародера-бандита, орудовавшего на южной окраине поселка, возле спичечной фабрики. Бандит этот считался неуловимым, так что могла возникнуть и перестрелка. Мне было известно, что преступник хорошо вооружен...

Учитывая все это, я по-дружески посоветовал Марии: «А может, Маруся, ты осталась бы в штабе и не ходила бы на эту облаву — ведь не девичье это дело?»

Но Маша так зыкнула на меня, что я оторопел.

Наша группа оцепила квартал, где стоял домишко подруги налетчика, у которой он гостил в ту ночь. Я расставил своих соратников по углам, Маша пошла в обход с переулка, а я направился прямиком к калитке дома. Но бандит, видимо услыхавший скрип снега под нашими ногами, опередил меня и круто вывернувшись из калитки, рявкнул: «Руки вверх!»

Поднимая руки, я изловчился ударить стволом карабина по его руке, и его наган перелетел через плечо, упал где-то позади бандита.

— Стой, гад! Смирно! — басовито крикнула подоспевшая мне на помощь Куренных, и неуловимый налетчик был схвачен...

Докладывая о задержании бандита товарищу Хохрякову, командовавшему всей Уральской Красной гвардией, я просил Центральный штаб особо отблагодарить Марию Куренных. Она не на шутку рассердилась и заявила:

— За нашу, за родную власть я своей жизни, если понадобится, не пощажу..., а благодарить нас потом народ будет...

Быть бы Маше хорошим, волевым комиссаром или командиром в строю, но дела по управлению фабрикой настолько загрузили ее, что против атамана Дутова ей воевать не довелось.

Провожая на этот фронт своего брата, отличавшегося мирным характером, Мария напутствовала:

— Уж ты, Иван, развернись там, покажи нашу рабочую удаль-ухватку и за себя, и за меня постарайся. Порубай эту белую гадину. Не посрами нашей рабочей заводской фамилии, а я здесь, на фабрике, и по Совету, и по штабу за двоих управляться стану...

Помнится мне конец лета 1918 года, когда нам пришлось с боями отходить из родных мест. Встретил я Машу около Уралобкома партии в Перми. Она пожаловалась мне на свои неудачи: «Вот что хочешь делай, а не пускают меня на фронт. И на подпольную работу в тылы врага тоже не берут. Заметная ты, говорят, и по характеру не пригодная для этой работы, а вот здесь, в прифронтовье, товарищ Куренных, ты заменяешь двух-трех толковых агитаторов...»

Так до самой весны 1919 года по селам, деревням прифронтового Закамья отбывала нелегкую вахту

разъездным агитатором смелая красногвардейка-коммунистка Мария Куренных.

Однажды в глухом удмуртском краю, возле села Селты, довелось нам, верхисетцам-малышевцам, снова повстречаться со своей боевой землячкой. Помнится, о своей работе она рассказывала: «...Тут, в соседнем селе, после ликвидации кулацкого мятежа я председательствую в ревкоме. Ну, а потом, когда погоните колчаковцев за Каму, за Урал, тогда отпрошусь ближе к дому...».

После разгрома белых на Урале вернулась Мария на родную фабрику, где «по винтику, по кирпичику» пришлось возобновлять производство спичек. И тут-то поняла Куренных, что одного, хотя бы и горячего желания все понять, все охватить мало: крайне нужны знания вообще и технические в частности.

«Налаживать хозяйство страны куда тяжелей, чем громить бандитов. Тут одной смелостью не возьмешь. Грамоты, братки, у меня мало, а на спецов надежда, как на вешний лед»,— так рассуждала Маруся.

Тогда-то она и пошла учиться.

Тяжело было с пустым желудком, в нетопленых аудиториях осваивать науку, но партия обязала, и бывшая полуграмотная фабричная девушка с упорством, присущим комсомольцам тех времен, поборола эти трудности, защитила диплом по специальности химика.

— Вот тебе и Манька Куренных, теперь ее и конем не собьешь по нашей работе. И Марьей-то надо звать — величать полностью, Емельяновной,— говорили о Маше фабричные старожилы.

Лет через пятнадцать после этого встретил я Куренных и, в располневшей, добродушного вида, женщине, преподавательнице промышленного техникума, затруднительно было узнать боевую красногвардейскую начальницу.

— Отличный воспитатель и педагог получился из вашей боевой соратницы, и наши студенты любят ее...— так рассказывали мне.

Уже после окончания Великой Отечественной войны мой бывший начальник по Красной гвардии Петр Захарович Ермаков рассказал: «Ведь только по обличью Мария была невозмутимо спокойной, а сердце-то горячее, беспокойное имела. И в эту войну, будучи на бойкой хозяйственной работе, директором заводского сов-

хоза верхисетцев, переутомилась, сердяга, да так на работе и погибла — от сердечной астмы...»

И верно, порывистое, беспокойное, горячее сердце билось в груди Марии Куренных, впрочем, как и у многих юношей и девушек нашего поколения: иные мало пожили, но неповторимо красивой была их жизнь, как и жизнь Марии Куренных, беззаветно посвященной служению социалистической Отчизне.

Е. Медякова

«ПРОСТАЯ ЛЕНИНСКАЯ РАБОТНИЦА...»

В Свердловске, в районе улиц Розы Люксембург и Декабристов, вы можете иногда встретить на прогулке невысокую, полную женщину в простом строгом костюме.

Лет ей немало, но глаза до сих пор сверкают молодым, живым огнем.

Это коммунистка Александра Васильевна Лошагина.

Сейчас трудно себе представить, что эта скромная женщина была одной из первых комсомолок, красной партизанкой, героиней жарких сражений.

Но именно так начиналась ее юность. И мало кому досталось в жизни столько тяжких испытаний, трудностей, требовавших отваги и самоотверженности, сколько выпало на долю Александры Васильевны.

Много лет А. В. Лошагина работала на ткацкой фабрике имени Ленина. И, рассказывая о себе, она говорит:

— Кто я? Простая ленинская работница...

Какой огромный смысл заключен в этих словах!

У входной двери позвонили. Александра Васильевна вышла в сени, открыла дверь и чуть не ахнула. Перед крыльцом сгрудилось множество ребят.

— Здравствуй, мама! — сказала стоявшая впереди дочь Александры Васильевны — Маргарита.— Принимай гостей!

Маргарита Ивановна работает в детском доме воспитательницей. Она рассказала матери: приехали они, чтобы побывать в Парке культуры, а к ней завернули потому, что надо покормить ребят; в столовых везде много народа, долго ждать...

Как же накормить сразу столько ребят?

Александра Васильевна затопила плиту и начала варить манную кашу на сгущенном молоке, кипятить чай.

Доброжелательно и в то же время строго, осматривала она детей. Одеты очень хорошо. Веселые, жизне-

радостные. Да ведь и детский дом хороший. Александра Васильевна бывала у дочери, видела просторные корпуса, чистые, уютные спальни, клуб, красивые цветники, подсобное хозяйство.

Как не похож он на старый приют!

В памяти Александры Васильевны возникают картины ее горького, безрадостного детства.

Отец Шуры — Василий Лошагин работал на железной дороге и жил с семьей на станции Кушва. Шуре было всего пять лет, когда от страшной болезни — туберкулеза, умерли сначала мать, а потом и отец.

Трех девочек-сироток, старшей из которых было семь лет, отдали в приют. Как страшный сон, вспоминала Шура свою жизнь в приюте, содержавшемся на деньги «благодетельницы» — богатой купчихи.

Кормили детей плохо и не досыта. Каким вкусным и каким маленьким казался единственный кусок ржаного хлеба, который давали утром к чаю, к скудному обеду и ужину!

Но больше всего отравляли жизнь воспитанников побои. Надзирательницы били детей за малейшую провинность. За то, что не так ответил, не так посмотрел, не запомнил слова длинной, малопонятной молитвы.

Шура Лошагина была независимой, смелой девочкой. Поэтому ей доставалось особенно много тычков и подзатыльников.

Вдруг ей улыбнулось счастье: бездетные супруги взяли ее в дочки и увезли в Шадринск. Пришла она в себя, отдохнула от побоев.

Но вскоре у ее приемных родителей появился свой ребенок, и Шуру отвезли обратно в приют.

Попала она потом в другую семью, в Баранчу. Люди, которые взяли ее, решили «замолить» свои грехи, воспитав сиротку. Но били Шуру не меньше, чем в приюте. Однажды вызванный соседями фельдшер нашел избитую девочку в нервной горячке. Фельдшер пригрозил хозяевам, что пожалуется на них в полицию. Но ничего не изменилось.

Тогда Шура сбежала от своих «благодетелей» и укрылась в семье одной работницы. Бедная женщина воспитывала пятерых детей. Шура няньчилась с младенцами, а мать работала. Прибегала на обед, наскоро лепила из ржаного теста пельмени с редькой, торопливо

варила их и, вывалив на поднос, кормила детей,— пять своих и Шуру, малолетнюю няньку.

В соседнем доме жила большая семья заводского мастера. Дочка мастера, ровесница Шуры, упросила мать:

— Возьми Шуру! Она все будет делать!

Жена мастера взяла девочку к себе. Работы по дому хватало с раннего утра до вечера. Шура не даром ела хлеб. Но теперь она уже не голодала, да и не били ее.

В пятнадцать лет она опять оказалась на улице. Попыталась пристроиться куда-нибудь. А потом села на поезд и уехала в Екатеринбург.

Пугливо озираясь, вышла Шура на привокзальную площадь. Здание вокзала, извозчики, стоявшие около чахлого скверика, десятки людей, спешивших по своим делам,— все казалось ей странным, необычным.

Ее окликнул железнодорожник:

— Ты, дочка, к кому приехала?

— Ни к кому.

— Да ты не бойся! Есть у тебя хоть кто знакомый?

— Никого нету...

— Эх, ты, горемыка! Ну пойдем ко мне...

Железнодорожник приютил девочку в своей семье. Соседская девушка, работавшая на заводе Злоказова, уговорила Шуру поступить туда же. Александра Лошагина стала работать в кочегарке.

Пусть работа была нелегка, а рабочий день длился по двенадцать часов, пусть жить было голодновато (в это время шла война с Германией), но рядом с ней были товарищи.

Это были трудные, но памятные годы.

Рабочая молодежь все активнее участвовала в политической жизни края. В феврале 1917 года было свергнуто царское самодержавие. Ранней весной в Екатеринбурге состоялась первая Свободная конференция уральских большевиков, которую проводил Яков Михайлович Свердлов.

Вскоре, по инициативе екатеринбургских большевиков была создана юношеская организация при городском комитете РСДРП(б).

Члены юношеской организации работали с энтузиазмом. Они расклеивали воззвания, дежурили в партийной библиотеке, выступали на митингах, призывая молодежь

к борьбе против войны, агитируя за передачу всей власти Советам.

В августе 1917 года начал свое существование екатеринбургский Социалистический Союз рабочей молодежи, главной задачей которого было — воспитание из молодых рабочих и работниц сознательных бойцов с «всеобщим врагом — капиталом». Ячейки Социалистического Союза были созданы на многих екатеринбургских предприятиях, в том числе и на заводе Злоказова. Вступила в Союз и Шура Лошагина. Члены Социалистического Союза были первыми уральскими комсомольцами.

Молодая Советская республика стояла на пороге тяжелых испытаний.

В декабре 1917 года в южно-уральских степях вспыхнул мятеж контрреволюционного казачества, во главе которого стоял атаман Дутов.

В первые красногвардейские отряды записались сотни членов Социалистического Союза молодежи многих городов и заводов Урала. Не колеблясь, вступили они в кровопролитные сражения с дутовцами.

Контрреволюционное восстание было подавлено.

Но в это время началось наступление германских войск на западе Советской России. Рабочая молодежь Урала горячо откликнулась на призыв Советского правительства — выступить на защиту Родины.

А тут снова подняли голову недобитые белоказаки атамана Дутова, угрожая, вслед за Верхне-Уральском и Троицком, Челябинску и Екатеринбургу. В нашем городе была создана боевая сотня Социалистического Союза рабочей молодежи. В эту сотню вошли десятки молодых рабочих ВИЗа, Злоказовского завода и других предприятий.

Записалась в отряд и Шура Лошагина.

— И ты не боишься, Шурка, идти на войну? — спрашивали ее робкие девушки-работницы.

— Я ничего не боюсь! — отвечала Шура. И это не было хвастовством. Столько горького видела она в своем детстве и ранней юности, что, казалось, ничто ее не остановит, ничто не испугает.

Началось обучение. Юноши учились владеть винтовкой и гранатой, девушки — оказывать первую помощь раненым.

В составе рабочей дружины, которой командовал

рабочий ВИЗа коммунист Петр Захарович Ермаков, молодежный отряд отправился на фронт.

Замечательный воспитатель молодежи, уральский большевик Иван Михайлович Малышев стал комиссаром дружины.

Холодной и снежной была ранняя весна в южноуральских степях.

Под Верхне-Уральском отряд, которым командовал Колмогоров, попал в окружение. Люди были плохо одеты, изнурены тяжелыми боями.

Нужно прорваться к своим, но вокруг кольцо врагов. Хорошо вооруженные, добротно обмундированные, казаки наседают на молодых бойцов, у которых каждый патрон на счету.

Вот уже убит командир, тяжело ранен его помощник. Нервы напряжены до предела. Уже некоторые бойцы растерялись, оглядываются в тревоге: на кого надеяться?

Плохо отряду, у которого нет командира.

И в этот момент маленькая фигурка вырывается вперед. Звонко, возбужденно звучит девичий голос:

— Сотня! За мной! Бей гадов!

И сразу все встало на свое место. Есть у отряда командир!

Не думая об опасности, вскакивали бойцы и бежали за Шурой Лошагиной. Это она заменила в минуту опасности командира отряда.

Бойцы прорвали кольцо врагов, вышли из окружения и соединились со своими.

Память старой коммунистки Александры Васильевны Лошагиной хранит боевые эпизоды, имена друзей и подруг, сражавшихся рядом с ней.

Была в отряде девушка Дуся — смелый, мужественный боец. Ее шутя называли «Ваней». Другая девушка — Ариша Стародaнова тоже была настоящим солдатом. Сильная и ловкая, она владела винтовкой не хуже парня.

С особенной заботой и вниманием относился к девушкам Иван Михайлович Малышев и другие товарищи-коммунисты.

Бои продолжались. Под Черной Речкой, близ Троицка, белые казаки вели губительный пулеметный огонь по отряду красногвардейцев.

Вот упал сраженный пулей один из бойцов. К нему бросилась девушка-санитар. Новая пулеметная очередь — и она, без дыхания падает рядом с бойцом. К ним спешит сестра.

А пулемет белых все строчит и строчит. Одна из пуль добивает бойца. Не добежав до него, словно споткнувшись, упала вторая санитарка.

Шура, забросив за спину санитарную сумку, бежит к подругам. Посвистывая, летят над ней пули.

Шура трогает руку девушки. Пульса нет. Убит и боец. Но рядом стонет вторая санитарка. Шура перевязывает ее и, напрягая все силы, тащит к своим. В этом же бою Шура вынесла раненого командира — Петра Ермакова.

А вечером, у костра, когда девушка сняла свою, не по росту длинную шинельку, один из бойцов потянул ее к себе:

— Дай-ка! Смотрите, ребята, какая шинель у Шурки!

Он раскинул ее перед костром, и бойцы увидали, что в десятках мест шинель пробита пулями. А сама Шура — невредимая!

— Шура у нас заговоренная! — шутили товарищи.— Никакая пуля ее не берет!

Пули и правда «не брали» девушку. В какие переделки она попадала! Не раз уезжала с разведчиками, как медсестра, но бинт и в руки не брала. А как боец, по смелости и находчивости, не уступала любому красногвардейцу.

Очень любили ее товарищи и ласково звали «сестренкой».

Война требовала от бойцов и командиров нечеловеческого напряжения сил.

Однажды Шуре пришлось не спать более трех суток. Шел тяжелый бой. Потом — дежурство у постели опасно раненого Петра Ермакова. Когда, наконец, ее сменили, девушка, еле шевеля ногами от усталости, пошла в умывальную. Намылила руки и вдруг... упала, как подкошенная. Ее подняли, уложили в маленькой палате госпиталя.

— Умерла? — сокрушались санитарки.— Такая молоденькая...

— Жива! — сказал врач, прослушав сердце девушки.— Спит!..

Сутки спала Шура непробудным сном.

И как рады были товарищи, рабочие парни с екатеринбургских заводов, когда отдохнувшая и посвежевшая «сестренка» вновь появилась среди них,— маленькая девушка, в старой, простреленной шинели.

Все теснее смыкалось вокруг Советской республики кольцо врагов. Четырнадцать иностранных держав послали свои вооруженные силы, чтобы задушить первое в мире государство рабочих и крестьян.

Каждую пядь уральской земли бойцы Красной Армии оставляли, щедро полив ее своей кровью. Но сила была на стороне интервентов. Их полки были обеспечены вооружением и боеприпасами, ими командовали царские офицеры и генералы, имевшие большой опыт.

...В мае 1918 года белые захватили Челябинск. Фронт приближался к Екатеринбургу.

Шура Лошагина привезла в Екатеринбург эшелон раненых. Но поезд, не разгружая, отправили в Пермь. Сопровождавшим эшелон легко раненым бойцам и медицинским сестрам, сказали:

— Все, кто может держать винтовку, оставайтесь защищать город.

...Там, где в Свердловске пересекаются улицы Ленина и Московская, в этом месте, при царской власти, стояли два каменных столба-обелиска, увенчанных чугунными двуглавыми орлами — символом самодержавия. Когда власть на Урале перешла в руки трудящихся, рабочие сбросили орлов. А столбы остались. Их назвали — Московская застава.

Вот в этом месте и стоял отряд, в который вошла Лошагина.

Короткая летняя ночь подходила к концу. Послышалась команда:

— Отойти по шоссе...

Отряд подошел к зданию тюрьмы.

— Заходи в ворота! Ставь ружья в козлы.

Бойцы повиновались — может, это небольшая передышка?

И только один разглядел в человеке, который отдавал команду, предателя, ловко разоружившего отряд.

— Товарищи! Нас предали! — закричал он.

Но белогвардеец, подскочив к нему, ударил его рукояткой револьвера, и тот упал.

А во дворе уже появились белые, они стали окружать обезоруженных бойцов.

В кармане у Шуры лежал небольшой браунинг. Она выхватила его и в упор выстрелила в подлого предателя. Тот рухнул на землю.

Однако сопротивление было невозможным.

Весь отряд оказался в тюрьме.

За убийство офицера Шуре жестоко мстили. Да, кроме того, кто-то донес белогвардейцам, что Лошагина — из отряда Ивана Малышева, большевичка и, наверное, много знает.

Ее пытали, били, секли розгами, но ни слова от нее не услышали.

В те дни тюрьмы были переполнены. Белые хватали людей по малейшему подозрению, по пустому наговору. В Екатеринбурге арестовали более одиннадцати тысяч человек.

Городская тюрьма, в которую попала Шура, жила страшной жизнью. Допросы, пытки, избиения...

Три раза водили Лошагину на расстрел. И каждый раз, когда после выстрела падал ближайший к ней человек и Шура сжималась всем существом, ожидая конца, ее уводили обратно.

Не добившись ничего, белогвардейская контрразведка приговорила Александру Лошагину и еще трех женщин к пожизненной каторге.

Шура после побоев и истязаний уже не могла ходить.

Под небольшим конвоем, на лошади, запряженной в сани-розвальни, заключенных отправили на железнодорожную станцию.

Путь шел по окраинным улицам Екатеринбурга, через старый Симоновский мост.

В те времена борьба с колчаковцами и интервентами велась не только открыто, на фронтах гражданской войны, но и тайно, в глубоком подполье. Заключенные в тюрьме имели связь с «волей».

Подпольщики своевременно узнали о том, что женщин-большевичек повезут на станцию.

Небольшой отряд подпольщиков налетел на тюремный конвой где-то около моста. Схватка была короткой. Освобожденных женщин подпольщики развезли по домам.

Шура была без сознания. Ее привез к себе большевик-железнодорожник. В подполье он сделал нары, на них уложил девушку, а затем загородил нары досками, обмазанными глиной.

Почти полгода она пробыла в этом доме. Только ночью ее выводили наверх, подышать свежим воздухом.

Красная Армия скоро перешла в наступление. Один за другим освобождались города и заводы Урала.

15 июля 1919 года был освобожден от белых банд Екатеринбург. Население города восторженно приветствовало отряды Красной Армии.

Шуру Лошагину, здоровье которой еще не восстановилось, отвезли в больницу. И лучше всяких лекарств помогло ей сознание, что кончились страшные дни колчаковщины. Снова над городами и заводами Урала развевается красное знамя Советов.

После выздоровления Шуру Лошагину как медицинского работника послали в Ирбит, в госпиталь.

Только в 1922 году она сняла военное обмундирование и вернулась в Екатеринбург. Поступила на ткацкую фабрику имени Ленина, стала ткачихой.

В городе знали энергичную, смелую, находчивую женщину. Ей часто поручали очень трудные дела.

Надо добывать хлеб у деревенских кулаков — Шура едет на село. Она умела хорошо говорить, ее простая, горячая речь доходила до сердца простых людей. И вот уже деревенская беднота выносит решение: отобрать у богатеев излишки хлеба для голодающих рабочих.

Останавливается ткацкая фабрика — нет сырья, льна. Шура едет в деревню заготовлять лен.

Пламенным словом она агитирует за создание колхозов. И как не пугала ее раньше ненависть белогвардейцев, так не боялась она и ненависти кулаков, не раз пытавшихся расправиться с отважной женщиной.

При всякой возможности она старалась учиться, пополнять свои знания. Более двадцати лет вела Александра Васильевна культурно-массовую работу и одновременно была секретарем партийной организации облисполкома.

В годы Великой Отечественной войны ей поручили заботу о людях, которые на фронте частично потеряли трудоспособность. И Александра Васильевна еще раз проявила свой организаторский талант. Артель инвали-

дов Отечественной войны выполняла заказы не только для тыла, но и для фронта.

А затем Александра Васильевна стала директором учебно-производственного комбината. Люди, потерявшие из-за ранений возможность работать по своей прежней специальности, получали в учебно-производственном комбинате новые, доступные им профессии.

Сейчас Александра Васильевна Лошагина на пенсии.

Нищета и лишения, испытанные в детстве, трудные годы гражданской войны, пытки, издевательства белогвардейцев — все это сказалось на ее здоровье, оно сильно подорвано. Силы уже не те!

Но духом она по-прежнему воинствующий, несгибаемый боец.

«Простая ленинская работница», она радуется, что все лучше и светлее становится жизнь советского народа. Радуется своим детям (у нее два сына и дочь), которых она вырастила, поставила на ноги.

Все, кто знает Александру Васильевну, уважают ее как настоящего человека, пламенную коммунистку.

В юные годы ей выпало на долю с оружием в руках защищать первые завоевания Советской республики, а затем в течение всей жизни — крепить ее мощь, строить счастье для людей, отдавать все силы ума и сердца для блага нашей Родины.

В этом и ее счастье!

К. Гущина

СОЛНЕЧНАЯ ДУША

Клавдия Абрамовна Гущина родилась в 1899 году. Член КПСС с 1919 года. В 1919 году — делегатка, работала в Екатеринбургском горсобесе, в комиссии помощи пострадавшим от контрреволюции. После гражданской войны — в органах здравоохранения и на производстве. В настоящее время — пенсионерка.

Родилась я в большой семье рабочего. Родители умерли, когда мне было семь лет. Чтобы как-то прожить, мне пришлось работать на чужих людей.

После Октябрьской революции я поступила на железнодорожную станцию Верещагино. Там, в 1918 году, меня приняли в Союз молодежи, и тут началась моя активная общественная работа. Принимала участие в выявлении и изъятии спрятанного кулаками хлеба, оказывала помощь раненым красноармейцам.

8 марта 1919 года, по поручению коммунистов, организовала сбор средств для семей воинов Красной Армии. Я ходила по учреждениям и по перрону станции с лентой через плечо. На ленте было написано: «Пожертвуй семьям красноармейцев». Сочувствующие нам помогали, чем могли. Но были и другие. Помню, подошла я к одному, кулаку, наверное, а он набросился на меня с бранью, плюнул мне в лицо и начал всячески оскорблять меня и

Красную Армию. Хорошо, что один китаец-красноармеец, находившийся поблизости, призвал его к порядку.

В 1919 году я переехала в Екатеринбург. В сентябре этого года на городском собрании женщин-делегаток я была избрана в комиссию по оказанию помощи пострадавшим от контрреволюции. Эта комиссия работала при уездно-городском отделе социального обеспечения. Заведовала им тогда Анна Николаевна Бычкова.

В нашей помощи нуждались также и товарищи, освобожденные из тюрем, вернувшиеся из эвакуации, выписанные из госпиталей и т. д. Многие из них не имели ни крова, ни одежды, ни питания.

С большим трудом комиссия добилась передачи в ее распоряжение помещения бывшего штаба колчаковской армии.

Когда мы увидели это помещение, то пришли в ужас: всюду грязь, на стенах и на полу следы крови... Здесь белогвардейцы пытали коммунистов и всех заподозренных в сочувствии Советской власти.

Мы смыли всю грязь, отремонтировали комнаты и оборудовали их под общежитие для остронуждающихся товарищей. Некоторых из них мы устраивали на работу, выдавали им одежду или помогали выехать на родину.

В эти дни я познакомилась с замечательной коммунисткой Симой Дерябиной.

Где-то, когда-то я читала или слышала хорошее стихотворение. Называется оно «Коммунистка» и есть в нем такие слова:

Ты с солнечным лицом и солнечной душой,
И я стою — дитя перед тобой.
Дай золото души, дай золото ума
И будет светел мир и чист, как ты сама.

Эти слова невольно приходят мне на память, когда я думаю о Серафиме Ивановне Дерябиной. Она была человеком, действительно, с солнечной душой, и ум у нее был поистине золотым. Многим из нас, женщин Урала, она открыла глаза на жизнь, озарила наш жизненный путь солнцем своей души и правдой ленинского учения, втянула нас в революционную работу, вдохновила на борьбу, воспламенила тысячи сердец.

Я познакомилась с Симой Дерябиной в 1919 году. Только что начинали свою работу женотделы и делегатские собрания.

— Работы у нас непочатый край,— говорила она,— и делегаток уже порядочно. Каждую неделю проводим собрания, рассказываем о том, что сделали.

Работы, действительно, было много. Проводили субботники на Верх-Исетском заводе — очищали территорию завода и цехи. Боролись с тифом. Занимались оборудованием госпиталей, мыли помещения, шили белье, чинили его и стирали. К Октябрьскому празднику готовили подарки для раненых и рано утром развозили их по госпиталям. Подарок состоял из сшитого делегатками кисета, махорки, карандаша, бумаги, конфет, спичек. В некоторые посылки вкладывали еще по 5 — 6 папирос.

Серафима Ивановна написала к празднику пьесу «На заре новой жизни». Пьеса была поставлена в городском театре и прошла с большим успехом. В ней показана борьба коммунистов во время колчаковщины. Мне очень хорошо запомнилась заключительная сцена пьесы. Много коммунистов томится в колчаковской тюрьме. На сцене мрачный каземат, темная, глухая ночь. Но вот над тюрьмой занялась заря — это заря освобождения; на сцене появился красноармейский отряд, все озарилось ярким светом, со всех сторон к тюрьме хлынул народ с красными флагами. Тюремные ворота открылись, пришло долгожданное освобождение. Заканчивалась пьеса пением «Интернационала».

В декабре 1919 года в Екатеринбурге проходила беспартийная конференция женщин. Сима Дерябина на этой конференции говорила, что мы должны охватить своей работой каждый уголок страны, каждую женщину, разъяснить ей, что она теперь имеет равные права с мужчиной. Опираться сначала нужно на жен красноармейцев и на батрачек. Многие делегатки разъехались по области: Малышева, Воробьева, Демина, Валек, Сибирячева, я и другие.

Наша бригада была направлена в Арамиль, Бобровку, Вьюхино, Сысерть, Алапаевск. Мы выявляли красноармеек и выбирали их в совет, избирали делегаток на волостное собрание. Разъясняли женщинам, что они теперь свободны, хватит им быть рабами своих мужей, свекровок и свекров. В Невьянске на собрании одна делегатка вышла на сцену с ухватом, переломила его о колено и заявила: «Довольно!»

Сима Дерябина наказывала вытаскивать женщин из

Российская Коммунистич. Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Екатеринбургское Коммунистическое Бюро по работе среди женщин.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 17-го АВГУСТА

в 3 часа дня по новому времени

в саду „Красная Звезда“

В ЗАКРЫТОМ ПОМЕЩЕНИИ ТЕАТРА

СОЗЫВАЕТСЯ

ЖЕНСКИЙ МИТИНГ

на тему: Женщина-пролетарка и коммунистическая революция.

Выступят т.т. Дерябина, Шойхет, Шишкина и др.

Работницы всех профессий, жены пролетариев, домашняя прислуга, безработные—все, кто испытал на себе гнет нужды, все, кто желает знать, что делать трудящейся женщине, чтобы устроить лучшую жизнь—идите сегодня на митинг.

Объявление Екатеринбургского коммунистического бюро по работе среди женщин о созыве женского митинга.

самых темных углов на свет, вовлекать их в общественную работу. Многие женщины, приезжавшие в Екатеринбург на делегатские собрания, впервые ехали в поезде. До этого они ни разу не были в городе. Насколько некоторые из них были отсталыми, говорит, например, такой факт. Когда было собрание в театре «Колизей» [1], Удорожкова, домохозяйка из Баранчи, увидя себя в большом зеркале, вскрикнула: «Манька, ты тоже сюда приехала? А что ты со мной не здороваешься?» Сестра Удорожковой, Мария, жила в Кушве. Они были очень похожи друг на друга. Удорожкова до этого никогда не видела себя в большом зеркале и решила, что это ее сестра.

В 1919 году, во время «партийной недели», все делегатки, в том числе и я, вступили в партию.

В середине декабря 1919 года мы проводили сбор теплых вещей для фронта. Каждой делегатке был выделен участок. Потом на собрании решали, кто поедет на фронт с подарками.

Проводились субботники по заготовке дров, очистке улиц, железных дорог и т. д. Сима Дерябина сумела скрепить и сроднить коллектив. Все делегатки чувствовали себя сестрами. Сима очень чутко относилась к женщинам. Если кто-нибудь не был на собрании, она поручала сходить и узнать, не больна ли делегатка, почему не пришла. Все мы, в свою очередь, заботились о здоровье Симы. Она была нам всем, как родная.

Одевалась Сима очень скромно. Носила шапку-ушанку, старенькое пальто, темное платьице с белым воротником, стриженые волосы, очки, ботинки на невысоком каблучке, мелкие калоши. Когда она болела, мы все навещали ее и приносили ей, кто что мог. Как-то я принесла творог. Она строго спросила: «А у тебя есть, или ты принесла мне последнее?» Мы уговаривали ее, чтобы она ела больше. А она смеялась: «Ну вот, отъемся и встану скоро, не может быть, чтобы я слегла».

На всех субботниках, на всех вечерах она была вместе с нами, вместе трудилась и вместе веселилась.

В 1920 году, вернувшись с VII съезда Советов, где она была избрана членом ВЦИК, Сима Дерябина поста-

[1] Теперь кинотеатр «Октябрь».

вила перед нами задачу организовать ясли. Мы занялись подготовкой нянь-сестер. Организовали курсы.

В Москве Симе вручили знамя и портрет В. И. Ленина. Это знамя и портрет она передала нам, делегаткам, со словами: «Вот вам подарок».

А в апреле Симы уже не стало. Но светлый образ несгибаемого борца-коммуниста и замечательного человека «с солнечной душой» по сей день живет в нашей памяти. Золото души и золото ума, которое Сима успела отдать людям, до сих пор помогает нам жить и работать.

А. Кузьминых

СТРАНИЧКИ ПРОШЛОГО

Анна Семеновна Кузьминых родилась в 1899 году. Член ВЛКСМ с 1918 года, член КПСС с 1922 года. Работала на партийной, профсоюзной, советской и финансовой работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

В ночь на 2 сентября 1918 года город Сарапул был внезапно, без единого выстрела, захвачен воткинскими и ижевскими кулацко-эсеровскими мятежниками.

Началась зверская расправа с коммунистами. Все руководители сарапульских партийных и советских организаций были схвачены глубокой ночью на своих квартирах.

Только при содействии эсеров и меньшевиков мятежники могли совершить переворот, только эти предатели знали адреса руководящих работников, многих рядовых коммунистов и сочувствующих им.

Мятежники не щадили даже детей, часть коммунистов была арестована вместе с сыновьями — мальчиками 12—13 лет.

Арестованных, в том числе и детей, жестоко избивали

и сажали в купеческие подвалы, превращенные во временные тюрьмы.

Большинство захваченных коммунистов были тут же приговорены к смертной казни и часть из них сразу расстреляна.

Наступили страшные дни. Жизнь в городе замерла — заводы, кожевенная фабрика и мастерские не работали. Народ был охвачен ужасом. Людей, пытавшихся бежать из города, расстреливали на месте. Воспрянули духом лишь бывшие заводчики, купцы и всякие буржуазные прихвостни, которые смотрели на палачей-мятежников, как на своих избавителей.

Я в то время училась и работала в ткацкой мастерской. Мы, двадцать девушек-учениц, жили в интернате при мастерской. Наша начальница и главный инструктор женских ремесел были беспартийные и, наверное поэтому, мастерская не привлекла внимания мятежников: налета на нее и наше общежитие не было. Нам было запрещено выходить за ворота мастерской и, пока в городе были мятежники, дней 12—15 мы сидели дома. О том, что творилось в городе, нам рассказывали подруги, которые к нам забегали, а также заказчицы.

Так мы узнали, что всех арестованных, в том числе и приговоренных к смертной казни, вывели из подвалов и под большой охраной направили на пристань. Там их, избитых до полусмерти, разутых и раздетых до белья, начали сталкивать в люки большой деревянной баржи, которую потом увели вверх по Каме.

Дней через десять мы услышали, что среди мятежников страшная паника, что к Сарапулу приближаются красные. Скоро в наш город вошли отряды Красной Армии и мятеж был подавлен.

Началась нормальная жизнь. Восстанавливались партийные и советские органы, снова заработали фабрики, заводы, коммунальные и культурные учреждения.

Через несколько дней все трудящиеся города встречали отбитую у белых мятежников баржу с арестованными коммунистами. Из 600 человек осталось в живых только около 400. Остальные были зверски замучены, живыми утоплены в Каме или расстреляны.

Я с подругой Валей Коноваловой тоже встречала на пристани освобожденных арестованных: у Коноваловой был увезен в барже отец.

Вид этих освобожденных людей был ужасен: ведь они 18 дней находились под угрозой смерти. Все были нервно потрясены, до невозможности измучены, истощены и еле держались на ногах. У многих раненые и проломленные головы были забинтованы окровавленными бинтами, сделанными из белья. А вместо белья и одежды надеты грязные рогожи. Такие же рогожи служили постелью в сырой, холодной барже.

Родные и знакомые арестованных с тревогой спрашивали узников «жив ли?», называя фамилию отца, мужа или друга. И получали страшные ответы: «замучен», «утоплен» или «расстрелян». Такой же страшный ответ получила и Валя Коновалова. Реже было слышно: «жив, идет сзади».

Всех освобожденных родные и знакомые уводили, чтобы поскорее обмыть, одеть, оказать медицинскую помощь и накормить.

Вскоре после освобождения Сарапула от мятежников было проведено городское собрание молодежи, где Миша Чулков, который впоследствии был секретарем Сарапульского укома РКСМ, сделал доклад о задачах молодежи и программе РКСМ и призвал вступать в члены РКСМ.

Мы с Валей Коноваловой и Полей Сыропятовой одними из первых записались в члены РКСМ и агитировали других девушек и юношей последовать нашему примеру, так как уже были убеждены, что только организованно можно отстоять завоевания Великого Октября.

Гражданская война продолжалась. В конце марта 1919 года на Сарапул наступали хорошо вооруженные части Колчака.

Мы, комсомольцы, объявили себя мобилизованными, чтобы с оружием в руках помогать Красной Армии, но ввиду превосходящих сил противника нам пришлось оставить город и отступить в сторону Казани.

В начале апреля 1919 года я вместе с комсомолками Коноваловой и Сыропятовой была командирована в распоряжение ЦК РКСМ. Прибыли мы в Москву. В то время при ЦК РКСМ были организованы курсы комсомольских работников, куда нас и зачислили. На этих курсах нам читали лекции и делали доклады лучшие лекторы нашей Коммунистической партии. К концу работы курсов в один из дней к нам приехал Владимир Ильич

Ленин. Многие комсомольцы видели его первый раз и были безгранично рады этой встрече.

Владимир Ильич вышел на сцену переполненного зала веселый, улыбающийся нашим восторженным, радостным лицам. Когда умолкли бурные аплодисменты, успокоились и уселись на места комсомольцы, Владимир Ильич спросил нас, о чем бы мы хотели с ним побеседовать. Большинство комсомольцев просили, чтобы Ленин разъяснил наши ближайшие задачи и рассказал, как бороться с религиозным дурманом, под влиянием которого была еще часть молодежи.

Владимир Ильич провел простую, доходчивую беседу на эту тему. Он говорил не с трибуны, а расхаживал по сцене, энергично жестикулируя, просил задавать ему конкретные вопросы в письменном виде. Ленин рассказал, как жила трудящаяся молодежь в царской России, что даст молодежи Советская власть, как мы будем жить, учиться и работать.

Девушек на курсах было очень мало, и это не ускользнуло от внимания Владимира Ильича. Он говорил о том, что комсомолка — будущая женщина-мать. Перед ней, свободной и равной в правах с мужчиной, Советская власть открывает большие перспективы. Она должна быть преданной делу рабочего класса и не бояться никаких трудностей.

Владимир Ильич говорил о задачах молодежи в деле защиты завоеваний Октябрьской революции, призывал комсомольцев идти в гущу несоюзной молодежи, организовывать ячейки комсомола и с оружием в руках защищать социалистическую республику от интервентов и белогвардейцев.

Беседа длилась долго, но нам хотелось, чтобы она была как можно дольше.

После беседы с Владимиром Ильичом мы были готовы на любые лишения, подвиги и, если потребуется, на смерть для защиты своей любимой Родины. Все комсомольцы из нашей группы пошли добровольцами на фронт.

При отправке на Южный фронт нашу группу добровольцев присоединили к отряду мобилизованных московских комсомольцев и отправили в Донскую область, где молодежь была еще под влиянием деникинцев и консервативного казачества.

Наша задача состояла в том, чтобы привлечь молодежь на сторону Советской власти и призвать ее вместе с нами защищать завоевания Октября. В городе Ново-Хоперске нас расформировали по станичным ревкомам Донской области. И мы, неся военную службу в Красной Армии, приступили к организации союзов молодежи в станицах и хуторах. Помня наказ В. И. Ленина, мы много беседовали с казацкой молодежью, убеждали ее, и постепенно она была привлечена на сторону Советской власти.

После демобилизации и возвращения с Южного фронта, в 1920—1921 годах я продолжала активно участвовать в работе комсомольской организации городов Осы и Перми.

Тяжелыми последствиями первой империалистической и гражданской войн была разруха в народном хозяйстве и детская беспризорность.

Особенно трудным был 1921 год. Я тогда училась в Пермской губпартшколе, а потом работала в Перми.

Комсомольская организация губпартшколы активно помогала административным органам и органам народного образования в борьбе с детской беспризорностью. Мы посещали пристани, вокзалы, базары, где ютились беспризорные, беседовали с ними и привлекали их в детприемник и детские трудколонии.

Как результат голода, в 1921 году в Перми и других местах нашей страны вспыхнула страшная эпидемия сыпного тифа. Летом на пароходах привозили из Поволжья голодающих и больных тифом детей и стариков. На борьбу с тифом вместе с коммунистами были направлены комсомольцы, в том числе и я.

Мы разгружали пароходы: выводили и выносили на носилках истощенных голодом и больных детей и стариков в отведенный для этого близлежащий большой дом. Он назывался медпунктом, но там почти не было медперсонала. Тут мы прибывших стригли, мыли, переодевали и отправляли в больницы и детприемники.

Когда подошла зима, в городе не оказалось топлива для больниц, школ и учреждений. Жилые дома отапливались тоже плохо. Комсомольцы по призыву партии шли добровольцами на лесозаготовки. Я только что сама перенесла сыпной тиф, поэтому осталась в городе и работала на выгрузке дров. Часто проводились субботники

и воскресники. Мы много работали на стройках, помогали благоустраивать город, восстанавливать разрушенное хозяйство, не боялись никаких трудностей.

В дальнейшей моей жизни я всегда помнила указания великого Ленина и, какую бы работу мне ни поручали, стремилась честно выполнять ее.

ЛЕНИН СКАЗАЛ ПРАВДУ

Екатерина Ивановна Ширинкина родилась в 1884 году. Член КПСС с 1926 года. В революционном движении участвовала с 1917 года. Делегатка Первого Всероссийского съезда работниц и крестьянок. С 1920 до 1939 года была на ответственной партийной, советской и профсоюзной работе. В 1939 году по болезни ушла на пенсию.

В 1916 году, во время войны, я поступила работать на Мотовилихинский завод. С 1917 года по поручению большевистского партийного комитета вела работу с женщинами: читала им газеты, беседовала о текущих делах, политических событиях.

В ноябре 1918 года Мотовилихинский райком партии созвал общее женское собрание, на котором присутствовало около 400 работниц и жен рабочих. Первым вопросом стоял доклад о текущем моменте; вторым — выборы на Всероссийский съезд работниц и крестьянок.

Когда стали выбирать делегаток на съезд работниц в Москву, затаилось дыхание у всех женщин. Молчание. Выступает от райкома партии Павел Иванович Смирнов и предлагает послать на съезд меня. Кто-то из женщин кричит: «Пусть покажется». Я встала. Раздаются возгласы: «Мы ее знаем, голосуйте». Второй делегаткой была

избрана Александра Ивановна Колеватова, член партии с 1905 года.

После собрания я пришла на работу, меня поздравляют: «Ты у нас делегатка, поедешь в Москву, увидишь там Ленина!»

У нас в цехе был такой мастер из бывших белогвардейцев Рагозин. Он говорит мне: «Чего ты понимаешь, баба!» Я отвечаю ему: «А вот и поеду в Москву».

Три дня ехали до Москвы. Приехали туда, остановились в 3-м Доме Советов. 16 ноября нам объявили: «Собирайтесь, пойдем на открытие съезда в Дом Союзов». Собрались все женщины. Нас было очень много, больше тысячи делегаток из разных городов. Выстроились и пошли колонной. Шли по Тверской улице (ныне улица Горького), пели революционные песни. С балкона Моссовета нас приветствовал Яков Михайлович Свердлов.

В Доме Союзов нарядно: красные знамена, портрет Владимира Ильича Ленина. Открыл съезд Яков Михайлович Свердлов. Председателем съезда была избрана Клавдия Ивановна Николаева. 19 ноября на съезд пришел Ленин. Гром аплодисментов. Все встают, кричат: «Ленин! Ленин! Ура!» Владимир Ильич произнес волнующую речь. Мы, говорит, многое уже сделали, чтобы раскрепостить женщину, но надо, чтобы сами женщины активно участвовали в создании нового общества.

После выступления Ленин сошел со сцены к нам в зал, стал нас расспрашивать, кто где работает. Интересно ему было. Я сказала, что работаю на Урале, на Мотовилихе. Ленин спросил, как работает завод, как живут рабочие. «Ничего,— отвечаю,— только вот маловато дают хлеба». Владимир Ильич сказал, что вот возьмем Сибирь, прогоним Колчака,— и будет у нас хлеб.

Были на съезде и крестьянки из бедноты. Ленин спрашивал их: как живут, как работают. Они ответили: «Кулак еще много силы имеет».

Крестьянки одеты были плохо. Ленин приказал выдать им пальто, ботинки и теплые платки. Так и было сделано.

После съезда мы, делегатки, отчитывались на женских собраниях. Рассказывали работницам и женам рабочих о том, что нам говорил товарищ Ленин.

В Мотовилихе при райкоме партии была создана комиссия по работе среди женщин. В комиссию вошли:

Александра Ивановна Колеватова, Анна Тихоновна Калганова, Анна Никитична Маркова, Мария Мельникова и я.

Вскоре Мотовилиха была занята белой бандой. Меня арестовали. Начались допросы у коменданта: «В Москву ездила? К Ленину? Что он вам говорил? Хлеба обещал?»

— Говори, а то 25 розог дам, все скажешь!

— Да, ездила. А Ленин говорил, что хлеб у нас будет тогда, когда Сибирь возьмем.

— Дать ей 25 розог! Уведите ее.

Пять с половиной месяцев просидела я в тюрьме. Кормили нас очень плохо, свиданий не давали. Спали мы на соломе, разбросанной по цементному полу. В баню водили раз в два месяца, поэтому у всех арестованных завелись вши. Но мы не падали духом.

Красная Армия освободила Пермь. Колчак был разбит. Правду сказал Ленин, что мы возьмем Сибирь и хлеб у нас будет. Вышло по-ленински.

В 1924 году Ленин умер. В дни ленинского призыва я вступила в нашу Коммунистическую партию.

А. Грязнова

ПРАВДА ПОБЕДИЛА

Анастасия Кенсориновна Грязнова родилась в 1899 году. Член КПСС с 1920 года. С 1915 до 1918 года работала медицинской сестрой. 1918—1919 годы сидела в колчаковской тюрьме. После освобождения из тюрьмы была на преподавательской и партийной работе. В настоящее время—персональный пенсионер.

Первая весна после Октябрьской революции. Это была грозная, полная опасностей и трудностей весна.

...Только что сияло солнце, было светло и радостно. И вдруг небо закрыли зловещие, свинцово-тяжелые тучи, ветер с шумом клонит деревья, рвет крыши, вздымает землю. Сверкают молнии, глухо рокочет гром... Вот такой вспоминается мне та весна в Поташках, весна 1918 года. Мы все пережили только что дни большого счастья — дни победы Великой Октябрьской социалистической революции. Взошло над нами солнце свободной жизни, светлой ленинской правды. Мы знали — никогда больше богатеям не угнетать бедноту. Открылась рабочим и крестьянам, нашим женщинам-труженицам счастливая доля!

Но в апреле — мае в четырнадцати волостях нашего Красноуфимского уезда заполыхало кулацкое восстание.

Отовсюду шли к нам, в Поташки, грозные вести о зверских расправах кулацких банд с коммунистами и активистами. Многих из них кулаки живыми зарыли в землю, расстреляли, забили насмерть.

Была я тогда молода и наивна, но уже хорошо почувствовала ленинскую правду и всем сердцем хотела победы революции, укрепления Советской власти. Еще в детстве я сталкивалась с такими фактами и явлениями, которые заставляли задумываться и искать ответ на вопрос: где же правда? В чем она?

Первым поводом для таких раздумий были ночные налеты полиции на наш дом в селе Березовка. Мой отец Кенсорин Назарович Грязнов служил в правлении кредитного товарищества. Он часто выступал ходатаем за бедняков, защитником несправедливо обиженных. Среди крестьянской бедноты окрестных сел он слыл правдолюбцем. К нему шли за помощью.

— Назарыч, помоги,— просили его.

И отец давал советы, писал беднякам прошения, ходатайствовал за них. Одного — Гаврилу (не помню его фамилии) — отцу удалось спасти от каторги. Случалось, что не только крестьяне шли к нему. Однажды отец вызволил из беды сельского учителя, которому угрожали судебной расправой за то, что мальчик, его ученик, нечаянно из рогатки продырявил в школе портрет царя.

Защищал отец бедняков и помогал им безвозмездно. Семья у нас тогда очень разрослась — девятеро детей. Отцу было нелегко: всех надо кормить-поить, одевать; он стремился каждому из нас дать какое-либо образование. И все же наши родители не отказывали в помощи нуждающимся. А нищеты было вокруг — без краю! Сельские богатеи жирели, бедняки же часто не имели куска хлеба.

Полиция не спускала глаз с нашего дома. То и дело у нас были обыски и отца уводили в тюрьму. А нас в школе и на улице изводили сынки сельских богатеев.

— Ваш отец — политикан, ни царя, ни бога не признает... Его повесят или в Сибирь сошлют.

Тяжело приходилось нашей семье. Но были люди, которые сочувствовали нам.

— Ты не горюй,— говорил мне учитель М. К. Алаторцев,— твой отец хороший, он за правду борется.

Позже, когда я уже училась в Артях, учитель П. П. Бусыгин позвал меня в учительскую и сказал:

— Ты знаешь, что твоего отца везут в Красноуфимскую тюрьму? Сейчас он здесь, в арестантской... А плакать не надо. Вернется Кенсорин Назарович домой!

Отца, действительно, по ходатайству рабочих Михайловского завода выпустили из тюрьмы, и он, хоть и под надзором полиции, жил с семьей. Отец подготовил меня к поступлению в третий класс гимназии, я сдала все экзамены на пятерки. Но меня, как дочь политически неблагонадежного, в гимназию не приняли.

Стала я работать медицинской сестрой в селе Поташки. Здесь в 1916 году встретила первого в моей жизни большевика, врача А. Г. Кузнецова. Он часто беседовал со мной о жизни, давал мне читать политическую литературу. Большое влияние оказывала на меня его жена Фаина Георгиевна. Мало-помалу росло мое политическое сознание, вырабатывалось у меня правильное мировоззрение. И мне стало яснее, почему в Березовке богатели кулаки Шавкуновы и Гладковы, а семьи Неволина, Строкина, Гришина, Пеленева, Данилова и многих других бедняков, хоть и гнули горб от зари до зари на маслобойках и в кожевенных мастерских местных богатеев, жили впроголодь, разутыми и раздетыми. А как тяжела была горькая доля женщин-беднячек! Они по 18 часов в сутки косили и жали в кулацких хозяйствах, а свой хлеб убирали в последнюю очередь, и его еле хватало на уплату долгов тем же кулакам. Поняла я также, почему мой дядя Модест Грязнов и его сын Валентин были всегда с опаленными, черными лицами, в обожженной, рваной одежде. Они работали прокатчиками на Михайловском заводе. По 12—14 часов длился их рабочий день. Ежеминутно подстерегала прокатчиков опасность быть изувеченными или убитыми раскаленной болванкой. И за этот адский труд хозяин завода платил им гроши.

Работая медсестрой, я встречала работниц с Михайловской писчебумажной фабрики Захарова. Изможденные, все в язвах... Ужас охватывал меня, когда я смотрела на этих изувеченных, обездоленных женщин. Они трудились в химическом цехе, где перерабатывалось тряпье, скупленное в окрестных селах и башкирских аулах. Люди здесь заживо сгнивали, но владельцу фабрики не было ннкакого дела до этого,— он палец о палец не

хотел ударить, чтобы как-то уберечь работниц от вредного воздействия химических реактивов, улучшить условия труда в цехе. Люди знали, что идут на верную гибель, а шли, потому что нужен был кусок хлеба для детей, потому что голод казался еще страшнее.

Я не хотела и не могла мириться с этим. И под руководством врача-большевика Александра Григорьевича Кузнецова все больше приобщалась к активной революционной борьбе. В дни Февральской революции, по его поручению, я выступала на собраниях жителей Поташек, во время выборов в Учредительное собрание вела агитацию за большевистский список № 6.

После Великой Октябрьской социалистической революции моего отца на уездном съезде рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в декабре 1917 года, избрали председателем Красноуфимского уездного исполкома и председателем уездного ревкома. Отец Октябрьскую революцию встретил в рядах большевиков. Меня избрали членом волостного исполкома. Я горячо включилась в работу. Участвовала в создании комитетов бедноты, в наложении контрибуции на кулаков, выступала перед населением с докладами о задачах молодой Советской республики. Вот почему такой тревожной была для меня первая весна революции в селе Поташки, окруженном кольцом кулацких банд. Я боялась за отца, за старшего брата, за себя — за всю нашу семью. А больше всего страшило: неужто эта вражья туча задавит, погасит свет нашей великой правды — молодую Республику Советов?

И вот пришла гроза в Поташки: вспыхнуло кулацкое восстание и в нашей волости. В этот день в больницу поступил больной И. В. Беспалов. Узнав, кто я такая, он рассказал, что случайно слышал о готовящемся восстании, о том, что кулаки хотят уничтожить всех активистов Советской власти, в том числе вырезать и семью Ценсорина Грязнова. Ко мне пришла подруга, учительница Ася Кузнецова. Мы решили с ней вместе бежать в Березовку, к моей матери.

Но в Березовке я попала, как говорится, из огня да в полымя. Группа бандитов, вооруженная винтовками, кистенями, топорами, возглавляемая Пашкой Домрачевым, схватила моего брата Ивана и матроса Николая Сергеева. Пока схваченных вели до сельской управы, кулаки в кровь избили их обоих. У сельской управы озве-

ревшие бандиты еще ожесточеннее стали измываться над своими жертвами, а затем решили гнать их под конвоем в Поташки, в волостную следственную комиссию. Когда бандиты начали избивать Ивана и Николая, я было бросилась к ним на помощь. Стали бить и меня. Местный житель Беляевских, с которым я училась в школе, случайно оказавшийся здесь, схватил меня за платье, выдернул из свалки и толкнул к огороду:

— Беги! — крикнул он.— Убьют!

Не помню, как я перелезла через плетень, как бежала огородами, как очутилась у какого-то дома. Не сознавая, чей он, вбежала. Оказалось, попала к попу Кирпичникову, у которого толпились вооруженные вилами и топорами кулаки.

— Куда, большевистское отродье? — заорал поп.— Спасаться вздумала у меня? Вон из моего дома!.. Всех вас уничтожим!

Теряя сознание, падая, я пробралась к матери. Квартирная хозяйка Анна, у которой жила тогда наша семья, ахнула:

— Ты?!. Сказали, что тебя убили!..

Затем она рассказала, что кулаки только что провели мимо дома Ивана и матроса Николая. Мать с малышами кинулась в ноги просить за Ваню, ее отогнали нагайками...

Вскоре прибежала к нам и Ася Кузнецова. Она шла за кулаками до села Поташки, видела, как они всю дорогу избивали Ивана и Николая. В Поташках следственная комиссия, прямо на улице,с новыми побоями учинила допрос захваченным. Матрос и мой брат не стали отвечать. Тогда кулаки толпой накинулись на них, долго били, а затем оставили безжизненных под крыльцом, на мусорной куче.

Когда стемнело, близкие перенесли Ивана и Николая в больницу. Они были еле живы. Бывший фронтовик, фельдшер Сазонов, как умел, оказал им первую помощь, затем мы спрятали их в подполье. Кулаки считали матроса и моего брата мертвыми и не искали их.

Три недели, скрываясь сама, я выхаживала брата и матроса. Мне самоотверженно помогала Ася Кузнецова. Она приносила вести от матери, сообщала семье обо мне и Иване. В эти дни к матери пришел Егор Чусов и заявил:

— Советская власть осталась только в Красноуфимске. Всех Грязновых хотят убить...

Через два дня он пришел с еще более ужасными «новостями»:

— Ты не волнуйся, ладно? Давай заказывай гроб для Ивана, да и председателя Грязнова нет в живых: убили его в Красноуфимске.

За эти дни мать совершенно поседела. Спасая жизнь младших детей, она бежала в Михайловский завод. Через неделю к Поташкам подошел красногвардейский отряд и завязал бой, но вынужден был отступить. Во время этого боя ко мне, в Поташкинскую больницу, пробрался Гостевских. Я передала с ним в Красноуфимский ревком, отцу, сведения о восстании. Еще через две недели ударом двух красногвардейских отрядов Бурсина и Чесалина кулаки были разбиты и бежали. Мятеж ликвидирован.

Отец по телефону из Красноуфимска поговорил со мной о семье, о мятеже. Это был последний мой разговор с ним. Он вызвал к себе Ивана запиской: «Немедленно приезжай в Красноуфимск и приступай к организации крепких отрядов Красной гвардии». Навестив мать в Михайловском, Иван с братом Александром и сестрой Зоей ночью ушел к отцу. Через Н. Серги, Бисерть, лесами пробирался он в Красноуфимск. Там создал Красноуфимский полк и стал его первым командиром.

Я начала учиться на педагогических курсах в Михайловском. Однако через несколько дней снова над нами нависла гроза. А. Г. Кузнецов предупредил меня, что предстоит эвакуация, предложил ехать вместе с ним, так как белые меня не пощадят. Но я не могла оставить мать одну с малышами.

Пришли белогвардейские банды. Мы скрылись на Загородной улице у Т. С. Сухоруковой. Но когда белогвардейцы, с ликованием встреченные местными богатеями и меньшевиками, установили жестокий террор, нам отказали в убежище. Матери сразу же вручили уведомление, что вся наша семья, семья большевика-революционера, первого председателя исполкома Красноуфимского Совета, выселяется в Сибирь. Страшно было ехать с детьми куда-то в неведомые края, когда кругом кипели бои. И я решила пойти к коменданту,

просить за семью. Если что, пусть забирают меня одну, но только не трогают матери и детей. Сестра моя, Анна, поддержала меня, готовая, как и я, пожертвовать ради семьи.

Утром я пришла к коменданту — купеческому сынку Косте Курашкову. Он наорал на меня, угрожал уничтожить всю нашу семью и прогнал из комендатуры. Я понадеялась, что этим все и закончится. Но на следующее утро меня арестовали и под конвоем увели в белогвардейскую контрразведку. Здесь меня сразу обыскали, требуя сдать оружие, били и ругали нецензурной бранью. Обвинили в том, что я подослана красными, как их разведчица. Трое суток меня пытали, лишали пищи, воды и сна. Особенно жестоко издевался белогвардеец Петр Коровин.

— Плохо тебе? Погоди, все твои мучения еще впереди,— угрожал он мне. И тут же сообщил, что из Поташек получена телефонограмма с приказом — меня арестовать и связанной отправить в Поташки.

Вместе с другими меня погнали этапом в Поташки. Вели мимо дома. Мама умоляла палачей не мучать меня — пусть смерть, расстрел, но только не пытки, не надругательства! Над матерью только зло смеялись. Ее саму измучили, извели допросами и обысками, обрекли на голод и нищету.

Тяжким был наш путь в Поташки. Многие избитые, замученные палачами, умерли в пути. В Поташках меня, как особо важную «преступницу», втолкнули в одиночку. В первую же ночь — допрос. И потянулись долгие недели и месяцы пыток, голода, жажды, издевательских допросов в белогвардейском застенке.

— Сколько наших выдала красным? Где твой отец? А брат?— кричал Пашка Домрачев, особенно рьяный палач и мучитель.

Белогвардейцы, угрожая расстрелом, требовали, чтобы я отреклась от отца и брата, от красных и выдала им «красногвардейских шпионов».

— Расстреливайте, не боюсь,— отвечала я.— Придут наши, за всех вам отомстят...

Одиночество скоро кончилось, тюрьма была переполнена. Каждую ночь уводили людей на расстрел. Но их места в камере занимали новые арестованные. Так я встретилась с товарищами по несчастью: Кобяковой

и Житниковой. Кобякова — жена председателя волисполкома. Белогвардейцы все ее хозяйство разорили, заняли дом, детей, мал мала меньше, выгнали на улицу, а ее арестовали. Житникову, пожилую женщину, взяли за двух ее сынов-красноармейцев. Как-то так случилось, что я оказалась в роли утешителя: подбадривала и внушала им веру в непременное скорое возвращение нашей Красной Армии. Встречалась я в застенке с Ф. А. Неволиным, Ошурковым, Невьянцевым, с Федором Неволиным из Березовки, с отцом и сыном Матафоновыми, которых белогвардейцы дважды уводили на расстрел. Старший Матафонов не выдержал пыток, сошел с ума — таким его и убили озверевшие палачи. Вскоре, окровавленного, втолкнули к нам Николая Павловича Паначева, будущего командира отряда по охране эшелона с золотом.

Худшей пыткой для нас были плохие вести с фронта. А белобандиты, издеваясь и злорадствуя, говорили мне:

— Екатеринбург наш. Вся Россия с нами. Завтра Красноуфимск возьмем — живыми захватим твоих отца и брата. Вот и устроим вам тогда кровавый пир вместе...

Но не вышло у проклятых врагов! Красная Армия успешно развертывала наступление, громя и обращая в бегство колчаковцев. Свобода шла к нам, заключенным в белогвардейском застенке!

Палачи, чуя свою гибель, задумали расправиться с нами. Однажды они вывели нас из тюрьмы. Одну партию — человек двести погнали куда-то. А нас, тринадцать заключенных, под усиленным конвоем погнали в другую сторону, предварительно связав руки проволокой.

Около деревни Перепряжка, в лесочке у ложка, нас остановили. В мертвом молчании зачитали нам приговор: расстрел! Палачи не торопились. О чем-то болтали между собой, курили. Мы жадно оглядывали в эти последние минуты прекрасное небо, лесную зелень, цветы. Прощались друг с другом... В это время на склоне горы показался верховой. Он быстро мчался к нам. То был посланец от колчаковского коменданта, местного купца Крюкова.

— Приказано Грязнову пока не трогать,— передал он старшему конвоя.

Конференция женщин-мусульманок Екатеринбургской губернии.
1921 год.

— Это еще почему? И чего нам с ней возиться? Лишних глаз после такого дела оставлять нельзя,— ворчали конвоиры.

— Хитер Крюков!— смеялись другие.— Богатство свое бережет. Кенсорин с Ванькой уже близко — за Настю камня на камне от крюковского богатства не оставят!...

А я уже простилась с жизнью, страх ушел от меня, и такая ненависть к белогвардейским гадам горела во мне, так жалко было товарищей, с которыми шла на смерть, что я отбивалась от конвоиров и кричала:

— Никуда не пойду! Не боюсь вашего расстрела! Казните и меня!

Меня с побоями оттащили. Затем отвели в сторону. Оставшихся на моих глазах расстреляли... Их было двенадцать человек.

Ночь я провела в Перепряжке, не смыкая глаз. Хотела бежать, но конвоиры крепко сторожили. На другой день — Михайловский. Ведут меня в застенок мимо родного дома. Мама радовалась: жива, не расстреляна! Но какие же еще муки предстоят ее дочери!

Темный и сырой подвал фабрики Захарова, превращенный колчаковцами в тюрьму, переполнен. Здесь я встретила Колесова, Еловских, матроса с «Авроры» — Игнатова, Власова, Ватлина и многих других. Накануне колчаковцы учинили кровавую расправу у кладбища над пятью артинскими советскими активистами. Четверо были зарублены насмерть, пятый, Щепочкин, избитый с сабельной раной на шее, истекал кровью в каземате. Я перевязала ему рану головным платком...

Были в этом подвале для смертников и наши боевые женщины. Здесь встретилась я с Фаиной Георгиевной Кузнецовой. Всю ночь говорили с ней, вспоминали своих родных, прожитое нами. Просила она передать свой прощальный привет мужу. Наутро эта стойкая женщина вместе с группой михайловских рабочих была уведена на расстрел. Здесь подружилась я и с молодой учительницей Зоей Евлампиевной Ананьевой. Но не долго мы были вместе: вскоре ее белогвардейцы зарубили саблями где-то на пути к новой тюрьме.

С часу на час ждала я, когда меня поведут на расстрел. Не страшна была смерть, изводило ожидание казни. Я перестала бояться своих тюремщиков. Однаж-

ды в подвал заявился новый комендант. Его сопровождал старшина Сухоруков, бывший когда-то рабочим Михайловского завода, но затем ставший прислужником колчаковцев. Он был страшнее коменданта, так как знал каждого из нас. И на сей раз комендант назначал на расстрел по подсказке иуды Сухорукова.

Подошли ко мне. Комендант обнаженной шашкой сбросил с меня шаль.

— Кто такая?

— Это — красная разведчица,— угодливо докладывал Сухоруков.— Наверно, сотни наших на смерть обрекла... Отец у нее — комиссар, а брат — красный командир...

Комендант с маху ударил меня в лицо. Теряя сознание, падая, я еще слышала его истошный визг:

— Что вы с этой красной сволочью няньчитесь?! Расстрелять!!!

Я еле поднялась, но у меня еще хватило сил выкрикнуть в лицо палачам:

— Стреляйте! Не боюсь вас! А красные все равно победят!...

В эти страшные дни мою стойкость поддерживали товарищи по тюрьме, особенно матрос Игнатов и Еловских. «Держись молодцом,— говорили они мне,— скоро вырвемся отсюда». Они готовили коллективный побег, но не успели осуществить его: их увели на казнь. И как же мы были рады, узнав, что эти храбрецы сумели убежать из-под расстрела!

Скоро снова пришел мой час. Спешно выводят нас из подвала, выстраивают на дворе. Комендант лично командует отправкой арестованных.

— За этими особо следить,— приказывает он конвойным, указывая на меня и красноармейца Жданова.

При выходе из тюрьмы, на улице, я увидела сестер Зою и Анну, которые несли мне передачу.

— Нас ведут на расстрел!— успела я крикнуть им.— Матери пока не говорите...

— Прощай! Держись. Мы отомстим,— услышала я ответ Анны.

И снова мучительный этап. В деревне Шокурово нас окружили кулаки и башкирские баи, которые очень были обозлены тем, что по декрету о национализации у них отобрали землю. Конвойные не препятствовали

им, кто-то указал на меня, как на дочь уездного советского председателя.

— Отец ее землю у нас отобрал, вот дадим и ей три аршина земли,— загалдели баи, требуя от конвойных отдать меня им на расправу. Один, с самодельным копьем, прорвался ко мне и дважды ударил, проколов мне руку в двух местах. Конвойные спохватились и загнали нас в помещение, где мы не только сесть, стоять не могли — такой тесной была наша новая тюрьма.

Наутро погнали дальше, как поняли мы, к Березовке. Недалеко от села встретился кулак Семка Стахиев. С руганью обрушился он на арестованных.

— Есть кто из Березовки?— спросил он у конвойных и, узнав обо мне, бросился ко мне с диким воплем:

— На вилы ее!...

Не знаю, что было дальше: потеряла сознание. Потом мне рассказали, что меня загородил собой товарищ Ф. А. Неволин. Отогнав разъяренного кулака, он, Ошурков и Невьянцев, несли меня на руках, пока не подоспела попутная подвода... Очнулась я на полу в сельской управе Березовки.

Так шел наш этап до Сажино, где нас сдали в контрразведку карательного отряда белогвардейцев. Все мы знали, что отсюда один путь — в могилу. Незадолго до нашего прибытия в отряд, каратели повели на расстрел 20 артинских большевиков. Обреченных на смерть заставили рыть себе могилу. Герои бросились на палачей. Был среди них и старик Шевалдин, сыновья которого прославились в гражданской войне и впоследствии стали советскими генералами. Схватка была неравной, все двадцать артинских товарищей погибли, но они не были побеждены, они не покорились и на краю могилы сражались с врагами революции!

Трое суток провела я в каземате карательного отряда колчаковцев. Многих увели на расстрел. А меня еще раз миновала эта участь. Под натиском красных частей, в том числе и Красноуфимского полка, которым командовал мой брат, колчаковцы спешно отступали. Перебросили и нас в Михайловскую, а потом в Поташинскую тюрьму.

Позже, когда Колчак на некоторое время утвердился в Сибири и на Урале, нашими стражами стали не кулаки и озверелые контрреволюционеры, а солдаты,

насильно мобилизованные колчаковцами. Стало несколько полегче. Разрешали брать книги, допускали передачи...

Наконец, надо мной и еще несколькими товарищами состоялся суд. Колчаковское уездное судилище решило выпустить меня из тюрьмы, но держать под строгим надзором полиции. Я знала, что это непрочное решение, что на свободе мне долго не быть. Красная Армия все равно погонит колчаковцев, а тогда белогвардейцы из мести расправятся с такими, как я. Главное — вырваться из тюрьмы! Дома, когда я приехала после суда, тоже решили, что мне надо немедленно бежать. С чужим документом на имя Воротилкиной ночью я уехала в Екатеринбург. Это было в конце марта 1919 года.

Недели две я металась по городу в поисках пристанища и работы. Слонялась по улицам, ночевала на вокзале.

В городе свирепствовал сыпной тиф. Однажды я узнала, что в помещении, где нынче размещается Горный институт, действует сыпнотифозный госпиталь, что подавляющее большинство больных в нем — пленные красноармейцы. Решение пришло немедленно: ведь я медицинская сестра.

Устроиться на работу удалось легко: не так уж много было желающих играть в жмурки со смертью. Но я подумала, что если не взяла меня белогвардейская пуля, то, может, не возьмет и тиф. Госпиталь оказался своего рода тюрьмой. При входах — часовые, сотрудников часто обыскивали...

Больные красноармейцы быстро распознали во мне своего человека. В долгие ночи дежурства о многом было переговорено. Я тайком уносила из госпиталя письма и доставляла их по адресам на Верх-Исетский завод, в Шарташ, в Нижне-Исетск и т. д. Передавала письма, газеты, устные поручения родных и друзей моим подопечным.

Тех, кто выздоравливал, из госпиталя уводили в тюрьму, а там их ждала расправа. Из госпиталя убежать было легче, и каждый, к кому возвращались силы, старался это сделать. Мне удалось помочь некоторым товарищам.

Комиссара (не помню сейчас его фамилию) через

несколько дней должны были перевести в тюрьму. Ему надо было во что бы то ни стало бежать. Я тайком принесла ему белый халат и дала чашку для льда. Глубокой ночью, изображая санитара, он спокойно прошел мимо часовых во двор и сумел скрыться.

Вскоре я стала действовать заодно с моей новой единомышленницей — Катей Грязных. Из Кати потом получилась хорошая коммунистка, в 1925 году я встретила ее в окружкоме партии на совещании женорганизаторов.

К концу второго месяца работы в госпитале, в середине июня, я свалилась: настиг и меня тиф. К счастью, в Екатеринбург приехала сестра Анна и, разыскав меня в бараках визовской поликлиники, стала помогать мне.

Тяжело больная, на госпитальной койке узнавала я радостные вести о победах Красной Армии. И вот пришел праздник на нашу улицу: в Екатеринбург вступили части Красной Армии. Со слезами просила я показать мне бойца с красной лентой и, только когда эту просьбу выполнили, успокоилась.

Анна побывала на приеме у комдива Азина. От него узнала, где и чем занят Иван, узнала о смерти отца в Вятке. А через несколько дней в Екатеринбург заехал Иван, теперь уже командир бригады. Анна, в начале октября получив нужные документы, повезла меня домой, и там снова — в больницу.

Я была еще больная, но радость и счастье переполняли мое сердце.

В те дни революционных боев я вступила в Коммунистическую партию.

Далеко в прошлое ушли те события. Многое пережито нами. Но из года в год, с каждым днем мы все увереннее идем к коммунизму, к полному торжеству великой ленинской правды во всем мире.

И нет на свете большего счастья, чем счастье видеть, как растет и крепнет наша Советская Родина, как мудро ведет нас вперед Коммунистическая партия.

И. А. Искра[1]

АРКАУЛЬСКАЯ ДЕВУШКА

Апполинария Афанасьевна Малышева родилась в 1902 году. Член КПСС с 1919 года. До 1922 года работала учительницей. В 1922—1924 годах — в органах ОГПУ. 1924—1926 годах заведовала женотделом. С 1926 до 1932 года — на советской и партийной работе. С 1932 года работает учителем и директором школы. В настоящее время — на пенсии.

Высокие тополя стеной тянутся по всему правому берегу плавно текущей реки Юрюзань. Тысячи галок, свивших свои гнезда в их вершинах, нарушают вечернюю тишину села Аркаул. Надоедлив однотонный и беспокойный крик птиц.

— Иштай! Ночью будет дождь и, может, разгонит эту сходку,— зло сверкнув подслеповатыми глазами, обратился мулла к проходившему мимо мечети высокому и сухому человеку.

— Собирают всех к волостному правлению. Приехал с завода какой-то рабочий. Он уговаривать будет, чтоб голытьба против красных не воевала. Так сказал сторож из волсовета,— пояснил Иштай.

— Та-а-ак, та-а-к,— растянул мулла.— Иди! После сходки зайди ко мне, скажешь, что там было...

Иштай зашагал к волостному Совету.

[1] И. А. Искра — член КПСС с 1917 года, участник гражданской войны, персональный пенсионер.

* * *

Председатель, открывая сходку, сказал:

— К нам приехал председатель следственной комиссии Революционного трибунала из Усть-Катава, Иван Егорович Дольнов. Он из того отряда Красной гвардии, который недавно наводил у нас революционный порядок после восстания кулаков и торговцев. Ясно, товарищи?

Собрание разноголосо зашумело: «Ладно! «Валяй-валяй!», «Хорошо! Послушаем!», «Якши!».

Осанистый, коренастый, с небольшой бородкой, человек средних лет начал свою спокойную речь:

— Скоро исполнится год Советской власти. Она набирает силу, несмотря на всякие каверзы международного капитала. Сейчас уж ясно, что народную власть не раздавить! Конечно, трудностей у нас много, и Советской власти надо всемерно помогать. А некоторые бедняки и середняки лезут в белые банды, поддаваясь на обманную агитацию эсеров, кулаков, разных купчишек и белых офицеров. Вы знаете, что рекой льется кровь советских красных бойцов в борьбе с внешними врагами, а тут еще внутренние фронты открываются. К примеру, у вас, в Аркауле, уже два мятежа было и среди бандитов было много бедняков и середняков. Что вы поддаетесь на кулацкую агитацию? Против кого вы оружие поднимаете? Мы — рабочие побратски предостерегаем вас от печальных ошибок...

Потом Дольнов предложил высказываться. Желающих долго не было. Наконец, к помосту вышел молодой человек. Легкий армяк его был сильно запылен мукой. Он заметно волновался, но начал громко:

— Рабочий из завода правильно говорит! Надо поддерживать новую, народную власть. Она за бедных, эта власть. У нас много темных людей, всяким слухам про красных верят... Они боятся говорить. Верно, что богатеи и кулаки подбивают бедноту на войну с красными.

Иштай не мог спокойно стоять и шипел:

— Видал? Совсем самый последний в селе человек, какой-то засыпка с мельницы, а на сходке разговаривает... рот разевает... Эф, аллах!..

Стоявший с ним рядом плотный и хорошо выбритый аркаулец укоризненно посмотрел на Иштая и, ни слова

не сказав ему, резко кашлянул. Иштай воровато спрятал глаза и умолк.

Вдруг слово взяла молодая девушка, известная всем в Аркауле, Апполинария, дочь Афанасия Малышева, прослужившего в этих краях двадцать лет народным учителем и десять лет волостным писарем.

Иштай, разинув рот, удивленно ждал, что скажет эта, эта... Еще ни одна женщина не опоганивала своим выступлением этот помост, а тут девка! Вот до чего распустила их новая власть.

— Товарищи и граждане!— начала, покраснев до самых ушей, Апполинария Малышева.— Я два года училась в Златоусте на учительских курсах. Видела там, с каким упорством златоустовские рабочие борются за Советскую власть. Стыдно, очень стыдно, что те наши люди, которые должны стоять за Советскую власть, берут в руки по темноте своей винтовку против красных... Кто вкладывает в руки бедняков оружие? Вам лучше знать... Из Метелей один купчик дюжину винтовок привез. Разве непонятно, зачем?

...За эту новую жизнь, за Республику, за рабочую власть лучшие люди России боролись и сейчас борются и кровь проливают, и у нас здесь... восстания были... Бедняки должны стоять за свою бедняцкую власть. Спрятанное оружие надо отдать отряду Красной гвардии. Это наша защитница. Вот что я скажу!

Иштай сплюнул в сторону:

— Совсем теперь аллах кару на нас нашлет. Зачем такую болтовню девки слушать?

Когда кончилась сходка, несколько безлошадных и безземельных аркаульцев окружили девушку и выразили ей свое уважение. А один старик-бедняк сказал:

— Молодец, Полюшка, доброму ты научилась в Златоусте. Отец твой, дай ему бог царствие небесное, башковитый был человек и всегда понимал бедных... не сторонился их.

— Что на душе было, то и высказала, дедушка Семен. Давно накипело,— ответила Апполинария.

* * *

Через неделю вечером Апполинария заглянула к одной из девушек, с которой она когда-то училась здесь, в аркаульской начальной школе. Во время пу-

стяшных девичьих разговоров она случайно узнала крайне взволновавшую ее новость: под утро ожидается налет на Аркаул двух белых банд.

Апполинария с деланным равнодушием распрощалась с бывшей подругой и вышла за ворота. «Бежать! Скорее бежать, предупредить...»— решила она. Но нельзя же бежать по улице. Притихшие и настороженные враги заподозрят недоброе для себя. Она свернула в первый же переулок и побежала огородами. Скоро очутилась во дворе председателя большевистской ячейки. Он еще не спал, при небольшом коптящем ночнике чистил винтовку.

— Спасибо, Поля, спасибо. Все понятно... Мы и то подозревали... значит, это правда...

Утром Аркаул заполнили повстанцы, но «разорвать на части комиссаров и большевиков» им не удалось: предупрежденные, они вышли из села. Белогвардейские бандиты, к которым примкнули кулаки и всякая эсеровская мерзость из соседних сел, направились к станции Кропачево, Самаро-Златоустовской железной дороги. Планы у них были большие: перерезать и блокировать железную дорогу, парализовать подвоз сибирского и зауральского хлеба рабочим Центра, захватить Уфу.

Рабочие-красногвардейцы Симского и Усть-Катавского заводов быстро дали сокрушительный отпор бандитам. Уже к вечеру станция была очищена от врагов. Усть-катавские красногвардейцы продолжали наступать по всему пути от Кропачево до Аркаула. Скоро вся повстанческая банда была ликвидирована.

Во время восстания Апполинария скрывалась в соседней деревне Куселярово у своей подруги. Мысленно она спрашивала: «А что же дальше?... Я встала на путь борьбы за новое. И не сойду с этого пути!» Она вспоминала врезавшиеся в ее память отцовские слова. Когда царский окружной суд в Уфе в пятнадцатом году повесил за революционную деятельность единственного ее брата Филиппа, отец сказал матери:

— Не спасти царю свой трон намыленными петлями. Сколько царь ни вешает революционеров — они вздернут его самого. Такова логика! Так будет, мать! Нового, революционного не сломить. Филька наш казнен за будущее...

Отец не вынес горя и вскоре умер. Семья осталась

без средств. Поля не была еще кормилицей семьи, и матери пришлось собирать милостыню. Спасибо другу отца, который помог Поле устроиться в Златоусте на курсы.

Кончила она курсы, вернулась в родной Аркаул учительницей. И сразу же появились враги в Аркауле. Иштай на днях шепнул ей:

— Ты, девка, высоко летать хочешь... Твое дело — выходи замуж и сопливых ребят няньчий...

Нет! Она выбрала другой путь, трудный путь борьбы за светлое будущее.

* * *

В один из сентябрьских вечеров 1919 года партийная ячейка деревни Осиновки, ныне Салаватского района, Башкирской республики, рассматривала заявление сельской учительницы Апполинарии Афанасьевны Малышевой о принятии ее в партию. В Осиновке и всей тамошней округе это было первое заявление, поданное женщиной. На собрании выступил бывший сосед Поли, аркаульский большевик.

— От имени нашей аркаульской ячейки,— сказал он,— я специально приехал сказать добрые слова о Поле, об Апполинарии Афанасьевне Малышевой. Вы не сомневайтесь, принимайте ее в партию, товарищи. Большая вам помощь от нее будет. Серьезная девушка. И по крови, и по социальности она наша, в классовой борьбе разбирается... В прошлом году она спасла нашу ячейку от явной гибели. И на сходках у нас выступала. Поля — сирота, и пусть ваша ячейка будет для нее семьей.

Полю единогласно приняли в большевистскую партию.

В двадцать первом году Апполинарии опять удалось предупредить партийную ячейку о готовящемся в том же Аркауле контрреволюционном восстании. Было найдено спрятанное бандитами на горе Каратаве оружие...

В 1922 году партия послала Малышеву на ответственную работу — в органы ОГПУ, и она с честью оправдала звание боевого солдата славной когорты Феликса Дзержинского. Затем — многообразная партийная работа.

С 1931 года Апполинария Афанасьевна занимается любимым делом: учит ребят. Заочно она получила высшее образование. Апполинария Афанасьевна всегда вела большую общественную работу. О ней много раз писали в газетах. Четырнадцать раз Малышева была делегатом окружных и районных партконференций, два раза участвовала в башкирских областных партконференциях. Почти бессменно была депутатом сельского Совета. В Первушино, где она живет теперь, трудящиеся в шестой раз избрали ее своим депутатом в сельсовет.

Недавно неутомимая большевичка ушла на заслуженный отдых. Но она говорит:

— Если бы не мешало мне мое больное сердце, то я еще и не думала бы об отдыхе.

Н. Ошивалов

ТАНЯ ЧИРУХИНА

Татьяна Григорьевна Чирухина родилась в 1893 году в семье рабочего Полевского завода. С 13 лет работала ученицей швеи. В начале 1917 года участвовала в организации Союза молодежи в Полевском. Была членом комитета.

В 1919 году приняла активное участие в освобождении арестованных военных большевиков группы Валека из колчаковской камеры смертников. Была арестована белогвардейской контрразведкой и после жестоких истязаний зверски убита.

В Свердловске, на углу улиц 8 Марта и Антона Валека, в память борцов, погибших за народное дело, установлена мемориальная доска, на которой среди других — имя Татьяны Григорьевны Чирухиной.

Тринадцатилетней девчуркой Таню отвезли в учение к швее. Провожая, отец говорил:

— Танюха, ты не робей! Не так черт страшен, как его малюют. Учись, слушайся, но не поддавайся!

Вот с этим наказом она и уехала. С первых же дней «ученья» начались побои. Однажды в мастерскую в закрытом экипаже приехала важная заказчица в шелковой накидке, с зонтиком и в калошах. А и дождя-то не было. Девочка засмотрелась на нее.

— Танька, ты чего глаза пялишь! Не видишь — госпожа не может калоши снять! — лебезила хозяйка.

И откуда только взялась у Тани смелость:

— Больно нужно, мне надо шить учиться.

Что тут было! Хозяйка позеленела, затопала ногами и с такой силой втолкнула Таню в комнату к швеям, что девочка кубарем покатилась под стол. Швеи и жалели, и хвалили: «Умница, не поддавайся этой змее».

Как-то перед большим праздником загоняли Таню по заказчицам. Некогда было присесть, усталость валила с ног. А хозяйка заставила работать еще и ночь: дали сметать платье. Поздняя пора, девочка и задремала. Вдруг над самым ухом:

— Это что за безобразие!

Вскочила Таня как ошпаренная. Хозяйка визжит:

— Неуч, лентяйка! Что ты натворила! — И сует в глаза платье. Тут только девочка заметила, что левый рукав пришила к правому плечу. Но не растерялась и ответила:

— Вы не кричите, не ваша забота! — Взяла платье и к утру все сделала...

Таня очень любила читать стихи.

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...

— Танюша! — воскликнула одна из подруг, услышав ее декламацию. — У тебя чудесная дикция. С сегодняшнего дня мы будем считать тебя членом любительского драмкружка.

Любимой подругой Тани была Рипа Полетаева. С Таней они всегда были вместе. Их даже в шутку называли «иголка с ниткой».

— Знаешь, — рассказывала как-то Таня подруге, — на Верх-Исетском плацу кто-то подбросил красный флаг, а на нем слова: «Долой царя!», «Долой войну!». Вот если бы правда так было.

— Так, наверно, и будет, — ответила Рипа.

— Ты откуда знаешь?

— Есть такие люди, которые знают.

— И здесь, в Полевском?

— Да, и здесь.

— Это, наверное, очень смелые люди. Вот бы с ними познакомиться,— мечтательно произнесла Таня.

— Придет время, познакомишься.

* * *

В драмкружке шла репетиция пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок». Как всегда, зашел поговорить с кружковцами рабочий волочильного цеха Фриц Янович Кикур. На заводе он появился как-то незаметно. В маленьком заводском поселке все знали друг друга сызмала и к новичкам относились ревниво. Но

появление Кикура не вызвало никаких кривотолков. Скромный, трезвый и рассудительный, он стал пользоваться всеобщим уважением. К его советам прислушивались пожилые и молодежь. Вот и Таня спросила:

— Фриц Янович, как, по-вашему, наши успехи?

— Мне кажется,— мягко заговорил Кикур,— получается неплохо, и вам роль купеческой дочки удается. Только не наша это героиня. Не к лицу нам овечья покорность. Людей надо призывать к упорству, к борьбе с произволом! Почитайте вот эту книжицу,— подал он книгу Горького «Мать».— Да, вот еще что. Я слышал, вы готовите концерт. Попробуйте разучить «Песню о Буревестнике».

Вскоре состоялся концерт. Таня с большим подъемом декламировала понравившееся ей стихотворение. Зрители бурно приветствовали исполнительницу. Она третий раз читала:

Буря! Скоро грянет буря!

В это время на сцену поднялся Кикур.

— Граждане! — взволнованно произнес он.— Царь Николай Романов свергнут. Власть захватили капиталисты. Мы большевики-ленинцы призываем рабочих, молодежь организоваться, чтобы защитить свои права.

— Танюша! Вот люди, с которыми ты хотела познакомиться,— шепнула Рипа.

Таня смотрела широко раскрытыми глазами, ей казалось, поднявшийся шум гнал прочь всю тяжелую старую жизнь..:

Вставай! Поднимайся,
Рабочий народ!..

Звонко запевала Таня на собрании молодежи.

— Ишь ты, какая голосистая! Смотри, чтобы не заплакать! — ехидно шипел лощеный купчик Барышев.

— Дорогие друзья! От имени большевистской партии рекомендую создать Союз молодежи,— предложил Кикур.

— Вот еще, желторотое воинство! Для чего эта игра?— злопыхательствовал купчик.

— Большевикам на побегушки!— хихикнул эсер Шеин.

Но собрание приняло решение: «Организовать Союз молодежи». Шумно выбирали комитет.

— Таню! Таню Чирухину!— кричали ребята и девушки. Таню и Рипу единогласно избрали в комитет.

Много было хлопот. Незаметно пролетело лето. А тут новые события. Власть взяли рабочие и крестьяне. Поселковый Совет во главе с Кикуром стал в городке полновластным хозяином. Ощетинилась, вздыбилась буржуазия. По деревням и селам заполыхали контрреволюционные восстания. На юге Урала, по раздольным оренбургским степям свирепствовал царский приспешник атаман Дутов. Подняли мятеж спровоцированные чехословацкие части. Председатель Совета Кикур спешно формировал отряд Красной гвардии.

— Товарищ Кикур, мы тоже желаем вступить в ваш отряд,— просили Таня и Рипа.

— Нет, девушки, в тылу много дел, поднимайте молодежь на защиту Советской республики.

Тане активно помогал вступивший в Союз молодежи младший брат Петр. Другой брат, Александр, слал бодрые письма:

«...Меня приняли в партию большевиков...»; «Мне поручили организовать отряд добровольцев Красной Армии»; «Из Тобольска в Екатеринбург перевозили бывшего царя...»; «...Надеюсь скоро повидаться с вами». И, действительно, приехал.

— Сашенька! Родненький! Вот и встретились!— вместе с матерью хлопотала Таня за семейным столом.

Но недолго пришлось Александру побыть у родителей. Белогвардейские войска ворвались на Средний Урал. Едва успел Александр выехать в часть, белая армия вступила в Полевской завод, захватила Екатеринбург.

* * *

Тяжелые известия сыпались одно за другим. В бою с белогвардейцами геройски погиб Фриц Янович Кикур. В Екатеринбурге арестовали Александра.

— Сегодня же еду туда,— решительно заявила Таня.

Город встретил неприветливо. Апрель стоял холодный, сырой. Вперемежку с хлопьями мокрого снега моросил плотный холодный дождь, острый северный ветер пронизывал до костей.

— Танюша, какое несчастье, какое горе,— в отчаянии встретили ее Рипа и Валя Чупина.— Александра и Алешу арестовала колчаковская контрразведка. Оттуда живыми не уходят.

С большим трудом удалось девушкам установить связь с заключенными. Обыкновенная плетеная корзиночка для передачи продуктов стала прекрасным почтальоном, а переплет ее ручки — великолепным тайником для записок.

Но, видимо, тюремщик что-то заподозрил, потому что вдруг заявил, что корзиночка ему нравится и он оставит ее себе. При этом с такой силой тискал ее, что, казалось, вот-вот раздавит и обнаружит записку.

«...Представляешь мое состояние, «душа ушла в пятки», но я все же не подала виду и отговорила его, вручив рублевку «на чай»,— писала брату Таня.

Александр сообщал: «...нас обвиняют в большевистской агитации, разложении белогвардейских войск. Пытают, мучают каждый день до потери сознания. Будьте осторожны. Свяжитесь с моими товарищами-солдатами, пусть выручают...»

Последняя записка была еще тревожней: «...Не добившись от нас ничего, колчаковцы решили, видимо, нас казнить и переводят всех семерых в камеру смертников. Действуйте энергичнее».

— Что же делать, чем помочь?!— волновались девушки. Словно услышав их отчаяние, Александр прислал еще записку: «...Нужна пилка для металла...» К счастью, Петру удалось быстро достать пилку. Переломленная на две части и запеченная в хлеб, она была переправлена в камеру.

* * *

В конце мая закрутила, завертела непогодь. С межгорья налетели свинцовые тучи, подгоняемые ветром. Они кучами выбрасывали пушистые хлопья снега и торопливо летели к горизонту. Обойдя полукругом, вновь наседали на город, рассеивая крупный холодный дождь. Это оказалось на руку большевикам-смертникам. Завывание ветра и шум дождя заглушали звуки, вызываемые перепиливанием железной решетки в окне.

На третьи сутки массивные прутья подались и заключенные вырвались на свободу. Взбесились белогвардейские палачи. Рыскали по всей округе, как псы, вынюхивая организаторов побега. Прискакали и в Полевское.

— Здесь, здесь. Ее рук дело,— подобострастно расшаркиваясь, провожал карателей к Чирухиной эсер Шеин.

— Ну, голубка, допрыгалась!— злорадствуя, пояснничал перед Таней колчаковский поручик Барышев. Били долго и жестоко. Всю истерзанную, окровавленную бросили в сырой, покрывшийся плесенью подвал. Очнулась. Хотела подняться, страшная боль, словно током, пронзила все тело, в голове стоял сплошной звон, волосы слиплись от крови, запекшаяся кровь была на лице и на шее. «Где я?» — подумала Таня, и в памяти предстали недавние события ареста и страшного избиения.

— Палачи!— простонала Таня.

— Очухалась! Пойдем,— хрипло сказал кто-то из угла.

— Куда?

— Знамо куда! Сам будет исповедовать!— хихикнул охранник.

Начальник контрразведки петушиными, круглыми, налитыми кровью глазами уставился на Таню.

— Скажите,— вкрадчиво начал он,— где скрываются убежавшие большевики, и мы освободим вас.

Таня молчала.

— Барышня, молчание не является лучшей гарантией жизни. От вас требуется очень немного: сказать, где они.— Таня с презрением взглянула на истязателя и со всей силой плюнула в его петушиные глаза. Вытираясь, он истерически взвизгнул:

— В плети!

Из-за портьеры выскочили два охранника. На Таню посыпались удары нагаек. Багровыми рубцами покрылось тело, лопалась кожа, струями сочилась кровь. Девушка стояла с высоко поднятой головой, пока удары не обрушились на лицо. Теряя сознание, Таня выкрикнула:

— Изверги! Народ не убьете!

* * *

Красная Армия очищала уральскую землю от белогвардейских банд и иностранных интервентов. Где-то на подступах к Среднему Уралу шли последние решительные бои. В Екатеринбурге беляки метались, как угорелые. Окончательно озверели. Удирая, зверски расправлялись со своими жертвами.

С начала июля лето стало развертываться в полную силу, и только кое-где на низких местах по лощинам и болотинам стояли ароматы задержавшейся весны. Из садов и палисадников рабочего поселка шел пряный аромат отцветающей сирени. Все чаще и чаще этот запах перемешивался с запахом гари и порохового дыма.

Как-то в тишину прекрасного и тихого летнего утра ворвался необычный шум. В окружении пьяной ватаги колчаковских конников из тюрьмы вывели группу пленных красноармейцев и погнали на расстрел в торфяники. Среди пленных были две девушки. Измученные, истерзанные, окровавленные, они держались гордо. Группа поровнялась с окраинными домиками рабочего поселка. Прилив бодрости наполнил сердце Тани.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...—

звонко и воодушевленно запела она. Песня революции, подхваченная остальными, призывно понеслась по поселку. Застучали оконные створки, заскрипели двери и калитки. Кто-то бросил ветку сирени. Таня поймала ее на лету и еще сильнее запела:

Вышли мы все из народа —
Дети семьи трудовой...

Заметались, закрутились колчаковцы, ярили коней, наседали с обнаженными шашками. Их охватил животный страх перед несгибаемой волей людей, идущих на смерть.

— Молчать!— истошно орали каратели, врубаясь в группу пленников.

— Ох! — простонала Валя.— Танюша, прощай! Меня покидают силы.

— Что ты! Что ты! — нежно поддержала ее подруга.— Мы еще поборемся, родная!

— Что топчетесь! Шагайте живо!— нанося удары нагайками, врезались в толпу колчаковцы.

— Не прикасайтесь! Она скоро будет матерью!— прикрывая подругу от ударов, яростно крикнула карателям Таня.

— Сгинь, большевистская зараза! — со всего размаху рубанул шашкой белогвардеец.

— Руби-и!

Обливаясь кровью, валились, как снопы, безоружные люди. Оборвалась жизнь отважной комсомолки. Колчаковские каратели зверски изрубили всех арестованных. Невозможно было опознать ни одного погибшего. Ветка сирени лежала в луже крови.

Р. Валек

ИЗ МРАКА К СВЕТУ

Раиса Исааковна Валек родилась в 1889 году. Член КПСС с 1919 года. В революционном движении участвует с 1905 года. В период колчаковщины вместе с мужем Антоном Валеком работала в Екатеринбургской подпольной большевистской группе, за что была приговорена к двадцатилетней каторге. В 1919 году освобождена из тюрьмы частями Красной Армии. С 1919 по 1956 год была на ответственной партийной и советской работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

После казни Антона Валека и других участников екатеринбургского большевистского подполья, в начале апреля 1919 года, меня и Ольгу Даниловну Гержевак-Латти, осужденных на каторжные работы, перевели в тюрьму № 2 на Сенную площадь. Вместе со мной был и мой маленький сын Шурик.

В небольшой камере для политических, куда нас поместили, в неимоверной скученности находилось восемнадцать человек. Койки стояли почти вплотную, на некоторых спало по два человека. Большинство обитателей камеры были «старожилами», то есть сидели с первых дней колчаковщины. В соседней камере, со строгой изоляцией, закованные в ручные и ножные кандалы, сидели по «Алапаевскому делу» товарищи Соловьев и Старцев. Они участвовали в казни восьми «великих князей».

Тюрьма была переполнена. Внешне она ничем не

отличалась от тюрем царских времен. Старые царские тюремщики, которых здесь было большинство, сохраняли прежний режим и порядок.

С первого же дня меня озадачил один пункт в режиме дня заключенных: с 3 до 4 часов... «битье вшей в обязательном порядке». Я спросила товарищей по камере: «Неужели их так много, что восемнадцать человек целый час должны тратить, чтобы их уничтожить?» «И часа не хватает, приходится этим делом заниматься и вне расписания»,— был ответ. Впрочем, в этом скоро я и сама убедилась.

Книг нам не давали. Да их и не было, за исключением нескольких растрепанных романов без начала и конца и затасканных библий. Занимались, кто чем мог. Большое удовольствие многим доставлял мой Шурик, конечно, когда он был вполне здоров. Он стал общим любимцем. Но тюремные условия скоро дали себя знать: Шурик стал вялым, неохотно играл, редко смеялся. Наше питание состояло из фунта черного сырого хлеба, кипятка и «супа» — мутной воды без соли, заправленной ржаной мукой. Заключенные, которым с воли не было передачи, буквально голодали. К ним принадлежала и я. В результате длительного заключения развивалась тяжелая форма цинги: ноги покрывались черными пятнами —кровоподтеками, зубы шатались, десны кровоточили. Многие товарищи во время заключения перенесли тиф. Но, несмотря на эти условия, камера не унывала.

Тюремный надзиратель Самодуров, незаметно для других, передавал нам газеты, в которых, несмотря на маскировку, ясно проглядывало ухудшение положения белых на фронте. Один из часовых, проходя мимо наших решеток, кидал нам комочки бумаги с радостными весточками. Чем лучше были вести для нас, тем свирепее, придирчивее относились к нам тюремные «фараоны». И доставалось же нам, особенно в последний месяц заключения! Однажды, заметив у окна камеры заключенную в светлом платье, смотритель ворвался к нам и потребовал сказать, кто подходил к окну. Все молчали, а в светлых платьях было трое. Всех троих посадили в карцер.

В половине июня произошел трагический случай. Часовой без предупреждения выстрелил в товарища,

стоявшего у окна верхней мужской камеры и убил его наповал. Другого, стоявшего позади, тяжело ранило, и его с разбитой челюстью отправили в больницу.

Часто к нам, политзаключенным, вселяли уголовных преступниц, и из нашей камеры «провинившихся» переводили на несколько дней в камеру уголовников.

Уголовные обычно вначале ощетинивались, пускали в ход весь свой нецензурный лексикон. Но через несколько дней, видя наше к ним дружелюбное отношение, успокаивались. Учительница Ремизова решила заняться просветительной работой, поучить грамоте уголовных женщин. Дело стало за букварем. Но в нем было отказано: «Вы и так слишком грамотны»,— ответил начальник тюрьмы.

Скоро нас, двух политкаторжанок, перевели в тюрьму № 1 по Московскому тракту, где готовилась партия к отправке в Иркутскую централку (центральная каторжная тюрьма). Здесь поместили нас в маленькую камеру, где уже находилось пять женщин-уголовниц, осужденных на каторгу.

Особенно запомнилась мне одна из них. Высокая, худая женщина глядела на все странным остановившимся взглядом, мало с кем разговаривала. Она убила соседку-старуху с целью грабежа. «Уйми своего... а то я быстро с ним расправлюсь»,— прошипела она ночью, когда Шурик разбудил ее своим плачем. Я посмотрела на нее, забилась в самый дальний угол: от такой можно было всего ожидать. Простые мирные, казалось, слова в обращении друг к другу пересыпались у этих женщин отборными ругательствами. Но, странно, когда наступила наша с Ольгой очередь убирать камеру, они нас грубо отстранили со словами: «Вам это дело несподручно, мы сами»,— и дружно, без пререканий, брались за чистку камеры, выносили парашу, скоблили нары, мыли полы.

Подготовка к отправке на каторгу была несложной. Вызвали нас в контору тюрьмы, заполнили проходной лист с указанием «особых примет», сняли оттиски пальцев с обеих рук черной мастикой, сфотографировали в профиль и анфас, вот и все. Но отправка почему-то оттягивалась. Видимо, начальству было не до нас. В конце июня тюрьма заволновалась. Беготня, шум, не прекращающиеся днем и ночью телефонные звонки.

Нас не стали пускать на прогулку. Началась массовая эвакуация политических и уголовных заключенных. Партии отправлялись спешно, днем и ночью. Особенно запомнилась отправка одной большой партии. Ночь... Проливной дождь. Из окна тюремной больницы, куда меня перевели из-за Шурика, был слышен шум, отчаянная брань пьяных конвоиров, битье пустых бутылок о каменные плиты тюремного двора. Уже за полночь завизжали железные ворота, пропустили заключенных и стало тихо, как на кладбище.

Последняя партия заключенных эвакуировалась 10 июля, то есть за пять дней до вступления в Екатеринбург Красной Армии. С этой партией было намечено отправить каторжан, в том числе Ольгу и меня с Шуриком. Но тюремная надзирательница Спицына меня к партии не вызвала, что было обнаружено при перекличке. «Почему не вызвана Валек?» — громко обратился начальник к надзирательнице.— Сейчас же ее привести!». Но не успела надзирательница отойти, как во дворе тюрьмы разыгрался конфликт, который избавил меня от верной гибели и от эвакуации. Из выстроившейся партии вдруг выступил вперед один политзаключенный — фамилии его я не знала — и обратился к начальнику с просьбой оставить больных цингой и другими болезнями в тюрьме, так как они не в состоянии ходить. Просьба товарища вызвала ярость у начальника: «Ах вы, мерзавцы, хотите совдепии дождаться, красных. Так не бывать этому!». И он размахнулся, ударил просящего по лицу. Тот упал на камни двора, и струйка крови потекла у него изо рта. Поднялся шум, сильнее всего со стороны уголовных, которых тоже эвакуировали из тюрьмы.

«Что же это, к старому режиму возвращаемся? По мордам опять бить! Нет такого закона!» — бурно негодовали они и ругались на весь тюремный двор. Тюремщик струхнул. Забыв о своем приказе вывести меня к партии, он скомандовал: «Марш!» Надзирательница воспользовалась суматохой, спряталась среди надворных построек. Открылись ворота, и партия в триста с лишним заключенных, окруженная конвоем, была выведена из тюрьмы. С этой последней партией удирало все тюремное начальство, целый год служившее белым «верой и правдой».

Позднее я узнала, что надзирательница не от доброй души помогла мне. Собственный домик, хозяйство на Верх-Исетском заводе связывали ее с Екатеринбургом, ей не было расчета удирать. А чтобы не подвергаться репрессиям за службу у белых, она старалась заслужить симпатии политзаключенных. Остались еще несколько надзирателей, которые не чувствовали за собой вины перед нами. Последние дни они были с нами предупредительны, приносили газеты и добрые вести из города.

Эвакуировано из обеих тюрем было около двух тысяч заключенных. Осталось в нашей тюрьме 180 человек, тяжело больных цингой, обезноженных, в том числе томичи Ильяшенко, Вегман и много женщин. Но это не избавляло нас от любого произвола, расправы со стороны пьяных карателей, казаков, которые в эти дни чинили погромы и грабежи в городе.

В первую ночь после отправки последней партии мы пережили тяжелые, кошмарные часы. Группа белогвардейцев обходила камеры мужчин. При свете зажженных спичек выкрикивали фамилии политзаключенных, уводили из тюрьмы и расстреливали.

За два дня до прихода советских войск, надзирательница, открыв нашу камеру, с волнением сообщила, что группа офицеров обходит камеры и просила нас «подготовиться». Мы решили сообщить о себе, что каждому заблагорассудится, поскольку все дела на нас увезены с последней партией. Одни сказали, что они сидят по уголовному делу, другие за мужей или отцов, ушедших с красными.

Узнав о составе нашей камеры, один из офицеров выступил перед нами с речью, которая нас крайне удивила: «Мы временно оставляем город, но скоро обязательно вернемся. А вы, как люди интеллигентные, поймете, что Советская власть — не более, как афера. Мы вернемся, и вы будете вместе с нами восстанавливать хозяйство нашей родины. А сейчас мы вас из тюрьмы освобождаем».

Но обещанного освобождения не последовало. Во избежание расправы мы попросили надзирателей запереть нас на замки и никого в тюрьму не впускать.

В ночь на 15 июля нам сообщили, что рядом с тюрьмой установлено шесть пушек. Готовится бой. «Но вы не

беспокойтесь: если вам будет угрожать опасность, мы вас спустим в нижний этаж»,— заявила нам надзирательница. Мы напряженно прислушивались к шуму, доносившемуся до нас через стены тюрьмы. Залпы — один, другой, третий. Затем наступила мертвая тишина. Белые спешно отступали, побросав орудия. Чуть дыша, прислушивались мы к каждому шороху. Проходит час, два... Что это? Да, да, сомнения нет, издалека доносится пение «Интернационала». Пение все приближалось и, наконец, звуки гимна ворвались к нам в окна.

К тюрьме подходили части 28-й дивизии под командованием В. М. Азина. Солдаты с красными звездочками на фуражках вошли к нам в камеру. Трудно передать радость, охватившую всех нас. Криками «ура» встретили мы своих избавителей.

Красноармейцы очень огорчились, что нашли в тюрьме лишь небольшую часть заключенных. «Запоздали»,— уныло проговорил товарищ, первым вошедший в камеру. Мы узнали потом, что из эвакуированных заключенных (около 2000 человек) дошли до Иркутска лишь 160, остальные погибли от болезней и расстрелов в дороге.

Утром 15 июля мы получили справки об освобождении и начали расходиться кто куда. Я с Шуриком на руках поспешила к дому, где помещалась колчаковская контрразведка, надеясь разыскать материал по делу нашей подпольной организации.

Но, удирая, враги оставили целыми только стены. Сорванные обои висели клочьями и валялись на полу в грудах обломков стульев и столов. Электропроводка сорвана, выбиты стекла в окнах. С какой яростью вымещали враги свое бессилие на всем, что попадалось им под руки! Мне даже стало легче на душе при виде этого разгрома.

Июльский теплый солнечный день. Казалось, и природа вместе с нами радуется нашему освобождению. Хотелось увидеть родные улицы, знакомые дома, пруд. Я обходила улицу за улицей, глубоко вдыхая свободный и чистый воздух. И я несказанно обрадовалась, увидя на одном из перекрестков Симу Дерябину. Мы обнялись и крепко расцеловались, как будто не сегодня утром вместе покинули стены тюрьмы. Я предложи-

ла Симе пойти за город. Усевшись на полянке в ближнем лесочке, мы начали мечтать о нашей будущей работе. Хотелось сегодня, сейчас же, заняться нужными неотложными делами.

В первые дни после нашего освобождения была создана комиссия, которой поручили найти место казни подпольщиков. Но розыски не дали результатов. Зарубленных товарищей бросили в громадную выемку, заполненную смолой, их труппы глубоко засосало.

Горком РКП(б) предложил мне работать в отделе социального обеспечения по организации детских домов.

Наряду с этим, мне, как и другим коммунисткам, предстояла большая работа среди женщин-работниц и домашних хозяек. Эта работа проходила под непосредственным руководством Серафимы (Симы) Дерябиной. Еще в тюрьме я была с ней связана крепкой дружбой. Этот милый, стойкий и чуткий товарищ остался в моей памяти, как образец кристально-чистой, высоко принципиальной коммунистки.

Женщины горячо отзывались на призыв Симы. Сотни их принимали участие в организованном сборе вещей для армии, госпиталей, школ. Выбирались делегатки, которые прикреплялись к госпиталям, детским домам и, как общественные контролеры, к столовым и торгующим точкам. Сотни делегаток пошли учиться, ликвидировать свою неграмотность. Я тоже просила послать меня на учебу, но получала один и тот же ответ: «Подожди, Валек, раньше других немного подучим, а потом сами учиться пойдем».

В связи с недостатком работников в ревтрибунале, городской комитет партии откомандировал меня из собеса на работу следователя, а через некоторое время я была направлена на работу в губернский комитет по борьбе с дезертирством.

С гордостью и радостью мы следили за успешным продвижением нашей Красной Армии, очищающей город за городом от белогвардейщины. С нетерпением я ожидала освобождения Омска, где находилась сестра и мои старшие мальчики.

Омск был освобожден Красной Армией 14 ноября 1919 года, но только весной 1920 года мне удалось получить разрешение на поездку за детьми. Мальчики

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Коммунистическое Бюро работниц при Екатеринб. Комитете Р. К. П

СЕГОДНЯ 31-го АВГУСТА

ДЕНЬ КОММУНИСТИЧЕСКАГО ПРОСВЕЩЕНИЯ РАБОТНИЦ

ЖЕНЩИНЫ ТРУДА работницы всех предприятий, ремесленницы, домашния хозяйки, красноармейки прислуги и пр. должны собраться по возможности со знаменем **в часу дня на площади Новаго Городского театра** где оне строятся по профессиям (если они записаны в союз) или по предприятиям (Макаровская и Логиновская фабрики), или просто по роду труда (домашние хозяйки, прислуга, красноармейки).

Построившиеся колонны получают от Женск. Коммунистическаго Бюро соответствующия знамена и плакаты с агитационными надписями. Женщины, могущие петь в хоре становятся отдельно впереди всех групп.

К 2 часам дня сюда подходят делегации Союза Молодежи Коммунистической партии и других организаций для обмена приветствиями

Работницы-1 ряды коммунистической партии для борьбы за освобождение от оков капитала, от домашняго хозяйства и невежества!!

Долой империалистические бойни [illegible] угнетателей всего мира! Женщины на красный фронт [illegible] сестер агитаторш

Женщины в [illegible] тыла! Пресекайте спекуляции, расхищение народного достояния, рассеивайте темные слухи и клевету агентов Колчака.

Дома-коммуны, общественные столовые, центральные прачечныя освободят женщину от кабалы домашняго хозяйства!

Крест материнства на плечи коммунистическаго государства! Женщины стройте вместе с ним школы матерей, дома матери и ребенка, ясли капли молока.

[illegible]

Да здравствует новая единая трудовая школа!

Женщины устраивайте детские клубы, сады, колонии!

Сюда же прибывает к 2 час. дня ДУХОВОЙ ОРКЕСТР и хор Союза Молодежи в сопровожд. котораго женщины отправляются на площадь Верх-Исетскаго театра, где с 3½ ч открывается

БОЛЬШОЙ МИТИНГ

на тему ИЗ РАБЫНИ—В ГРАЖДАНКУ Красной отчизны

Выступят т.т. Сосновский, Дербина, Бумажный, Суханова и др.

После митинга будет распространен № у „Страничка Работницы" и др. №№ „Уральскаго Рабочаго" со статьями интересующими женщину рабочаго класса. Тут же будет распространяться и программа Коммунистической партии

Вечером в 3 до 7 часов женщины получают в Бюро работниц (Окружный суд, 2-й этаж, комната № 1 у Никифоровой) контромарки на увеселения, устраиваемые женским Бюро и Коммунистическим Союзом Молодежи в ознаменование „дня молодежи" (31/VIII). (Кинематограф. Городской театр и др.)

В случае ненастья женщины пролетарки всего города прямо приходят в Верх-Исетский театр на митинг в 3 часов дня где их приветствуют делегации Союза Молодежи и Коммунистической партии.

Вечером они получают в Бюро работниц указанныя контромарки на увеселения, организованные женским Бюро и Союзом Коммунистической Молодежи.

Объявление коммунистического бюро работниц Екатеринбургского комитета РКП о проведении «Дня коммунистического просвещения работниц».

мои за полтора года выросли и, благодаря заботам сестры, выглядели здоровыми и веселыми.

Осенью 1920 года я вместе с другими товарищами по разнарядке отдела работниц при ЦК ВКП(б) поехала в Москву на курсы Наркомпроса по охране детства.

В Москве мы временно остановились на Харитоновской улице, в Доме съездов. Нас было пятеро, разных по развитию и образованию.

Сложив свои пожитки и продукты в отведенную нам кладовую, мы направились в ЦК партии, к заведующей отделом работниц, товарищу Коллонтай. Коллонтай приняла нас очень приветливо, обстоятельно расспросила не только о работе нашей, но и о личной жизни каждой из нас. После беседы с нами она обратилась к своему секретарю: «Выдайте товарищам талоны на питание, устройте их на отдых и приготовьте направление в Наркомпрос... До свиданья, товарищи, желаю вам успеха!».

Мы отправились в Наркомпрос. И каково же было мое разочарование, когда нам предложили или вернуться обратно, или ждать неопределенное время, когда съедутся все курсанты и... организуют эти курсы. Мы решили обождать. Товарищи вернулись в общежитие. А я пошла в редакцию «Правды», чтобы передать письмо Марии Ильиничне Ульяновой от омской комсомолки, сотрудничавшей раньше с Марией Ильиничной. В редакции ко мне вышла немолодая, просто одетая женщина с несколько скуластым лицом. Я сразу узнала в ней сестру Владимира Ильича.

Она подошла ко мне, приветливо улыбнулась, подала руку. Стоя, она прочитала письмо, затем стала расспрашивать меня о моей жизни и работе, попросила написать статью о женотдельской работе в Омске.

В очередном номере «Правды» была помещена моя статья. Тем временем товарищи подыскали помещение для курсов — бывший институт благородных девиц на Солянке, 12. Мы получили два дортуара без мебели, с разбитыми окнами, перетащили туда из кладовых шестьдесят железных коек, несколько простых столов и скамеек. Ничего больше не могли достать. Затем более грамотные из нас (Маруся Васильева, Завьялова) засели с работниками Наркомпроса за составление

программы курсов, а также занялись подыскиванием преподавателей.

Наконец, начали съезжаться курсанты, в большинстве делегатки женотделов и только через два месяца после нашего приезда с грехом пополам начались занятия. Занимались мы в дортуаре, сидя на койках, держа тетради на коленях.

Здесь мне впервые довелось услышать Михаила Ивановича Калинина. Скромная манера держаться, говорить просто, по-рабочему, приводить убедительные факты из жизни, делали его речь очень доходчивой и вдохновляющей. Он докладывал нам о новой экономической политике и задачах, которые партия ставила перед нами.

Весной 1921 года мы закончили курсы и были откомандированы в распоряжение Омского отдела народного образования. Но из-за кулацкого восстания в Ишиме, мы были вынуждены остановиться в Вятке (Киров). Там работали в детских домах.

Через два месяца ишимский мятеж был подавлен и можно было выехать в Омск. Я была назначена в отдел народного образования инспектором по социально-правовой охране несовершеннолетних (СПОН). В мои обязанности входила борьба с беспризорностью, с детским правонарушением, организация детских домов.

Годы жила я в Омске, а сердце все же рвалось в Екатеринбург. Мне помог случай. В 1930 году Уральское ГПУ вызвало меня в Свердловск по делу бывшего подполья. Я попросила Уралобком отозвать меня из Омска, что и было сделано.

В Свердловске (а уезжала я из Екатеринбурга) я почувствовала себя дома. Облик города очень изменился: высятся вновь построенные многоэтажные дома, ранее утопавшие в грязи улицы вымощены, много зеленых насаждений, чего раньше не было, пущен трамвай, началось строительство Уралмаша, появились Уральский политехнический институт и другие учебные заведения.

Меня направили на работу в культурно-массовый сектор Уралколхозсоюза. Сектор ведал колхозными клубами, детскими и лечебными учреждениями.

Вскоре Уралколхозсоюз был ликвидирован, а со-

трудники переведены на работу в Областной земельный отдел (ОБЛЗО).

Мысль об учебе не покидала меня все эти годы. Вот почему я уже в 45-летнем возрасте была несказанно рада, когда Свердловский обком ВКП(б) удовлетворил мою просьбу, зачислив на областные годичные курсы марксизма-ленинизма. Слушатели этих курсов почти все были с большим практическим партийным, советским стажем работы, но так же, как и я, не получили своевременно общей и политической подготовки.

С большим увлечением я начала изучать политэкономию, исторический и диалектический материализм, историю нашей партии.

Кроме политических дисциплин, нам преподавали русский язык, математику, экономическую географию и даже немецкий язык.

При распределении товарищей, окончивших курсы, некоторые были направлены секретарями и инструкторами райкомов в свои районы. Я была послана в Свердловскую ОблКК на должность партийного следователя, где работала до ликвидации контрольных комиссий.

Затем я снова была направлена в облсельхозотдел, где с небольшим перерывом работала до 1941 года.

В начале 1941 года по состоянию здоровья я была вынуждена перейти на работу в научно-техническую библиотеку Областной полеводческой опытной станции.

Пришлось учиться библиотечному делу, изучать его технику. Но работа на культурном фронте мне всегда очень нравилась.

Четырнадцать лет я несла депутатские обязанности, избиралась депутатом райсовета трех составов.

Таков мой жизненный путь...

Ю. Попова

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Юлия Николаевна Попова родилась в Соликамске в 1899 году. В 1918 году работала в Соликамской Чрезвычайной Комиссии, откуда ушла добровольцем на фронт. 1918—1919 годы участвовала в гражданской войне. Была медицинской сестрой и бойцом. Затем посвятила себя педагогической работе. В настоящее время — на пенсии.

Суровый 1918 год.

Тяжелые серые сумерки короткого осеннего дня быстро опускаются над небольшим уральским городком, окруженным стеной темного зубчатого леса. Стемнело. Но нет огней в Соликамске. Пустынны улицы. Попрятались купцы и обыватели. Только в большом белом доме солепромышленника Рязанцева, выходящем окнами на площадь, горят огни. Это Чрезвычайная Комиссия. Здесь я работаю.

Подхожу к окну и смотрю на улицу. Черная ночь придавила город. Мечется, визжит холодный ветер за окном, скрипят деревья в городском саду напротив.

Вдруг удар колокола разорвал ночную мглу. Я вздрогнула. Тревога! Накинув кожаную тужурку, выбегаю на улицу.

За высокими темными силуэтами церквей белело каменное здание парткома с красным флагом над входом. Туда, к центру, двигались люди. Не было обычных шуток и смеха. Старались не стучать ногами, тихо перекидывались словами, закуривая «козьи ножки».

Прямо на возвышении стоял стол, накрытый красной скатертью. В простенках, в красных рамах, портреты Ленина и Маркса. За столом во всю стену плакат: «Мир — хижинам, война — дворцам!»

Собравшиеся нетерпеливо переступали с ноги на ногу, синие клубы махорочного дыма плавали в воздухе.

Справа из комнаты вышло несколько человек. Впереди — секретарь парткома Аркадий Пинягин. За ним — военком Моллер, бывший офицер царской армии, и председатель Чрезвычайной Комиссии Брикман в форме морского офицера. Позади шел старый солевар Жданов.

Пинягин остановился на возвышении, оглядывая притихший зал.

— Товарищи! Много говорить не приходится. Наша страна в опасности! Капиталистические государства хотят железным кольцом стянуть шею нашей молодой Республике Советов. Их поддерживает внутренняя контрреволюция. Белогвардейские войска совсем близко, не сегодня-завтра будут здесь. Они хотят утопить в крови молодую Республику Советов. Не допустим, товарищи, белогвардейцев до наших фабрик, заводов, соляных промыслов! Выгоним интервентов с советской земли!

— Выгоним!— выдохнул зал.

— В Чердыни, Кизеле, Губахе, Усолье создаются коммунистические отряды. Каждая партячейка — боевой коммунистический отряд. Чердынь эвакуируется. Белогвардейцы хотят отрезать от нас угольную базу Кизел — Березники. Военный революционный комитет предлагает всем нам выступить против врага.

На трибуну поднялся солевар Жданов.

— Что тут говорить, товарищи! Идем все! Все ясно! Голосуй!

Целый лес рук, черных, заскорузлых, изъеденных солью, натруженных жилистых рук взметнулся вверх.

— Завтра выступаем. Сбор на площади!— объявил военком.

Расходились молча. С Камы дул пронизывающий ледяной ветер. К утру ударил крепкий уральский мороз.

Второе Челябинское окружное совещание женщин-колхозниц.
1928 год.

* * *

Над картой склонились четыре головы. В руках секретаря парткома Пинягина красный карандаш.

— Немедленно надо установить связь с ревкомами кизеловских шахтеров, усольских солеваров и с двух сторон напасть на белых — говорил он, ставя красные крестики на карте.

— Кизеловцы подойдут слева по течению Верхней Косьвы. Наш отряд ударит с дороги, лыжники с пулеметом обойдут лесом, справа,— поддержал Жданов.— Главное — захватить врага врасплох! По поручению уездного ревкома отряд поведет товарищ Пинягин.

Военком Моллер неопределенно улыбнулся:

— Товарищи! С таким планом нельзя согласиться! Во-первых, у нас еще умения нет, во-вторых, силы наши слишком незначительны, в-третьих, мы слабо вооружены. Мое предложение — обождать несколько деньков, пока не подойдет подкрепление из уездного ревкома.

С ним соглашается председатель Чрезвычайной Комиссии Брикман.

— Предлагаю принять план, разработанный Пинягиным,— проговорил Жданов.— Выступать надо, товарищи, не медля!

— Пошлем нарочного в Кизеловский и Усольский ревкомы,— предложил Пинягин.— Часть бойцов необходимо оставить в городе, а то купцы и обыватели могут устроить восстание. Охрану города поручить товарищу Брикману. Товарищ Моллер, вам, как военкому, обеспечить срочное выступление нашего коммунистического отряда на Растес.

* * *

Багровый шар солнца, окутанный морозной дымкой, выплыл из-за куполов церквей. Большая торговая площадь кишит народом. Поднятые оглобли, ржание лошадей, всплески гармоники, гул толпы. Как на ярмарке!

К зданию чека движется непрерывный людской поток. Люди входят в ограду и исчезают в огромных глубоких купеческих подвалах. Через некоторое время они появляются преображенными: с винтовками за плечами, увешенные бомбами, похожими на блестящие бутылки, некоторые опоясаны пулеметными лентами. У изгороди

старого городского сада лошади, похрустывая, жуют сено. Около уральских розвальней — маленькая сгорбленная старушка, покрытая темным выцветшим платком.

— Побереги себя, сынок!— говорит она. По ее худым, морщинистым щекам катятся крупные слезы, которые она вытирает уголком головного платка.

Сын ее, Степан, туго перепоясанный пулеметными лентами, укладывает ящики с патронами.

Посреди площади, возле старого полусгнившего пожарного бака, стоит чекист Мелехин. Рядом — его жена, невысокая молодая женщина с грудным ребенком, завернутым в цветастое одеяло. Одной рукой она обвила шею мужа и, кажется, никакая сила на свете не сможет оторвать ее от любимого. Алексей смотрит на нее затуманенным взглядом, карие глаза жарко горят.

Улицы, несмотря на суровый мороз, переполнены.

В окнах некоторых домов из-за тюлевых занавесок показываются лица и быстро исчезают за косяками.

— Уезжают, голодранцы! Пора готовиться к встрече новой власти!

Мороз крепчает. Огненный шар солнца скрылся за купеческими лавками. Спускаются серые зимние сумерки. Соликамский коммунистический отряд выезжает на дорогу.

Одновременно выступает Усольский отряд. Спешит к Кизеловскому ревкому нарочный со срочным пакетом.

* * *

Соликамский отряд уже проехал Городище, Половодово, приближался к Верхней Яйве. Все ближе к фронту. Все реже встречаются деревни на пути. Тайга. Сплошной стеной стоят сосны-великаны. В ночь выпал снег. Мягким пушистым одеялом покрыл он лесные поляны, одел снеговые шапки на сосны, белые мягкие рукавицы на ветви елей. Тихо в лесу. Воздух чист и свеж. Изредка с могучих деревьев беззвучно падают хлопья снега.

Но вот лесную таежную тишь нарушили звуки гармошки. Пулеметчик Степан простуженным голосом заводит любимую песню соликамских партизан:

...Вдоль да по линии Ура-а-ла,
Там сизой орел лета-а-л!
Он летал перед войсками...

Дружно подхватывают молодые голоса:

Наш отважный ко-о-миссар!

Высокий тенор комсомольца Кузьмы покрывает все голоса.

Далеко разносится песня по лесу, могучим эхом отдается вдали...

В полночь отряд остановился в небольшой, полузанесенной снегом деревушке, прилепившейся у подножия горы.

Последняя остановка. Стуча замерзшими ногами, входили в избы иззябшие люди. Недалеко от деревушки в заброшенном кордоне лесника разместился «Красный крест». Накинув на плечи шинель, натянув шапку-ушанку на голову, я выхожу на улицу. У дороги, в глубоких снеговых ямах, в больших котлах варится конское мясо. Ружья составлены в козлы. Выставлены дозорные. Иду по дороге дальше. В окно видно, как около стола начальник пулеметной команды Степан разбирает с комсомольцами-пулеметчиками пулемет «максим».

«Готовится к бою!»— думаю я.

В следующей избе над картой склонилось несколько человек. Пинягин водит по ней карандашом и что-то объясняет товарищам.

«Обсуждается план наступления!» Постучав в окно, я вбегаю в избу. Пинягин складывает в полевую сумку сложенную карту и смотрит на меня.

— А, Юлия, как дела?— говорит он, застегивая сумку. Указываю ему на дверь. Он понимающе кивает головой.

Мы выходим на улицу.

— Мне нужно поговорить с вами, товарищ Пинягин,— я стараюсь шагать с ним в ногу.

— Говори! В чем дело?!

— У нас не все благополучно!— тихо говорю я.— Завтра в бой, а мы идем с пустыми руками. У нас нет ни бинтов, ни марли, ни медикаментов, вообще ничего нет, кроме глазных капель. Но это нисколько не тревожит нашего доктора. Мне стало известно, что во время одной из остановок отряда были облиты карболкой и закопаны в снег два короба медикаментов. Теперь у нас почти ничего нет!

Пинягин нахмурился.

— Ты, Юлия, понаблюдай за доктором. Надо это дело разобрать, а я что-нибудь предприму.

К утру сильно похолодало. Скрылись в тумане горы. Отряд двинулся в наступление.

У бойцов закоченели руки и ноги, а конца пути еще не видно. Многие бегут рядом с санями, разминая замерзшие ноги, некоторые, чтобы согреться, начинают бороться друг с другом.

Вот поднялись на гору, поросшую невысоким березняком. Отряд остановился. Коротко, отрывисто командир отдал приказ. Лыжники разбились на две колонны и скрылись в лесу.

Пулеметчики устанавливают пулемет. Часть бойцов прошла вперед, прямо по дороге и залегла в кустах. Дальше, под обрывом, застывшая горная речка. На другом берегу, в деревушке, белогвардейцы. Слева, по течению речки В. Косьвы, двигался на соединение с нами отряд кизеловских шахтеров.

Тихо в лесу. Мягкие пушистые снежинки кружатся в воздухе. Вот вечерние сумерки разорвал выстрел, который гулко прокатился по лесу. Снова тишина. И вдруг множество пуль запело, зажужжало вокруг, совсем как пчелы на пасеке в жаркий летний день.

Перекрестный огонь!

Кони, стоявшие на дороге, пугливо поводили ушами, мелкой дрожью вздрагивали их спины.

Доктор, путаясь в длинных полах дохи, упал на дорогу, скатился в сугроб, плотно прижимая голову к земле.

— Трус!— раздается чей-то голос.

Я побежала вперед, прислушиваясь к свисту пуль, поправляя карабинку на плече и придерживая сумку с красным крестом.

Лес кончился. Под крутым обрывом — замерзшая речка. Страшная картина представилась мне: лыжники бросились в обход через нее, тонкий ледок горной речки обломился. Бойцы оказались в ледяной воде и никак не могли выбраться на лед, который крошился и обламывался под ними. А из деревни по снежному полю цепями шли белогвардейцы, поливая утопающих свинцовым дождем. Лед окрасился кровью.

Но вот крики о помощи, стоны гибнущих людей заглушила частая дробь нашего пулемета, установленного в кустах над обрывом. Цепи белых повернули назад.

Я делаю перевязку молоденькому худощавому пареньку, раненному в руку разрывной пулей. Лицо его бело, как снег. Он скрипит зубами, но — ни единого стона.

— Юлия, Юлия!— кричит моя подруга Зоя.— Скорей сюда! Чекист Мелехин!

Много саней с ранеными, а доктора нигде не видно. Уже совсем темно в лесу. В далеком небе вспыхнули яркие звезды. Мы с Зоей пытаемся повернуть сани с ранеными и убитыми назад, к кордону, но сделать это не так-то легко. Лошади, сойдя с дороги, по самые уши проваливаются в снег.

Белогвардейцы, получив подкрепление, жали нас к лесу. Замолк наш «максим»: пулеметчик-комсомолец убит. Утопая в снегу, к пулемету бросается командир отряда Пинягин. И вновь свинцовый дождь косит белогвардейские цепи.

Кончаются патроны. В это время из засады вырывается белогвардейская конница. Белые бешено мчатся на нас с обнаженными шашками... Отступаем. Едва успели забросить на сани пулемет. Но в это время по Верхней Косьве подошел Кизеловский отряд. Бой завязался вновь.

Много бойцов-партизан было убито в первом бою, много порублено белогвардейской конницей, но и со стороны врага потери были очень велики.

* * *

Снова мы в глухой деревушке. Небольшое помещение «Красного креста» заполнено ранеными и убитыми. Раненые лежат прямо на полу.

Чадит лучина. Дым мучительно разъедает глаза. Нет бинтов. Что делать? Чем перевязывать раненых? Моя запасная рубашка уходит на бинты. А дальше что?

Зоя давно уже израсходовала на бинты не только рубашки, но и запасные платья. Доктор держится безучастно.

— Доктор!— зовет Зоя.— Подойдите сюда,— она указывает глазами на молодого шахтера, раненного в живот.— Он будет жить? Ведь правда, доктор?

— До вечера не доживет!— равнодушно произносит тот. В глазах больного вспыхнул ужас, и он потерял сознание.

На скамейке возле окна лежит настоящий русский богатырь — кизеловский шахтер. Он мечется в сухом жару, бредит. Правая рука его раздулась, покрылась темными синими пятнами.

«Гангрена»! — думаю я. Мне бесконечно жаль этого богатыря, молодого, сильного.

— Доктор, голубчик! Спасите его! Выньте у него из руки пулю.

— Ничем не могу помочь! — отвечает он. — У меня нет ни только пинцета, но даже самого простого перочинного ножа.

— Ведь вы знали, доктор, куда едете? На фронт, а не в гости! Как это могло случиться, что у вас нет ни хирургического инструмента, ни перевязочного материала? Это по вашему распоряжению, доктор, тайно от нас зарыли в снег два короба медикаментов, облитых карболкой!

Лицо доктора посерело, руки задрожали.

— Товарищ военком поставлен в известность. Акт о непригодности медикаментов приложен к объяснению.

— Саботажник! — прошептала Зоя, наблюдавшая эту сцену...

Ночь черным покрывалом закрыла маленькое обледенелое оконце. На полу, в углу, спит Зоя. Ее дежурство с утра. Я сижу на небольшом чурбанчике около раненого шахтера. Устала. Хочется спать. Сквозь дремоту слышу жуткий вой волков. Встряхиваю головой, отгоняю сон. Нужно обойти раненых, подать воды. Около шахтера-богатыря останавливаюсь. Он бредит. Зловещие темные пятна уже на груди и ползут дальше... Не могу сдержаться, жгучие слезы бегут по щекам.

Накинув платок, выхожу в сени. Жутко. До самого потолка уложены мертвые. На улице жадно дышу чистым морозным воздухом. Обжигаясь холодным сухим снегом, мою окровавленные по локоть руки.

Мертвым сиянием обливает луна притихший черный лес, утонувшие в снегу избушки.

В штабе огонь. Вот вышли на крыльцо и направились к нам Пинягин и командир Кизеловского отряда Дудоров. Они тихо беседуют.

— Приди, вы, кизеловцы, пораньше, меньше бы было у нас потерь! — говорит Пинягин. — Значит, отправленный вам пакет был задержан чьей-то злой рукой. А как

оказался на фронте березовый спирт? Ведь это стоило жизни восемнадцати бойцам! В наши ряды пробрался враг, это ясно.

Холодная струя воздуха ворвалась в маленькую комнатушку, когда они перешагнули порог «Красного креста».

Мы втроем стали обходить раненых бойцов. Около шахтера остановились.

— Какой богатырь! — с восхищением произнес Пинягин.

— Один из лучших шахтеров у нас, — сказал Дудоров. — Его бы немедленно отправить в тыл, в больницу...

— Юлия, — сказал Пинягин, — повезешь его. Прими все меры, чтобы спасти! На обратном пути захвати медикаменты и перевязочный материал.

Утром я сдала Зое дежурство и поехала.

Тихо падали хлопья снега. Мохнатая лошадка шла легкой рысцой. Поскрипывали полозья саней.

В легкой шинели на охапке сена лежал раненый боец. Лицо его бледно, глаза закрыты. Я сижу рядом, засунув руки в рукава шинели. Едем долго. Кажется, никогда не будет конца этому пути. Коченеют руки и ноги.

К утру доехали до небольшой деревушки. Старенький фельдшер выбежал навстречу, помог затащить больного в медпункт. С большим трудом мы усадили его на лавку, затопили железную печку.

Пока старый Маркович суетился около больного, раздевал его, пристраивая ближе к теплу, я забралась на печку и заснула глубоким сном.

* * *

Суровой и снежной была зима 1918 года. Декабрь. Беснуется пурга над городком, над бесконечными просторами лугов. Мертвой ледяной корой покрылась речка Усолка. Темно. Желтые полосы света падают на заснеженную улицу из окон ревкома.

Две занесенные снегом фигуры, согнувшись, подходят к зданию. В полосе света выступает высокая фигура Петракова, секретаря ревкома, рядом — Тронов, председатель ревкома.

Стуча сапогами, они поднимаются на второй этаж.

— Ну и пурга! — глуховатым простуженным голосом говорит Петраков, отряхивая снег с шинели. — Каково-

то сейчас нашим ребятам на фронте? Кстати, ты, товарищ Тронов, не знаешь, вышел ли обоз с продовольствием на фронт?

— Кажется, вышел товарищ Петраков! Это дело поручено Жданову, а на него можно положиться.

Они проходят большую комнату, залитую ярким светом, оставляя мокрые следы на паркетном полу.

В углу за письменным столом секретарь Паша Ямов. Ему всего 16 лет. Увидев Петракова и Тронова, он встал и вытянулся по-военному. Войдя в кабинет, Петраков тяжело опускается в кресло за письменный стол. Он очень устал, не спит уже вторые сутки.

— Алло! Слушаю! Председатель ревкома Тронов. Хорошо! Звонил военком Моллер,— потягиваясь, говорит он.— Просил немного обождать.

Тронов сидит в мягком кресле, с наслаждением вытянув ноги. Снова звонок. Он снимает трубку.

— Алло! Тронов — председатель ревкома. Слушаю. Что?! Бежали?! Когда?!

Петраков поднял голову и выжидающе смотрит на Тронова.

— Заложники бежали. Звонил Брикман. Задержаны только двое.

Легкий стук в дверь. В комнату вошел человек среднего роста, в штатском костюме — Окунев, член ревкома, бывший сельский учитель.

— Запоздал?— произнес он, потирая озябшие пальцы, останавливаясь против стола. — Ну и холодище, черт побери!

— Да, несладко нашим ребятам на фронте!— говорит Тронов.— Обоз с продовольствием запоздал. Сестры без бинтов и медикаментов. Видел сегодня Юлию, приехала с раненым. Рассказывала, что у нас большие потери. Кизеловский отряд пришел с большим запозданием. Восемнадцать человек отравлены неизвестно откуда взявшимся на фронте березовым спиртом.

Стук в дверь. В комнату вошли военком Моллер и Брикман.

— Здравствуйте, товарищи!— Они сбрасывают шинели и усаживаются вокруг стола.

Тронов информировал собравшихся о положении на фронте. Решили эвакуировать город и перед уходом взорвать винный склад.

— Отступать будем на Вятку,— сказал Тронов,— в Кочево соединимся с другими отрядами, создадим сильный кулак и ударим по белогвардейцам. Кому поручить взрыв винного склада?

— Товарищам Петракову и Сильных,— произнес Тронов.

Через час винный склад был оцеплен плотным кольцом вооруженных дружинников. В четыре угла было заложено полтора пуда динамита. Загорелись фитили. Две фигуры быстро отбежали от винного склада. И сейчас же раздался взрыв, от которого посыпались стекла в ближних домах и содрогнулась земля... Второй... третий... Столбы черного густого дыма взметнулись вверх, и багровые языки пламени начали лизать темное небо над винным складом. Вспыхнул большой пожар.

На холме между городским садом и старинным собором остановились розвальни с красными гробами убитых и замученных партизан. Склонились траурные знамена.

На возвышении — пожилой кизеловский рабочий. В багровых отблесках пожара лицо его кажется бронзовым.

— Товарищи,— говорит он простуженным голосом,— хороним мы сейчас наших боевых друзей, отдавших свои молодые жизни в борьбе с врагом. Народ никогда не забудет их светлые имена. Смерть интервентам и белогвардейцам!

Под звуки похоронного марша первым опускается гроб комсомольца Виктора Ожогова, за ним — чекиста Мелехина, пулеметчика и других товарищей.

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Любви беззаветной к народу! —

запевает чей-то высокий чистый голос. Все подхватывают:

Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу!

Прощальные залпы салюта. Мерзлые комья снега стучат о крышки гробов.

На рассвете наши отряды отступили от города, прикрывая обозы с семьями, продовольствием.

Опустел город. Тихо на площади. Только в здании

ревкома задержались Тронов, Петраков, Пинягин, Окунев, Жданов. Все они одеты в дорогу.

— Кажется, все вывезено!— говорит Жданов.— Пора уезжать! Странно, почему до сих пор нет Моллера и Брикмана?

Только потом выяснилось, что Моллер и Брикман в эту ночь перешли на сторону белых.

В село Кочево, Чердынского уезда, съехались отступающие отряды: Соликамский, Кизеловский, Усольский, отряд Соловьева, Чердынский — во главе с председателем Чрезвычайной Комиссии, бывшим моряком Александром Трукшиным.

Регулярные белогвардейские войска по-прежнему шли следом за отступающими. В селе Юрла сосредоточились контрреволюционные силы. Кулаки, белогвардейцы, офицеры, сыновья чердынских купцов подготовили восстание. Организатором его был белогвардейский офицер Евгений Верещагин, бывший чердынский реалист, связанный с Пермской эсеровской организацией.

Белые захватили наши обозы. Отряды Александра Трукшина, Усольский и Соликамский попали в окружение. Большая часть прибывшего ранее в Юрлу отряда чердынского комиссара Дубровского была перебита или арестована. Остатки отряда укрепились в большом двухэтажном каменном здании школы, находящемся в центре села.

В Юрле были захвачены Александр Иванович Рычков — чердынский уездный военный комиссар, Максим Михайлович Барабанов — председатель Чердынского исполкома и другие. После зверских пыток они были расстреляны.

Белогвардейцы плотным кольцом окружили здание школы. Патроны и гранаты у осажденных были на исходе. Нет ни пищи, ни воды. Попытки достать хоть горсточку снега стоили жизни не одному смельчаку.

Выходя из окружения, отряд Трукшина с боем брал каждую деревню. Особенно тяжело досталось село Юм.

В Юме Трукшин дал бойцам короткую передышку. Отряд разместился в центре села в длинном одноэтажном деревянном здании школы. В одном из классов разместился «Красный крест», который возглавляла я.

От одного раненого я узнала, как попал в окружение отряд Пинягина. Бойцы, ничего не подозревая, располо-

жились на ночь в небольшой деревушке около Мыса. Белогвардейцы без выстрела сняли заставу и окружили деревню. Началась паника. Ночь была темная. Бойцы выбегали из домов, наугад залегая в огородах.

Пинягин решил отступить к березовому лесочку, но был окружен белогвардейцами. Погибли все бывшие с ним бойцы. Последний патрон командир сохранил для себя. Он выстрелил себе в висок. Озлобленные белогвардейцы долго глумились над еще не остывшим телом Пинягина, изрубив его на куски.

* * *

В небольшой комнатке, очевидно, учительской, за столом Трукшин с телефонной трубкой в руках.

— Алло! Юрла! Алло! Юрла!— Ответа нет.

Трукшин кладет трубку. Лицо его серьезно.

— Связи нет! Все ясно. Юрла захвачена белогвардейцами. А там обоз, семьи... Мы оказались «в мешке».

Глубокая тишина воцарилась в комнате. Слышно было, как завывал ветер в трубе и стучали в окна голые сучья деревьев.

— Теперь нужно решить: пойти ли нам на Юрлу освобождать товарищей, или обойти ее лесами, проселочными дорогами и выйти на соединение к своим за Юрлой. Нас очень мало — это надо учитывать. Мне нужно знать ваше мнение, товарищи!

— Бессмысленно идти на верную гибель,— сказал один из бойцов. Не выбиться нам из этого «мешка» и товарищей в Юрле не освободить!

— Что же предлагаешь?— нахмурившись, спросил Трукшин.

— Обойти Юрлу проселочными дорогами и...

Но командир не дал ему закончить мысль:

— Завтра выступаем на Юрлу!

* * *

Свежее ясное утро. От белизны снега больно глазам. Я сижу в кошевке, доверху наполненной ящиками с патронами и гранатами. Ехать неудобно, приходится держаться за края кошевки, иначе вылетишь в сугроб.

Возница, коренастый невысокий мужичок, с черной окладистой бородой, красной толстой шеей, по временам молча оглядывается. Расстояние между мной и

товарищами увеличивается. Мужичок подозрительно медлит, все больше отставая от отряда.

— Гони! Буду стрелять!— крикнула я.

Мужичок повернул голову, усмехаясь мне прямо в лицо.

Я даю подряд два выстрела. Пули просвистели у него над самой головой. Тогда он рванул вожжи, началась бешеная скачка. Кошевка то взлетала вверх на бугор, то проваливалась в яму, грозя ежеминутно опрокинуться. Уцепившись за края кошевки, я кричу:

— Гони! Пристрелю, как собаку!

Когда мы выехали из леса, товарищи были еще далеко. Дорога шла под гору. По снежной поляне двигались цепи, в лес уходили лыжники.

Вскоре солнце скрылось. Сразу стало по-зимнему серо. Где-то впереди застрочил пулемет. Лошаденка, тряся головой, всхрапывая, пуская белый пар из ноздрей, мчалась по дороге, приближаясь к селу.

Наши цепи уже под самым селом. Навстречу бегут бойцы за патронами. Я выскакиваю на дорогу, вскидываю карабинку.

«Скорее, к товарищам! Сейчас дорог каждый боец».

Ура! Ура! Наши передние цепи ворвались в село.

Впереди на вороном коне гарцует Трукшин. Он что-то кричит и машет рукой. В это время где-то справа затрещал пулемет. На помощь подходил отряд Соловьева.

Белые бегут к лесу, увязая в глубоком снегу. Мы входим в село. Глаза бойцов сияют от счастья. Мимо проводят пленных. Бой окончен.

Было уже совсем темно, когда подошли к зданию школы. Большой школьный зал на втором этаже переполнен людьми. Тут и бойцы, освобождавшие товарищей, приговоренных к смерти, тут и спасенные. Много женщин, детей, стариков. У некоторых перевязаны головы, руки. Когда в дверях показался Трукшин, загремело «ура». Раздались радостные возгласы. Высоко к потолку полетели шапки. Трукшина обнимали, качали. У многих на глазах были слезы.

Этот день никогда не изгладится из моей памяти.

Вскоре появились вооруженные бойцы из отряда Соловьева. Вот и сам Соловьев. Снова зал сотрясается от радостных возгласов: «Ура! Ура!» Трукшин и Соловьев крепко обнимают друг друга.

В Юрле из разрозненных партизанских отрядов была создана регулярная армия. В 23-й Верхне-Камский полк вошли отряды: Соликамский, Чердынский, Усольский, Павдинский. Восточнее формировался 22-й полк. В него вошли Кизеловский, Дедюхинский, Купросский, Александровский, Майкорский, Пожвинский отряды и остатки 22-го безымянного полка. Западнее формировался 21-й Мусульманский полк, в который вошли отряды Чермозский, Добрянский и Воскресенский.

Я была назначена в 4-ю роту 23-го Верхне-Камского полка, которая в большинстве своем состояла из молодежи. Много было комсомольцев. Командиру роты Федору Копытову было 22 года.

* * *

Уже несколько недель наша рота стоит в деревне Кадчино. Деревня расположена на бугре. С трех сторон она окружена лесом, с четвертой — большое поле, за которым в низине видны крыши деревушки, где засели белогвардейцы 25-го Сибирского стрелкового полка. Расстояние между деревнями — не более двух километров.

Штаб роты находился в центре деревни Кадчино, в помещении школы, «Красный крест» — в маленькой избушке на краю деревни, напротив заставы.

Копытов предупредил меня, что в ближайшие дни будет наступление по всему фронту и «Красному кресту» нужно быть наготове. В помощь мне он прикомандировал санитара, немолодого молчаливого человека.

Вечер. Яркие звезды мигают в далеком небе. Потрескивает январский мороз. Спит деревня. Нет нигде ни огонька. Заснула и я.

Проснулась от звона разбиваемых стекол, от близкой пулеметной стрельбы. В избе никого. Хозяйка исчезла. Подбегаю к окну. По полю, совсем близко, передвигаются белогвардейские цепи.

«Обошли!— мелькнуло в моей голове.— Скорей к своим!»

Беру сумку с медикаментами, карабинку, вскакиваю на своего рыжего иноходца и вылетаю за ворота.

Но уже поздно! Белогвардейцы ворвались в деревню. Они бегут во весь рост со штыками наперевес. Вперед вырвался немолодой, заросший рыжей щетиной

солдат с широко раскрытым ртом и выпученными глазами. Он мчится прямо ко мне.

Сердце похолодело. Я рванула поводья, но с другой стороны, заграждая путь, выросла фигура офицера на белом коне с обнаженной шашкой. Похолодевшими руками вскидываю карабинку. Но выстрел не раздался. Чем-то больно ударили сзади по голове, кто-то тащил с лошади.

Теряя сознание, слышу слова:

— Забрать! Отвести в избу!

Очнулась в избе на лавке. Чадила лучина, дым разъедал глаза. Хозяйка растапливала печь. Пытаюсь поднять голову, но она бессильно падает. У двери часовой, тот самый рыжий солдат. Увидев, что я открыла глаза, он подошел ко мне и рванул за воротник.

— Вставай, красная сволочь!

В это время конвоиры втолкнули в избу пленных. Впереди, избитый до неузнаваемости, пожилой человек.

«Санитар!»— вздрогнула я. Что они с ним сделали! Голова его разбита, кровь запеклась в волосах. На распухшем бледном лице кровавые подтеки. На раскрытой груди следы нагайки.

...Я содрогнулась. За ним — два молоденьких, очень бледных паренька. Это пулеметчики — Саша Григорьев, восемнадцатилетний комсомолец из Усолья, со своим другом. Они едва держались на ногах.

С улицы доносились злобные выкрики:

— Выдайте нам красную сволочь!

— На штыки их! На штыки!

Нам заломили руки назад, стянули крепким узлом и связали нас попарно плечо к плечу. Опухших, окровавленных, страшных вывели на улицу. Озверелая толпа кулаков бросилась к нам. Удары сыпались со всех сторон.

— На штыки их! На штыки!

Офицер на белом коне, плясавшем под ним, крикнул в толпу:

— Пленные будут доставлены с пакетом в штаб полка. Там их и без нас прикончат!

Нас вывели на дорогу. Слегка моросила снежная крупа, начиналась метель. Под выкрики кулаков мы пошли по дороге, глубоко увязая в снегу. Идем мы день, два, потеряли счет... Коченеют голые ноги, снегом наби-

лись лапти, обморожены стянутые веревками руки, волосы превратились в кровавые ледяные корки. Давно уже не видим хлеба, нельзя даже достать горсточку снега... жжет в груди от нестерпимой жажды... Вот прошли уже Юрлу, миновали Юм, близко Кочево. На каждой остановке около нас собирались местные кулаки и опять начинались жестокие издевательства. С каждым днем силы наши падали. Мы едва передвигали обмороженные ноги. Пройти несколько километров в день могли только с огромным напряжением всех душевных сил.

Было уже совсем темно, когда вдали на холме засветились огоньки. Пахнуло дымком. Это было пермяцкое село Коса, Чердынского уезда.

Нас загнали в холодный сарай. Согревая друг друга, мы лежали на холодном полу. Ночью кто-то завозился у двери, отодвигая засов. На пороге конвоир:

— Сестру в штаб на допрос.

С трудом шагая обмороженными ногами через сугробы снега, шла я к двухэтажному каменному зданию, очевидно, школе. Постукивая по гладкому полу обледенелыми лаптями, прошла длинный коридор, большой темный зал, в конце которого виднелась полоска света. Небольшая комнатка, посреди письменный стол, много цветов, как в оранжерее. Над круглым столом — мягкий абажур, на полу — ковер. Около письменного стола — человек среднего роста в шелковом халате, опушенном белым мехом.

— Можешь идти!— говорит он конвоиру. Где-то затихли шаги. Стукнула дверь.

— Присаживайтесь!— указывая на мягкое кресло около стола, говорит офицер. Сам садится напротив. Долго молчит и, не отрываясь, смотрит на меня.

Я разглядываю его: белесые жидкие волосы, худощавое уже немолодое лицо, морщинки около глаз.

— Я знаю, вы гимназистка. Вы очень хороши, несмотря на эти жалкие лохмотья... Не понимаю, как вы, образованный, культурный человек, оказались у этих... этих...

Я не дала ему закончить:

— Сама, добровольно пошла на фронт!

— Удивительно! Непостижимо! — произнес он, играя кистями халата. Потом встал, прошелся по комнате,

остановился около меня, раскачиваясь на широко расставленных ногах.

Я поднялась.

— Зачем вы меня вызывали? Что вам нужно от меня?

Он скинул халат, бросил его на спинку стула, быстро подошел к двери, запер ее, ключ положил в карман. Любезная улыбка исчезла.

Стоя передо мной, он раскачивался на ногах, засунув руки в карманы, и беззвучно смеялся.

— Никуда вы отсюда не выйдете! Вы в полной моей власти! Что хочу, то с вами и сделаю.

Я бросилась к двери, пытаясь ее открыть, но дверь не поддавалась. Офицер ломал мне руки, пытаясь оторвать от дверной ручки.

«Задушить его! — мелькнуло в голове.— Схватить за горло и не выпускать». Но я чувствовала, что он намного меня сильнее.

Внезапно в пустом зале гулко раздались шаги. Кто-то быстро шел к двери, звеня шпорами.

— Штабс-капитан Калита, отоприте, пожалуйста. Вы мне очень нужны. Вы не спите?

В комнату вошел высокий, полный, немолодой офицер и в недоумении остановился на пороге.

Я бросилась к нему:

— Помогите! Отправьте меня к товарищам!

— В чем дело? — нахмурясь, спросил он.— Кто она? Пленная? Сейчас же отправьте ее отсюда!

И вот я снова в сарае среди своих товарищей.

А на другой день мы опять идем и идем...

Наконец, впереди засверкали огоньки. Это Березники. Кажется, совсем близко, рукой подать, но дотащились мы туда только к ночи.

Тюрьма. Узкая, длинная, похожая на каменный гроб, камера. Темно. Холодно и сыро. Тусклая лампочка у потолка. Ноет тело, мозжат обмороженные ноги. В камере ни стола, ни кровати, но в любом положении человек найдет выход: один лапоть под плечо, другой — под бок, скрючившись, поджав руки к животу, можно неплохо провести ночь.

...Снова скрипит замок. И снова в камере вооруженные люди. Впереди унтер-офицер с лихо закрученными колечками рыжих усов.

— На расстрел?— спросила я. Никто не ответил. Унтер сделал шаг в сторону, пропуская меня к двери. В руках у него был наган, дуло которого он направил на меня. Пройдя длинный темный коридор, выходим во двор. У входа лошадь, запряженная в сани. На них — большая корзина из толстых сучьев. В таких корзинах у нас возят торф, уголь и снег.

— Садись!— скомандовал унтер-офицер, стоя с поднятым наганом. С большим трудом забираюсь в корзину, она очень для меня высока.

Небо чистое, ясное! По нему плывут белые облачка. Резкий камский ветер. Я глубоко дышу чистым, морозным воздухом.

Неужели я больше этого не увижу никогда? Бежать, бежать! Но как это сделать?

Проехали уже Каму, миновали Усолье. Вдали виднеется кладбищенская церковь.

«Все кончено! Не вырваться уже мне на волю!» — думаю я.

Мы идем по узкой тропинке, по направлению к церкви. По бокам — покосившиеся кресты, памятники, полузанесенные снегом.

Вот и яма. Комья застывшей глины пополам со снегом. Солдаты щелкают затворами.

Я становлюсь на край могилы.

И вдруг послышался конский топот. Припадая головой к шее лошади, с вытянутой рукой, в которой белела бумажка, мчался человек в шинели.

— Ра-а-сстрел отста-а-вить!— донесся его голос. У меня как-то странно ослабели ноги.

Позднее я узнала, что по просьбе отца и соседей дело мое было передано в следственную комиссию контрразведки...

Снова тюрьма, но уже общая камера с товарищами. Ночью увели на расстрел комсомольцев-пулеметчиков. Ушли они босые, в одном белье, не проронив ни слова. Только Саша Григорьев на прощание слегка кивнул головой.

Через несколько дней привели меня в контрразведку на допрос. В небольшой комнатке, почти без всякой мебели, молодой офицер, лет 22. Он перебирал какие-то папки.

— Садитесь!— говорит он, указывая на стул около

письменного стола. Это председатель следственной комиссии белых.

— Как вы попали к ним? Собственно мне все известно. Ваш дневник здесь, в деле.

Он открывает тоненькую синюю ученическую тетрадь, пришитую к делу, исчерченную синим и красным карандашом, и читает эпиграф на корке:

«Я стою на распутье, куда ж мне идти?!»

И дальше:

«Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»

— Вы выбрали путь, по которому пошли! — говорит он.— Вас вернули с расстрела затем, чтобы предать суду. Прежде, чем судить, вас будут бить розгами.

— Если меня будут бить, я покончу самоубийством в тюрьме и вам не удастся расстрелять меня!

Он помолчал и продолжал:

— Сейчас масленица. Наши офицеры пьянствуют. Вчера офицер Киселев после очередной пирушки добивался разрешения собственноручно истязать вас! Я не дал согласия. Меня обвинили в сочувствии коммунистам. Мне грозят большие неприятности!

— Бросьте все! Уходите к нам! Вам тут делать нечего,— крикнула я.

— К вам?— задумчиво сказал он.— Но я не верю в ваше дело. Все равно, рано ли поздно, коммунисты продадут Россию!

* * *

Под натиском Красной Армии белогвардейцы поспешно отступали. 25-й Сибирский стрелковый белогвардейский полк отступал от Березников до Чердыни. Перед уходом белогвардейцы вымещали свою злобу на пленных красноармейцах. Шла разгрузка тюрьмы. В сорокаградусный мороз погрузили в эшелон пленных в одном белье, босиком и повезли в Кизел, чтобы побросать их в шахты. Остальных вывели из тюрьмы на мороз, связали крепко руки и погнали за 120 километров, в Чердынь. Среди них была и я. Отступление белых шло через Соликамск.

Пасмурное зимнее утро. На городской площади в Соликамске много народу, особенно женщин. Среди них я

вижу мою мать с братишкой на руках, но подходить к нам не разрешалось. Вот тракт, кузницы. Слышу знакомое с детства дробное перестукивание молотов. Вижу вспотевших, смотрящих из-под поднятых рук соседей-кузнецов. Один из них узнал меня, машет рукой.

Остался далеко позади родной город. Замолкли удары колокола, отбивающего часы.

Чердынская тюрьма. Одиночная камера. Забравшись на окно и держась за решетку, смотрю на улицу, но в дверной глазок просовывается дуло винтовки.

— Слезай с окна! Стрелять буду!

В узкой маленькой камере темно и сыро. Заключенных здесь тоже морили голодом, или приносили хлеб с песком и галькой. Шли дни. Теплый воздух, напоенный солнцем, вливался в форточку. Капало с крыш. По ночам со звоном падали сосульки. Доносился перезвон великопостных колоколов. Сильней становилась тоска по воле. Среди конвойных у меня завелись друзья. Это были молодые сибирские ребята, мобилизованные Колчаком. Когда уезжал из тюрьмы дежурный офицер, они снимали замок с камеры и звали меня к себе в караульное помещение, небольшую комнату с железной печкой посредине и нарами возле стен.

Вскоре я узнала от своих друзей, что суд надо мной состоялся заочно. Приговор суда — предать смертной казни через расстрел! Зная, что приговор будет быстро приведен в исполнение, я при помощи друзей бежала.

Вскоре Урал войсками победоносной Красной Армии был полностью освобожден от белогвардейцев.

Над исстрадавшейся землей поднималось вечно юное солнце. Под его жаркими лучами буйно росли травы, кудрявились, зеленели леса. Распускались цветы на могилах бойцов, отдавших свои молодые жизни за счастье грядущих поколений.

Н. Максаров

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Екатерина Ивановна Нельзина родилась в 1879 году в семье бедняка крестьянина. Член КПСС с 1905 года. С 13 лет она осталась сиротой и самостоятельно зарабатывала себе на хлеб шитьем на богатых заказчиц. С 1915 года работала на Лысьвенском заводе. В 1917 году избиралась в состав Лысьвенского Совета и председателем Союза женщин. Участница гражданской войны. За беззаветную храбрость в 1918 году награждена орденом Красного Знамени. После демобилизации из Красной Армии работала в отделах работниц и крестьянок в Кунгуре, Камышлове, Чусовой и других местах.

В Лысьвенском народном музее внимание многих посетителей привлекает фотография женщины с очень короткой надписью: «Е. И. Нельзина». Волосы женщины коротко подстрижены и по-мужски зачесаны назад. На женщине армейская гимнастерка с отложным воротничком, перетянутая в талии широким кожаным ремнем. На левом нагрудном кармане ярко выделяется орден Боевого Красного Знамени.

От портрета веет героикой гражданской войны. На память приходят слова из песни:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!

* * *

Эхо легендарного выстрела «Авроры», возвестившего начало новой эры, докатилось до Лысьвы лишь на второй день. Ликованию не было предела. Вместе со всеми

восторженно встретила революцию работница штамповального цеха механического завода Екатерина Ивановна Нельзина. Да и как было не радоваться, когда вся жизнь была наполнена мечтой об этом счастливом дне. Еще в 1905 году, вступив в ряды большевистской партии, Екатерина Ивановна начала вести политическую работу среди женщин.

Под постоянной угрозой ареста она несла ленинские слова правды; как могла разъясняла решения партийных съездов и конференций, задачи рабочего класса в борьбе за свободу. Она рассказывала о бесправном и тяжелом положении женщины в царской России, которое испытала на себе.

Кате не было еще и семи лет, когда вместе с отцом она стала ходить на работу и помогать ему. Тринадцати лет девочка осиротела и перешла жить к старшей сестре. Теперь на ее обязанности лежал уход за двумя детишками сестры. Ребята росли болезненными, часто плакали, и Катя целыми днями не отходила от них. Уставшая к вечеру, она засыпала, как убитая, но порой и ночью приходилось вставать к ребятам.

Тяжелая работа не пугала Катю, но ей все казалось, что она живет нахлебницей, а поэтому семнадцати лет девушка вышла замуж. Муж был вдвое старше. К тому же он частенько приходил домой пьяный. Денег не хватало. После рождения дочери Катя, чтобы заработать на хлеб, стала шить.

Жизнь в небольшой темной каморке, постоянное недоедание, тяжелый труд подорвали здоровье. Екатерина Ивановна заболела туберкулезом. По совету врача она бросила шить и в 1915 году переехала в Лысьву. Здесь ее приняли в штамповальный цех.

Вот почему Великий Октябрь Нельзина встретила с такой огромной радостью. Революция несла свободу трудящимся, сметала эксплуатацию, делала народ хозяином страны.

Городская партийная организация провела новые выборы Совета рабочих депутатов. Совет поручил ей вести работу среди женщин.

Екатерина Ивановна возглавила союз женщин, цель которого состояла в том, чтобы вовлекать работниц и жен рабочих в хозяйственное и культурное строительство.

Бывая на квартирах, Нельзина всюду видела нужду. В городе не хватало хлеба, обуви, одежды и даже соли. Екатерина Ивановна не утешала людей, да они в этом и не нуждались. Она сердечным словом коммуниста-агитатора вселяла уверенность в лучшую жизнь, увлекала работниц на трудовые дела, поддерживала революционное настроение.

И люди верили славной представительнице Коммунистической партии, шли за ней.

В городе постепенно стала налаживаться жизнь. Начали работать металлургический и механический заводы, впоследствии объединенные в одно предприятие. Эмалированную и оцинкованную посуду отправляли для обмена на хлеб. И все же хлеба не хватало. Опасность голода и эпидемии тифа нависла над городом. Положение еще более обострялось в связи с гражданской войной. В январе восемнадцатого года Нельзина вместе с другими провожала отряд красногвардейцев, который уходил на подавление кулацкого мятежа в Соликамске и Чердыни. Командовал им И. И. Соларев.

С каждым днем обстановка на фронте становилась труднее. Советская Россия оказалась в огненном кольце. Колчак рвется к Москве. На Урале ему преградили путь части 3-й Армии.

Летом открылся Лысьвенский участок фронта. Сюда из города уходят отряды вооруженных рабочих. На помощь им прибыли полки других участков фронта и даже из Петербурга. Здесь были не только русские, но и интернациональные отряды, состоящие из венгров, китайцев и корейцев.

Заводы полностью переключились на выпуск продукции, нужной фронту. На смену мужчинам к станкам пришли женщины. Работы союзу женщин прибавилось. В эти дни Нельзина от усталости еле держалась на ногах. Она организовала сбор одежды и сухарей для красноармейцев, успевала поговорить с солдатками, поддержать их. И если удавалось вселить в душу человека искорку надежды, подбодрить его, Екатерина Ивановна была довольна: ее труд не пропал бесследно.

Сообщения с фронта поступали все более тревожные. Станция Кын, находящаяся в 70 километрах от города, уже несколько раз переходила из рук в руки.

«Там сейчас мое место»,—думала Нельзина. Но каж-

дый раз, когда начинала об этом разговор в партийном комитете, получала отказ.

— Ты нам на заводе нужнее,— слышала постоянно Екатерина Ивановна.— Надо будет, сами пошлем.

Женщина тяжело переживала отказ. Зато какой радостью вспыхнули глаза Екатерины Ивановны, когда ей предложили пойти на курсы сестер милосердия. Вот возможность попасть на фронт!

Учиться пришлось недолго. Уже через две недели Нельзина и еще восемь женщин выехали на станцию Кормовище в распоряжение коменданта Бобышева.

В эти дни снова усилились бои за Кын. 7 августа белым удалось захватить станцию, но 20 августа советские войска выгнали их оттуда. Вслед за наступающими частями шел санитарный поезд с бронированным паровозом. Тут была и Нельзина. Вместе с другими сестрами милосердия Екатерина Ивановна оказывала помощь раненым, выносила их из-под огня противника.

То, что Нельзина увидела в Кыну, заставило ее содрогнуться. Здесь лежало семьдесят страшно изуродованных трупов красноармейцев. Пять человек были повешены в станционном сарае. Глаза у всех оказались выколотыми, кусками болталась изрезанная кожа. Так расправлялись белые с ранеными.

«Родненькие вы мои,— со слезами на глазах шептала Екатерина Ивановна.— Мы за вас отомстим белым гадам. Они поплатятся за это злодейство».

Весть о замученных красноармейцах облетела все части, наполнила сердца людей гневом. Красноармейцы проявили чудеса героизма.

Вскоре они заняли завод Кын, при этом нанесли такой удар по колчаковцам, после которого те долго не могли опомниться. Было захвачено около 400 пленных, среди которых находилось 12 офицеров и, в том числе, два полковника. На поле боя красноармейцы обнаружили труп генерала.

Военный совет 3-й Армии вынес благодарность Камышловскому и Лесновско-Выборгскому полкам, а также Нязепетровской батарее, проявившим исключительную храбрость в этом бою.

Раненые рассказали Екатерине Ивановне о геройском подвиге командира пулеметной команды, питерского рабочего-коммуниста Сергеева. Его окружили белые,

Товарищи советовали Сергееву испортить пулемет и отойти.

— Никуда я не пойду,— ответил командир.— У меня тут еще целая лента.

Расстреляв ленту до последнего патрона, Сергеев из револьвера выстрелил себе в висок.

Екатерина Ивановна во время боев под пулями врага смело перебегала от одного раненого к другому, оказывая медицинскую помощь. Сколько людей впоследствии с благодарностью вспоминали заботливые руки сестры милосердия! Женщина умела не только перевязать рану, но найти ласковое слово, успокоить, помочь выбраться с поля боя.

Вот что говорится о Нельзиной в приказе по войскам особой бригады 3-й Армии:

«Сестре милосердия бронированного поезда № 1 тов. Нельзиной за мужественную самоотверженность в работе — подаче медицинской помощи красным воинам революции во время ожесточенных боев, неоднократно производившейся под огнем противника, объявляю революционную благодарность.

Красная Рабоче-Крестьянская Армия гордится такими красными сестрами, как тов. Нельзина».

Поздней осенью белые во что бы то ни стало решили овладеть станцией Утка. Сюди они подтянули свежие силы и начали наступление. Несмотря на то, что на станции стояли эшелоны с гражданским населением, белые открыли сильный огонь. В это время техническая рота восстанавливала пути, чтобы дать возможность вывезти женщин, стариков и детей. Тут же неподалеку стоял санитарный поезд Нельзиной. Санитары едва успевали подбирать раненых. Вместе со всеми работала и Екатерина Ивановна.

Но вот путь восстановлен, эшелоны с беженцами отправлены в сторону Лысьвы. Солдатам технической роты оставалось погрузиться в вагоны и вместе с санитарным поездом покинуть станцию. В этот момент Нельзиной сообщили, что неподалеку от вокзала лежит раненый красноармеец. Екатерина Ивановна прекрасно знала, что ожидает его, если он попадет в руки белых. И она, спрыгнув с подножки вагона, побежала к нему.

— Куда ты, Екатерина Ивановна! — крикнул кто-то.— Белые совсем близко. Они сейчас займут станцию!

Нельзина не слушала этого предостережения. Пользуясь малейшими укрытиями, она бежала все дальше и дальше. Белые устроили охоту на нее. Екатерина Ивановна не раз слышала визг пуль, их резкие удары в рельсы и шпалы, но продолжала бежать. Спрятавшись за чугунные колеса разбитого вагона, она огляделась. Неподалеку лежал боец. Она подползла к нему, взяла за руку и тут же почувствовала ее холод. Мертвый! А где же раненый?

Перед Нельзиной фонтанчиками снега и земли прочертила линию пулеметная очередь.

«Еще подстрелят, черти проклятые,— думала женщина.— Надо возвращаться».

И тут послышался слабый стон:

— Сестренка, помоги...

В нескольких шагах от себя за грудой обломков Екатерина Ивановна увидела красноармейца. Его глаза с мольбой смотрели на сестру.

— Жив, миленький! Сейчас!

Нельзина быстро выскочила из-за укрытия, подбежала к солдату.

— Идти можешь?— спросила она.

— Нет, не могу.

Нельзина, подхватив солдата под мышки, попыталась тащить, но сил не хватало.

— Сюда, ко мне!— крикнула она в сторону поезда.

Белые уже цепями подходили к станции.

— Беги, сестренка,— снова заговорил раненый,— пристрели меня и беги.

— Не говори глупости! — прикрикнула Екатерина Ивановна, и вместе с подбежавшим солдатом потащила раненого к поезду.

Через несколько минут эшелон ушел из-под самого носа противника.

За храбрость, проявленную на станции Утка, командование представило Нельзину к ордену Боевого Красного Знамени.

Вскоре белым снова удалось захватить станцию Кын. Героически сражался на этом участке фронта Лысьвенский полк под командованием И. П. Ермакова. И всюду вместе с полком находился санитарный поезд Нельзиной. Однако противник упорно продолжал теснить части Советской Армии. Полки, потеряв связь со штабом

Особой бригады, один за другим отходили. В декабре противник занял Лысьву. 24 декабря пала Пермь.

Екатерину Ивановну Нельзину партийная организация направила в Вятку для работы среди женщин в агитационно-военном отделе. Позднее по заданию партии она организует женские отделы в Чусовом и на станции Усолье, ведет работу среди казачек Кисловодска и Пятигорска, заведует отделом работниц в Камышлове, работает инструктором женотдела в Алуште. И всюду Екатерина Ивановна, прежде всего, заботилась о том, чтобы оправдать высокое звание члена Коммунистической партии.

Ю. Антропова

ЗВЕРСТВА КОЛЧАКОВЦЕВ

Юлия Васильевна Антропова родилась в 1895 году. Член КПСС с 1917 года. В 1917—1918 годах работала в Сысерти. В период колчаковщины принимала участие в подпольной партийной работе, была арестована белогвардейцами, подвергалась зверским истязаниям, попала в эшелон смертников. В дальнейшем работала в городе Свердловске в советских и хозяйственных органах. В настоящее время — персональный пенсионер.

Революционные события 1905 года застали меня в Сысертском заводе. Помню, на Монументной площади проводили митинг. Мой отец, рабочий, был участником этого митинга, мне же в то время было лишь девять лет. Несмотря на протесты отца, я все-таки пробралась на митинг. Осталось в памяти, как выступавший оратор говорил о восьмичасовом рабочем дне. Вечером участники митинга на лодках разъезжали по пруду и пели революционные песни. Завод бастовал. Для подавления рабочих волнений в Сысерть были посланы казаки. Начались обыски и аресты, но забастовка продолжалась полгода. Участников забастовки уволили с работы, в том числе и моего отца. Несмотря на то, что я была еще мала, во мне кипела злоба к «буржуям».

В 1914 году я вышла замуж за большевика, члена партии с 1905 года П. В. Антропова. С первых же дней

муж стал мне поручать кое-какую работу. Он был литейщиком-формовщиком, а кроме того, возглавлял правление второго рабочего общества потребителей. В то время в нашем заводе было два потребительских общества: одно — для служащих, куда не принимали рабочих, а второе — для рабочих. Под видом выполнения заданий этого общества П. В. Антропов часто отлучался из Сысерти. Он был связан с подпольным Екатеринбургским большевистским комитетом, от которого и получал все партийные поручения. Я помогала мужу размножать листовки, расклеивать и разбрасывать их по заводу. Все это делалось в большом секрете, мы таились даже от его матери. В 1917 году в Сысерти был организован большевистский комитет. В апреле 1917 года я вступила в ряды большевистской партии. В то время я работала кассиром второго общества потребителей.

Первым председателем Сысертского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов был избран П. В. Антропов. Много тогда проводилось митингов и собраний. Нужно было активно выступать против меньшевиков и эсеров, доказывать народу правильность линии нашей партии.

В конце 1917 года сысертские рабочие пошли на фронт против генерала Дутова. Некоторые из них — П. Черепанов, К. Давыдов и другие — не вернулись.

В мае 1918 года, когда произошел чехословацкий мятеж, сысертские рабочие снова организованно выступили против мятежников. На фронт ушло больше половины способных носить оружие, в том числе и мой муж. По решению партийной организации я осталась в тылу у белых. Мне указали товарищей, с которыми я должна работать; это были: В. И. Печерский, М. В. Чуркин, С. А. Глазырин. Мы имели связь с подпольщиками Екатеринбурга, которые руководили нашей группой и давали нам задания. Моя работа заключалась в том, что я размножала и расклеивала листовки.

Неоднократно мне поручали проводить беседы среди жен красноармейцев. Вся эта работа проводилась строго конспиративно.

Одна из наших листовок попала в руки местных белогвардейских руководителей — эсера Чуркина и меньшевика Фокина. Они стали меня допрашивать и, не получив ответа, наложили на меня домашний арест.

Белогвардейцу Баженову было дано строгое указание, чтобы он использовал меня как уборщицу, когда будет сильно загрязнена каталажка (помещение для арестованных). Эту работу приходилось выполнять почти ежедневно.

В мае 1919 года работа нашей группы была раскрыта. Я жила на краю Сысерти с двумя детьми, одному было 2 года, второму — 11 месяцев. Рано утром мою хату окружили казаки из контрразведки, сделали обыск, стали допрашивать. Я ни в чем не признавалась, тогда они стали меня бить. Потом забрали все наше имущество, даже детское белье. Меня увели в штаб белых, а дети остались на произвол судьбы. Снова начался допрос под угрозой расстрела. Сначала выстрелили прямо у левого уха и у меня лопнула барабанная перепонка. Потом стреляли над головой. Избили до потери сознания и выбросили во двор. Во дворе уже находилось около семидесяти арестованных рабочих. Отобрали из них восемнадцать человек и отвели в кутузку. Подсадили к нам провокатора — дьякона Кузовникова. Утром, часа в четыре, пришли конвойные, связали нас веревкой и погнали в Екатеринбург, а там посадили в Верх-Исетское волостное правление, где комендантом был известный палач Ермохин. Дьякона в ту же ночь освободили. На второй день меня под усиленным конвоем перевели в тюрьму № 2. Через несколько дней из Полевского привели трех девушек: Таню Чирухину, Римму Полежаеву и Попову. У них также была раскрыта большевистская организация, арестованы брат Чирухиной, жених Полежаевой и муж Поповой. Эти девушки помогли своим родным бежать из Верх-Исетской тюрьмы, передав им пилку, с помощью которой была распилена решетка в окне. Но недолго нам пришлось быть вместе. В одну из ночей моих подруг увели в контрразведку и после зверских пыток расстреляли. Их изуродованные трупы были обнаружены после ухода белых близ станции Шарташ.

Вскоре меня вместе с другими политзаключенными, отправили по этапу в Сибирь. Держать нас в тюрьме было опасно, так как Красная Армия вела сильное наступление. Из тюрьмы нас вывели 28 июня 1919 года. Партия заключенных была большая, не меньше 1500 человек. Начальник тюрьмы Котов запретил брать с собой

какие-либо вещи. Погнали нас по Сибирскому тракту. Каждый день мы проходили по сорок верст и больше. Нас совершенно не кормили, питались мы подачками от населения. Иногда конвойные для себя зарежут корову, а кишки и брюшину выбросят нам, как собакам. По дороге многих, без всяких допросов, уводили в сторону и расстреливали или же рубили у всех на глазах шашками.

Так были зарублены мои земляки: В. И. Светлаков и Я. Проскуряков.

Гнали нас уже три месяца. Начались дожди, местами выпал снег. Мы были разутые, покрытые кто рогожей, а кто какими-нибудь лохмотьями. Начался повальный тиф, люди с высокой температурой, с больными ногами не могли шагать. Таких заживо сжигали: привозили воз соломы, обливали горючим и бросали больных в огонь. Так сгорел мой земляк К. Сапожников и другие. Привалы делали на улице, подавали команду —«ложись и не смей подниматься». В это время фельдфебель садился на коня и проезжал прямо по нашим телам: кому руку, кому ногу переломит, или вышибет плетью глаз.

Изуродованных с собой не брали, их расстреливали на месте. Около Камышлова расстреляли девяносто человек.

Партия день ото дня редела. В Новосибирске нас погрузили в вагоны из-под угля. В них не было ни нар, ни соломы, они были крепко закрыты. Надеялись мы, что нам будет лучше, оказалось хуже. Когда шли по шоссейной дороге, мы могли с конвоирами собирать милостыню по деревням, а в вагонах нас не кормили и не поили.

Этот состав называли «эшелоном смерти». Умирали пачками. Я лежала рядом с мертвецами, покрытая вшами. Вагон открывали только тогда, когда скапливалось много мертвецов. Их выбрасывали, а нас снова везли. Довезли до Иркутска и снова посадили в тюрьму, в холодную камеру, где был цементный пол. На полу не было даже соломы, окна без стекол, с крепкими решетками.

В Иркутской тюрьме я пробыла до конца декабря 1919 года, когда партизаны подняли в Иркутске восстание и нас освободили. Мы вышли из тюрьмы в страшных лохмотьях, без обуви, нас повели в баню, куда привезли

валенки и полушубки. Нам предложили остаться с партизанами, а кто не хочет, того не задерживали. Я осталась и стала стирать и шить белье для партизан. Вскоре прибыли регулярные части Красной Армии, и я с другими освобожденными из тюрьмы вернулась домой.

Пытки и смерть друзей не сломили большевиков. Мы продолжали борьбу во имя великой цели.

Е. Моисеева

КУЛАЦКО-ЭСЕРОВСКИЙ МЯТЕЖ

Евфалия Александровна Моисеева (Евграфова) родилась в 1902 году. Член КПСС с 1920 года. В 1921 году была бойцом коммунистического отряда по ликвидации кулацко-эсеровского мятежа. В 1921—1922 годах — инструктор по работе среди женщин в Тобольском укоме РКП(б). По окончании педагогического техникума работала учительницей, завучем, директором школы. Награждена орденом «Знак почета». Персональный пенсионер.

В начале февраля 1921 года в ряде уездов Тюменской губернии, входившей тогда в Уральскую область (Ишимском, Ялуторовском, Тюменском и Тобольском), почти одновременно вспыхнули кулацкие мятежи. Во главе этих мятежей стояли белогвардейские офицеры, эсеры, кадеты и другие контрреволюционеры.

Враги Советской власти, разбитые в открытом бою, решили использовать трудности продовольственного положения Советской республики, всячески раздуть недовольство крестьян продовольственной разверсткой, разжечь их ненависть к коммунистам.

Учитывая, однако, популярность Советской власти среди трудового крестьянства, главари контрреволюционного мятежа не решились открыто призывать крестьян к ликвидации Советов, а выдвинули демагогический лозунг: «Да здравствует Советская власть без коммуни-

стов». Что это была за «Советская власть», видно на примере Тобольского Совета, организованного после захвата ими Тобольска. Демагогически заигрывая с крестьянством, мятежники образовали здесь так называемый городской крестьянский Совет, в котором не было ни одного крестьянина, а всем заправляли белогвардейские офицеры, кадеты и правые эсеры.

Наиболее ярким примером грубой провокации являлся фальшивый приказ, появившийся в Ишимском уезде. Согласно этому приказу, будто бы изданному Тюменским губпродкомом, продотрядам разрешалось в случае невыполнения разверстки по шерсти, поголовно стричь женщин-крестьянок, а волосы сдавать в счет выполнения разверстки. Этот «приказ» вызвал возмущение крестьянства.

В начале мятежа репрессии в отношении коммунистов, комсомольцев и советских работников ограничивались только их арестом. Но скоро началась дикая расправа. Арестованных держали полураздетыми в холодных помещениях, при допросах подвергали нечеловеческим пыткам, вырезали на теле пятиконечные звезды. Часто замученную жертву тащили на реку и сбрасывали в прорубь или приканчивали ее в застенке.

О многих из этих зверств мы узнали позднее, но контрреволюционная сущность мятежа нам, молодым коммунистам, была понятна с самого начала.

Тобольский уком РКП(б), получив первые известия о кулацко-эсеровском мятеже, сразу же ввел в городе казарменное положение для коммунистов и комсомольцев. На ночь мы собирались в помещении укома партии, патрулировали по городу, находились в состоянии постоянной боевой готовности. Вскоре уком разослал коммунистов и комсомольцев в отдельные, наиболее важные в стратегическом отношении села, для выяснения обстановки.

В числе направленных была и я.

Мы с Галиной Лосевой («Аглаидой») приехали на лошадях в деревню Бизино. Нас встретили хозяева дома, где был специально установлен телефон.

Вскоре Лосева выехала обратно в Тобольск, и я осталась одна.

Ежедневно я поддерживала телефонную связь с укомом партии. Положение в Бизино не являлось пока что

угрожающим. Из разговоров с крестьянами выяснилось, что беднота была настроена против мятежников, середняки отмалчивались, и кулаки еще боялись открыто выражать свое отношение.

Однажды ночью, когда в доме мы были вдвоем с хозяйкой, раздался стук. Кто стучал — неизвестно, поэтому мы не спешили открывать. И только после вторичного настойчивого стука хозяйка открыла. Оказалось, что это прибыл отряд наших лыжников. Командир отряда т. Кащеев (председатель уездной комиссии по борьбе с дезертирством) сразу же позвонил в Тобольск, сообщив о прибытии своего отряда в Бизино.

Вскоре стало известно, что наши утром 21 февраля 1921 года оставили Тобольск. Ночью отряд был поднят по тревоге. Сборы были короткими. Нас уже ждали крестьянские подводы. Телефонные провода перерезали, телефонный аппарат разбили и двинулись на соединение с главным нашим отрядом под командованием А. В. Семакова. Двигались мы днем и ночью, в трескучий мороз. Настроение отряда было бодрое. В селах, где приходилось ночевать, выставляли сторожевую охрану. Я несла те же обязанности, что и остальные бойцы отряда. Наконец, мы прибыли в расположение отряда Семакова.

Наш отряд, прибывший из Бизино, занимал отдельный участок фронта. На меня были возложены обязанности связного с отрядом Семакова, медсестры, а также конвоирование пленных в штаб объединенного отряда — смотря по обстановке.

В связи с тем, что кулацко-эсеровский мятеж охватил большую территорию Тюменской губернии и грозил на долгое время отрезать центр страны от хлебных районов Сибири, по приказу военного командования Екатеринбурга и Омска на подавление контрреволюционного мятежа были направлены воинские подразделения. В Тобольский уезд прибыла воинская часть под командованием военкома Циркунова. С ее прибытием наше положение значительно улучшилось. По распоряжению военкома Циркунова все женщины были отведены подальше в тыл и только немногие из коммунисток продолжали выполнять свои обязанности в прифронтовой полосе. Я была направлена медсестрой в прифронтовой госпиталь.

29 марта 1921 года в районе расположения Вагайских юрт, в атаке против мятежников, был убит командир коммунистического отряда А. В. Семаков.

Кровавые злодеяния мятежников наглядно показали крестьянству контрреволюционное лицо главарей мятежа. Огромную роль сыграл принятый в марте 1921 года и опубликованный в печати закон Советского правительства о замене продразверстки продналогом. Обманутое мятежниками крестьянство массами стало переходить на сторону красных отрядов.

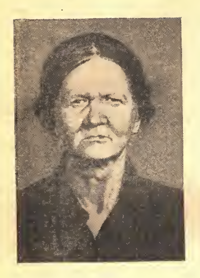
8 апреля 1921 года Тобольск был освобожден красными войсками. Был образован ревком во главе с В. Х. Петровым. К ревкому перешла вся власть на территории уезда.

На Тобольском городском кладбище были обнаружены горы трупов наших товарищей, изувеченных мятежниками. В числе погибших оказались и мои подруги Байдашина и Гирс, посланные в свое время, как и я, по селам уезда. Мятежники схватили их в селе Карачино, доставили в Тобольскую тюрьму, где после зверских пыток и издевательств они были убиты. Специальная комиссия ревкома обнаружила на некоторых трупах от 30 до 60 и даже до 130 штыковых ран.

Похоронены погибшие товарищи, а также убитый в бою командир коммунистического отряда А. В. Семаков, на высоком холму, в саду Ермака.

А. Паньшина

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Александра Георгиевна Паньшина родилась в 1898 году в рабочей семье. Трудовую деятельность начала с тринадцатилетнего возраста. В 1918 году вступила в комсомол. Выполняла поручения большевистской организации. В декабре 1918 года была арестована белогвардейской контрразведкой и сидела в Нижне-Туринской тюрьме до освобождения города Красной Армией. С 1922 года по 1937 год работала в советских учреждениях. В 1937 году по болезни ушла на пенсию. Будучи пенсионеркой, в годы Великой Отечественной войны работала в Исовском подсобном хозяйстве.

Вечером 19 ноября 1918 года Нижнюю Туру заняли белые. Ликующая буржуазия с колокольным звоном, с хлебом и солью встретила белогвардейцев. Жуткое, подавленное настроение было в семьях красногвардейцев. Что-то будет? Тихо стало на улицах Николаевки, занесенных глубоким снегом.

В эту ночь мы сидели впотьмах в предчувствии чего-то недоброго. Говорили шепотом.

Отцу нездоровилось, он сидел на кухне, прижавшись спиной к печи. Мы с матушкой были в горнице. Возле ее ног, на маленькой скамеечке, примостились мои сестренки, Наташа и Надя. Уткнув нечесаные головки в колени матери, они дремали. Где-то прогремел одиночный ружейный выстрел, и снова все смолкло.

— Господи спаси, царица небесная, ребят! Как-то им удастся отступить? Миша в сапогах ноги поморозит,

шапчонка плохая, а на дворе мороз-то какой! Шинелка тоже не греет,— шептала матушка.

Миша — мой брат. Ему было восемнадцать лет. Весельчак и песенник, он пошел добровольцем в Красную Армию. Увидим ли мы его еще? Он был в эту ночь, вызвал отца за ворота, сказал:

— Прощай, тятя, мы уходим с Ваней Паршаковым. Отряд наш разбит, немногие уцелели. Командира убили. Передайте Исаковым в Долгополовку, что Алеша убит. Убиты также Вася Дерягин и Гриша Куницын.— Он наспех обнял отца, поцеловал его.— Поклонись маме и сестрам. Не горюйте, мы скоро вернемся!

Матушка понимала, почему Миша не вызвал ни ее, ни нас: мы могли расплакаться, задержать его и этим погубить. Дорога была каждая минута.

Миша с Ваней и еще несколько ребят из их отряда отступали через деревни, которые были еще не заняты белыми. Благополучно дошли до горы Благодать, там присоединились к разрозненным советским частям и с боем стали отходить на Пермь. Но многие отступали через станцию Выя. В то время там работала уборщицей моя подруга Паня Маламыгина. Вот что она мне рассказала.

Красногвардейцы заняли вагон-теплушку. Начальник станции обещал их отправить. Утомленные люди, попав в вагон, стали дремать. Паровоз двигал вагон по рельсам, будто маневрируя. Таким образом, вагон загнали в тупик за стрелку, и стрелочник закрыл вагонную дверь.

Красногвардейцы попали в мышеловку...

Некоторые красногвардейцы, в ожидании отправки, разместились по домам. В квартире, где жила Паня, стояло шесть человек. Среди них был двенадцатилетний мальчик Коля, круглый сирота. Его приютили красногвардейцы, сшили ему на его рост шинель, и мальчик считал себя добровольцем.

На рассвете, сняв советские посты, Выю заняли колчаковцы. Паня была на станции. Услыхала стрельбу из пулемета и побежала предупредить своих постояльцев. Квартира ее была неблизко. Не успела Паня, вбежав в избу, разбудить спящих людей, как дверь отворилась и вошли солдаты с офицером. Удар в голову заставил Паню замолчать.

— Ты что, шлюха, предупреждать вздумала! — прикрикнул на нее офицер.

Красногвардейцы были захвачены врасплох, без единого выстрела.

«Ты кто такой?» — строго спросил офицер Колю.

Мальчик спросонья не мог понять, что случилось, и, как обычно, ответил:

— Я доброволец.

Босых, раздетых людей по снегу погнали под конвоем в лес и там расстреляли из пулеметов. Красноармейцы, закрытые в вагоне, также были расстреляны.

Вошедшая в город контрразведка сразу стала рыскать по домам, где проживали семьи красноармейцев, партизан, вылавливать коммунистов. Пошли расстрелы, порки, кровь людская потекла рекой.

Только случай спас моего отца от расстрела.

В здании волостного правления Н. Туры расположилась комендатура контрразведки. Туда свозили арестованных для допроса.

Отца провели к коменданту, сидящему за столом, освещенным керосиновой лампой. Отец узнал в нем товарища своей юности Николая Ломаева. Когда-то они дружили, но потом пути их разошлись.

Ломаев поднял от бумаг голову, с удивлением взглянул на отца.

— Егор, тебя зачем привели ко мне?

— А я почем знаю? Тебе видней,— неохотно ответил отец.

Ломаев взял какую-то бумажку, что-то написал на ней и сунул в руку отца:

— Возьми, Егор, это пропуск. Пока не поздно, уходи отсюда. Пропуск покажешь, если спросят патрули или часовые.

Отец стал скрываться. Это было опасно: находились люди, которым ничего не стоило выдать бедняка. Наш сосед Попиков все язвил:

— Красные смазали пятки до самой Вятки!

Мы отмалчивались. Но один раз я не вытерпела:

— А вот куда побежите вы? Вам и деваться будет некуда.

— Расстрелять тебя за такие слова надо,— пригрозил мне Попиков.

В этот же день матушка, боясь доноса, упросила меня

пробраться в Верхотурье к сестре отца. Тетушка сумела устроить меня в загородную заразную больницу сиделкой.

Кто-то из соседей донес, что отец скрывается дома. При обыске белые перевернули все в нашей избе. Все, что было получше, увезли, выломали даже печную вьюшку. Отца с матерью забрали, ребятишки остались одни. Соседи их сторонились — боялись помочь. Жалеючи детей, не боясь гнева белых, к ним пришла восьмидесятилетняя старушка-нищая. Она присматривала за девчонками, утешала их, как могла, давала хлеба, который сама собирала с трудом.

Отца с матерью наказали плетьми и отправили в Верхотурье, в чрезвычайную следственную комиссию, которая находилась в бывшем женском монастыре. Оттуда препроводили в Верхотурскую тюрьму: отца — в загородную, а мать и Шуру Симакову — в женскую. Она была тут же, во дворе бывшего монастыря.

Как-то в воскресенье, отпросившись из больницы у старшей сестры, я расхаживала по Верхотурскому базару в надежде встретить кого-нибудь из земляков, расспросить про свою семью.

У одного ларька я лицом к лицу столкнулась со знакомой.

— Вот встреча!— воскликнула она, протягивая мне руку.— Признаться, я тебя живой не считала. Видишь, какие времена! Ну, рассказывай, что ты здесь делаешь?

«Нет, не скажу я ей правды. Как можно ручаться? Еще выдаст»,— подумала я.

— Известно, что я могу делать? У прокурора горничной служу.

— А мы с мужем в монастырь приехали. Да что это мы стоим тут, пойдем лучше за лавки, где нет народа, поговорим,— предложила она.

Мне очень хотелось узнать, что делается дома, но я не смела начать разговор.

Когда мы отошли от лавок, она сказала:

— Да ты, девка, давно ведь из дома, ничего не знаешь. Мать и отца у тебя арестовали. Они здесь в тюрьме. На ребят жаль смотреть, как они мучаются... Ты бы ехала домой, все-таки старшая в семье...

Как обухом по голове, ударило меня такое известие. Прямо с базара я зашла к тете посоветоваться с ней, со-

общить ей печальную новость. Девочки стояли перед моими глазами, с заплаканными личиками, в изорванных грязных платьицах. В избе, конечно, холодно...

«Двум смертям не бывать, а одной не миновать»,— пришла на ум старая пословица. Взяв в больнице расчет, я уехала домой.

Приехала я 27 декабря, а через два дня, по доносу соседей, меня арестовали.

Я попала в Нижне-Туринскую тюрьму, известную под именем Николаевской. С заключенными там обращались зверски. Расскажу о последнем дне пребывания в этой тюрьме.

Пусть мой рассказ будет светлой памятью о славной девушке Тасе, секретаре комсомола города Оханска.

С Тасей я познакомилась в камере смертников. Фамилии ее за давностью лет не помню. Да едва ли и знала, было тогда не до этого, мы все понимали, что скоро нас не будет. «Нас не будет, товарищи, но мы умрем за светлое будущее!»— ободряла нас Тася.

Камера, в которой мы находились, была в нижнем этаже, небольшая, на два окна, с зарешеченными массивными решетками. Нар не было. Посредине стоял продолговатый стол, в углу у двери — параша. Вдоль стен — скамьи. На одной из них, у открытого окна, лежала умирающая учительница, укрытая большой черной шалью. Она была сильно избита при допросе и почти все время находилась без сознания. Все кого-то звала, тихо стонала.

Нам в это памятное утро не разрешали даже говорить друг с другом. В волчке то и дело появлялся глаз дежурного надзирателя, слышался злой окрик: «Расходись! Стрелять буду!» От вновь поступивших заключенных мы сумели узнать, что тюрьма должна эвакуироваться, что красные войска близко. Мы все прислушивались, надеясь услышать отдаленный выстрел. Но стены тюрьмы были толсты, и ничего не было слышно. Мы с Тасей сидели у окна и молча наблюдали за тем, что происходило во дворе. Тася отвернулась от окна и, опустив голову, шепотом сказала:

— Вот он придет, а меня не будет! Будет ли он помнить обо мне?

Я догадалась, что Тася думает о своем женихе, который был кавалеристом в Красной Армии. Мне до боли стало жаль Тасю. Я смотрела на красивое, но изнуренное, бледное лицо Таси, в ее серые добрые глаза. На скамье зашевелилась учительница. Она обвела мутным невидящим взором камеру, разжав запекшиеся окровавленные губы, тихо попросила пить. Я зачерпнула из ведра воды, подошла к умирающей и, не обращая внимания на окрик надзирателя, приподняла ее голову. Но глотать женщина не могла, вода вылилась обратно. Потом умирающая как-то вся вздрогнула, вытянулась, вздохнула, и ее не стало. Многие из нас тихо, без рыданий, плакали.

К двери подошла Ираида Егоровна Кузнецова, моя односельчанка, и громко постучала кулаком.

— Учительница умерла, уберите,— попросила она.

— Пусть лежит. Собаке собачья смерть,— проворчал дежурный надзиратель.

В этот день обед нам принесли раньше обыкновенного. Хотя мы были голодны, никто не прикоснулся к супу, сваренному из конских голов, не дотронулся до хлеба.

Вскоре у окна нашей камеры остановился молодой заключенный из уголовников. Он что-то придерживал под полой пиджака. Убедившись, что никого из стражи нет, он быстро подскочил к окну, и пучок зеленого лука упал на подоконник. Исчез паренек так же молниеносно, как появился. Из середины пучка выпала небольшая записка. В ней наспех было написано карандашом: «Товарищи! Завтра, только начнется заря, нашу партию поведут на Верхотурье, мужчины будут впереди. Кто может — спасайтесь. Когда поведут нас лесом, смотрите, я выкину белый платок на плечо. Иначе нам будет смерть. Спасайтесь! Комиссар *Шептаев*».

Последнюю ночь на Петров день мы провели тревожно, без сна. С вечера нам на дорогу выдали по пайку хлеба. Тася с грустью в голосе сказала нам:

— Давайте, товарищи, простимся. Может, из вас кто и уцелеет, а вот я чувствую, что меня убьют, мне не убежать: нога болит.

Она каждой из нас пожала руку, поцеловала крепко.

— Помните обо мне! Вам, дорогие мои, желаю всем остаться в живых.

Больше мы не говорили. Лежали молча, прижавшись тесно друг к другу. Утром рано, как было сказано в записке, только заалела заря, стали на двор выводить из разных корпусов политических заключенных. Меня в коридоре поставили в пару с Зоей Кузнецовой, высокой белокурой девушкой.

Таси среди нас уже не было, ее посадили на подводу. Из главного корпуса вывели мужчин. Они попарно спускались со ступеней крыльца. Рядом с высоким мужчиной шагал босоногий мальчик. На вид ему можно было дать не более 13—14 лет. Я стала пристальней вглядываться в мальчика и, к великому моему изумлению, узнала в нем сироту Ванюшку Павлова из нашего поселка. Чтобы не расплакаться, я стала смотреть себе под ноги. За что эти изверги арестовали мальчишку, что он им сделал?

Старший помощник начальника тюрьмы то и дело забегал в контору. Наконец, он появился с большим списком в руках. Началась перекличка. Когда мужчины были проверены, стали проверять женщин. Троим женщинам — мне, Зое Кузнецовой и Кузнецовой Ираиде Егоровне — было приказано выйти из рядов и встать в сторону. Все поняли, что нам сейчас конец. Мужчины, несмотря на окрики конвойных, кричали нам прощальные приветствия. Женщины замерли в испуге.

Конвоир провел нас троих в самый конец тюремного двора, втолкнул в камеру, где производились пытки. Тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Мы забились в угол камеры и сидели на цементном полу, тесно прижавшись друг к другу, в ожидании расправы.

Прошла ночь. Потом — день, еще ночь. А на следующий день пришла Красная Армия, и мы были освобождены.

После освобождения я несколько дней пролежала в Туринской больнице.

А Тася, комсомолка из Оханска, погибла, как многие другие, отдав свою жизнь за счастье народа.

Она сделала все, что могла для своей Родины.

А. Ульяновская

КОМСОМОЛКИ ВОСЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Антонина Михайловна Ульяновская родилась в 1901 году. Член КПСС с 1919 года, в комсомоле состояла с 1918 года. В первые годы революции работала в советских и профсоюзных органах, затем длительное время была на партийной работе. Персональный пенсионер.

Накануне Октябрьской революции я работала на Лысьвенском механическом заводе, где широко применялся женский труд. Особенно много девушек работало в трубочном цехе.

В то время заводская молодежь, не имеющая знаний, еще не разбиралась в политике. Но в период подготовки Октябрьской революции мы чувствовали, что начинается какая-то новая, интересная, волнующая жизнь.

На нашем заводе работала сильная группа большевиков-подпольщиков, но мы узнали о них уже после Февральской революции, когда в Лысьве оформилась легальная партийная организация большевиков.

Великие исторические события захватили всех. Как только заканчивался рабочий день, мы, молодежь, стремительно бежали на митинги и собрания, которые тогда

проводились чуть ли не ежедневно. Хотелось поскорей узнать обо всем, что происходит, разобраться в событиях.

Собрания и митинги почти всегда проходили в помещении Лысьвенского театра. Здесь собиралось много народа: все места были заняты, люди стояли в проходах, теснились в дверях. Собрания проходили живо, интересно. Освещались события в стране, международное положение. Очень часто разгоралась острая борьба между большевиками и меньшевиками, произносились громовые речи. Собраниями руководили большевики, меньшевики же занимали места на галерке, оттуда и выступали. Мы внимательно выслушивали все выступления, учились разбираться в политике.

Вскоре при театре передовая молодежь организовала любительский драматический кружок, в который вошли многие девушки. Кружок ставил спектакли, устраивал концерты, иногда выезжали с ними в деревню. На спектаклях и концертах театр всегда был переполнен. В кружке активно работали сестры Циренщиковы, Катя Дородных, Клаша Ощепкова, Наташа Панова. У Кати Ждановой, дочери рабочего-революционера, оказались артистические способности, она играла во многих пьесах главные роли и пользовалась любовью у зрителей. В дальнейшем, во время военной службы, она участвовала в постановках для Красной Армии.

По инициативе райкома партии и под его руководством организовался Союз молодежи. Я и мои подруги первыми вступили в ряды комсомола. В то время в стране была страшная разруха и голод, осталось много сирот, отцы которых погибли в империалистическую войну. Мы помогали в организации детских домов, ходили в лес на заготовку дров, приводили в порядок помещения, устраивали платные концерты в пользу детских домов. Никто никогда не отказывался ни от какой работы, никто не думал о себе, личные интересы были на последнем плане.

Часто нам не хватало знаний, уменья, опыта, мы допускали ошибки и тут же, на ходу, исправляли их. В 1918 году я работала в райисполкоме и вела комсомольскую работу. Из комсомольского актива хорошо помню Ганю Видунову; она работала учительницей и интересовалась политикой еще до революции. Это была

энергичная, активная девушка. Ганя часто выступала на собраниях с докладами о задачах молодежи, проводила различные беседы. В нашем любительском кружке она выступала с декламацией стихов, чтением художественных произведений.

Помню белокурую, с длинными косами Марусю Карабаеву (Шабурову). Она тоже участвовала в нашем любительском кружке, но больше увлекалась политикой. Это была очень толковая, смелая комсомолка. Выступала всегда удачно, отличалась умом и находчивостью. В дальнейшем она выросла в большого партийного работника. Ее направили на работу среди женщин, она проявила прекрасные организаторские способности и быстро продвинулась от заведующей женотделом райкома партии до работы в ЦК партии. Одно время она была народным комиссаром социального обеспечения.

Мирным трудом нам пришлось заниматься недолго. В середине 1918 года к Лысьве подошли белогвардейские войска. Все силы, все внимание наших комсомольцев было сосредоточено на помощи фронту. В Лысьве был создан военный госпиталь. Многие из нас работали в нем медицинскими сестрами, санитарками. Ганя Видунова ходила в разведку к белым. Катя Жданова, Наташа Панова, Катя Шудзейко вступили в ряды Красной Армии. В нашей прифронтовой полосе положение было очень напряженным. Одна за другой тянулись бессонные ночи, дежурства на постах. Так продолжалось до декабря 1918 года. За этот период Лысьвенские организации несколько раз эвакуировались и снова возвращались. В декабре 1918 года красные отступили, город заняли белые. Эта страшная ночь навсегда осталась в моей памяти. Организации едва успели эвакуироваться. Белые начали сильный орудийный обстрел. Многие рабочие побежали на вокзал. Когда я добралась туда, уже отправился последний наш эшелон, заполненный до отказа. Попасть в него было невозможно. Началась паника, люди кричали, плакали, кто-то кого-то провожал, делали последние наказы друг другу. Я стояла и с отчаянием смотрела вслед поезду. Когда я очнулась и посмотрела кругом, на вокзале не было ни одного человека. Наступила глубокая ночь, стоял страшный мороз. Откуда-то стреляли.

Пьяные белогвардейцы рыскали по городу, разыски-

вали коммунистов, комсомольцев, избивали их, расстреливали. В течение восьми месяцев я жила под страхом расправы. В нашей семье никто не работал, мы жили впроголодь, без средств к существованию. Но мы не падали духом и твердо верили в то, что победа будет за красными.

НА СТРОЙКАХ ПЯТИЛЕТОК

А. Мурдасова

ЖЕНСКАЯ «АРМИЯ»

Анфия Ивановна Мурдасова родилась в 1897 году. Член КПСС с 1920 года. 1916—1920 годы работала в типографии. С 1920 по 1929 год — на партийной работе. 1929—1934 годы училась в Уральском индустриальном институте. С 1934 по 1956 год — на ответственной хозяйственной и советской работе. С 1957 года на пенсии.

Рано утром 24 июля 1919 года Челябинск был освобожден Красной Армией от белых. Нет таких слов, чтобы передать нашу радость и ликование! Несмотря на треск пулеметной стрельбы и свист пуль, рабочее население высыпало на улицы города встречать нашу родную армию-освободительницу, а когда появились на улицах красноармейцы, мы побежали им навстречу, со слезами обнимали и целовали их.

Придя на работу, мы торжествовали, что наша типография спасена и на полном ходу вступила в работу для родного Советского государства. Но через два дня колчаковские банды снова начали наступление на Челябинск. Все мужчины — рабочие типографии пошли с оружием защищать город. На работе остались я и наборщица Вычужанина, и мы стали выполнять различные заказы Реввоенсовета 5-й Армии. Это в основном были приказы по армии. Мы сами набирали и печатали

их на ручной печатной машинке-бостонке, работали с 9 часов утра до 9—10 часов вечера.

Через несколько дней, после разгрома под Челябинском колчаковской армии, рабочие вернулись на работу, и в нашей типографии стала выходить газета «Советская правда». Первым ее редактором был Хотымский. Он провел с группой рабочих беседу и организовал в типографии партийную ячейку из 5 человек. В эту ячейку вступила и я. В январе 1920 года губком партии отозвал меня из типографии на работу в губженотдел.

Первой нашей задачей было — создать актив из женщин-работниц. С этой целью проводились собрания на заводах, фабриках и в учреждениях, где выбирали делегаток, которые в дальнейшем принимали активное участие во всех мероприятиях женотдела.

На делегатских собраниях проводились беседы о том, что дала Октябрьская революция женщине, о задачах социалистического строительства, о международном положении. Кроме того, делегаткам читали лекции о воспитании детей, об охране материнства и детства и на другие темы.

На делегатских собраниях выделяли практиканток и направляли их на работу на предприятия, в торговые организации и в рабоче-крестьянскую инспекцию. Из делегаток была создана комиссия по борьбе с правонарушителями и по ликвидации беспризорности детей. Руководила этой комиссией Васса Михайловна Седова. Собирали беспризорных детей на улицах города, и особенно на вокзале, где их очень много прибывало с поездами. Собранных детей устраивали в детприемник, здесь делегатки обмывали их, одевали в чистое белье, кормили. После карантина в детприемнике детей отбирали по возрасту и устраивали в детские дома.

При открытии детских домов женщины-делегатки сами производили побелку и чистку помещений, а некоторые из них оставались работать в детдомах поварами, нянями, воспитательницами. В детском доме при губернской Чрезвычайной Комиссии заведующей работала делегатка женотдела Евгения Георгиевна Колющенко, которая все свои знания и материнские чувства вложила в воспитание детей.

Нам, работникам губженотдела, неоднократно приходилось выезжать в районы для проведения работы

среди женщин и организации детских яслей на селе. Вспоминаю, как мы с инспектором охраны материнства и младенчества губздравотдела Д. В. Кобелевой в селе Медведевка, население которой в основной массе бедняцкое, провели собрание женщин по организации детских яслей. Женщины-крестьянки живо откликнулись на наш призыв и на второй же день приступили к делу. Сельсовет выделил дом, послал плотников делать детские кроватки, а женщины сами произвели побелку, вымыли окна и полы, привели помещение в порядок, достали мануфактуры, пошили детское белье. Через полмесяца детские ясли были открыты.

В мае 1920 года мы выехали в казачье село Полетаево. Среди населения здесь было немало зажиточных и кулаков. На собрание пришло много женщин, выслушали они наши доклады, а за открытие детских яслей проголосовала только одна — учительница. Остальные женщины зашумели, послышались выкрики: «Вы наших детей отобрать в коммунию хотите». Группа зажиточных женщин бросилась на нас с кулаками и, если бы в это время не пришел председатель сельсовета т. Пашнин, то нас кулачки, вероятно, избили бы. Детские ясли нам здесь открыть не удалось.

В мае — июне была объявлена кампания по починке белья и одежды для Красной Армии и детских домов. На субботниках участвовало от 250 до 400 женщин. Работали, не считаясь со временем, с 11 часов утра до 3—4 часов дня. Делегатки были хорошими организаторами, приводили с собой многих женщин-работниц с предприятий и учреждений.

Женщины-делегатки организовывались в бригады и направлялись в госпитали и красноармейские казармы по уборке и чистке помещений. Мыли окна, полы, а также чинили белье. Женщины из дому приносили цветы и создавали уют для красноармейцев.

Районные женотделы с «армией» женщин активно участвовали в общегородских субботниках и вместе с комсомольцами расчищали вокзал от тифознобольных, направляли их в лазареты, участвовали в расчистке площадей. На месте зловонного рыбного рынка разбили сквер и посадили деревья. Сейчас этот сквер на улице Кирова, около почтамта, является хорошим местом для отдыха трудящихся г. Челябинска. Проводили

древонасаждение на площади Алого поля, где силами рабочих установлен памятник В. И. Ленину. В настоящее время на Алом поле находится хорошо оборудованный детский парк и Дворец пионеров.

Женотдел проводил большую работу по ликвидации неграмотности. На предприятиях создавались кружки, где женщины учились грамоте. Осенью при городском женотделе была организована школа ликбеза. Руководила ею Фаня Вовси. Первый выпуск учащихся был произведен в 1921 году.

Многие делегатки, ликвидируя свою неграмотность, активно участвовали в общественной жизни, вступали в ряды Коммунистической партии, выдвигались на руководящую работу и в настоящее время, будучи пенсионерами, являются активными общественниками, участвуют в строительстве коммунистического общества.

М. Прошина

ВСЕ СИЛЫ — НА СПАСЕНИЕ ДЕТЕЙ

Мария Антоновна Прошина родилась в 1894 году. Член КПСС с 1917 года. 1912—1918 годы работала на Чусовском металлургическом заводе. С 1919 по 1923 год заведовала подотделом охраны детства в Пермском губернском отделе народного образования. 1924—1930 годы — на ответственной профсоюзной и партийной работе. С 1930 по 1950 год — учеба и работа в высших учебных и научных учреждениях. В настоящее время — персональный пенсионер.

В 1920 году в Москве состоялся съезд по вопросам детской беспризорности. На этом съезде я была делегатом от Перми. В то время я работала в Пермском губернском отделе народного образования, заведовала подотделом охраны детства.

Бурной овацией делегаты встретили появление в президиуме съезда Надежды Константиновны Крупской, Алексея Максимовича Горького и Анны Ильиничны Елизаровой.

Съезд продолжался много дней. Ярко вспоминается выступление А. М. Горького. Он говорил о большой заботе партии и Советского правительства о детях, о том, что надо сделать для того, чтобы быстрее покончить с детской беспризорностью.

Этот съезд для нас, работников с мест, был большой школой. Мы многому научились, разъехались на

места, в районы более подготовленными для работы с детьми.

В Пермской губернии в то время насчитывалось 79 детских домов, но это количество детдомов далеко не удовлетворяло потребности.

В Соликамске был создан детский городок имени Коминтерна на 800 человек. Здесь имелись все возможности для организации такого городка. Хорошие природные условия, промышленные предприятия, учебные заведения и производственные мастерские: столярная, жестяночная, сапожная, слесарная и швейная. Имелись больница, прачечная, баня и большое учебное подсобное хозяйство с пчельником и скотом.

Кроме воспитанников из детских домов Пермской губернии, здесь были размещены дети из голодающего Поволжья.

Недалеко от Перми, в Нижней Курье, на берегу реки Камы была организована детская колония на 100 детей. В эту колонию были переведены воспитанники из пермских городских детдомов, нуждающиеся в особом уходе.

Молодая Советская страна не успела окрепнуть, залечить глубокие раны войны, как ее постигло тяжелое стихийное бедствие. Четырнадцать наиболее плодородных губерний, в том числе и Пермская, были охвачены засухой. Тысячи крестьян и рабочих, масса детей были обречены на голод. В Пермской губернии от засухи больше всего пострадали Сарапульский, Воткинский, Оханский и Осинский уезды. На берегах Прикамья, под лодками, ютились тысячи голодных, разутых, раздетых беспризорных детей. Они нищенствовали, ждали помощи и так, в надежде на спасение, передвигались большими группами. Много их оседало в Перми. Число беспризорных детей росло с угрожающей быстротой.

В феврале 1921 года при ВЦИК была организована Чрезвычайная Комиссия по улучшению жизни детей, возглавлял ее Ф. Э. Дзержинский. Такая же комиссия была создана и при Пермском губисполкоме.

По решению Совета Народных комиссаров РСФСР на Урал был командирован чрезвычайный уполномоченный по борьбе с голодом Виктор Павлович Ногин. Уполномоченным по борьбе с голодом по Прикамью губком РКП(б) и губисполком назначили заместителя председателя губисполкома П. Ф. Трошева.

Требовалось срочно обследовать районы, подвергнувшиеся засухе, взять на учет голодающих и оказать им помощь. Для этой цели было командировано 20 инспекторов, среди которых были женщины-коммунистки и работницы.

Голодающим детям Прикамья оказывалась всемерная помощь. На пассажирском пароходе «Усердный» был создан интернат-госпиталь на 100 детей. Отбор детей производился врачом, в первую очередь брали больных, истощенных детей, которых требовалось не только питать, но и лечить. В интернате-госпитале дети находились от 10 дней до одного месяца, в зависимости от состояния здоровья. По выздоровлении дети-сироты направлялись в детдома, а дети, имеющие родителей, возвращались им.

П. Ф. Трошев в своих воспоминаниях пишет, что интернат-госпиталь был хорошо укомплектован обслуживающим персоналом. Женщины-матери, не жалея своих сил, любовно ухаживали за больными детьми. Госпиталь снабжался всем необходимым. Дети получали приличное питание и уход. Кроме того, интернат-госпиталь оказывал помощь голодающим детям Прикамья. На пароходе имелись две походные кухни, которые готовили пищу для питательных пунктов. На этих пунктах скапливалось огромное количество голодающих детей, они с протянутыми ручонками ждали парохода, ждали раздачи пищи. Пароход «Усердный» курсировал по реке Каме до морозов, до образования ледостава.

Работа по спасению детей от голода продолжалась. В пределах Пермской губернии осело много детей из других голодающих губерний — Саратовской, Самарской. Требовалось быстро открыть сеть детских учреждений.

В уезды Пермской губернии направились отряды рабочих и работниц по выявлению хлеба для голодающих. Была создана сеть питательных пунктов, столовых. На питание дети зачислялись после их обследования делегатками женотдела. Периодически производился пересмотр состава питающихся детей. Делегатки женотдела осматривали дома-особняки, оставленные пермской буржуазией, бежавшей за Колчаком в Сибирь. Лучшие особняки отводились под детские дома. Оборудовали детские дома скромно, вместо кроватей часто ставили топчаны, вместо стульев — табуретки и скамейки, посудой пользовались по очереди. Белье делегатки шили

у себя дома, а вечерами работали на субботниках в пошивочных мастерских.

Вскоре в Перми было открыто несколько детских домов. Под детские учреждения были использованы и бывшие монастыри. Так, в монастыре Заимского района были организованы колония для подростков и детский приемник. В приемник делегатки приводили детей с улицы и вокзала. Отсюда детей после положенного карантина распределяли по детским домам. Большую работу проводили в то время делегатки женотдела Заимского райкома партии во главе с Мартой Карловной Богнер.

В сентябре 1921 года в стране проходила «неделя помощи голодающим детям». На многолюдном собрании делегаток Перми, где обсуждался вопрос о борьбе с детской беспризорностью, женщины приняли решение активно участвовать в проведении этой недели. По их инициативе проводились массовые субботники, сбор пожертвований продуктами, мануфактурой, книгами, игрушками и денежными отчислениями. В театрах и клубах ставили спектакли, концерты, в садах устраивались платные гуляния, сбор с которых поступал в фонд детских домов.

Заводы и городские учреждения взяли шефство над детдомами. Завод «Уралсепаратор», например шефствовал над детдомом, находящимся в поселке. Рабочие много уделяли внимания своему подшефному детдому, оказывая ему материальную помощь. Следует особо отметить большую работу, проведенную делегаткой женотдела А. В. Колягиной. Она прошла курсы по социальному воспитанию детей и была направлена в этот детдом в качестве воспитательницы.

Губком партии шефствовал над детским домом № 19. Губженотдел направил сюда на постоянную работу делегатку Александру Евгеньевну Озерных. Губчека, райкультвод, губпрофсовет, губпродком и другие учреждения также взяли по детскому дому на свое полное содержание.

На первых порах шефы оказывали главным образом хозяйственную помощь, в которой особенно нуждались детдома. Тогда было очень плохо с топливом. Шефы доставали дрова, подвозили и кололи их. Там, где не работали водопроводы, их срочно ремонтировали, воду подвозили на лошадях. Чинили котлы, ремонтировали мебель и выполняли другие работы.

В детских колониях, домах подростков были организованы производственные мастерские: столярные, переплетные, сапожные, швейные и другие. В Перми была создана профессиональная швейно-пошивочная школа на 40 человек. Здесь подростки, в основном девочки, из разных детдомов проходили учебу.

В этой большой работе возникало немало трудностей. Преодолеть их помогла неиссякаемая энергия делегаток женотдела, их любовь к Советской власти, любовь к детям своей страны.

Я хотела бы подробнее рассказать о делегатке женотдела Ксении Афанасьевне Корниловой. В 1919 году она по путевке Пермского губженотдела прибыла в отдел народного образования. Первые годы она работала сестрой социальной помощи. Ее днем и ночью можно было видеть среди беспризорных детей. Она беседовала с ними, добиваясь, чтобы они добровольно шли с ней в детдома.

Затем К. А. Корнилова заведовала детской колонией, которая находилась на окраине Перми. В этой колонии было более двухсот детей, в большинстве трудновоспитуемых мальчиков-подростков. Иногда ребята между собой ссорились, некоторые из них не ладили с воспитателями. Но Корнилова пользовалась у них большим доверием, и ей удавалось своевременно устранять возникающие конфликты. Большинство детей закреплялось в колонии. Они сживались с коллективом, привыкали друг к другу, привязывались к воспитателям.

К. А. Корнилова обладала большой скромностью, имела открытое доброе сердце, очень любила детей. Дети это чувствовали и взаимно любили ее. Многих детей-сирот она воспитала сама.

Для характеристики отношений между Корниловой и ее воспитанниками привожу выдержки из письма ее первой приемной дочери — Любы Тупицыной:

> «...Ксения Афанасьевна была для меня действительно настоящей матерью. Очень больным ребенком я была взята Ксенией Афанасьевной в ее семью. Затем я заболела туберкулезом и была направлена в туберкулезный диспансер...
>
> Но ни на минуту не выпускала она меня из поля зрения: навещала меня, брала гостить в семью, развивала музыкальные способности,

часто посещая со мной театры, позже направляла меня в учебе и способствовала выбору моей будущей профессии. И так до поступления в высшее учебное заведение.

В своей семье мать — Ксения Афанасьевна воспитала несколько человек. Но помимо «своих» детей, вокруг нее всегда собирались бывшие воспитанники, вышедшие из детучреждений, которые были благодарны ей за свою судьбу, и не хотели с ней расставаться и позже, уже будучи взрослыми людьми.

Одни предпочитают жить с ней совместно, как Шеина Августа, другие — часто навещают ее, считая ее самым верным другом и наставником, как Божко Николай, Мария Бакунина и многие другие, к третьим Ксения Афанасьевна по очереди ездит сама, чтобы помочь им наладить их быт.

Многие из ее детей и воспитанников теперь уже имеют своих детей — ее внуков. И для всех ей хватает времени, до всего доходят ее заботливые руки, чуткое, горячее сердце.

Скромная, тихая, мудрая и преданная в своей помощи людям, никогда не получавшая вознаграждения — такой знают ее все ее дети и воспитанники.

Таким другом, как Ксения Афанасьевна, преданным и самоотверженным, может быть только МАТЬ.

А поэтому мы заслуженно считаем ее своей родной матерью.

Л. Тупицына-Ильченко».

Педагогический коллектив детских домов старался привить детям любовь к учебе, дать им трудовое воспитание.

В детском доме № 17, где воспитывалось 40 девочек-подростков, большим авторитетом пользовалась воспитательница Мария Степановна Зануце. Она хорошо знала особенности каждой девочки и к каждой из них имела свой подход. Умела вовремя приласкать, успокоить, внушить им быть честными, правдивыми, любить труд и народ.

Такие преданные делу воспитатели были и в других детских домах. Их благородный труд вывел тысячи и тысячи детей на широкую жизненную дорогу и дал им возможность активно участвовать в строительстве социалистического общества. Вот некоторые из них:

А. С. Красноперова-Криворученко окончила рабфак, затем педагогический институт, работает педагогом-математиком в гор. Свердловске; Е. А. Кирпищикова — после рабфака окончила Пермский университет, работает врачом в Свердловске; Н. К. Нечаева — имеет высшее художественное образование, работает педагогом в одной из московских школ.

Таких примеров можно привести много.

Как радостно встречаться с бывшими воспитанниками детдомов, с теперешними квалифицированными рабочими наших заводов, технической интеллигенцией! Эта большая армия труда верно служит своей Коммунистической партии, своему народу, своей Родине.

А. Рыкова

НА НОВЫХ ПУТЯХ

Анна Тимофеевна Рыкова родилась в 1894 году. Член КПСС с 1919 года. До 1917 года работала сельской учительницей. С 1918 года — на ответственной работе в органах народного образования, социального обеспечения и в правлении Уралколхозсоюза. По окончании сельхозинститута с 1934 года работала агрономом, затем директором Свердловской областной опытной полеводческой станции. Награждена орденом «Знак почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Мне хочется рассказать о том, как боролась Коммунистическая партия и молодая Советская республика с детской беспризорностью на Урале и об участии в этой борьбе женщин-делегаток.

Весной 1920 года Екатеринбургский горком РКП(б) направил меня в уездно-городской отдел народного образования на работу по борьбе с детской беспризорностью. В то время в связи с тяжелым экономическим положением страны быстро увеличивалась детская беспризорность. Это были дети, родители которых погибли на фронтах империалистической и гражданской войн, в белогвардейских тюрьмах, были расстреляны колчаковскими бандами; дети из семей, разрушенных эвакуацией, голодом и эпидемиями сыпного и брюшного тифа.

Борьба с беспризорностью стала всенародным делом. Партия и правительство создали Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию во главе с Ф. Э. Дзержинским. В Наркомпросе борьбой с детской беспризорностью руководили Н. К. Крупская и А. И. Елизарова.

На местах при губернских и уездно-городских отделах народного образования были организованы отделы охраны детства и при них особая междуведомственная комиссия. К работе в этих отделах систематически привлекались делегатки женотдела и комсомол.

Работать в отделе охраны детства было очень трудно. Требовалось не только принимать и размещать по детским учреждениям беспризорников, но и подыскивать для них помещения, необходимое оборудование, одежду, постельные принадлежности и, самое главное, подбирать штат воспитателей — честных, преданных Советской власти людей. Нужно было найти методы подхода к беспризорным детям, удержать их в детских домах, вернуть им утраченное детство, приучить их к труду и учебе.

Беспризорные дети приезжали в город грязные, больные, вшивые, часто в коростах. Педагоги старой школы отказывались даже подойти к ним. И всю эту тяжелую работу приняли на себя женщины-делегатки. Они встречали ребят у поездов, вели их в приемники, мыли, стригли, переодевали.

Из актива делегаток подбирался персонал детских домов. Поскольку большинство женщин были неграмотными или малограмотными, они шли сначала в няни, кухарки. Но женщины-общественницы, несмотря на огромные трудности, ликвидировали свою неграмотность и малограмотность, много работали над собой и быстро становились помощниками воспитателей и воспитателями, заведующими хозяйством и инспекторами в отделе охраны детства.

С особой любовью и уважением я хочу отметить нескольких выдвиженок из делегаток. Замечательной воспитательницей была Мария Ивановна Сибирячева, делегатка-коммунистка, которая взяла на себя заведование колонией девочек-правонарушителей. В течение ряда лет она учила их, и многие из них сделались полезными гражданками Советского Союза.

Делегатка Верх-Исетского завода т. Гусева стала инспектором секции правовой защиты детей. Она выясняла, как живется ребятам, отданным на воспитание родственникам, принимала в приемники и эвакопункты беспризорников. Делегатка тов. Кореванова стала воспитательницей и пользовалась большим уважением у самых

трудновоспитуемых ребят, занимавшихся ранее воровством и даже бандитизмом.

Инспектор отдела делегатка тов. Рябова сама очень плохо одетая, часто полуголодная, бессменно дежурила на вокзале как сестра-инспектор. Позднее, когда схлынула волна голодающих детей, она работала обследователем-воспитателем в комиссии по делам несовершеннолетних. Под влиянием ее сердечной и умелой беседы малолетний правонарушитель может быть впервые задумывался над своей жизнью и решал остаться в колонии, учиться и работать.

Нельзя не отметить и героический труд педагогов, с первых же дней Советской власти пришедших на работу в детские учреждения и отдавших свои силы и знания воспитанию детей. Особенно запомнилась пожилая учительница из Старой Утки — Ольга Михайловна Оглоблина. Она работала воспитательницей в детских домах много лет. Охотно делилась своим опытом с молодыми воспитателями-делегатками. Учила видеть в каждом ребенке прежде всего человека.

Не могу не отметить и большую работу педагога Ольги Александровны Сапаровой. Она со всей страстностью своего горячего молодого сердца воспитывала детей. Много сил и здоровья отдала воспитанию детей Варвара Наумовна Иевлева. Она часто сама принимала и мыла больных детей, создавала им уют и тепло, окружала их материнской заботой.

Кроме этих женщин были, конечно, многие другие, которые также беззаветно боролись за то, чтобы беспризорным ребятам вернуть нормальное детство и сделать их настоящими гражданами Советского государства.

С тех пор прошло более сорока лет. Многие из названных мною товарищей умерли, но и сейчас они, как живые, стоят передо мной. Думаю, что не одна сотня бывших беспризорников, ставших хорошими советскими людьми, добрым словом вспоминают своих воспитателей.

...В 1921 году в районах Поволжья был страшный неурожай. Десятки тысяч семей, спасаясь от голода, двинулись на Урал и в Сибирь. На станцию Екатеринбург ежедневно прибывали сотни беспризорных детей. Потребовались особо срочные меры, чтобы принимать

голодающих. При облисполкоме была создана Чрезвычайная Комиссия. Для оказания скорейшей помощи беспризорным при вокзале был организован пункт детской инспекции. Здесь круглосуточно дежурили сестры-инспекторы — представители отдела народного образования. Тут же при вокзале был эвакопункт, где детей обмывали, переодевали, кормили, оказывали первую медицинскую помощь, так как среди них было много больных и сильно истощенных от голода и лишений.

В эвакопункте дети находились несколько дней. За это время детская инспекция отдела народного образования выясняла, имеются ли родители и где проживают. Если оказывалось, что у них есть родители, то детей организованно с провожатыми отправляли к ним. Если же родителей не было, то дети после карантина отправлялись из эвакопунка в детский приемник.

Детские дома в Екатеринбурге начали организовываться сразу же после освобождения города от колчаковских банд. Буржуазия города бежала так поспешно, что бросала дома со всей домашней утварью, обстановкой и часто с одеждой, захватив с собой только золото и наиболее ценные вещи. Вот эти-то особняки и отдавались местными Советами под детские дома. Так по улице Декабристов (бывший Александровский проспект) были переданы детям дома Первушина, Мешкова — бывших богачей-мукомолов. В доме богачей Рязановых с огромным садом-парком разместилась детская больница. По улице Архиерейской (ныне улица Чапаева) все дома в первом квартале от улицы Декабристов были отданы детским учреждениям. На дачах в Шарташе разместился детский дом «Первого Мая», на даче Ларичева организована первая трудовая колония, на даче Агафуровых — вторая трудовая колония, на даче Бибикова — сельскохозяйственная детская колония имени Ленина.

В 1920 году в Екатеринбурге уже насчитывалось 11 детских домов на 400 человек, в 1922 году число детских домов возросло до 22, в которых воспитывалось 1520 детей. В Екатеринбургском уезде было 87 детских домов на 4380 человек.

Для подростков свыше 16 лет были организованы общежития, создавались различные мастерские, в которых подростки обучались мастерству и готовились к трудовой жизни. В общежитиях было введено полное

самообслуживание и широкое самоуправление. Организовывались специальные трудовые колонии с сельскохозяйственным уклоном. Такие колонии были созданы в Шарташе и в селе Ключах, Бобровской волости.

Среди беспризорников попадались правонарушители. Типы таких ребят, выведенных в произведениях Макаренко, попадали и к нам в Екатеринбургскую комиссию по делам несовершеннолетних.

Задержанные милицией малолетние преступники направлялись, в зависимости от совершенного проступка, в приемник-распределитель типа детского дома или в приемник-распределитель типа колонии для правонарушителей. В этих приемниках дети находились до рассмотрения их дела в комиссии под наблюдением воспитателей и врача-психиатра. Одновременно выяснялось, есть ли у них родители или родственники, которые могли бы взять ребенка на поруки или на воспитание.

В трудовых колониях детям прививали трудовые навыки, в мастерских по их выбору и через самоуправление и труд перевоспитывали их. Одновременно с работой в мастерских и по самообслуживанию, в колониях обучали детей грамоте.

При упорном и умелом труде воспитателей результаты получались хорошие, что видно хотя бы на примере перевоспитания детей в бывшей колонии закрытого типа в селе Никольском, Сысертского района. В эту колонию из Свердловского приемника было вывезено 16 подростков-правонарушителей. На первой же неделе четыре воспитанника взяли свое новое белье и пытались бежать, но дежурные сторожа поймали их и белье отобрали. Через несколько дней эти четверо снова сбежали. Все поиски их были безрезультатны. Впоследствии двоих из них обнаружили в Екатеринбурге при совершении новых преступлений. С согласия коллектива колонии их возвратили обратно. И вот эти 14 человек с течением времени постепенно изменили свой образ жизни: стали работать в мастерских, учились грамоте, занимались физкультурой. До неузнаваемости изменился их внешний вид: чисто умыты, опрятно одеты.

Наиболее трудно было перевоспитывать правонарушителей в колониях-реформаториях закрытого типа. Одна из таких колоний разместилась в Екатеринбурге. В большом каменном доме жили колонисты, а во дворе были

Первая Пермская окружная конференция колхозниц.
1928 год.

мастерские: сапожная, столярная, слесарная и швейная. Все подростки кроме работы в мастерских были заняты по самообслуживанию и обучались в школе. Чтение, беседы, художественная самодеятельность дополняли занятия в школе и мастерских. Рассказы и беседы о героях гражданской войны и революции пробуждали в воспитанниках чувство любви к своей Советской Родине.

Так беспризорники-правонарушители постепенно забывали свое тяжелое прошлое и становились полезными гражданами Советского Союза.

Большое участие в жизни детских домов и трудовых колоний принимал комсомол. Уже с 1921 года начали создаваться первые пионерские отряды. Комсомол помогал организовывать детские комитеты и комиссии по самоуправлению в детских домах, кружки художественной самодеятельности, физкультуры и спорта.

Губернский отдел народного образования и губком комсомола решили организовать опытно-показательный детский дом, где бы вся воспитательная работа была организована по принципу пионерской дружины, пионерского лагеря. Такой детский дом назвали именем Красной Армии.

Горисполком предоставил для него большой дом по улице Куйбышева (бывший дом Рязановых) со всеми надворными постройками и большим садом на берегу реки Исети. Губком комсомола выделил пионервожатыми лучших комсомольцев, имеющих склонность к работе с детьми. Первыми вожатыми-воспитателями были Миша Бородин, Женя Упоров, Толя Суворов и Катя Карманова. Весь свой комсомольский задор и энергию отдавали они на то, чтобы найти правильный подход к ребятам и завоевать их доверие, приучить к труду и учебе.

При детдоме была четырехлетняя начальная школа и мастерские: слесарная, сапожная, столярная и швейная.

В школе и мастерских ребята были заняты по 8 часов в сутки. После окончания занятий к ребятам приходили вожатые и все время проводили с ними. Утренняя зарядка, личный туалет, подготовка уроков, отдых— все проводилось, как в пионерской дружине. Всю домашнюю работу делали на принципе самообслуживания.

Была организована и самодеятельность. Среди ребят

17 Заказ 964

нашлось много любителей музыки, пения и танцев. Очень любили они небольшие постановки, причем декорации и костюмы делали сами под руководством вожатых. Постановки и песни посвящались героям революции и гражданской войны. Проводились и личные встречи ребят с большевиками-подпольщиками. Очень любили ребята слушать рассказы о героических боях Красной Армии, разгромившей банды Колчака на Урале.

Так воспитывался в детях советский патриотизм, преданность Советской власти и Коммунистической партии.

Устройство ребят в детских домах, приемниках было только началом большой трудной борьбы с детской беспризорностью. Перед нами, работниками отдела народного образования, стояли большие воспитательные задачи. Требовалось найти правильный подход к детскому сердцу морально искалеченных ребят, исправить и приобщить их к новой жизни.

Партийные организации в этот период многое сделали для того, чтобы повысить квалификацию работников детских домов. В городе проводились семинары, конференции...

На Всесоюзном совещании в Москве, в 1922 году, мне посчастливилось встретиться с Надеждой Константиновной Крупской и Анной Ильиничной Елизаровой-Ульяновой.

Во время перерыва группа уральцев, участников конференции, беседовала с Надеждой Константиновной. Я очень волновалась, готовясь к этой беседе. Записала ряд вопросов, которые были для меня трудными. А беседа началась не с наших вопросов. Когда Надежда Константиновна узнала, что я бывшая сельская учительница и член партии, она сказала, что это хорошо, вам легче работать. Я с жаром возразила: «Что вы, Надежда Константиновна, очень и очень трудно! Ведь старая педагогика не давала ответов на волнующие нас вопросы социального воспитания детей». На это Надежда Константиновна заметила, что действительно старая буржуазная педагогика не дает полностью того, что нам теперь нужно, но надо понять, что педагогика, как и всякая наука — классовая, и нужно суметь использовать ее в интересах рабочих и крестьян. Надежда Константиновна особо подчеркивала роль воспитателя-учителя, который должен чутко подходить к детям, в особенности

к беспризорникам, обладать широкими знаниями, быть политически развитым, изучать труды Маркса, Энгельса, Ленина, уметь прививать детям любовь к труду, к знаниям, тесно увязывать учение и воспитание с нашей советской действительностью.

Много говорила Надежда Константиновна о психологии беспризорного ребенка и умении воспитателя правильно понять его, и как найти подход к ребенку, чтобы он стал доверяться воспитателю и уважать его.

Эта беседа с Надеждой Константиновной произвела на всех нас неизгладимое впечатление.

По приезде в Екатеринбург я старалась все услышанное от Надежды Константиновны передать своим товарищам и воспитателям детских домов и колоний и положить это в основу всей работы.

С осени 1922 года число приезжавших детей в наш город начало сбывать. Детей местных жителей, имеющих родных или близких родственников, начали отдавать им на воспитание. В детских домах оставляли только детей-сирот. Из Свердловска детские дома начали постепенно вывозить в сельскохозяйственные и рабочие районы, где местные Советы, партийные организации и профсоюзы брали на себя заботу о воспитании и содержании детских домов.

М. Богнер

ТАК НАЧИНАЛАСЬ НОВАЯ ЖИЗНЬ

Марта Карловна Богнер родилась в 1896 году. Начала работать с 14 лет ученицей продавца. В декабре 1918 года вступила в Коммунистическую партию. Работала в партийных органах, руководила работой среди женщин в районах города Перми. В дальнейшем — на партийной и советской работе в г. Свердловске. В настоящее время — персональный пенсионер.

Особенно мне памятны 1924 и 1925 годы. Я заведовала тогда женотделом Мотовилихинского райкома партии.

В тот период у трудящихся еще свежа была в памяти боль от большой необратимой утраты. Народ потерял своего вождя и организатора страны Советов В. И. Ленина. И народ всеми силами стремился помочь партии преодолеть трудности в строительстве новой жизни и восполнить великую утрату.

Тысячи лучших представителей рабочего класса шли в партию по ленинскому призыву. Еще недавно рядовые рабочие становились активными борцами-строителями.

В общественной работе того периода большую активность проявили и женщины, особенно делегатки. Не было советских, хозяйственных и общественных организаций, где бы не работали эти беззаветно преданные партии женщины.

Делегатки избирались на цеховых собраниях женщин на предприятиях, в учреждениях и на собраниях домохозяек. Как правило, делегатками избирали наиболее активных женщин, участвующих в общественной жизни.

Делегатские собрания являлись для женщин хорошей политической школой. На них обсуждались разнообразные вопросы. Помимо политических, программных: строительство Советов, права женщин в Советском Союзе, о социальном страховании, РКП(б) после Октября, значение III Интернационала и других, — обсуждались также вопросы практической жизни. Заслушивались доклады руководителей учреждений: районо, райздравотдела, секций горсовета, руководителей потребительской кооперации, профсоюзных организаций.

Все это расширяло кругозор делегаток, знакомило их со всеми отраслями строительства нового общества.

Это были первые годы революции. Старое время оставило в наследство неграмотность и малограмотность, предрассудки. С ними надо было бороться. По цехам провели собрания работниц, вынесли решения — всем пойти учиться. При активном участии делегаток были созданы кружки ликбеза. Делегатки шли учиться сами и вели за собой работниц.

Лучшей школой для делегаток была работа в секциях городского и районного Советов, особенно народного образования, здравоохранения и кооперации.

Гражданская война оставила немало сирот. В поисках хлеба и лучшей жизни многие из них кочевали по стране, попадали под влияние преступных элементов. Вот на борьбу с безнадзорностью и были привлечены женщины.

По инициативе делегаток и секций народного образования Совета в цехах предприятий и учреждениях проходили собрания с вопросом о помощи детям. Собирались средства. На отчисленные деньги была организована школа-коммуна. Много субботников провели женщины по пошиву детского белья, уборке помещений, обработке огородов. Продавали газеты и открытки. Силами клубных драмкружков ставили платные спектакли. Собирали деньги и по подписным листам для подшефных детдомов.

Много детей отдавали в семьи на патронаж. Все они

были на учете женотдела. Немало принесли пользы делегатки и коммунистки, прикрепленные к детдомам. Цеховой женорганизатор А. Золотилова и делегатка т. Баландина обнаружили в доме № 2 вопиющие беспорядки: грязь, запустение, болезни. Воспитательница была религиозна, к ней приходили попы, служили молебны, а она заставляла детей молиться. Вопрос об этом был обсужден на секции районо. Заведующую детдомом сменили. Субботниками привели в порядок помещение, выстирали белье, отмыли детей. Засадили огород, и вскоре этот детдом стал одним из лучших.

Активно работали коммунистки и делегатки в школьных советах. Они привлекали рабочих шефствующих предприятий для ремонта школ, распиловки дров, уборки территории. Во многих школах были организованы завтраки.

...Наступило лето 1925 года. Школы закрылись на каникулы, и многие дети оставались незанятыми, а иные и безнадзорными. Женотдел совместно с отделом народного образования решил открыть сеть детских площадок на общественных началах. Средств на эти цели не было. Делегатки учли особо нуждающихся детей, а их набралось более двухсот. На собраниях обсудили вопрос о сборе средств на содержание летних площадок, каждую из которых посещало от тридцати до пятидесяти человек. Питание дети приносили из дома. Руководителями были в большинстве студенты.

Большую помощь в организации площадок и подборе руководителей оказала работник облоно т. Прошина. Помнится, с какой душой работали на площадке студентки тт. Шкловская, Петрова, Грамолина. Да и другие делали все, что могли. Они играли с детьми, читали книги, проводили экскурсии, устраивали катания на пароходе... Матери-работницы уходили на работу спокойными за своих детей.

Разнообразна была работа делегаток. Много внимания они уделяли вопросам быта. Приведу несколько примеров. По инициативе делегаток был организован показательный суд над гражданином П., который ухитрился за короткое время четыре раза жениться. От женотдела был послан на суд общественный обвинитель. На суде присутствовало около 300 человек, и они потом долго обсуждали этот случай.

Был организован общественно-показательный суд и над комсомолкой, пытавшейся отравиться от несчастной любви. Присутствующие на суде строго осудили девушку, поставившую личную жизнь выше общественных задач.

В день Парижской коммуны, 12 марта 1924 года, в рабочем клубе были проведены первые октябрины. Зал клуба был переполнен. Заслушали доклад о Парижской коммуне. После доклада поднесли подарки — приданое новорожденной. Потом просмотрели спектакль «Красная звезда», поставленный драмкружком клуба.

Вспоминая прошлое, нельзя не сказать о работе женорганизаторов Мотовилихи. Активно действовали т. Пойлова, т. Золотилова, т. Радостаева, т. Тиунова, т. Мельчакова, т. Ширинкина, т. Плюснина, т. Странева и многие другие. Все они были подлинными вожаками — организаторами женщин. Многообразна и кипуча была жизнь в поселке. Различны были виды общественной деятельности. По инициативе и при участии женорганизаторов проводились беседы на животрепещущие темы, возникали различные общества (а их было много), кружки ликбеза и малограмотных, созывались производственные совещания. Создавались стенные газеты. Женщины участвовали в работе секций районного и городского Советов, в суде, в кооперации, в клубных кружках. Каждый день проводились какие-либо мероприятия, и всем этим надо было руководить.

Многое приходилось делать и для того, чтобы администрация предприятий переводила работницу с черновой работы на станки, ставила к агрегатам, помогала им приобретать квалификацию. С течением времени многие женщины получили специальности токарей, слесарей, повысили разряды и закрепились на производстве. Это было большое достижение. Серьезную помощь работницам в этом оказывали профсоюзный работник А. Маркова и секретарь окружной камеры по изучению женского труда Ф. Бояршинова.

Женорганизаторы помогали внедрять культуру в производство, заботились о приобретении мыла, спецодежды, следили за соблюдением правил охраны труда и техники безопасности. По почину женорга т. Золотиловой были организованы горячие завтраки.

Не забывали мы и домохозяек. Приглашали их в

клуб на собрания, на постановки, стремились вовлечь их в общественную работу. В цехах завода проводились беседы о жизни В. И. Ленина, о роли и значении РКП(б). Женщины горячо воспринимали это и тут же на собраниях подавали заявления в партию.

Вспоминается, как мы отмечали в 1925 году Международный женский день. Беседовали с работницами, домохозяйками. 7 марта провели торжественное заседание. Большой зал клуба, вмещавший более тысячи человек, был переполнен.

В президиуме — руководящие работники округа и района. Доклад пришлось делать мне. Я очень волновалась, и какой получился доклад — не помню.

После доклада вынесли два знамени, преподнесенные райкому партии: одно от девушек, другое — от женщин. Передавая знамя, т. Юшкова сказала.

— Мы это знамя подносим партии, освободившей наших матерей от ига капитализма и открывшей нам дорогу к свету и знаниям.

Второе знамя подносила работница т. Гвоздева. Она произнесла проникновенные, идущие от души слова:

— Я пришла сюда, ибо другого пути не найду. Лучшей партии нет. Раньше я все молилась, детей заставляла ходить в церковь, но было плохо, я видела только темноту. И вот первый раз, поднимаясь в клуб, я озиралась робко, чтобы на меня не закричали. Но никто меня не выгнал. Тогда я стала чувствовать себя свободно.

Ее слова потонули в буре аплодисментов. Не одна женщина в эти волнующие минуты вспомнила свое безрадостное прошлое и тихонько смахнула набежавшую слезу. Но общее радостное настроение, царившее на собрании, быстро разогнало грустные воспоминания, и будущее казалось ярким и счастливым.

* * *

Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю эти незабываемые годы, они представляются мне наполненными бурным кипением общественной жизни. На все хватало женщин, за все горячо брались, участвовали во всех проявлениях новых форм строительства социалистического общества.

Е. Корюкина

ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

Екатерина Георгиевна Корюкина родилась в 1896 году. Работать начала с 10-летнего возраста. Работала сначала няней, горничной. В 1913 году поступила чернорабочей на Лысьвенский завод. В Коммунистическую партию вступила в 1919 году. Вела работу среди женщин в заводе Кын, в Лысьве, в Перми и Челябинской области. В 1925—1927 годах была кандидатом в члены ЦИК и членом Пермского окрисполкома. В годы Великой Отечественной войны руководила работой РОКК в одном из районов города Челябинска. С 1950 года — пенсионерка.

Приехав в Лысьву, я поступила работать на завод в цех парового хозяйства. Потом меня перевели в ведерный цех. Здесь работали женщины — 480 человек. Кроме меня не было ни одного члена партии.

В конце 1923 года в Лысьве проходили перевыборы районного делегатского собрания. Нас с А. Г. Осокиной выбрали в его состав. Заведующая женотделом райкома партии тов. Щенина рекомендовала меня ячейковым организатором по работе среди женщин в ведерном цехе. Мы создали цеховое делегатское собрание, куда входило 25 человек: А. Г. Осокина, А. Г. Скобкарева, А. А. Екимова и другие.

Делегатки вели большую общественную работу. Мы работали в таких организациях, как МОПР, Осоавиахим. Занимались также и ликвидацией неграмотности. Школы ликбеза посещало 90 женщин нашего цеха. Вместе с другими ликвидировала малограмотность и я.

В 1924 году, в Ленинские дни, в один день вступили в партию из нашего цеха 41 работница. Многие из них вскоре были выдвинуты на более ответственную работу. Например, А. Г. Осокина работала старшей сортировщицей, потом — по технике безопасности, затем заведовала яслями, в годы Великой Отечественной войны стала директором хлебопекарни. А. Г. Скобкарева проработала на заводе непрерывно с 1911 по 1947 год, в последнее время работала контролером, А. А. Екимова работала старшей сортировщицей, сменным мастером, сейчас — на пенсии.

Нам, работницам, расти и развиваться помогали работники завкома М. И. Каменских, Е. И. Шабалина, заведующая женотделом т. Щенина. Мы были малограмотные, но у нас было большое желание работать, отдавать все свои силы общему делу строительства новой жизни.

В 1924 году Щенину отозвали из Лысьвы. Заведовать женотделом райкома партии стала А. А. Армянинова. Живая, энергичная, она развернула большую массовую работу среди женщин, давала нам поручения, вовлекала в общественные организации. Бывало, отработаем мы смену и, не чувствуя усталости, бежим в районный женотдел выполнять поручения. Армянинова нас сблизила не только с работницами других цехов, но и с домохозяйками-общественницами, а также и со служащими. Проверив и изучив людей, Армянинова не боялась выдвигать женщин на ответственную работу. Меня, например, еще недавно безграмотную работницу, бывшую прислугу, в апреле 1925 года выдвинули заместителем заведующей райженотделом в Лысьве, а на конференции избрали членом райкома партии.

В мае 1925 года в Москве, на съезде Советов я была избрана кандидатом в члены ЦИК и ВЦИК. Мою кандидатуру выдвинули на съезде пермская и лысьвенская делегации. Когда мне сообщили об этом, я долго не верила: неужели такое доверие мне? Может ли это быть?

Вскоре меня, как кандидата в члены ВЦИК и ЦИК, направили работать в Пермский окрисполком инструктором. Будучи инструктором, мне приходилось часто бывать в районах. В мои обязанности входило проверять, как женщины-общественницы работают в секциях сельсовета, в районных секциях.

С 1925 по 1927 год я ездила на сессии ВЦИК и ЦИК шесть раз. Помню, как волновалась я, когда поехала на первую сессию еще из Лысьвы.

В Доме Советов в Москве встретилась с работницей Арамильской фабрики, Свердловской области, М. А. Сысковой. Мы все время проводили вместе с ней и стали друзьями. Сыскова была так же неопытна как и я, но вдвоем было веселее.

Никогда не забудется, как я волновалась, подходя к стенам Кремля, а потом входила в зал заседаний. Не помню, как и где я раздевалась, как шла по ступенькам лестницы. Перед открытием сессии наступила полная тишина. Я в эти минуты вспоминала свою жизнь, мысленно говорила с собой: я — неграмотная женщина, бывшая прислуга, за что же я почтена таким вниманием рабочего класса? И тогда решила: надо еще больше работать, работать без устали... На этом мои мысли оборвались.

К столу подошел Михаил Иванович Калинин, открыл заседание. Для меня сессия была большой школой. С огромным вниманием слушала всех, кто выступал, стараясь запомнить каждое слово.

Вернувшись домой, я рассказала о работе сессии на женских собраниях в Мотовилихе, Перми, Лысьве. Теперь вспоминаю, как трудно было готовиться к докладам. В голове много хороших мыслей, но изложить их было очень и очень трудно.

Впоследствии, конечно, я ездила на сессии уже без боязни.

Хорошее воспоминание сохранилось у меня о поездке в Ленинград на спуск двух пароходов. Во главе делегации был тов. Киселев. Когда подъезжали к Ленинграду, он подготовил меня выступить на митинге.

После митинга на заводе суда спускали в гавань. Потом капитан пригласил нас посетить их военное судно (не помню его названия). Когда мы обходили его, капитан сказал, что на судне никогда не была еще ни

одна женская нога. Впервые это судно посетили женщины.

Нас несколько человек послали также на Волховстрой. Об этом также осталось хорошее воспоминание.

Никогда не забудется встреча с Н. К. Крупской. На сессии ЦИК обсуждался вопрос о всеобщем обучении. Я была избрана в комиссию по выработке проекта постановления, в этой комиссии была и Н. К. Крупская. Я внесла предложение об организации при сельских школах общежитий и горячих завтраков, так как детям приходится нередко ходить в школу за несколько километров. Н. К. Крупской понравилось мое предложение. Во время перерыва она подошла ко мне, спросила почему я внесла такое предложение, есть ли у меня дети. Я объяснила, что езжу много по сельсоветам и вижу, как дети ходят в школу из дальних деревень. Потом сказала, что у меня слепой сын. Она попросила, чтобы я к ней зашла в Наркомпрос, обещала написать письмо к одному врачу. На следующий день я пришла в Наркомпрос. Надежды Константиновны я не видела, но письмо было готово. Дня через три Надежда Константиновна на сессии увидела меня и опять спросила, ходила ли я к врачу, видела ли его и что он сказал. Я никогда не забуду, как чутко она отнеслась ко мне, какое внимание мне уделила. Разве можно забыть об этом?

На сессиях ЦИК мне приходилось не раз видеть Клавдию Николаеву, Александру Артюхину, Клару Цеткин.

Весной 1927 года проходили окружные съезды Советов. Меня избрали членом окрисполкома, поручили мне работу инструктора. В 1928 году меня послали заведовать Ильинским детским домом.

Через четыре года я переехала в Челябинский округ.

О. Ильина

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Ольга Федоровна Ильина родилась в 1902 году в рабочей семье. Член КПСС с 1917 года. Участвовала в гражданской войне против калединской контрреволюции на Дону. Затем работала в большевистском подполье в деникинском тылу. После окончания гражданской войны училась в Коммунистическом университете им. Свердлова. 1924—1925 годы работала заведующей отделом работниц Пермского горкома партии, в 1926—1927 годах — зам. зав. отделом работниц и крестьянок Уралобкома ВКП(б), в 1928—1929 годы — в ЦК ВКП(б) инструктором отдела работниц и крестьянок. В 1929—1933 годы училась в Московском Высшем техническом училище, по окончании работала инженером на производстве. С 1957 года — персональный пенсионер. В 1960 году награждена орденом Трудового Красного Знамени.

По окончании Коммунистического университета имени Свердлова, летом 1924 года по путевке ЦК мы прибыли в Пермь.

При распределении все приехавшие со мной товарищи: Ютт, Юровская, Маврин и другие были направлены в агитпроп окружкома, а меня послали в городской комитет партии заведовать отделом по работе среди женщин. Но я, как и большинство свердловцев готовилась работать в сети партийного просвещения. И вот мои чаяния не оправдались. Я решила поговорить с секретарем окружкома.

Пермский окружной комитет партии возглавлял в то время авторитетный, всеми уважаемый старый большевик И. П. Румянцев. Он меня немедленно принял.

— Иван Петрович, как понимать мое назначение в женотдел? Ведь я готовилась работать в сети партийного просвещения, для этого у меня хотя и небольшой опыт работы, но есть.

Вижу, Иван Петрович утвердительно кивает головой. Ну, думаю, правильно, что решила поговорить, может быть изменит решение.

— Значит,— говорит Румянцев,— хотите работать на главном направлении. Это достойное стремление каждого коммуниста.— Но при этом секретарь обкома напомнил, что главное и основное в большевизме и русской Октябрьской революции — есть втягивание в политику именно тех, кто больше всего был угнетен при капитализме.

После разговора с секретарем окружкома партии я отправилась в окружной отдел работниц и крестьянок.

Встретила меня Мария Михайловна Загуменных, старая коммунистка с большим опытом революционной работы, энергичная и вечно кипящая в общественных делах.

— Вот хорошо,— сказала она,— что вы уже прибыли. Начинайте действовать немедленно. За последнее время несколько ухудшилась работа городских делегатских собраний. С созыва собраний и надо начинать. После этого наметим дальнейший план.

В ближайшие месяцы предстояли перевыборы делегаток, поэтому своевременно было послушать отчеты некоторых из них. О чем же говорили делегатки на собраниях? Работницы от шпагинских мастерских, спичечной фабрики «Труд», завода «Сепаратор» и других предприятий говорили о том, как женщины ликвидируют неграмотность и малограмотность, что мешает им повышать квалификацию и производительность труда, о том, что имеются еще пережитки старого отношения к женщине, когда за равный труд работницы получают меньшую заработную плату.

Прикрепленные к бирже труда докладывали о том, что среди безработных женщины составляют почти половину, а среди принимаемых на работу они составляют примерно одну четвертую часть, из-за того, что у них отсутствует требуемая квалификация, а порой и из-за необоснованного отказа в приеме женщин на произ-

водство. Таким образом происходит вытеснение женского труда. Делегатки, прикрепленные к детским домам, просили помочь организовать субботники для пошивки детям белья и побелки помещения. Делегатки из кооперативной секции рассказывали о недостатках в работе магазинов, столовых.

Делегатки, прикрепленные к секциям горсовета и союзу работников просвещения, рассказали о своей работе по организации школ ликвидации неграмотности, о работе в школьных советах, об организации детских площадок и красных уголков и других мероприятиях, направленных на улучшение быта и поднятия культурного уровня работниц. Говорили также о необходимости улучшения работы делегатских собраний.

В те годы главной формой работы среди женщин являлись делегатские собрания. В предстоящие перевыборы необходимо было увеличить количественный состав делегаток и поднять их работу на более высокий уровень.

Делегатские собрания являлись первой ступенью массового вовлечения женщин в государственную и общественно-политическую деятельность и прочной опорой партии в работе среди женских трудящихся масс в первые годы строительства социализма.

Экономическое и социальное равноправие женщина могла приобрести при условии равноправного ее участия в производительном труде. Но промышленность Урала пополнялась в первую очередь за счет мужской рабочей силы, как наиболее квалифицированной. При общем росте занятых рабочих, удельный вес женского труда снижался. Это имело место и в других областях Советского Союза. Вытеснение женского труда из производства сопровождалось ростом женской безработицы. Среди безработных на Урале в 1926 году женщины составляли свыше половины.

Проблема продвижения женщин в промышленность получила особую остроту и приобретала политический характер, ибо в зависимости от того, как она будет разрешена, определялся во многом успех работы партии по осуществлению фактического равноправия женщин в общественно-политической жизни и в семье.

Партийные организации через отделы работниц, опираясь на советское законодательство, принимали

действенные меры к внедрению женского труда в промышленность. Большую работу в этом направлении проводили комиссии по женскому труду при отделах труда. При Наркомтруде СССР и местных отделах труда эти комиссии были созданы в 1924 году. На Урале в состав комиссии входили работник облтруда, который возглавлял комиссию, и представители: от совнархоза, отдела работниц Уралобкома, Уралпрофсовета, Уралобкома ВЛКСМ. В 1926 году я работала в отделе работниц Уралобкома и входила в состав комиссии по жентруду. От Уралпрофсовета входила Зина Гурина. Она обладала хорошими организаторскими способностями и пользовалась авторитетом среди работниц.

Отделы работниц, организаторы женщин в профсоюзах, комиссии по женскому труду многое делали для вовлечения женщин в производство, для выдвижения их на квалифицированные работы. Во время перезаключения колдоговоров комиссии обязывали хозяйственников обучать в индивидуально-бригадном ученичестве определенный процент взрослых работниц. В договоры включались также пункты об отчислении из фонда улучшения быта рабочих средств на организацию детских учреждений. Женщины вовлекались в общую сеть профтехнического образования, на специальные профтехкурсы, курсы по подготовке в школы ФЗУ. В Свердловске и Перми были организованы курсы по подготовке на рабфаки.

Для оказания помощи безработным организовывались трудовые коллективы швейниц, чулочниц, кулечниц, картонажниц и т. п. Так, в 1926 году в трудколлективах области было занято 540 женщин, а в 1928 году только в Перми в трудколлективах работало 400 женщин.

Из числа работниц комплектовались кадры инспекторов труда. По Пермскому округу на эту должность была выдвинута чусовская работница Анна Александровна Бурданова. В своих воспоминаниях она пишет: «Приходилось бороться с косностью по отношению к женщинам. Был случай, когда директор кожзавода и меня оскорбил: «баба, по-бабьи и рассуждаешь», но ему сделали соответствующее разъяснение, а работниц, которых он неправильно увольнял, восстанавливали на работе».

В январе 1927 года Уралпрофсовет созвал областное совещание работниц, на котором были подведены итоги по улучшению труда и быта женщин. Постановления этого совещания вошли в решения IV областного съезда профсоюзов. В них отмечалось, что имевшее место вытеснение женского труда приостановлено, что женщины допущены к целому ряду квалифицированных профессий, куда они ранее не допускались, увеличился процент девушек в школах ФЗУ и т. п.

Пионерами в освоении новых квалифицированных профессий были делегатки женотдела. В частности, на Пермских заводах были работницы тт. Тиунова, Симонова, Пойлова, Пермякова и другие. Все они начали свою общественно-политическую деятельность в делегатских собраниях, из чернорабочих перешли на станки и успешно освоили профессии. Фотография лучшей работницы Тиуновой была помещена в газете «Звезда» 8 марта 1927 года. Она писала о себе: «В 1919 году началась моя общественная работа. Была делегаткой, работала практиканткой в детском доме, организовала детский сад на 225 детей. Потом работала заведующей детдомом, а затем инструктором женотдела. Сильно мешала мне малограмотность. И чтобы подучиться, пошла обратно на производство, и теперь работаю токарем 6-го разряда. В настоящее время участвую в редколлегии стенгазеты, в общезаводской комиссии охраны труда, учусь на вечерних профтехкурсах».

Широкий доступ в промышленность и к квалифицированным профессиям открывается женщине в период социалистической индустриализации страны, в период пятилеток. В 1929 году в народном хозяйстве было 48 тысяч женщин, а на 1 января 1932 года — уже 407 тысяч или 28,3 процента к общему составу работающих.

Овладевая квалифицированными профессиями, женщины-работницы показывали образцы высокой производительности труда. Вот, что писала газета «Уральский рабочий» в номере от 8 марта 1931 года: «На Уралмедьстрой работница Смолина приехала из деревни. Она сначала боялась электричества, а теперь женская ударная бригада Смолиной в электропроводке установила рекордные сроки. Давалась норма на восьмиквартирный дом месяц с лишним — ударная бригада кончала в 20 дней. Давалось двадцать, Смолина кончала до срока».

В развернувшемся по всей стране социалистическом соревновании за овладение новой техникой, за повышение производительности труда, за выполнение пятилетки в четыре года достойное место принадлежит женщинам Урала.

Международные дни женщин — 8 Марта — в годы пятилеток ознаменовывались огромным подъемом производственной активности работниц и крестьянок, созданием ударных бригад и коллективов.

Свердловская фабрика им. Ленина, писала газета «Уральский рабочий» 8 марта 1930 года объявила себя ударной. Работницы и домохозяйки Уралмедьстроя на своем собрании 26 февраля решили к 8 марта вступить в ударные бригады.

На предприятиях Урала женские ударные бригады особенно заметно начинают расти с 1930 года. В это же время на арену производственно-политической жизни страны, выступают работницы строительства гигантов — первенцев пятилетки на Урале.

В социалистическом обязательстве работниц Уралмашстроя говорилось:

«Мы ударницы — токари ремонтно-механического цеха, объединенные в бригады имени 8 Марта, вступили в бой за революционное знамя ОКДВА. (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия).

Знамя ОКДВА мы завоюем ударной большевистской работой. Для повышения технических знаний вступаем всей бригадой в кружок «техника — массам».

Вызываем на социалистическое соревнование по выполнению промфинплана и овладению техникой всех рабочих Уралмашстроя, рабочих и работниц свердловских предприятий, Магнитостроя, Челябтракторостроя, Уралмедьстроя, Березников и других передовых отрядов Урало-Кузнецкого комбината. Знамя героической ОКДВА взовьется над тем заводом, который даст образцы подлинной большевистской борьбы за промфинплан».

Особая Дальневосточная Краснознаменная Армия вручила революционное красное знамя VIII областному съезду Советов. Президиум облисполкома постановил передать это знамя тому предприятию, которое полностью выполнит задание третьего года пятилетки.

Наряду с внедрением женского труда на ведущие

квалифицированные профессии в промышленность, выращиваются и руководящие женские кадры. 8 марта 1931 года «Уральский рабочий» опубликовал «цифры побед», в которых сообщалось о том, что на предприятиях Урала работает 119 женщин в качестве директоров, инженеров, техников. Во втузах и вузах Урала обучается 32 550 студентов, из них 8664 женщины. А в 1933 году, в этот же день, газета сообщила, что в составе инженерно-технических работников Урала имеется свыше 3 тысяч женщин.

В индустриальное строительство с энтузиазмом включались домашние хозяйки — жены рабочих.

«Можно убедиться на примере Челябинска,— писал «Челябинский рабочий» в номере за 8 марта 1932 года,— тысячи женщин-домохозяек пошли на производство и сейчас в общих рядах принимают активное участие в производственно-политической жизни страны. Например, домашняя хозяйка Безрукавина, овладев техникой управления бетономешалкой, помогала бетонщикам бригады Капралова на бетономешалке «Кайзер» поставить социалистический рекорд по бетонной кладке».

150 домохозяек, жен рабочих Челябтракторостроя обратились с письмом ко всем домашним хозяйкам, в котором пишут: «Мы хотим быть в первых рядах активных строителей социалистического общества. В день 8 Марта объявляем себя мобилизованными для постоянной работы в строительстве, идем на промышленную площадку, вместе с мужьями будем достраивать тракторный гигант. Призываем всех домохозяек Челябинского района вместе с нами идти на производство, помогать партии и в 1932 году успешно завершить пятилетку в четыре года».

Буржуазная печать за рубежом с целью дискредитации массового участия женщин СССР в производстве подняли кампанию лжи и клеветы против фактического раскрепощения женщин в Советском Союзе, они писали: «Советы решили положить конец семейной жизни. 1600 тысяч женщин должны покинуть свой дом и стать рабынями советской пятилетки».

В ответ на эту клевету работницы и крестьянки через журнал «Работница» и «Крестьянка» заявили на весь мир: «Да, господа капиталисты, диктатура пролетариата нашей страны положила конец рабству

трудящихся женщин, освободила их от непроизводительного, самого дикого, самого тяжелого домашнего труда, приобщив самые отсталые, забитые, веками угнетенные женские массы к величайшей социалистической стройке на одной шестой части земного шара. Диктатура пролетариата положила конец социальному и экономическому неравенству женщин».

Советские женщины, сбросившие вековое экономическое неравенство в производительном труде и в семье, в своих частушках пели:

Раньше бабы только знали
Варку щей да каши.
А теперь идут в заводы:
На заводе краше.

За короткий исторический срок, всего за несколько лет, советский народ под руководством Коммунистической партии, осуществляя социалистическую индустриализацию страны воздвиг такие гиганты пятилетки, как Магнитка, Уралмаш, Березниковский химический комбинат, Красноуральский медеплавильный и другие. Впервые в мире была решена вековая социальная проблема — экономического раскрепощения женщин. Советская женщина заняла прочное место равноправного члена общества как в политической, так и в экономической жизни страны.

В результате социалистической индустриализации канул в вечность вопрос об экономическом неравенстве женщины. И мы имели счастье переживать ощутимые победы социалистического строя, его преимущества перед капиталистическим строем, в котором до сих пор эти социальные язвы являются бичом трудящихся.

Борясь за поднятие материально-бытовых условий жизни работниц, за закрепление и расширение женского труда в промышленности, за создание и воспитание женских кадров, Коммунистическая партия, Советское правительство и профсоюзы строго проводили в жизнь законы, охраняющие права женщины-матери на производстве: право беременной работницы на двухмесячный отпуск до и после родов, право кормящей матери на тридцатипятиминутный перерыв, через каждые три часа, право работницы на равную оплату за равный труд, на платный отпуск и т. п. Все это способствовало осуще-

ствлению фактического равноправия трудящихся женщин с мужчинами во всех областях общественно-политической жизни, превращению сотен тысяч женщин в активных борцов за построение социализма и коммунизма в нашей стране.

Высоко оценен партией и правительством доблестный творческий труд женщин Урала. Тысячи из них награждены орденами, медалями Советского Союза, имеют высокие звания Героев Социалистического Труда. Только в связи с 50-летием Международного женского дня в 1960 году по областям Урала: Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской, Тюменской, награждено женщин: орденами Ленина 94, орденом Трудового Красного Знамени — 127, орденом «Знак почета» — 57; медалью «За трудовую доблесть» — 162 и присвоено высокое звание Героев Социалистического Труда: Надежде Ефимовне Партиной — крановщице Уральского завода тяжелого машиностроения, Нине Ивановне Пушкарской — машинисту электровоза Магнитогорского металлургического комбината; Марии Федоровне Мороз — сверловщице цеха шасси Челябинского тракторного завода; Зинаиде Федоровне Уткиной — фрезеровщице завода им. Дзержинского (Пермская область); Александре Васильевне Халиченко — электросварщице Уралвагонзавода, Полине Васильевне Пайвиной — свинарке совхоза «Красная звезда», Шадринского района, Курганской области и другим.

Героические дела наших современниц отражают моральный облик раскрепощенной женщины при социализме, активно строящей коммунистическое общество.

Слава советским женщинам — активным строителям коммунизма!

Е. Алфимова

НА ГАЗЕТНОМ ФРОНТЕ

Алфимова Елена Константиновна родилась в 1906 году. Член КПСС с 1950 года. В 1925-ом пришла на работу в редакцию уральской «Крестьянской газеты». С тех пор по 1961 год Е. К. Алфимова находилась на ответственной газетной работе, главным образом в Свердловске.

К Дому крестьянина я подходила с замиранием сердца. В этом большом белом здании, фасад которого выходил на грязную екатеринбургскую Хлебную площадь, кое-где застроенную деревянными ларьками, помещалась редакция уральской областной «Крестьянской газеты». А я, 18-летняя девчонка, шла туда в поисках работы.

Накануне на бирже труда, куда я приходила безрезультатно отмечаться уже несколько недель (требовались люди рабочих профессий, а не канцелярского труда), я услышала, как пожилая женщина с неестественно черными бровями и прической из мелких кудряшек, поджимая губы, говорила соседке:

— Пришла я в «Крестьянскую газету». Слыхала, что там машинистка требуется. А мне — от ворот поворот. «Не нужна» — говорят. Да врут: просто им комсомолку

надо. Попробуйте вы сходить,— обратилась она вдруг ко мне.— Может, подойдете.

И вот я в Доме крестьянина. Просторный вестибюль. Светлые, чистые комнаты. Редакция помещалась на втором этаже.

Редактировал газету Федор Алексеевич Михайлов — высокий, сухощавый, очень подвижный человек. Гладкие черные волосы рассыпались на пробор вокруг его круглого молодого задорного лица.

— Так, так. Значит хотите работать у нас?— оглядывая меня быстрым взглядом, спрашивал он.— А как печатаете?

Печатала я неважно. Научилась стукать на машинке, когда работала делопроизводителем в губкоме комсомола и потом, пройдя квалификационную комиссию при бирже труда, получила документ, удостоверяющий, что я являюсь машинисткой второго разряда.

В ответ Михайлову я пробормотала что-то невнятное.

— Павел Петрович,— обратился редактор к вошедшему в кабинет пожилому человеку среднего роста с высоким лбом и широкой бородой, закрывавшей всю нижнюю часть лица.— Проверьте, пожалуйста, подойдет ли нам этот товарищ.

Вслед за Павлом Петровичем «товарищ» поплелся к старой разбитой машинке. От волнения не могла попасть бумагой в валик. А Павел Петрович вытащил откуда-то из-за пазухи своей коричневой толстовки большие старинные часы, положил их перед собой на столик и начал диктовать.

Пальцы беспомощно тыкались в клавиатуру машинки, попадая совсем не туда, куда нужно. А Павел Петрович подбадривал меня, я преодолевала строку за строкой.

И меня взяли!

С того мартовского дня 1925 года моя жизнь навсегда оказалась связанной с редакциями, с журналистикой.

Хороший, дружный коллектив был в «Крестьянке», как запросто называли «Крестьянскую газету». Все стремились сделать ее живее, доходчивее, интереснее.

Условия работы и сама газета резко отличались от теперешних. Ведь основным читателем был крестьянин-

единоличник, который ждал от газеты не только интересных сообщений, но которому нужна была от нее и конкретная польза. В штате редакции был агроном, и в газете регулярно печатались агрономические советы. Юрист давал пространные юридические консультации. А на четвертой странице часто помещался раешник, который писал заместитель редактора А. И. Поликашин. Приложением к газете выходили юмористические путешествия Никиты и Федота: «Как с Никитою Федот ездил в город на завод», как они летали на самолете и т. п.

Среди подписчиков газеты немало было крепких середняков и откровенных кулаков. Одним из активных подписчиков и «селькоров» был Чумаков из Щучанского района. Этот «селькор» имел много сельскохозяйственных машин и даже приобрел трактор «фордзон». А ведь тракторы в нашей стране вообще насчитывались тогда единицами. В годы коллективизации «фордзон» вместе с другими машинами Чумакова попал в колхоз.

Газета получала много писем. И все шли сначала к Павлу Петровичу Бажову, который заведовал отделом писем. В неизменной коричневой толстовке и заправленных в невысокие сапоги шароварах, с большой бородой, в которой уже тогда было немало седины, с острым взглядом из-под густых бровей, он очень импонировал крестьянам, приходившим в редакцию. В обстоятельном разговоре с ним легче развязывались языки, раскрывались души.

На всех письмах Павел Петрович ставил в правом углу шифр, по которому сразу определялся характер письма. Особо интересные сообщения, характеризующие положение в деревне, где говорилось о ростках нового или, наоборот, о засилии кулачества, о непорядках, отбирались и перепечатывались в десятке экземпляров. Они шли приложением к информационным письмам, которые Павел Петрович составлял ежемесячно на основании почты редакции. С обстоятельными выводами они направлялись руководителям партийных и советских организаций Уральской области, в которую входили теперешние Пермская, Челябинская, Курганская и Тюменская области.

Значительную часть редакционной почты составляли письма-вопросы: агрономические, юридические и, нако-

иец, вопросы обо всем: есть ли люди на луне, где купить гармонь, какие существуют средства для выведения веснушек и т. д. и т. п.

На вопросы «обо всем» отвечала Екатерина Ивановна Кремлевская — неутомимая женщина, обходившая десятки учреждений в поисках более точных ответов. Множество открыток с подробными ответами ежедневно отправлялись адресатам.

Коллективных хозяйств было тогда мало и то больше товарищества по совместной обработке земли — ТОЗы. Но насчитывалось и несколько сельхозкоммун, жизнью которых особенно интересовался Павел Петрович. Они были созданы на Урале еще в годы борьбы с белогвардейцами. Несколько раз ездил Бажов в коммуну «Скиемвар», Мехонского района. Странное название коммуны объяснялось тем, что оно составлено из первых букв фамилий организаторов коммуны. Позднее, в годы коллективизации, коммуна стала ядром сельхозартели, изменилось и ее название.

Бажова особенно интересовал быт коммунаров. Он знакомился с архивными материалами первых лет существования коммуны и находил там много занимательного, беседовал с людьми, в памяти которых были свежи первые шаги коллективизации. Например, в первые годы существования в коммуне был культотдел. В него входили драмкружок, изба-читальня и партячейка. А руководила культотделом беспартийная коммунарка.

Очень крепкой была и коммуна «Красные орлы» Катайского района. Там в одну из командировок пришлось побывать и мне. Членами ее состояло много бывших партизан, позднее красноармейцев полка «Красных орлов», участвовавших во взятии Перекопа. Подробно изучал жизнь коммуны и Иван Шухов — разъездной корреспондент «Крестьянки». Черты организаторов коммуны можно найти в образах героев его романов «Ненависть», «Горькая линия».

В 1930 году газета сменила название. Ее основным читателем стал уже не единоличник, а колхозник, поэтому стала она называться «Колхозный путь». Она должна была помочь молодым колхозам тверже стать на ноги. Много места отводилось организации труда в сельхозартелях, еще не имевших единого устава и на практике отыскивающих лучшие формы коллективного

хозяйствования. Проводилось немало различных рейдов, смотров работы отдельных профессий.

К тому времени и я уже оставила машинку и была литературным работником. Пришлось также часто ездить в командировки по колхозам и городам области. Очень интересной была командировка с выездной редакцией на хлебозаготовки в Шумихинский район. В этом хлебном районе Челябинской области сильное влияние имели еще кулаки, прятавшие хлеб. Вместе с сельскими активистами работники редакции ездили по деревням и селам, помогали отыскивать запрятанный хлеб, рассказывали о передовых сдатчиках.

За месяц выездная редакция выпустила несколько номеров четырехполоски. На мою долю выпало главным образом техническое оформление газеты. Ближайшая типографская база была в Челябинске, и приходилось с оригиналами ездить туда — быть корректором, выпускающим и экспедитором, отвозя весь тираж в Шумиху. А это довольно сложно. В годы коллективизации и строек первой пятилетки вся страна словно встала на колеса. Поезда и вокзалы были заполнены до отказа.

Много пришлось мне попутешествовать также по колхозам Больше-Сосновского района, участвуя в шумных собраниях, на которых решался важнейший для людских судеб вопрос — идти или нет в колхоз. Из одной деревеньки в другую приходилось топать пешком. И хотя стояли лютые февральские морозы, я предпочитала эти пешие походы. Расстояние между деревнями — три-четыре километра. Приятно идти по укатанной дороге, плутавшей по косогорам между заснеженными елями, которых много в районах Предуралья. На ходу можно спокойно поразмыслить над всем увиденным и услышанным.

Запомнилась и совсем другая поездка — в Магнитогорск. Пуск первой домны гиганта металлургии сначала намечался на 1 октября 1930 года. Приехала я на стройку в последних числах сентября. Первое, что поражало всех приезжающих — тысячи грабарок: двуколок, отвозящих землю из котлованов.

На стенках грабарок, на заборах, на трубах — везде слова: «Домну — в срок!» Люди сутками не уходили со строительных площадок. Все кипело, бурлило.

Рядом с заголовком газеты «Магнитогорский рабо-

чий» также стояло: «До пуска домны осталось столько-то дней».

Единственная гостиница — огромное для того времени четырехэтажное здание набито битком представителями разных организаций и предприятий столичных и иных городов. Здесь же корреспонденты всех центральных газет и журналов.

На мой вопрос о месте администратор только засмеялась:

— Видите, что делается.

В самом деле — в вестибюле, как на вокзале, сидели и лежали люди.

Пока я уныло стояла возле барьера, к администратору подошел за ключом немолодой мужчина.

— Вот тоже корреспондент, — кивнула она на меня.

— Подошедший оказался из «Крокодильской» бригады на Магнитострое.

— Если ненадолго, можем предоставить вам душ, — предложил он.

Мое недоумение быстро разъяснилось. «Крокодильская» бригада занимала «двойной» номер, состоящий из ванной и душевой комнат. Использовать их по прямому назначению казалось тогда слишком большой роскошью. В «душе» с трудом помещался пружинный матрац. Ни о какой другой мебели и говорить не приходилось. И то мне очень повезло.

Целые дни я проводила на лесах и площадках у домны, кауперов мартена, среди множества людей, от которых организовала письмо к крестьянской молодежи с призывом ехать на строительство Магнитки. А домна для строителей была родным детищем — «домнушкой».

Но домну тогда так и не пустили. Срок ее пуска был отодвинут на три месяца.

В редакции разъездным корреспондентом работал еще один будущий писатель (автор романа «Гангутцы» о героической обороне мыса Ханко) Володя Рудный. Этот сутуловатый худощавый паренек с копной русых кудрей, от которых голова казалась огромной, в неизменной шинели и больших кирзовых сапогах появлялся в редакции наездами. Сдав материал, он опять надолго исчезал, с большим интересом изучая колхозную жизнь Урала...

Огромным событием в жизни партии было очищение ее рядов от случайных людей, проникших туда в годы НЭПа. На многих собраниях я присутствовала, хотя и была беспартийной. На открытых собраниях каждый коммунист рассказывал свою биографию и отвечал на любой вопрос члена партии или беспартийного по поводу работы в прошлом и настоящем.

С волнением слушали все боевую биографию такого тихого на первый взгляд человека — Павла Петровича Бажова, активного участника борьбы за Советскую власть. Он посвятил свою жизнь и свой талант борьбе за лучшую жизнь для человека.

В конце 1932 года я рассталась с «Крестьянкой». В Свердловске стала выходить городская газета «Свердловский рабочий», и мне поручили освещать в ней жизнь пригородных колхозов, подсобных хозяйств и заниматься некоторыми другими вопросами.

После закрытия городской газеты — работа в «Уральском рабочем» под руководством Ликстанова. Требовательный к себе и другим, он в то же время умел очень понятно объяснить, как нужно исправить материал, чтобы он был наиболее доходчив и выразителен, и заставлял делать это самого автора, не работая за него.

Приношу ему информацию.

«Чтобы лучше обслужить население...» — читает Ликстанов начало. Губы его морщатся:

— Разве можно начинать заметку с придаточного предложения. Бери сразу быка за рога: «Вчера там-то открылся магазин». Две фразы о магазине. Потом... «это уже пятый магазин, вступивший в строй». Плохо. Ну, что за строй магазинов. Кроме того, учти. Поменьше слов: этот, тот. Почему не сказать просто: «С начала года свердловчане получили уже пять магазинов».

— И потом — покороче. Пусть каждая фраза дает какие-то новые сведения о предмете, о котором ты пишешь.

Так же придирчиво разбирал Ликстанов каждую фразу в репортаже, беседе.

А работалось с ним легко. И после подобной придирчивой консультации стыдно было придти с сырой заметкой.

Как-то летом 1933 года Ликстанов предложил мне командировку — лететь с агитсамолетом. В те дни

в Свердловске по примеру «Правды», начавшей сбор средств на эскадрилью самолетов имени Максима Горького, также решили провести несколько агитполетов по кольцевым маршрутам с посадкой в районных центрах и проведением коротких митингов. Я должна была лететь в первый рейс по маршруту: Свердловск — Красноуфимск — Сарапул — Пермь — Кунгур — Свердловск. Полет вдвоем с пилотом. Ведь основной силой на авиавооружении тогда находились «У-2». Летали еще мало. Тем интереснее казалась командировка.

Домой вернулись поздно вечером. Утром на другой день сдала материал, а на следующий день он уже был в газете.

Это была последняя командировка в «Уральском рабочем». Хотелось увидеть новые, мало известные края. Таким краем казался Казахстан, где только что проложили Турксиб. И я поехала в «Казахстанскую правду». Почти сразу пришлось переквалифицироваться на промышленную, главным образом, транспортную тематику. Сначала закрепили меня за Турксибом, где я побывала почти на каждой станции. Потом вообще работа разъездным корреспондентом — пришлось ездить в колхозы, на заводы.

...Вернулась в Свердловск через четыре с лишним года — в конце 1937-го. Сразу, конечно, в «Уральский рабочий». Невесело встретила меня редакция. Увидела всего два-три знакомых лица. Репрессии не прошли мимо областной газеты.

Приняли сначала на временную работу, затем временная работа в промышленном отделе перешла в постоянную. Опять командировки, рейды, организация авторского актива. Одна из памятных командировок — поездка с выездной редакцией на вагоностроительный завод в Нижний Тагил, где с трудом осваивался выпуск вагонов.

Огромный почти километровый цех. На конвейере по трем линиям рельс идет сборка крытых вагонов, полувагонов и платформ. Строился завод по последнему слову техники. Но рядом с техническими новинками уживалась допотопная кустарщина. Обо всех непорядках рассказывали рабочие в небольшом листке, который стал регулярно выпускаться выездной редакцией. Говорилось в нем и об опыте передовиков. Наиболее

интересное передавалось ежедневно в редакцию по телефону. Все это — обычная работа журналиста. Обычная, но интересная и захватывающая. Воочию видишь, как Родина набирает силы, становится все более мощной. Присутствуешь при рождении и росте новых предприятий, знакомишься с людьми самых интересных судеб.

За год до начала Великой Отечественной войны переехала в Среднюю Азию — в Самарканд. Там пришлось пробыть всю войну. Вместе с узбекскими хлопкоробами на обильном колхозном тое праздновала великую победу советского народа...

Только через 12 лет в 1952 году возвратилась на родной Урал — в коллектив, где почти все — новые люди, но где чувствуешь себя дома. Уж о чем-о чем, а о делах уральцев никогда не устанешь писать, — дела эти богатырские!

В. Майорова

В ЭТОМ СЧАСТЬЕ

Варвара Сергеевна Майорова родилась в 1903 году. Член КПСС с 1920 года. С 1920 года по 1937 год — на ответственной партийной работе. С 1940 года по настоящее время — директор учебного комбината Управления промышленности продовольственных товаров Свердловского облисполкома.

В 1920 году я вступила в большевистскую партию. Моя общественная работа началась в селе Бобровском, Ирбитского уезда, куда переехала семья. Там я начала работать среди молодежи и женщин. Помню свои волнения при первых выступлениях. Делала доклад в день 8 Марта на волостной конференции крестьянок. Очень хотелось как можно лучше рассказать женщинам о новой жизни и до глубины души обидно, что у самой-то знаний не хватало...

Дел было много: следовало привлечь женщин в кружки по ликвидации неграмотности, к работе в группах бедноты, к проведению продразверстки и пр. Только поздно вечером я садилась читать газеты, брошюры, чтобы потом лучше передать женщинам всю правду о Советской власти и ее задачах.

Местное кулачество пробилось в некоторые организации и всячески тормозило дело. Пришли слухи о кулацких восстаниях в Ишиме и Тюмени. С топорами в руках стояли мы в заставах за селом. Боялись, что

теперь наши крестьянки совсем уж откажутся от всякой общественной работы. Однако остались с нами активные женщины Кошелева, Гусева, Решетникова и другие. Вспоминаются их радостные и вместе с тем боязливые лица. Они передавали нам, в какой деревне может состояться собрание, а где его попытаются сорвать, где опасно.

В 1921 году мне пришлось работать в Ирбитском уездном земельном управлении. Почти все агрономы и ветеринары были из бывших белых офицеров, только что снявших золотые погоны. В этом окружении, да еще малосведущему, работать было нелегко.

В период новой экономической политики возникла необходимость вовлечь сельскохозяйственных рабочих-батраков в профессиональные союзы как классовые организации против кулачества. Вспоминаю, как я разъезжала по уезду и призывала батраков и батрачек вступать в свой союз. Союз Всеработземлес (работников земли и леса) быстро рос. Батраки понимали, что в нем они найдут опору. На первом окружном съезде союза в 1924 году присутствовало много батрачек. Выступать они не умели, но от души хлопали выступающим, а в перерывах пели старые заунывные песни и разучивали новые — боевые. А как они горько плакали на траурном митинге в день похорон великого Ленина, куда участники съезда пришли всем составом!

В 1924—1925 годах в Ирбитском округе не было ни одной деревни и села, где бы бывшие батрачки не стали активными делегатками, общественницами в сельсоветах, в кооперации, не выдвигались бы на руководящую сельскую и районную работу. Многие из них вступили в партию.

Работе с женщинами в деревне часто мешали предрассудки и суеверия, взгляд на женщину как на низшее существо. Больших трудов первое время стоило привлечь крестьянку на собрание. При проведении собраний для выборов делегаток обычно делили деревню по десятидворкам и каждый участок поручали одной-двум активисткам для агитации и индивидуальных бесед. Помню, в селе Шадрино, куда мы приехали с женорганизатором района Таней Костоусовой для проведения женского собрания, нас встречали мужики с батогами, покрывали отборной бранью.

Аппаратное совещание отдела работниц Уралобкома ВКП(б)
1930 год

Но новая жизнь все более увлекала женщин, и все большее их число становилось активными помощниками Советской власти. В 1926 году выборные делегатские собрания в Ирбите прошли очень успешно. Радостно было при посещении собраний слышать смело и по-деловому выступающих женщин, их ценные предложения.

Нельзя также забыть, как прошел день 8 Марта в 1927 году в городе Ирбите. К этому празднику приурочено было окружное совещание женщин-общественниц. Днем проходила манифестация делегаток с приехавшими на конференцию женщинами. К манифестации присоединились почти все женщины города. Театр не мог вместить даже половины всех желающих попасть на торжественное заседание. Какие замечательные речи произносили крестьянки, приехавшие из дальних районов!

От всей души добрым словом хочется вспомнить боевых подруг по работе среди женщин в городе Ирбите и округе: Е. З. Шамарину, Таню и Нюру Костоусовых, Зою Дробнину, Лызлову, Гусеву и других. Часто пешком ходили они, не взирая на погоду, по деревням, собирали женщин, беседовали с ними, звали их к новой жизни, воодушевляли на полезные дела, будили сознание. Они организовывали конференции, на которые за десятки километров приходили женщины, как на праздник, в своих лучших одеждах. В далеком северном Таборинском районе женщины приезжали на конференцию за 70—100 километров.

Индустриализация страны и социалистическое преобразование деревни потребовало подготовки квалифицированных кадров для промышленности и строительства, а на селе — знающих культуру сельского хозяйства и организаторов колхозного строя. Огромная работа была развернута женотделами совместно с профсоюзными организациями, чтобы тысячи и тысячи женщин встали к станку, пошли учиться на техников, на инженеров, агрономов, ветеринаров. Смело и успешно претворялись эти задачи в жизнь.

Большую роль сыграли женщины в перестройке деревни. Мне пришлось в 1930 году быть уполномоченным обкома партии в национальном Коми-Пермяцком округе по исправлению допущенных там ошибок при коллективизации. В одной из деревень Белоевского сельсовета

в течение двух вечеров и ночей проходило собрание. В результате кулацкой агитации и допущенных ошибок там начался массовый уход крестьян из сельскохозяйственной артели. Когда собравшимся основательно разъяснили, что такое колхоз, его преимущества для крестьян, бедняков и середняков, многие снова подали заявления о вступлении в колхоз. Вот тут и началась борьба. Заявления то брались обратно, то снова подавались. Кулаки пытались всячески запугать крестьян. В перерывах лучше всего можно было видеть настроения и борьбу, вмешиваться и давать разъяснения. Смелее были крестьянки, и особенно молодые, тяжело пережившие, что мужья и отцы не пускают в колхоз. Было немало случаев, когда жена оставалась в колхозе, а муж уходил. Несмотря на сопротивление кулацких элементов, колхоз устоял, и в этом была большая заслуга женщин.

Работа среди крестьянок-колхозниц особенно усилилась после создания политотделов при МТС. В составе политотделов предусматривался специальный работник среди женщин — помощник начальника политотдела. На эту должность были выдвинуты более опытные работники женотделов области, а также было прислано 30 человек из Москвы и Ленинграда.

В 1934 году в Уральской области насчитывалось свыше 130 политотделов МТС. С каким пылом взялись мы за новое дело. Старались найти новые, наилучшие формы работы, чтобы правильнее выполнить задачи, поставленные партией перед политотделами — укрепить колхозный строй. Работая помощником начальника политического сектора областного земельного управления, я имела постоянную связь со всеми политотделами. Характерно, что между нами мало было официальной бумажной переписки. Вся работа строилась на взаимных посещениях, советах, личных письмах, в которых просто по-товарищески высказывались мнения, передавался опыт, указывались ошибки.

Такое общение положительно сказывалось на работе. Выросла тяга колхозниц к сельскохозяйственным знаниям и технике, развернулась работа агрономических, ветеринарных кружков, шло выдвижение колхозниц на руководящую работу. Только по 13 МТС в 1934 году, то есть через год после создания политотделов, в агрокружках обучалось 2576 колхозниц, в кружках политучебы —

1904. Председателями колхозов выдвинуто 25 колхозниц, заместителями председателей — 17, бригадирами стали работать 264 колхозницы, звеньевыми — 726, заведующими фермами — 105 женщин.

Нельзя не упомянуть теплым словом замечательных женщин, которые работали тогда в политотделах, таких как тт. Филимонова, Стрелкова, Никулина, Нечаева, Обухова, Песнева, Кобякова, Ошмарина, Морозова, Чепчугова, Шубина. Много ими было положено труда и сил, чтобы привлечь массы колхозниц к активному участию в социалистическом строительстве.

...Шли годы, крепла страна, множились успехи советского народа. Теперь в СССР женщины играют огромную роль в народном хозяйстве страны, в городах и селах. В общем строю народа под руководством партии участвуют они в строительстве коммунизма.

В июне 1958 года Свердловский обком партии созвал областное совещание женщин-общественниц. На это совещание приехало много бывших работников среди женщин с посеребренными сединой головами.

Радостно, со слезами на глазах, встречались товарищи по работе, вспоминали свой путь. Когда эти седые женщины выходили на трибуну, голос их звучал, как и раньше, в годы становления Советской власти, смело и убежденно. И сейчас, несмотря на старость и болезни, они продолжают вести общественную работу. Это ли не лучший пример для нашей молодежи, что жизнь свою надо отдавать великому делу коммунизма. В этом счастье!

М. Шабурова

БОЛЬШАЯ СИЛА, ПРОБУЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Мария Александровна Шабурова родилась в 1902 году. Член КПСС с 1919 года. Трудовую деятельность начала с десятилетнего возраста: работала нянькой, судомойкой, чернорабочей. С 1920 до 1937 года — на партийной работе: инструктор по работе среди женщин, заведующая женотделом окружкома партии, заведующая женотделом Уралобкома партии, заведующая сектором работы среди женщин ЦК ВКП(б), член комиссии партийного контроля при ЦК партии. В 1937—1939 годах — народный комиссар социального обеспечения РСФСР. С 1941 по 1957 год — на ответственной работе в ВЦСПС. В настоящее время — персональный пенсионер. Награждена орденами «Знак почета» и Трудового Красного Знамени.

Первоочередная задача Коммунистической партии состояла в том, чтобы вовлечь широчайшие женские массы в борьбу за великие завоевания Октября, за переустройство жизни на новых социалистических началах. Организаторская и воспитательная работа среди женских масс особенно широко развернулась после I Всероссийского съезда работниц и крестьянок.

Среди многообразных форм политической работы среди женщин наиболее действенной являлись делегатские собрания. Ежегодные выборы делегаток проводились как массовая кампания, охватывали почти всю массу трудящихся женщин. Деятельность делегатских собраний становилась все более содержательной. Тысячами нитей они были связаны с партийными и советскими организациями, широко привлекались к прак-

тической советской, профсоюзной и кооперативной работе. С большой любовью делегатки помогали улучшать работу детских домов, организовывать ясли, школы, избы-читальни.

Вспоминаю, как мы, работники женотдела, при участии делегаток организовали в Кунгуре первый «дом младенца». Этот детский очаг был открыт в одном из купеческих особняков.

Тысячи грамотных делегаток работали культармейцами, они обучали неграмотных женщин и организовывали ликбезы, курсы, школы для взрослых.

В 1931 году на «Уралмедьстрое» было избрано 389 делегаток. Весь состав делегаток был прикреплен к различным культурно-бытовым учреждениям для практической работы. На производстве делегатки организовали 23 женские бригады, многие из них вскоре перешли на прогрессивную сдельщину, ежемесячно перевыполняли нормы выработки.

Особенно прославилась бригада делегатки Рокиной, она организовала два десятка женских бригад, развернула среди них соревнование за чистоту в бараках и общежитиях. Многие делегатки получили благодарность. 59 делегаток вступили в ряды партии, а 68 девушек — в комсомол.

Велика заслуга делегаток — беднячек и батрачек в борьбе за хлеб, за коллективизацию сельского хозяйства. Они помогали бороться с кулачеством, которое саботировало мероприятия Советской власти. Кулаки прятали зерно в ямы, заброшенные сырые колодцы, портили, гноили его, отказывались продавать хлеб государству. В 1927—1928 годах из-за кулацкого саботажа особенно отставал со сдачей хлеба Курганский округ. Все силы партийной организации были направлены в сельскохозяйственные районы округа. В деревнях района, где я работала уполномоченным окружкома партии, были привлечены к борьбе за хлеб женщины-делегатки.

Мы респределили их по пятидворкам. Кулаки не могли скрыть зерно от их острых глаз. Активистки находили огромные замаскированные ямы, наполненные зерном, нагружали хлеб на подводы и направляли женские обозы на курганский элеватор. Кулацкий саботаж был сломлен.

К СВЕДЕНИЮ ДЕЛЕГАТОК и ОРГАНИЗАТОРОВ ОТДЕЛА РАБОТНИЦ.

РОСПИСАНИЕ ДЕЛЕГАТСКИХ СОБРАНИЙ.

1. Общеделегатские собрания устраиваются 1 раз в 2 недели по ЧЕТВЕРГАМ в 6 час. вечера (о месте собрания об'является в газете)

2 Районные делегатские собрания устраиваются еженедельно.

1-й район—по СРЕДАМ в 8 ч. веч. в Доме Союзов.

2-й район—по СРЕДАМ в 5 ч веч. в клубе Ленина.

3-й район—по ПОНЕДЕЛЬНИКАМ в 6 час. веч. в клубе Вайнера.

4-й район—по ПОНЕДЕЛЬНИКАМ в 8 час. веч. в клубе Карла Маркса.

5-й район—по ПЯТНИЦАМ в 5 ч. веч. в клубе.

3. Заседание организаторов ячеек ЕЖЕНЕДЕЛЬНО по ВТОРНИКАМ в 8 час. вечера в Отделе Работниц.

Все делегаты и организаторы ячеек Отдела Работниц ОБЯЗАНЫ посещать собрания, устраиваемые Отделом, и давать отчет о них своим избирательницам.

Товарищи делегатки, запомните эти дни своих собраний и посещайте их.

Отдел Работниц при Губкоме Р. К. П.

Расписаиие делегатских собраиий по гор. Екатериибургу.

Во всех районах округа были организованы хлебные женские обозы по 30—50 подвод. Обозы сопровождались коммунистками или делегатками, впереди развевалось красное знамя с лозунгом: «Дадим хлеб Советскому государству».

Следуя примеру курганских крестьянок, во многих округах Урала стали широко привлекать к хлебозаготовкам женщин-делегаток. Коллективная сдача зерна путем организации хлебных женских обозов проходила в Ишимском, Челябинском, Ирбитском, Сарапульском и других округах.

Партийные организации добивались повышения трудовой и политической активности женщин в условиях ожесточенной классовой борьбы. Кулаки жестоко преследовали делегаток, подстрекали мужей «не давать воли бабам».

Кулацкая агитация особенно оживилась в первый период коллективизации. В селе Лопатках, Курганского округа, сын местного кулака убил активную делегатку-крестьянку Василису Федоровну Кайгородцеву. Василиса Федоровна была инициатором организации хлебных женских обозов и агитировала за колхозы. Она призывала крестьянок строить лучшую жизнь собственными руками, привлекала женщин к работе сельского совета и кооперации. В борьбе за новый быт делегатки были в первых рядах. Они сталкивались на каждом шагу со старым укладом жизни, преодолевая его, уверенно шли вперед к намеченной цели.

В селе Требушинном, Лопатинского района, Курганского округа, произошел такой случай. Активную, авторитетную делегатку Анну Ивановну Исакову избрали членом сельсовета, а затем и председателем. Она гордилась высоким доверием односельчан. Только муж ее не радовался этому выдвижению. Дома он поднял скандал, с кулаками набросился на жену. На собрании Чупинского сельсовета, Талицкого района, Тюменского округа, выбрали в совет, а затем председателем крестьянку-активистку Попову. Муж не хотел смириться с этим, избил ее и выгнал из дому. Такие факты имели место и в других районах области. Но женщины смело шли к новой жизни.

Годы первых пятилеток, гигантский размах строительства социализма вызвали огромную потребность

в рабочих кадрах. Во весь рост встал вопрос: из каких источников черпать эти кадры для строительства новых гигантов и реконструкции старых предприятий?

Одним из таких источников являлись женщины — домашние хозяйки, жены рабочих и домашняя прислуга. Использовать эти трудовые резервы стало задачей всех партийных организаций на местах, и в этом направлении проводилась многосторонняя работа не только работниками женотделов, но и профсоюзными и советскими организациями.

Вспоминается, как в 1929—1930 годах активно проходили собрания жен рабочих в Свердловске, в рабочих кварталах Верх-Исетского завода, в Надеждинске, Тагиле, Златоусте, Березниках и других городах Урала, посвященные первой пятилетке, индустриализации страны, перестройке сельского хозяйства. На этих собраниях женщины избирали комиссии, инициативные группы, которые проводили запись жен рабочих, желающих пойти на завод или стройку.

На женских делегатских собраниях горячо обсуждались вопросы пятилетки. Массовая работа среди женщин приняла больший размах, инициатива делегаток била ключом, на заводах и новостройках росло пополнение рабочих кадров за счет женщин.

На строительстве Уралмашзавода ощущался большой недостаток в рабочих кадрах. Парторганизация стройки совместно с профсоюзом и комсомолом сумела за один только год вовлечь в производство более 3500 женщин.

Жены рабочих Челябинска активно отозвались на призыв горкома партии пойти на строительство тракторного завода. Для стройки не хватало кирпича. И вот 1500 жен и дочерей рабочих изъявили желание работать на кирпичных заводах и других подсобных предприятиях, чтобы помочь своим трудом этой ударной стройке.

На Нижне-Тагильском металлургическом заводе из вновь принятых жен рабочих организовали женские бригады, в которых насчитывалось более 300 человек. Вначале они участвовали в переоборудовании литейного двора на старой домне, а затем приобрели различные квалификации и стали работать на станках.

На собраниях работницы с радостью рассказывали

о том, что они не отстают от своих мужей, живут новой жизнью, о которой раньше и не мечтали.

Применение женского труда в уральской промышленности из года в год увеличивалось благодаря внедрению новой техники, облегчающей физический труд. Двести тысяч женщин плечом к плечу с миллионной армией рабочих строили новые заводы и комбинаты, реконструировали действующие предприятия.

За годы первых пятилеток на Урале рождались новые города, которые не были еще нанесены на географическую карту. Первым таким городом был Магнитогорск.

Строительство Магнитогорского комбината было всенародным делом. На Урал со всех концов страны прибыли не только мужчины, но и женщины. Уже в 1931 году на Магнитострое было занято более 20 000 женщин, из них непосредственно на строительстве — 15 000. Много женщин отлично трудилось на монтаже сложного оборудования, на укладке огнеупора. Вспоминается работница Микова. Она приехала на Магнитку в 1930 году, работала каменщиком на строительстве коксовых печей, затем была бригадиром. Ее бригада завоевала на стройке добрую славу, неоднократно была премирована, а сама Микова награждена грамотой строителя Магнитки и значком ударника.

Одним из лучших организаторов женских бригад на Магнитке была работница-делегатка Бабкова. Ее знали все и любили за организаторские способности. «У Бабковой слова с делом крепко дружили»,— говорили о ней на стройке. Плотная, высокая женщина с обветренным лицом и зоркими, умными глазами умела вдохновить людей, перевоспитать их, приучить к твердой трудовой дисциплине.

Прошло немного времени с начала строительства Магнитки, и на пустом месте, в степи, по воле партии и народа был создан крупнейший в мире металлургический завод, вырос большой город. 31 января 1932 года первая магнитогорская домна дала чугун.

Мне, делегату XVII Всероссийской партийной конференции, особенно памятен этот день, когда председательствующий Михаил Иванович Калинин торжественно огласил полученную телеграмму из Магнитогорска: «Домна № 1 31 января в 9 часов 15 минут

задута». Этот рапорт магнитогорцев был встречен громом аплодисментов.

Одна за другой вступали в строй другие домны, мартены, коксовые батареи, прокатные станы. 14 мая 1933 года в Магнитогорске собралась двухтысячная конференция работниц, жен рабочих и специалистов, посвященная началу социалистического соревнования Магнитки и Кузнецка за первенство в выполнении планов пятилетки. В период этого соревнования партийные, советские и профсоюзные организации Урала сумели мобилизовать для строительства Урало-Кузнецкого комбината 400 тысяч женщин, многие из которых закреплялись на работе до окончания стройки.

За годы второй пятилетки роль женщины на производстве еще больше усилилась. Отошли в прошлое времена, когда женский труд использовался большей частью на второстепенных работах. Все больше женщин овладевает сложными профессиями.

Хочется рассказать об инициаторе одного патриотического движения в черной металлургии, хорошо известной в те годы на Урале первой женщине-сталеваре Татьяне Михайловне Ипполитовой. Работая на Магнитогорском заводе, она мечтала стать сталеваром, но ей категорически запретили, мотивируя тем, что мартеновская печь не женское дело.

— Первое время меня у печи заставляли мусор таскать, убирать площадку,— рассказывает Ипполитова,— иные на смех поднимали, а я говорила себе: «Нет, буду сталеваром! Добьюсь!»— Мастеру говорила: «Мусор убирать я с 13 лет умею, вы мне расскажите, как сталь варить».

Немало пришлось побороться Татьяне Михайловне за свое место у печи. Это была борьба не только за себя. Она понимала, что прокладывает дорогу другим женщинам за овладение ведущими профессиями в промышленности. В 1939 году т. Ипполитова участвовала на совещании в Наркомате, побывала на Московском заводе «Серп и Молот», на заводе «Электросталь», где увидела женщин, работающих в качестве сталеваров и кузнецов. У Татьяны Ипполитовой еще больше укрепилась вера в осуществление своей мечты быть сталеваром.

Вернувшись в Магнитогорск, Татьяна Михайловна

организовала женскую бригаду. Работницы-каменщицы мартеновского цеха с радостью согласились учиться и работать в бригаде сталеваров Сартакова, Ткаченко, Васильева, Галиненко. Наступил знаменательный день 2 января 1939 года, когда женская бригада сталеваров выпускала первую плавку. В цех пришли люди, и среди них главный инженер завода, начальник и мастера цеха. Они внимательно смотрели, как выпускает плавки первая женская бригада сталеваров. Когда ковш до краев был наполнен сталью, к Ипполитовой подошли рабочие и инженеры, пожали ей руки, поздравили с успехом. Двенадцать женщин Магнитогорского комбината последовали примеру Т. М. Ипполитовой, работали подручными сталеваров.

Активной работницей Магнитогорска была Марфа Ивановна Рожкова. На Магнитку она приехала из белорусского села 33-летней женщиной, неграмотной, неопытной, работала чернорабочей. В цехах она присматривалась, как другие женщины работали токарями, машинистами кранов, мотористами, электриками, сталеварами. Шли годы, расширялось предприятие, вместе с ним росла и Марфа Ивановна, из чернорабочей она стала оператором прокатного стана, научилась обслуживать одновременно две печи. Первое время любопытные приходили смотреть, как может одна женщина-оператор обслуживать две печи. Тов. Рожкова спокойно убеждала, что оператор тоже может работать по-новаторски, и доказала это на деле.

Развернулось соревнование среди девушек — молодых операторов, в результате звание «Лучший мастер своего дела» было присвоено десяти девушкам, которых обучала Марфа Ивановна. О себе Рожкова рассказывала мало и сухо. «Мой путь такой, как у многих, шла по ступенькам, училась на производстве, кончила курсы операторов, сдала государственный технический экзамен на «отлично». До учебы я работала с помощницей, освоив технику, стала работать одна на двух печах».

Новый гигант индустриализации — Челябинский тракторный завод — также широко привлекал женщин на свою стройку.

В 1934 году худенькая, молодая деревенская девушка Катя Орешкина поступила на завод в качестве чернорабочей. В цехе она внимательно присматривалась

к производству и мечтала стать станочницей. Вскоре задумка ее осуществилась, Катя перешла на фрезерный станок, отлично сдала гостехэкзамен и вскоре стала передовой производственницей. На шлифовальном станке при норме 4500 колец она обрабатывала от 12 до 20 тысяч колец в смену. Такие производственные успехи Кати Орешкиной являлись большим событием для механосборочного цеха. К ней приходили рабочие, работницы, мастера, чтобы узнать «секрет» такой высокой выработки. Е. Е. Орешкина добилась высокой выработки благодаря рационализации процесса производства — применению автоматической подачи поршневых колец. Она с большой охотой делилась своим опытом с молодыми рабочими, помогала им стать шлифовальщиками, чем заслужила большую любовь и уважение коллектива.

В 1938 году Екатерина Егоровна Орешкина, передовая производственница Челябинского тракторного завода, была избрана депутатом Верховного Совета РСФСР.

Многие женщины приходили на уральские заводы, не имея квалификации, часто малограмотными. Им помогали приобретать ту или иную специальность. Так было и на Уральском заводе тяжелого машиностроения. Уже в 1936 году среди модельщиков, фрезеровщиков, токарей, слесарей, электросварщиков, электромонтеров было немало женщин. Передовые производственницы обучали новичков. Так, в модельном цехе комсомолка Клава Борисова обучила работе на модельных станках более трех десятков человек. Работница Ольга Неустроева обучила работать на деревообделочных станках 37 новичков. Работницы быстро овладевали техникой. Например, Маргарита Маляева, пришедшая на завод в 1933 году, хорошо освоила зуборезный станок и вскоре значительно перекрыла его мощность.

В социалистическом соревновании, развернувшемся на предприятиях тяжелой индустрии Урала, родилось замечательное движение жен хозяйственников и инженерно-технических работников. На заводах и новостройках жены-общественницы руководили кружками по ликвидации неграмотности и малограмотности, шефствовали над детскими учреждениями, общежитиями ра-

бочих, школами, заботились об улучшении общественного питания и медицинского обслуживания.

Возникшее на уральских предприятиях, это движение распространилось по всей стране. В 1935 году на крупных предприятиях проводились конференции, собрания, совещания жен-общественниц. На них избирались советы жен, секции, инициативные группы. Эти общественные ячейки быстро обрастали многочисленным женским активом.

Большую общественную работу проводили жены специалистов в Нижнем Тагиле, Красноуральске, Златоусте, Надеждинске и на других предприятиях, что было отмечено Серго Орджоникидзе во время его пребывания на Урале. За инициативу, проявленную в организации движения жен хозяйственников и инженерно-технических работников по культурно-бытовому обслуживанию рабочих и служащих предприятий тяжелой промышленности, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР 13 мая 1936 года наградил орденами 40 женщин — инициаторов этого движения, в числе которых были жены хозяйственных руководителей крупных уральских заводов.

Приятно отметить, что и в наши дни в общественной жизни Урала женщины идут в первых рядах бойцов за коммунизм. Женские советы, организованные на предприятиях, стройках, в учреждениях, при домоуправлениях, вовлекают в самодеятельность широкие женские массы городов, их активность направлена на улучшение обслуживания людей, занятых на производстве.

Мобилизуя женщин на решение задач коммунистического строительства, партия и правительство способствовали всестороннему развитию и политическому росту работниц и крестьянок. Творческая активность женщин из года в год возрастала. Повышалась разносторонняя самодеятельность делегаток в городе и деревне, повышался удельный вес избранных женщин в партийных, советских, профсоюзных, кооперативных и других общественных организациях, росли ряды партии за счет женщин.

Руководствуясь указаниями Центрального Комитета, партийные организации Урала выдвинули на ответственную работу большое число женщин.

Старая большевичка А. Н. Бычкова была избрана

председателем Свердловского городского Совета, бывший работник среди женщин т. Виноградова — заместителем председателя Свердловского окрисполкома, бывшая заведующая Кунгурским женотделом т. Волкова была избрана секретарем Ирбитского райкома партии. Только в октябре — ноябре 1928 года в Уральской области на руководящую работу было выдвинуто до 500 женщин.

Интересна судьба крестьянки Анны Федоровны Кореневой, которая выросла из делегаток до председателя райисполкома и члена ВЦИК. Ее избрали председателем Мало-Куреинского сельсовета, потом несколько лет она работала председателем райисполкома в Варгашинском, Марийском и Оханском районах. В 1927 году от Курганской окружной конференции женщин Кореневу послали делегатом на II Всесоюзный женский съезд. Вскоре на Всероссийском съезде Советов ее избрали членом ВЦИК. Много лет Коренева работала в гуще крестьянских масс. В настоящее время она на пенсии.

Хочется сказать и о замечательных женщинах-коммунистках, которые вырастили целую плеяду замечательных работников. К таким организаторам-вожакам относится Анастасия Капичева, бывшая работница железнодорожных мастерских Мотовилихи. Это была коммунистка с большими организаторскими способностями, прекрасный оратор и пропагандист, простой, доступный человек, с которым можно было посоветоваться по любому вопросу.

Многое сделала для политического воспитания женщин Мария Михайловна Загуменных. У нее был большой опыт партийной подпольной работы с массами, она хорошо знала нужды и запросы трудящихся женщин, помогала нам, женорганизаторам окружкомов и райкомов, добрым словом и делом. К числу славных дочерей советского народа относятся такие активные работники партии среди женщин на Урале, как Анастасия Тормозова — первая заведующая женотделом Уральского областного комитета партии, Варвара Алексеевна Баташова — заведующая женотделом в городе Лысьве, Анна Никитична Маркова — заведующая Челябинским женотделом, Е. А. Бушманова, Т. О. Жуланова, Т. О. Голощапова, Ф. С. Бояршинова, О. Ильина, З. Гурина, М. П. Мартынова, П. С. Довнар и много других.

Сотни и тысячи женщин Урала под руководством партии повседневно вели упорную массовую политическую работу за претворение в жизнь великих заветов В. И. Ленина, чтобы женские массы добивались не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной, чтобы женщины-работницы все больше и больше принимали участие в управлении общественными предприятиями и в управлении государством.

Е. Бушманова

«О ТЕХ, КТО ПЕРВЫМИ ШАГАЛИ В СТРОЮ»

Евдокия Алексеевна Бушманова родилась в 1890 году. Член КПСС с 1919 года. С 1917 до 1958 года — на педагогической, советской и партийной работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

Осенью 1930 года Уралобком ВКП(б) рекомендовал меня на работу секретарем Куртамышского райкома партии Курганской области.

Признаюсь, не без волнения ехала я в глубинный район, расположенный в 50 километрах от железной дороги. Ведь небывалое дело: женщина — секретарь райкома партии!... Но коммунисты встретили меня радушно. Это ободрило меня и придало силы в борьбе за выполнение генеральной линии партии по коллективизации сельского хозяйства.

Куртамышский район — типичный сельскохозяйственный район — в то время имел значительную прослойку кулаков-торговцев, остатков недобитых врагов, белогвардейщины. В районном центре тогда было толь-

ко две кустарно-промысловые артели «Крестьянка» и «Пролетарий». В них-то и был весь наш рабочий класс.

Массовое колхозное движение в районе началось в 1929 году. Колхозы объединили уже 23,5 процента крестьянских хозяйств, и районная партийная организация поставила задачу — к весне 1932 года коллективизировать не менее 60 процентов хозяйств.

Коммунисты подняли на борьбу за новую жизнь все передовые слои района. Создали пропагандистские группы, ударные агитбригады, раскрепили их по сельсоветам, по населенным пунктам. В агитбригады включали коммунистов, комсомольцев, беспартийных активистов, женщин.

В то время в районе не было ни одной автомашины — ни легковой, ни грузовой, ездили на лошадях, но чаще всего «по образу пешего хождения». О машинах, тракторах пока только мечтали... Они пришли в деревню несколько позднее.

В 1930 году начался штурм старых устоев жизни в сельском хозяйстве. Родились новые колхозы, усилился приток в старые. Работали в трудных условиях ожесточенной классовой борьбы.

Я хочу рассказать «о тех, кто первыми шагали в строю тридцатых трудных лет», о тех с виду незаметных героях, самоотверженно отдававших свои силы великому делу партии Ленина. Это были сельские коммунисты, беспартийный актив колхозниц. Как живые встают они в памяти, эти люди с чистой совестью, с горячим сердцем.

При коллективизации сельские ячейки и райком партии опирались на батрацко-бедняцкие группы и делегатские собрания.

Бригады агитаторов и сельские партийные ячейки проводили собрания батрацко-бедняцких групп, общие собрания крестьян-единоличников, собрания женщин, молодежи по вопросам коллективизации, хлебозаготовок, мобилизации средств. Эти собрания давали положительные результаты. Создавался крепкий крестьянский актив в деревне, помощник партии во всех делах.

Помню, с какой злобой и ненавистью относилось кулачье к этим собраниям. В ходе коллективизации сельского хозяйства кулачье, предчувствуя свою гибель,

все больше наглело. Так, в деревне Ключики, где не было партячейки, кулаки заключили негласный черный договор: не допускать коллективизации. Они вели контрреволюционную агитацию против мероприятий партии и правительства, провоцировали середняков, распуская слухи, что если они войдут в колхозы, то через год их голенькими вычистят оттуда.

Помню, после собрания крестьян в деревне Кондаковке, расположенной рядом с Ключиками, ко мне подошел убеленный сединами старик-колхозник и, отведя меня в сторону, тихо сказал: «Ты, дитятко, не езди одна в Ключики... Там кулаки злобятся шибко, говорят, что приезжих по коллективизации у них есть чем угостить — обрезы сохранились».

И действительно, ключевские кулаки пытались терроризировать коммунистов-активистов.

В селе Таволжанском кулаки отравили 13 колхозных лошадей, в селе Обанино подожгли скирды колхозного хлеба, в Ярках — сено колхоза. Вели агитацию против сдачи хлеба государству и заготовки семян. В колхозе «Парижская Коммуна» был убит председатель сельхозартели т. Шушарин.

На основе роста колхозного движения в стране Коммунистическая партия и Советское правительство перешли от политики ограничения кулака к политике ликвидации кулачества как класса. Беднота и среднее крестьянство одобрили эту политику. По всем селам и деревням Куртамышского района проходили многолюдные собрания. В 1930 году общее собрание колхоза и актив бедноты в деревне Плоской по докладу коммуниста Ивана Васильевича Клевакина вынесло постановление о выселении кулаков из деревни.

Колхозники Балашов и Мазилов, выступая в прениях, заявили: «Советская власть правильно поступает, выселяя кулачье. До революции они держали нас в кабале. Выселить кулаков из деревни Плоской, как вредителей коллективизации. Они уничтожили сейчас весь свой рабочий и рогатый скот». На собрании было решено выселить из деревни Плоской шесть кулаков-торговцев кожаной обувью и мясом.

Аналогичные собрания были проведены во всех деревнях района. Кончилась власть мироедов в деревне. Свободно вздохнула беднота, бывшие батраки.

Активное участие в классовых битвах, в борьбе за новую, счастливую жизнь принимали женщины из районного и сельского партийного актива. Как живые встают они в памяти. Вот А. М. Родина — заведующая райженотделом, бывшая работница в кустарно-промысловой артели «Крестьянка». Имея трех малолетних детей, она по неделям бывала в колхозах, проводя делегатские собрания, собрания женщин-колхозниц, единоличниц. Ее горячие призывные речи будили крестьянок, активизировали их на борьбу за новую жизнь.

Вот Александра Петровна Померанцева, бывшая батрачка, в годы коллективизации — заместитель председателя сельсовета в деревне Пепелиной, впоследствии — инструктор райкома партии. Серьезная, вдумчивая, испытавшая всю тяжесть подневольного труда в кулацком хозяйстве, она положила много сил и здоровья на борьбу с кулачьем.

Екатерина Федоровна Тарунина, бывшая работница Обанинского маслозавода, в те годы уже инструктор райпотребсоюза. Екатерина Федоровна почти не выезжала из деревни. Ни одно из мероприятий райкома партии, связанных с работой среди женщин, с проведением хозяйственно-политических кампаний, не обходились без нее.

Мария Федоровна Уткина, заместитель председателя артели «Крестьянка», вела большую воспитательную работу среди девушек-кустарей, терпеливо прививая им новое, коммунистическое отношение к труду в артели. Фекла Петровна Малькова — простая и скромная женщина. 15 лет работала председателем Нижневского сельсовета, одной из первых вступила в колхоз. Она была всегда тесно связана с колхозниками, доярками, свинарками...

Помню и многих других женщин-коммунисток и беспартийных активисток.

Вспоминаю наших делегаток — этих простых, чудесных женщин... От души работали наши «бабоньки». В 1930—1931 годах было организовано 70 ударных женских бригад по хлебозаготовкам, коллективизации, мобилизации средств. Бригадирами были собраны значительные средства на оборону страны и постройку дирижабля. Делегатки Новомировского колхоза организовали три субботника по рубке дров и вырученные

деньги передали на организацию детских яслей в колхоз «Новый мир».

Делегатки и колхозницы активно участвовали в подготовке и проведении весеннего сева. Весной 1931 года 235 женщин объявили себя ударницами и работали пахарями, борноволоками, сеяльщиками. Не хватало рабочих лошадей в колхозах. Женщины обучали своих коров для пахоты и боронования, шили ярма. Работали по-ударному. Так, например, в колхозе «Парижская Коммуна» при вспашке простым плугом при норме 0,75 га вспахивали по гектару и больше.

Трактористка Куртамышской МТС Анна Нагаева систематически перевыполняла нормы выработки. Она вспахивали плугом, вместо 7 гектаров 8 гектаров, засевала по 24 га в смену.

Делегатские собрания поднимали активность женщин. В селе Язево общее собрание женщин, заслушав доклад коммунистки т. Березкиной, постановило: создать бригаду из передовых женщин по коллективизации. В бригаду вошли тт. Махова, Орлова, Малькова и другие. Они ходили по дворам, проводили индивидуальные и групповые беседы, вовлекая единоличников в колхозы. В селе Долговском на общем собрании женщин активистка Черепанова призывала записываться в колхоз. И многие пошли за ней.

В то время было особенно трудное положение с животноводством. Не хватало помещений для скота, кормов. Женщины-делегатки, члены сельсоветов, члены секций рабоче-крестьянской инспекции действовали наравне с мужчинами. Проводили обследование скотных дворов, участвовали в строительстве новых, по-хозяйски ухаживали за скотом. По инициативе женщин в Таволжанском колхозе был построен утепленный скотный двор.

Сотни женщин-колхозниц показывали замечательные образцы труда. В артели «Путь колхоза» телятницы Анна Шумакова, Федора Черепанова, Марфа Закоулова работали честно, по-хозяйски: в телятнике у них всегда была чистота, животные здоровые. В колхозе Нижневского сельсовета колхозница Маланья Рыжкова за год выработала 418 трудодней, сохранила все поголовье телят. В колхозе «Красная Армия» Елизавета Зубова, обслуживая стадо, сохранила все поголовье.

Так поступали в то время честные, передовые колхозницы. Но не все так трудились. Были среди женщин и лодыри и тунеядцы, которые заявляли: «Что нам работать? Нам готового хлеба не переесть».

Перед партячейками и сельсоветами вставала новая неотложная задача: борьба с лодырями, разгильдяями, борьба с бесхозяйственностью, за нового человека.

«ПО ПРИЗЫВУ ПАРТИИ»

Гликерия Маркеловна Филимонова родилась в 1891 году. Член КПСС с 1919 года. В 1919—1922 годах работала в селе Троица, Сергиевского района. В 1922—1924 годах работала в Перми, в женотделе. В дальнейшем была на ответственной партийной, советской и профсоюзной работе в Пермской, Свердловской и Челябинской областях.

Никогда не забудется тот радостный день, когда я, нищая, темная, забитая прислуга, дочь батрачки, услышала впервые слова правды. На собрании в селе Троица, Сергинского района, в волисполкоме выступал коммунист т. Пилюгин. Это было в 1919 году. От него я услышала слова, которые открыли мне глаза, зажгли мою душу и поставили меня в ряды борцов за великое дело народного счастья. Я скоро стала коммунисткой, и началась для меня новая жизнь, полная счастья и радости. Меня взяли на работу в волостной исполнительный комитет, в сектор социального обеспечения. Я начала учиться. Просиживала целые ночи напролет, читала книги, училась писать. Как я стремилась передать все, что я узнала, веками закрепощенной женщине-крестьянке, батрачке, работнице!

Как мне хотелось подняться самой, поднять всю

бедноту, весь народ на борьбу с вековыми угнетателями! Хотелось сделать поскорей что-то великое, полезное и благородное.

Великие идеи Коммунистической партии, учение Владимира Ильича Ленина, его золотые слова: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством»— воплощались в жизнь. Из батрачки, прислуги партия подняла меня на большую высоту. Мне пришлось быть впоследствии и председателем районного исполнительного комитета депутатов трудящихся, и первым секретарем районного комитета ВКП(б), и заведующей областным отделом социального обеспечения, и заместителем начальника политотдела МТС.

Партия меня вырастила и поручала мне ответственные участки работы.

Вспоминаются мои первые шаги по работе среди женщин в селе Троице, Сергинского района. Первый доклад я делала на тему: «Что дала Советская власть женщине-крестьянке». Еще задолго до собрания я обошла все село, побывала почти в каждом доме, приглашала на женское собрание. Очень было трудно уговаривать женщин, но все же они пришли. В народном доме собралось 55—60 женщин, были старые и молодые, беднячки и середнячки. Пришло и несколько мужчин.

Трудно в то время было поднять женщин, но, несмотря ни на какие трудности, я упорно проводила ту работу среди женщин, которую мне поручала партия. Я сагитировала женщин организовать красный обоз по вывозке хлеба. С красными флагами, с песнями выехали мы из села Троица и направились на станцию Сылва. Впереди шагала я, а со мной рядом беднячки — Надежда Куфанина, Наталья Рудакова и Настя Худякова. Сколько еще было организовано таких обозов и все по инициативе и при активном участии женщин!

Борьба за хлеб была такой же ожесточенной, как и на фронте. Хлеба у кулаков было много, но они его прятали, гноили, сжигали. Ценой человеческих жертв приходилось нередко расплачиваться за хлеб. Так зверски был убит кулаками председатель Троицкого волисполкома Кузьма Васильевич Горяев. Но, не страшась смертельной опасности, женщины-активистки помогали Советской власти изымать хлебные излишки у кулаков.

Проводили мы и красные посиделки. Собирались либо у Надежды Куфаниной, либо у Рудаковой, а чаще у Тархановых. Приходили женщины с ребятишками, кто нитки сучит, кто рукавичку вяжет, другие так сидят, а я им книжку читаю или рассказываю о Советской власти, о Красной Армии, как борется пролетариат за восстановление разрушенного народного хозяйства.

Слушают, головами кивают, часто раздается тяжелый вздох. Иногда пройдешься по избе, притопнешь ногой, песенку затянешь, и польется русская народная, а то и революционная песня.

На одной из таких посиделок договорились помочь Куфониной вдове, у которой было шестеро детей, а муж погиб на гражданской войне. Решили дров ей подвезти, так как лошади у нее не было. Договорились помочь еще одной беднячке — Евдокии Горяевой. На следующий день взяли две лошади, топоры, пилы и поехали в лес. Там мы напилили, накололи дров, сложили на сани и повезли обоим по возу дров. После такой помощи женщины еще активнее стали принимать участие в общественной работе.

Бывали и такие случаи, что мужья уводили своих жен с посиделок. Кулаки и подкулачники ругали Советскую власть, а нас, коммунистов, обещали убрать с дороги, чтобы «не мутили». Но, несмотря ни на что, женщины активно участвовали во всех мероприятиях, проводимых партией.

В организации посиделок, субботников, спектаклей нам помогали Валентина Ивановна Кожина, беспартийная телефонистка, Анна Михайловна Тарханова и Мария Сергеевна Каргапольцева — учительница, беспартийные Николай Андреевич Калашников — учитель и его жена Настя Худякова и другие. На вырученные от спектакля деньги мы покупали книги для бедных учеников, мануфактуру для детских ясель, устраивали угощение для учащихся.

Особенно хочется мне рассказать о работе в 1929—1934 годах.

Ожесточенная классовая борьба происходила в период коллективизации. Кулаки в это время срывали наши собрания, поджигали хлеб, угоняли скот, ломали, уничтожали сельхозинвентарь, устраивали покушения на жизнь руководящих работников района и активистов-

бедняков. В Очерском районе было убито несколько бедняков, да и сама я не раз подвергалась кулацким нападениям. Я тогда работала председателем Очерского районного исполнительного комитета, организовала женский актив, который оказал огромную помощь в период коллективизации. Женщины, не страшась за свою жизнь, активно помогали проводить собрания, агитировали за колхозы.

В дальнейшем при укреплении колхозного строя и создании машинно-тракторных станций мне пришлось работать заместителем начальника политотдела по работе среди женщин в Дубровской МТС, Усть-Уйского района, Уральской области. Здесь мы организовали первые курсы трактористов, привлекли на них вместе с парнями пять девушек, в том числе одну татарку — Юнусову. Она первая из женщин села за руль трактора. Когда Юнусова повела трактор в поле, все женщины деревни Матвеевки вышли смотреть, как она управляет трактором. Это было большим событием в жизни колхоза. Большую организованность, способность и смекалку показали женщины-трактористки во время вспашки полей. Некоторые из них далеко обогнали своих товарищей-трактористов. Особенно хорошо трудились трактористки тт. Юнусова, Свиридова и другие.

Активное участие принимали женщины в организации детского сада и яслей. Особенно много сделали жены работников политотдела тт. Преснецева, Ситникова, Ухова, Попкова. При их участии мы организовали детский сад при МТС на 40 детей. Его женщины целиком оборудовали сами. Устраивали субботники, мыли, белили, шили белье, доставали оборудование. Заведующей и воспитателями работали тт. Преснецева, Ухова, Попкова.

Мне пришлось также организовывать детские ясли в татарском колхозе «Яна-Юл». Этот колхоз был очень бедный. Для того чтобы женщины могли участвовать в колхозном производстве, необходимо было открыть ясли.

С большим трудом достала я несколько кусков ситца, сатина, холстины, два куска тика. А как пошить белье, если во всем колхозе не имелось швейной машины?! Опять помогли женщины политотдела. Они привезли швейную машину, покроили и пошили все

необходимое. Подыскали подходящий дом — избу, побелили, помыли, достали инвентарь, подготовили к открытию ясли. Собрали детишек, помыли их, постригли, одели.

День открытия детских яслей был большим праздником в колхозе. Собрались все: и старые и малые, даже самые дряхлые старики. Когда колхозницы увидели чистое помещение, кроватки-раскидушки с белоснежными постельками, увидели своих детей в новых платьицах и костюмчиках, они первое время стояли в каком-то оцепенении, не произнося ни одного слова. И такая беспредельная радость была в их глазах, что трудно передать.

Когда я пишу эти строки, я вновь переживаю то волнение, которое овладело мной в этот праздничный для колхозниц-татарок день.

Наши советские женщины по призыву партии проводили огромную работу по восстановлению разрушенного народного хозяйства, по укреплению колхозного строя. Они и сейчас с неутомимой энергией твердой поступью вместе со всем народом идут по пути, начертанному великим Лениным,— к коммунизму.

А. Армянинова

ЖЕНЩИНЫ-РАБОТНИЦЫ ПРИОБРЕТАЛИ КВАЛИФИКАЦИЮ

Анна Андреевна Армянинова родилась в 1898 году в семье крестьянина. В 1916 году окончила учительскую школу, но работу по специальности не могла получить и жила случайными заработками. В 1919 году служила в Красной Армии. С 1929 по 1954 год — на учебе, педагогической и партийной работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

...Миновали тяжелые годы гражданской войны. Страна уверенным шагом шла по пути восстановления народного хозяйства. Развивалась и крепла промышленность, усиливался приток женщин на производство. На Лысьвенском заводе к пуску 14 новых печей в эмалировочном цехе стали готовить квалифицированные кадры. Для теоретической подготовки организовали школу, где обучалось 40 работниц. В ведерном цехе для повышения квалификации женщин применялась система индивидуального обучения.

Для повышения политической грамотности и общего развития делегаток женотдел организовал школы политграмоты по программе отдела работниц ЦК партии. В них обучалось 150 делегаток. 32 делегатки посещали общие школы политграмоты нормального и сокращенного типа, часть делегаток училась в школах ликбеза.

По инициативе женотдела впервые на Урале организовался кружок работниц и жен рабочих по физкультуре и спорту. Пишущая эти строки — тоже участница кружка. Вначале женщины стеснялись, как это они будут заниматься в шароварах? Специально собрались и выбрали для занятий костюм. Решили всем сшить белые кофточки и синие сатиновые трусы, заниматься в тапочках, без головных повязок. Руководителем у нас был молодой работник физкультуры комсомольского клуба Саша Суворов. Он очень гордился тем, что руководит кружком взрослых женщин.

Во время физкультурного парада в Лысьве в 1925 году мы шли в первой колонне, маршируя под духовой оркестр. Наш кружок вскоре завоевал симпатию и стал быстро расти.

Райком партии уделял большое внимание интернациональному воспитанию женщин. В 1923 году в связи с поражением революции в Германии в большинстве цехов заводов проводились вечера с докладами: «Международное женское движение и братская помощь работниц Советского Союза». На этих вечерах работницы и рабочие проводили денежные отчисления от заработка в помощь детям германских рабочих. Только за один месяц на вечерах было собрано 300 рублей золотом. По подписным листам собрано 76 пудов хлеба в помощь детям Германии.

Осенью 1924 года в цехах проводились доклады о деятельности МОПР, о его значении и задачах. Наши работницы принимали горячее участие в этой кампании и более пятисот из них вступили в МОПР. Делегатки также вступили в «Лигу помощи детям германских рабочих» и отчислили двухчасовую зарплату.

Большую работу в организациях МОПР вела Агриппина Пудовна Ярыгина, член партии, работница дорожно-дворового цеха. Она выступала с отчетами на многих собраниях, собирала средства. Ее в городе все знали и относились к ней с большим уважением.

В 1925 году лысьвенские работницы получили письмо от румынских коммунистов и послали им трогательный ответ: «Замурованным в каменные мешки буржуазных тюрем шлют работницы и домашние хозяйки города Лысьвы свой пламенный пролетарский привет...», и далее в письме говорилось: «Мужайтесь, сестры, бо-

ритесь стойко за освобождение всего человечества от ига капитализма».

Письмо румынских коммунистов и ответ лысьвенских работниц читали в каждом цехе, и всюду высказывалось одобрение укреплению интернациональных связей.

Партийные организации повседневно вели работу среди женщин-мусульманок. Для этой цели Пермским губженотделом в Лысьву была послана женорганизатор Насырова.

В день 1 Мая 1921 года был проведен митинг женщин-мусульманок. Вскоре состоялись выборы делегатки на Вторую конференцию женщин Востока. Не оставались без внимания и работницы-татарки на лесозаготовках.

Большинство татарских семей жили в поселке имени Ленина в бараках. До открытия клуба собирались в казармах, в коридоре или даже в общей кухне. Женщины обычно приходили с детьми, их негде было оставить, тут и грудные, и дошкольники, и подростки. Женщины-татарки на собрания, вечера, лекции приходили очень охотно.

После Насыровой в 1924—1926 годах работу вела Камалова, тоже татарка, политически подготовленная, член партии. Она была библиотекарем, зарабатывала очень мало, имела сама маленького ребенка. С мужем они посменно оставались дома с ребенком. Жила в центре города, но ежедневно ходила за несколько километров в поселок. Среди женщин-татарок она работала очень добросовестно, с любовью. Вспоминаю, как она радовалась каждому успеху женщин. Жаль, что я не знаю, где она теперь.

Активные и наиболее авторитетные женщины-татарки избирались членами райисполкома, заседателями нарсуда, членами родительского совета школы, посылались на районные и окружные конференции.

В 1925 году Лысьвенский женотдел стал практиковать посиделки. На первый вечер явилось 57 женщин. Принесли пряжу, вязанье, кружева, а некоторые взяли шитье. На посиделках были прочитаны статья о жизни женщин Востока, веселый рассказ, затем запели песни, начались танцы, игры. Настроение присутствующих было очень хорошее.

Посиделки обычно у нас проводились в воскресенье вечером, в зимнее время, два раза в месяц, иногда чаще. Делегатки брали на себя обязанность привести с собой несколько новых женщин. Все приходили с вязаньем, вышиванием, с пряжей. В зал собиралось столько, что он не вмещал всех, коридор был также полон. 150—200 человек, неизменно! На посиделках читались доклады: «Международное положение Советского Союза», «Положение женщин в капиталистических странах» и другие. Затем следовали выступления участниц вечера, пение, декламация, рассказы, шутки.

Помню, Катя Шабалина — профорганизатор металлистов при завкоме — хорошо читала стихотворения Некрасова, Демьяна Бедного, комические рассказы на антирелигиозные темы. Баянист у нас был свой — работница металлургического завода Женя (забыла ее фамилию). Играла она хорошо частушки, народные песни, а также классические произведения.

Раз приехали на посиделки работницы-лесорубы. Одна из них, молоденькая девушка, декламировала, затем пела частушки о том, как живут ее подружки, оставшиеся в Лысьве. Одну из них она «едко задела» за то, что та тайком повенчалась в церкви. Организатор среди женщин-лесорубов Валя Ведерникова прочитала стихотворение «Изба-читальня». Оно было помещено в Пермской газете «Звезда» 23 февраля 1924 года.

Через посиделки многие женщины стали общественницами, кое-кто из домашних хозяек пошли работать на завод, на новостройки, приобрели профессию...

В те годы в народном доме Лысьвы нередко устраивались «революционные крестины». Припоминаю один такой праздник. Народу битком набито. «Кум и кума» на «крестинах» были знакомые мне рабочий и работница. Оба они говорили о больших обязанностях по воспитанию детей в коммунистическом духе. Рабочие цеха заявили, что ребенка считают членом своего коллектива.

В январе 1924 года справили две комсомольские свадьбы. На эти свадьбы собралось больше 2000 человек. Празднование прошло очень торжественно, и народу понравилось. Ежегодно в ночь христианской «пасхи» в городском театре устраивались «комсомольские пасхи». Заблаговременно всюду вывешивались яркие объ-

явления, а в цехах велись беседы на антирелигиозные темы. В пасхальную ночь в окнах театра долго горели разноцветные огни. Около зданий зажигались костры. Актив коммунистов во главе с секретарем райкома партии т. Масленниковым всегда бывал на этих вечерах.

Ярко и нарядно выглядел завод в дни Октябрьских праздников. В цехах развешаны полотнища с лозунгами: «Да здравствует Великий Октябрь, принесший освобождение женщинам от рабства!», «Женщины-работницы, поднимайте производительность труда!», «Под знаменем Ленина вперед, к победе!» «Работницы, беспощадно боритесь с браком!» На торжественные вечера всегда собиралось много людей.

В Лысьве умели работать и умели отдыхать. На летнее время вся физкультурная работа выносилась на воздух, в сад, на пруд, на песок. В парке два раза в неделю устраивались бесплатные гулянья. Каждое воскресенье проводились прогулки, катания на пруду к мысу «Сокол». Прогулки проходили очень оживленно.

Трудно было партийной организации растить работниц для государственной деятельности. На пути стояло много препятствий, из них главное — неграмотность. Но, несмотря на это, райком смело выдвигал женщин на партийную, советскую и хозяйственную работу, и они с честью оправдывали доверие партии.

Много можно привести примеров: Анастасия Петровна Лушникова училась в начальной школе только один год. Работая лекальщицей на заводе, она вступила в ряды партии. Была избрана женорганизатором цеха, членом облпрофсовета. В 1926 году без отрыва от производства окончила районную партийную школу и вскоре была послана на курсы красных директоров... Шесть лет работала Лушникова помощником директора Лысьвенского завода. В 1934 году по решению Свердловского обкома партии направлена в политотдел Ирбитского района. Сейчас Лушникова на пенсии.

У Анны Леонтьевны Шубиной, работницы эмалировочного цеха, муж погиб на гражданской войне, и она осталась одна с двумя детьми. Очень тяжело пришлось ей. В 1919 году вступила в партию, выполняла различные поручения партийной организации. Делегатка, женорганизатор цеха. Затем ее выдвинули на руководящую

профсоюзную работу. В 1934 году была направлена на работу в политотдел Талицкой МТС.

Екатерина Георгиевна Корюкина — работница ведерного цеха, член партии с 1919 года. Ликвидировала свою неграмотность в 1925 году, будучи уже избранной в члены ВЦИК. От цехового женорганизатора до члена правительства — такой был путь этой женщины.

Сотни работниц приобретали квалификацию токарей, фрезеровщиков. Большая часть из них впоследствии была послана на новостройки. Так, работница лудильного цеха Лена Шадрина со своими подругами в 1930 году закончила курсы фрезеровщиков и была направлена на Уралмашстрой, где работала много лет, пока не ушла на пенсию.

Лысьвенские женщины вложили большую долю своего труда в строительство нового, коммунистического общества. Они горды успехами, достигнутыми Родиной в борьбе за торжество ленинских идей.

Уральская женская делегация иа VI Всесоюзном съезде Советов с руководителями партии и правительства. 1931 год.

Е. Никулина

ЛОМАЯ СОПРОТИВЛЕНИЕ КУЛАКОВ

Елизавета Алексеевна Никулина родилась в 1893 году. Член КПСС с 1920 года. Участница гражданской войны. Длительное время работала райженорганизатором и на другой партийной работе. С 1951 года — персональный пенсионер.

В октябре 1919 года меня демобилизовали из армии. Сначала я работала в Чрезвычайной Комиссии, а потом меня направили в Новопаинский (ныне Ленинский) район, Пермской губернии, на работу райженорганизатором.

Трудный это был район. В 1920 году в нем еще орудовала банда Бородулина. Год был тяжелый: разруха, голод. Много сил пришлось потратить на организацию делегатских собраний, которые сыграли большую роль в строительстве новой жизни.

Делегатки активно взялись за работу и в первую очередь стали помогать в борьбе с бандитами. В это время в район для ликвидации банды прибыл отряд чекистов, которому удалось изловить около 40 бандитов, но самого Бородулина не поймали. Делегатки из села Абатуровского сообщили, что Бородулин находится на

мельнице, у своего дяди. Коммунисты и комсомольцы быстро собрались и поехали по разным дорогам к мельнице. Бородулин пытался бежать, но был ранен. Его схватили, привели в ЧК и посадили в голбец, откуда ему удалось бежать. В конце концов при перестрелке он был убит.

Серьезное внимание делегатки уделяли борьбе с детской беспризорностью. В наш район прибыло много детей. У большинства из них родители погибли на войне или от голода и болезней. Делегатки решили организовать детский дом. Нашли большое пустующее здание, привели его в порядок. Старики сделали топчаны, табуретки, делегатки разыскали несколько кроватей, сшили детям белье, потом стали собирать по селам продукты. Пермский отдел народного образования выделил мануфактуру и обувь, уездный отдел народного образования взял детдом на свое снабжение.

В 1924 году я работала в Пермско-Ильинском районе. Началась кампания выборов в местные Советы. Делегатки приняли в ней самое активное участие. Многие женщины были избраны в местные Советы. В Сретенском избрали Анастасию Симакову председателем сельсовета. На этом посту она проработала 6 лет. Сретенский сельсовет был в числе передовых.

В годы первой пятилетки по воле партии я оказалась на Уралмашстрое, работала в парткоме массовиком, а затем — заведующей женсектором.

Женщины-строители жили сначала в плохих условиях. Бараки были сделаны на скорую руку, кругом продувало, но, несмотря на это, женщины работали с энтузиазмом. Можно привести такой пример. Бригада Анны Макшаковой сначала была чернорабочей, потом члены бригады стали учиться штукатурному мастерству и занимались в ликбезе. В бригаде было 50 человек, из которых лишь только двое не хотели учиться. Бригада потребовала: «Раз не хотите учиться, переходите в другой коллектив, а наш не позорьте». Женщинам жаль было расставаться со своими товарищами, и они стали учиться. Овладев техникой, бригада т. Макшаковой весной 1932 года перешла на штукатурные работы на электроотопительной станции. При температуре выше 60 градусов жары бригада штукатурила машинное отделение и ежедневно перевыполняла норму.

Даже мужчины, имеющие многолетнюю практику, не дерзнули взяться за эту работу, а героические женщины, бросив всем дерзкий вызов, одержали победу.

Делегатки-домохозяйки помогали в строительстве детских яслей, детсадов и других объектов. В общем, женщины Уралмашстроя принимали самое горячее участие в выполнении первой пятилетки.

В 1932 году меня направили на работу в партком Челябинского тракторного завода. Там уже делегатские собрания работали хорошо. Готовились к пуску завода, обучали трактористов, которые должны были выехать в этот день на новых тракторах. На праздник пуска завода приехал М. И. Калинин. Выступая на митинге, он похвалил тракторы и особенно тех, кто их делает.

Из женщин — строителей Челябинского тракторного завода — многие стали квалифицированными работницами. Например, Александрова стала работать в инструментальном цехе револьверщицей, Алексеева — фрезеровщицей, Горбачева — токарем. Девушки были инициаторами соревнования, у них на станках за перевыполнение планов всегда были красные флажки.

На тракторном заводе я проработала недолго. В конце августа меня командировали в политотдел Очерской МТС помощником начальника по женработе.

Сначала было трудновато. В деревнях оставались еще подкулачники, которые вели агитацию против колхозов, разлагали крестьян.

Очерская МТС имела мало тракторов, а комбайнов совсем не было. Применялся больше ручной труд, кадры трактористов были слабые, и машины часто выходили из строя. Пришлось в первую очередь укреплять колхозные кадры, выдвигать женщин-активисток в правление колхозов, бригадирами, звеньевыми. Две женщины были выдвинуты председателями колхозов. Они были передовыми на своих участках и скоро показали, что женщина на селе может выполнять любое дело.

А подкулачники вредили на каждом шагу. Они пролезали на теплые места: кладовщиками, конюхами, учетчиками. Конюхи не кормили лошадей, били их проволочными плетками, кладовщики расхищали семенной материал.

Однажды я пошла по колхозам проверять, как готовятся к севу. По дороге встретилась бушующая речка.

Через мост можно было пройти с трудом. Вдруг мне преграждают путь двое мужчин: «Что, агитируешь колхозников на гибель земли?.. Ничего у вас не выйдет, все погибнет». Я им ответила: «Цыплят по осени считают, тогда увидим». Они, не долго думая, столкнули меня в ледяную реку. Я с трудом выбралась, а они ушли в другую сторону.

Впоследствии оказалось, что это раскулаченные убежали из ссылки, ходят по полям и деревням и говорят, что скоро все вернутся домой и будет конец Советской власти. Задержать этих кулаков удалось только в конце лета.

Были и другие случаи проявления кулацкой мести. Ехали мы как-то на грузовой машине. Пассажиров было человек 15, в том числе два работника обкома партии. Сначала все шло благополучно, потом шофер стал умышленно увеличивать скорость и свалил машину в канаву. Многие получили ушибы, а два человека умерло. Я оказалась под машиной вся в бензине, а спина была в крови — содрана кожа. Сначала я не чувствовала боли, а потом заболела. Шофер скрылся в лесу. Пришлось пролежать в больнице. С тех пор здоровье мое сильно пошатнулось.

В 1936 году я серьезно заболела и после длительного лечения была направлена на работу в Свердловск. Здесь я работала секретарем низовых партийных организаций в различных учреждениях. Свой трудовой путь закончила, работая библиотекарем в парткабинете Верх-Исетского завода.

М. Стрелкова

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Мария Алексеевна Стрелкова родилась в 1894 году, в семье крестьянина-бедняка. С одиннадцати лет работала по найму. Член КПСС с 1920 года. Длительное время работала на ответственной профсоюзной работе, в женотделах и политотделах. С 1949 года — персональный пенсионер.

На губернской конференции в 1920 году я была избрана делегатом на Всероссийский съезд профсоюза работников швейной промышленности. Съезд проходил в Доме Союзов в Москве.

Делегаты съезда интересовались не только своими профессиональными вопросами, но и тем, как кормят рабочих в Москве, так как годы были голодные. Съезд выделил из делегатов комиссию по проверке столовых, в которой участвовала и я. Комиссия поручила мне доложить съезду о результатах проверки.

В докладе я отметила, что питание в некоторых столовых Москвы организовано хуже, чем в нашей Уфимской губернии. В это время в зале появился Владимир Ильич Ленин. Проходя мимо трибуны, Владимир Ильич заметил, что я оробела, и сказал: «Продолжайте»,— а сам прошел в президиум. Когда я закончила свое

выступление, Владимир Ильич пригласил меня сесть рядом и спросил, из какой я губернии и как нам удалось улучшить питание в рабочих столовых. Я рассказала, что мы при каждом заводе, учреждении организовали коллективные огороды, сажали картофель, капусту и другие овощи. Владимир Ильич подчеркнул, что опыт создания общественных огородов заслуживает большого внимания.

Владимир Ильич расспрашивал, как женщины участвуют в общественной работе, как трудятся на производстве, интересовался их бытом, как проходит работа ликбезов, много ли обучается женщин.

Во время речи Владимира Ильича в зале была абсолютная тишина, все слушали с большим вниманием. С тех пор прошло более сорока лет, но на всю жизнь в моей памяти останется прекрасный образ нашего дорогого Ильича.

С первых дней создания женотделов я работала в их коллективах. По заданию областного комитета партии мы провели районные, а потом и губернскую конференции женщин. В Уфимской губернии большинство населения — башкиры и татары. На конференцию женщин башкирки и татарки приехали с грудными ребятами. Мы организовали детскую комнату, обслуживали ее специально выделенные делегатки. Но, несмотря на это, многие женщины пришли в зал заседаний с детьми. Кормят ребенка, а сами слушают, что говорят со сцены делегатки...

В 1934 году проводилась чистка рядов партии. Меня выделили в комиссию по чистке.

В Шадринском округе комиссия встретилась с таким фактом. Чистку проходил бывший председатель колхоза Максимов. Одна старушка рассказала на собрании, что во время кулацкого восстания партийные и советские работники села обманным путем были вызваны в сельсовет. Когда они собрались (их было 17 человек), бандиты закрыли двери и окна ставнями и зажгли дом. Все находившиеся там погибли.

— Мой Саша-сынок, — говорила старушка, — тоже сгорел в этом доме. Он был комсомольцем и председателем сельсовета. И я видела собственными глазами, когда закрывали двери и окна, то Максимов носил солому и клал ее вокруг дома, потом дом подожгли. А Максимов

пробрался в партию и сделался председателем колхоза.

Максимов на собрании по чистке признался в своем преступлении и был исключен из партии.

В декабре 1934 года я была назначена заместителем директора по политической части в Бороздинскую МТС, Елан-Катайского района.

Трудное это было время. Электричества в деревне не было, за 30 километров пришлось тянуть линию, новые столбы ставить. В 1936 году нам удалось достать динамо-машину, и к празднику Великого Октября в МТС зажглась лампочка Ильича. Сколько было радости! Ремонтная мастерская работала с электричеством, и в деревне в каждой хате появилось электричество, даже лозунг на фасаде МТС был освещен лампочками. На митинг собралась вся деревня, школьники пришли с флагами и так радостно провели праздник.

До 1936 года урожаи в колхозе были неважные, например, в колхозе «Юлдус» («Красная звезда») — снимут урожай, а распределять на трудодень нечего, потому что все съедали авансом за период посевной. А в 1936 году собрали такой урожай, что рассчитались с государством и дали на трудодни по 200 граммов хлеба. Это мы считали уже достижением.

Были трудности и с рабочей силой. Женщины, имеющие детей, как правило, в поле не выходили. Помещения для яслей в деревне, кроме мечети, не было. Нам помогли пионеры. Они обошли всю деревню и собрали подписи под заявлением с просьбой о закрытии мечети. Подписалось 90 процентов населения. Помещение мечети было передано для оборудования яслей.

Население у нас башкирское, а по мусульманскому закону женщина-башкирка не имеет права посещать мечеть, туда ходили только мужчины. Даже тогда, когда мечеть была переоборудована под ясли, многие женщины в помещение не заходили.

Принесет мать своего ребенка в ясли и оставит его на пороге у входа, сама закроет лицо платком и убежит. Чтобы приучить мать входить в помещение и заставить ее участвовать во всей нашей жизни, мы стали практиковать дежурства матерей в яслях. Тогда они стали узнавать друг от друга, как их дети воспитываются, стали спокойнее за детей и шли на полевые работы.

В 1937 году в некоторых колхозах снимали урожай по 13 и 14 центнеров с гектара пшеницы, а мы радовались. В то время и это было много. А вот теперь снимают по 30 и более центнеров с гектара. О таких урожаях мы тогда только мечтали. О том, какая сейчас механизация в сельском хозяйстве, и говорить нечего.

Пережив все трудности, наш народ под руководством партии добился небывалых успехов и успешно строит коммунистическое общество. Этим успехам в большей мере содействовал героический труд наших женщин.

С. Нодева

ЗА ОХРАНУ МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА

Софья Савельевна Нодева родилась в 1902 году. Член КПСС с 1930 года. С 1918 года — на комсомольской и советской работе. До 1933 года работала по охране материнства и младенчества, затем в тресте «Главуралмет» на руководящей планово-экономической работе. С 1955 года — персональный пенсионер.

Вспоминается Урал 1927 года — область, на территории которой разместились бы четыре Франции. Это и тогда был край несметных богатств, с заводами черной и цветной металлургии, каменноугольными шахтами и соляными копями, с крепким пролетарским костяком в таких промышленных центрах, как Свердловск, Пермь, Нижний Тагил, Златоуст, Челябинск, и раздробленным единоличным крестьянством.

Свердловск был неблагоустроен. Мощеных улиц было мало, окраины тонули в темноте. Летом поднималась страшная пыль, а при дожде улицу нельзя было перейти из-за грязи. Лес подступал к самому городу. Транспорт

состоял из двух грузовых «фордиков» и нескольких извозчиков.

Велика еще была безработица. На 1 января 1927 года числилось 46 175 безработных, а из них около половины женщин. Женский труд применялся только на малоквалифицированных работах. Однако женщины все больше вовлекались в общественную жизнь. Массовую работу среди женщин вели партийные органы в основном через институты делегаток. Это была огромная сила.

Делегатки принимали участие в организации детских учреждений, родильных пунктов, уголков «Мать и дитя». Они участвовали в работе ясельных комитетов, организовывали доставку молока, мяса, свежих овощей в ясли. Из их числа выдвигались слушатели курсов ясельных работников.

Делегатки Урала устраивали вечера «красных прях», где читались популярные брошюры по уходу за ребенком, гигиене беременности, пелись частушки, высмеивающие бабок. Акушерки вели беседы, осмотры.

В деревне Ляпуново, Байкаловского района, активистка-делегатка Анна Ивановна Шуварина вместе с батрачками и середнячками засеяли несколько десятин земли, урожай продали, а на эти деньги организовали ясли на 30 детей. А. И. Шуварина, работая женорганизатором в Ирбитско-заводском районе, организовала семь яслей. Многие километры пешком, в снег и распутицу, исходила Шуварина, и часто бывало так, что на дороге ей приходилось снимать сапоги, наполненные водой, выливать воду и идти вновь. Вскоре ее выдвинули инспектором охраны материнства и младенчества Курганского окрздрава. С конца 1930 года по май 1934 года она работала инспектором Свердловского горздрава, в 1937 году заведовала Ленинским райздравом.

Поучителен рост т. Паруниной. Жила она в глухом Мехонском районе. Была малограмотна. Выбрали ее делегаткой. Пережила тяжелую семейную драму. Выдвинули ее женорганизатором. Одна с детьми уехала за 60 километров в Шадринск, где ее направили на работу инспектора. Упорно училась она без отрыва от производства, получила среднее образование. В середине 30-х годов была выдвинута на работу в облздрав. Поступила в мединститут, закончила его перед войной, стала врачом и уехала в Ленинград.

Не менее ярка судьба других коммунисток. Тов. Березина, инспектор в Кургане, стала потом крупным инженером, получила высокую правительственную награду. Тов. Булатова была женорганизатором в г. Сатке, потом инспектором в Златоусте, заведующей массовым сектором окружкома партии.

С делегатки начала свой путь О. А. Спижарская. Многодетная мать, она работала в совете социальной помощи. Успешно организовала сбор средств для фонда соцпомощи, вместе с активистками устраивала вечера самодеятельности, концерты, выезжала на масленицу с «ряжеными» в деревни и собирала средства на патронирование безнадзорных детей.

Несмотря на пенсионный возраст, Спижарская и сейчас энергично работает методистом института охраны материнства и младенчества, выезжает в другие области для проведения курсов, совещаний и оказания методической помощи. ...В январе 1928 года на расширенном совещании отдела работниц Уралобкома ВКП(б) слушали доклад делегата XV съезда партии т. Виноградовой. Решения съезда нацеливали нас на массовое вовлечение крестьянок в строительство социализма. Предстояло развернуть в короткий срок сеть детских учреждений, акушерских пунктов, консультаций, срочно подготовить армию сестер-воспитательниц, медсестер, акушерок, создать учебную базу и новый тип врача — врача-организатора и пропагандиста.

С чего мы начали? В Свердловске создали базовые учреждения по переподготовке врачей: учебно-показательную женскую и детскую консультации, молочную кухню, детскую больницу, акушерско-гинекологическую больницу, базовые ясли, юридическую консультацию, совет социальной помощи и небольшую выставку по охране материнства. Работа этих учреждений была перестроена в единый комплекс, осуществляющий охрану ребенка, начиная с утробного периода.

В консультации проводились врачебные приемы по болезням уха, горла и носа, венерологии и зубным болезням. К переподготовке врачей были привлечены лучшие педиатры, акушеры и гинекологи Свердловска.

Массовое внедрение женского труда в производство, быстрое развитие сети яслей, необходимость подготовки многотысячной армии медицинского персонала — все это

требовало создания научно-исследовательского и методического центра по охране материнства и младенчества. В мае 1930 года Уралобком ВКП(б) постановил открыть на Урале научно-исследовательский институт по охране материнства и младенчества.

Началось строительство здания иститута. Проектировал его архитектор т. Голубев. Руководил стройкой заведующий облздравотделом старый большевик И. С. Белостоцкий. В начале 1933 года состоялось открытие института.

Работники института уже на первых порах многое сделали для охраны женского труда в металлургической и угольной промышленности. Бригады врачей ездили на металлургические заводы Надеждинска, Златоуста, Лысьвы, Чусовой, на угольные шахты Кизеловского и Челябинского бассейнов, изучали условия труда, вносили предложения по оздоровлению, устанавливали список работ, профессий и участков, где могут работать женщины.

Облздрав вместе с институтом посылал комплексные бригады врачей и инструкторов-методистов в колхозы, в отдаленные районы. Врачи Смирнова, Блинова, Аксарина, Кауфман инструктировали медперсонал, проводили консультации, беседы, лекции, готовили работников на курсах, обучали на месте приготовлению молочных смесей и детского питания, давали чертежи детской мебели, образцы игрушек и одежды.

В конце апреля 1932 года институт провел конференцию акушеров и гинекологов Урала и Сибири, где обсуждались результаты научных исследований и практические мероприятия по охране материнства и младенчества в связи с внедрением женского труда в производство и строительство, результаты работы по родовспоможению и первых опытов по обезболиванию родов.

Большую помощь селам Урала и Сибири оказала талантливый акушер, кандидат медицинских наук Анна Лазаревна Богданова, выезжавшая с бригадами в сельские районы.

Женщины тепло вспоминают Анну Марцеловну Китшель, вложившую много сил в борьбу с детской смертностью на Урале, обучившую многочисленные кадры работников среднего медицинского персонала. Она часто бывала в деревнях, на предприятиях.

В 1932 году А. М. Китшель с бригадой врачей поехала в Белоярку. Созвали собрание. Прождали несколько часов, а народ не явился. У врачей настроение подавленное (они выезжали на село впервые). Тогда Китшель поехала в соседний колхоз «Яровой колос» на заседание ясельного комитета. Там РОКК ассигновал на ясли 2000 рублей, а 10 000 рублей обещал выделить колхоз. Колхозники уже сделали детские кроватки, пошили простынки, приобрели необходимое оборудование. Пока шло собрание в колхозе «Яровой колос», в Белоярке уже стало известно, что там колхозу отпустили на ясли часть денег.

Женщины послали делегацию и попросили бригаду врачей вернуться в Белоярку. Когда бригада возвратилась, ее встретил «шумный улей». Женщины наперебой выкрикивали:

— Наши бабы лучше сделают ясли, они живут справней, чем в «Яровом колосе».

— Дайте нам немного мануфактуры, а все остальное сами сделаем.

Врачи воспрянули духом, провели прием женщин и детей, рассказали, как лучше организовать детские учреждения. В течение месяца руками родителей было приготовлено помещение, оборудование, белье — и ясли были открыты.

Сеть медицинских и детских учреждений на Урале росла, а врачей специального уклона не хватало: из 123 районов Урала в 1931 году 64 района совсем не имели врачей. Единственный на Урале медицинский факультет в Перми не обспечивал потребности во врачах.

Нужно было срочно создавать в Свердловске медицинский институт.

Помню, как в 1931 году на квартире, чтобы не отрываться на текущие дела, мы вместе с А. Т. Лидским и А. Ю. Лурье разработали положение о факультетах и профиле врача-педиатра и врача акушера-гинеколога. Первым директором и организатором медицинского института был А. Т. Лидский (ныне член-корреспондент Академии медицинских наук). Для поступающих в институт организовали шестимесячные подготовительные курсы.

Плохо обстояло тогда дело на Урале также с кадрами среднего медицинского персонала, не хватало акушеров,

медсестер для детских учреждений, ясельных работников.

Решено было открыть новые медицинские техникумы в Свердловске, Челябинске, Троицке, Златоусте, Сарапуле, а также усилить подготовку среднего медперсонала силами крупных лечебных учреждений. В Свердловске непрерывно занимались шестимесячные и двухмесячные курсы по подготовке инструкторов-воспитательниц для яслей и консультаций. Только для сельских яслей на курсах было подготовлено 7000 работников. Для заводских яслей, обслуживающих детей работниц, пришлось отдельно готовить 4000 работников.

В память врезался следующий случай. Была я как-то на Уралмашстрое, искала поликлинику. Кругом дома в лесах. Вижу молодого паренька, поднимающегося с кирпичами. Спрашиваю: «Вы что здесь строите?» Слышу ответ: «А мы социализм строим».

Хочется добрым словом помянуть первого директора Уралмашстроя т. Банникова, который много заботился о женщинах-работницах. В первом выстроенном на Уралмаше доме тотчас же были открыты ясли. Это говорит о многом. Банников был прост в обращении, вместе с работницами часто обсуждал насущные бытовые вопросы.

Много внимания уделил строительству яслей отдел по работе среди женщин Уралобкома ВКП(б). По его настоянию в проекты жилищного строительства Кизела, Алапаевска, Машиностроя, Богомолстроя, Златоуста уже в 1929 году было включено сооружение детских яслей. Облженотдел просил Цекобанк и ВЦСПС о включении в планы жилстроительства постройку бытовых учреждений и выделении при постройке общежитий для рабочих специальных комнат для детей. По нашему предложению облисполком установил строгое правило, по которому ни один проект жилого дома не допускался к финансированию, если он не имеет визы облздрава и представителя отдела работниц. Таким путем мы добились организации яслей и детсадов почти во всех вновь построенных крупных домах Свердловска, Тагила, Перми, Челябинска, Магнитогорска, Каменска-Уральского.

На областном совещании женотделов острой критике был подвергнут проект строительства соцгорода Магнитогорска. Участники совещания потребовали, чтобы

проект предусмотрел обобществление обслуживания культурных и бытовых потребностей рабочих, а также организацию пригородных молочных ферм и огородов для снабжения населения, строительства общежития для инвалидов с полным их обслуживанием.

Создание разветвленной сети яслей на Урале было делом самих работниц и крестьянок. Вспоминается обстановка того времени: отсутствие развитой индустрии, нехватка средств, оборудования, материалов, продуктов, медицинских кадров и даже грамотных людей. И только сейчас оцениваешь, какой огромной силой явились энтузиазм, коллективный ум, работоспособность 300-тысячного женского актива Урала.

Большая работа была проведена в национальных районах Урала — среди татар, башкир, марийцев, манси, коми-пермяков, остяков. Они населяли в основном Тобольский север, Коми-Пермяцкий округ, Манчажский, Бардымский, Яланский, Ялуторовский, Медведевский и другие районы.

На Тобольском севере сохранились тяжелые обычаи для родящей женщины. Во время родов она одевалась в лохмотья, рожала в лесу, на снегу, куда уходила на семь дней в «поганые избы»—«минкале». Новорожденных катали в снегу. У остячек роль пеленок выполняла стружка. Ребенок спал в «зыбке» в сидячем положении. Был обычай «подкуривания» роженицы и ребенка бобровой струей. У башкир существовал обычай рожать в жаркой бане, в первый день жизни парить в бане и ребенка, давать ему жевку и на первом же месяце кормить его медом и маслом. В Яланском районе в татаро-башкирской деревне при затянувшихся родах приглашали самого сильного мужчину, и он изо всех сил давил на живот родящей. И неудивительно, что смертность детей там была очень велика.

В 1929 году на Тобольском севере уже работало 5 врачебных участков. Проводились беседы о браке, семье, заразных заболеваниях, создались кружки по охране материнства и младенчества. Во второй половине 1929 года в Березове, Тобольского округа, была проведена первая конференция женщин национальных районов. Собралось 41 человек, из них только 15 грамотных.

Делегатки одобряли работу женотдела и говорили, что они перестали верить в шайтана, в праздник медведя и просят дать больше докторов и акушерок.

Делегаток сопровождали мужья или отцы (одних не отпускали на конференцию). На пристани реки Обь муж Елизаветы Ксюшкиной требовал выкуп для жены, выбранной делегаткой на конференцию. Уговоры не подействовали, и он не допустил Елизавету на пароход. 12 женщин приехали в Березово со всеми членами семьи. Конференция прошла очень оживленно и оставила заметный след в жизни женщин далекого Севера.

Постепенно работы по охране материнства и младенчества в национальных районах приобретал все больший размах. В Бардымском районе были выделены средства на строительство детских учреждений. В Барде, Сарашах, Аклушах открыли три родильные избы, трое яслей и разъездную консультацию.

Родильные избы были также открыты в Манчажском районе, в Тобольске и Кудымкаре организовали медицинские техникумы.

Особое внимание было обращено на подготовку среднего медицинского персонала. На подготовительном отделении Тюменского медтехникума училось много женщин из национальных районов. В 1932 году было подготовлено 75 акушерок, 50 патронажных сестер, 200 медсестер.

Составление первого пятилетнего плана по женскому труду, развертыванию сети бытовых и детских учреждений, строительству городов и жилищ проводилось при участии отделов работниц.

К обслуживанию его был привлечен 300-тысячный женский актив.

Мне пришлось участвовать в составлении пятилетнего плана по охране материнства и младенчества. Вся работа объединялась облпланом. Но фактически пятилетка составлялась по каждому профсоюзу вместе с женорганизатором. Потом пятилетка обсуждалась на местных делегатских собраниях.

В результате большого привлечения сил и средств широкой общественности, энтузиазма женских масс, их напористости пятилетка по охране материнства и младенчества была перевыполнена больше чем в два раза, а по росту яслей — в пять раз.

Пройден большой этап работы. Сейчас вспоминаешь, сколько трудностей преодолевали женщины-активистки в борьбе за новую жизнь. Сами они росли в этой работе, ставя интересы общественные выше личных.

Многое из опыта их работы не потеряло актуальности и в наши дни.

22 Заказ 964

П. Нечаева

ЛЮБИМАЯ РАБОТА

Павла Ивановна Нечаева родилась в 1898 году. Член КПСС с 1919 года. Работу среди женщин ведет с первых дней пребывания в партии. С 1920 года по 1954 год — на партийной и советской работе. С 1955 года — персональный пенсионер.

С первых дней восстановления Советской власти после разгрома колчаковских банд я вместе с красноармейками Синяевой, Ваняшкиной, Алабушевой, Викуловой, Беляевой и другими помогала местному Совету на Верх-Исетском заводе собирать детей в детский садик. Здесь я познакомилась с Катей Петуховой и вместе поступила в швейную мастерскую «Союза иглы». В мастерской на общем собрании работниц меня избрали заместителем председателя завкома. Это первое поручение от всех женщин я приняла как важное событие в жизни. Мне хотелось что-то хорошее и много для женщин сделать.

В начале сентября на общем собрании женщин мастерской меня, Петухову, Марию Немытову, Партину, Ваняшкину избрали делегатками. После собрания мы пошли в женотдел, который помещался по улице Злато-

устовской, 14 (в настоящее время улица Розы Люксембург). В женотделе нас встретили Лида Рудакова и Наташа Малышева. Они рассказали нам о задачах делегаток. Во время беседы пришла руководитель женотдела Сима Дерябина. Она познакомилась с нами, и каждая из нас рассказала ей о себе. Беседа была простая, душевная, но очень важная для нас. Мы узнали, что делегатки должны быть прежде всего сами выдержанными, честными и должны много учиться.

В конце сентября я получила пакет из штаба 3-й Армии, где сообщалось, что муж мой погиб в боях с белыми. Это известие меня потрясло. На другой день я в мастерскую пришла растерянная, села за машину, но работать не могла. Все это заметили. Моя подруга Вера Немытова пошла со мной в женотдел. Я рассказала Симе Дерябиной о своем горе. Она выслушала меня очень внимательно и сказала, что нужно быть бодрой, чтобы горе не отняло силы, которые так сейчас нужны, что я должна заменить мужа строить новое государство, а для этого надо учиться. И тут же Дерябина дала мне поручение, как делегатке, быть контролером в ломбарде.

Когда я вышла из женотдела, почувствовала в себе силу и уверенность. В мастерской сидела за машиной и работала более спокойно. Вскоре я пошла в ломбард, предъявила свое удостоверение, а контролеру от Рабкрина вручила бумажку от Дерябиной. С утра до обеда я присутствовала при переписке меховых вещей. А после обеда пошла к себе в мастерскую. На следующий день я снова была в ломбарде. Там бухгалтер предложил мне надеть беличью доху, но я отказалась. Вечером я рассказала Дерябиной о случае с дохой. Она выслушала и заметила мне: «Вот для этого и послали тебя, чтобы там не растащили вещи. Эти люди служили буржуазии, они привыкли жадничать. Надо их отучить и сохранить добро для бедноты».

Так я работала половину дня в ломбарде, вторую половину — в мастерской и раз в неделю вечером ходила на 2—3 часа в госпиталь. С помощью товарищей в труде я пережила горе — потерю мужа. Я поставила себе задачу: заменить погибшего в боях за родную власть. Муж был коммунистом, и я решила вступить в партию. 8 октября 1919 года на собрании партячейки «Союза иглы» меня приняли в партию.

В первых числах января 1920 года я закончила совпартшколу. Губернский женотдел отозвал меня из мастерской и зачислил в штат инструктором. И вот — первая ответственная работа от горкома партии. Во главе группы из пяти товарищей я еду в Алапаевский завод, провожу митинги и сбор пожертвований для помощи Западному фронту.

В зажиточном селе Верхняя Синячиха я получила боевое крещение. Председатель сельского Совета собрал более 300 человек. Когда я, стоя на столе, начала говорить о трудностях в нашей стране и о задачах Коммунистической партии, раздался выстрел. Пуля прошла по боку, прорвала борчатку, а тело не задела. Милиционер сдернул меня со стола. Но я снова влезла на стол. Из толпы кричали: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики!»

Близко к столу подошел рыжий старик и разразился нецензурной бранью. В толпе тишина. Я, выслушав спокойно всю его ругань, сказала: «Что это вы, пришли меня учить, как надо ругаться?» Взрыв смеха прокатился по толпе. Старик замолчал и ушел. А я стала объяснять, кто такие большевики и коммунисты. Слушали внимательно.

Отдельные мужики уходили. Но большинство осталось. Тогда я перевела разговор на вопрос о помощи Западному фронту. Поздно вечером приходили крестьяне группами по 4—5 человек и каждый приносил в ведрах зерно или картошку. Так, за ночь мы приняли два мешка зерна, три мешка картошки и сто рублей денег.

По-другому получилось в Нижней Синячихе. На митинге присутствовало более 400 человек. Внимательно выслушали мое сообщение о помощи Западному фронту и тут же предложили избрать комиссию по сбору пожертвований. Комиссия сразу же приступила к приему. В течение дня приняли 30 мешков зерна.

Все, что было собрано, привезли в Алапаевск. Туда приехал комиссар продовольствия, он доставил обоз в 36 подвод с зерном, картошкой и горохом. А я повезла собранные деньги в сумме свыше трех миллионов рублей. Деньги были спрятаны в узле и положены под сиденье в кошевке. Со мной ехала делегатка на губернскую конференцию женщин. Даже она не знала, что в кошевке деньги. По приезде в Екатеринбург сразу же взяла узе-

лок и понесла в Госбанк. Получив расписку о приеме денег, я облегченно вздохнула.

Весь 1920 год пришлось быть в разъездах: то по выборам делегаток на губернскую конференцию женщин, то по выборам делегаток от железнодорожниц на съезд дорпрофсожа и по проведению субботников. До 1927 года работала на женской работе в райкомах партии Свердловска, а также в Реже и Верхнем Уфалее. Я очень любила эту работу.

В 1954 году я ушла на пенсию. Но как еще хочется работать и быть полезной обществу! Коммунисты-товарищи помогли мне: избрали секретарем парторганизации при отделе социального обеспечения Орджоникидзевского райсовета. С полным удовлетворением я проработала здесь три с половиной года. А в апреле 1958 года райком партии поручил мне организовать женсовет в Орджоникидзевском районе.

Члены женсовета сразу же взялись за работу. Организуют они лекции для домохозяек на антирелигиозные и международные темы, ведут воспитательную работу с детьми и подростками, посещают школы, детские площадки, бывают в лагерях.

Женсоветы показали себя активными помощниками в борьбе за коммунистическое воспитание трудящихся. Общественницы активно участвуют во всех кампаниях, проводимых райкомом партии и райисполкомом.

Б. Лемешенко,
З. Сочнева

«ЖЕНСКИЙ РАЙКОМ»

Бронислава Григорьевна Лемешенко родилась в 1903 году, член КПСС с 1928 года. С 1934 до 1958 года — на ответственной партийной, советской и профсоюзной работе. Награждена орденами: Отечественной войны 1-й степени и «Знак Почета». В настоящее время — персональный пенсионер.

Зоя Иоакимовна Сочнева родилась в 1903 году, член КПСС с 1920 года. С 1921 по 1953 год — на ответственной комсомольской, советской и партийной работе. Награждена орденом «Знак Почета». В настоящее время — персональный пенсионер.

В конце 1937 года нас избрали секретарями Шадринского райкома партии. И в аппарате райкома тогда в основном работали женщины: заведующая отделом пропаганды и агитации Х. М. Елизарова, заведующая организационным отделом М. Д. Шевкунова, заведующая учетом Т. Д. Букрина, помощник секретаря А. А. Иванова, инструкторами, пропагандистами также были женщины. Как-то сам собой получился женский райком.

На руководящей советской работе в районе в подавляющем большинстве также работали женщины. Многие товарищи с усмешкой посматривали: что-то из этого получится? Инструктор райкома партии Морозова, помнится, рассказывала такой случай. Пришел один посетитель и говорит: «Что за район, куда ни зайдешь — везде бабы, не с кем даже по-мужски поговорить».

В своей работе райком партии опирался на партийно-советский и комсомольский актив.

В горячие дни весеннего сева, уборки и хлебозаготовок к каждому колхозу прикреплялись коммунисты, а в отстающие колхозы на постоянную работу направлялись члены партии, имеющие опыт работы в сельском хозяйстве.

В каждой полеводческой и тракторной бригадах, комбайновых агрегатах имелись агитаторы.

С любовью и уважением и сейчас вспоминаем наших старых коммунистов района и среди них — героических женщин тридцатых годов, которые прошли суровую школу жизни. При их непосредственном участии создавался в Шадринском районе женский актив, организовывались политкружки, женские промартели, колхозы. Они разоблачали врагов, пытавшихся развалить сельскохозяйственные артели. Они участвовали в любом мероприятии, не жалея сил, оказали большую помощь в воспитании женских кадров.

Е. А. Бушманова — член КПСС с 1919 года, работала ряд лет заведующей отделом работниц и крестьянок в Шадринском окружкоме партии, а в последние годы — директором партийно-советской школы. О. А. Кнутарева — член КПСС с 1920 года, работала заведующей краеведческим музеем. В. В. Кокшарова — член КПСС с 1919 года, работала председателем фабкома «Красный Октябрь» и другие.

Как не сказать о Х. М. Елизаровой, члене КПСС с 1931 года, заведующей отделом пропаганды и агитации. Бывшая батрачка, коренная уралка, волевая, энергичная, простая женщина. Она сумела создать большой актив из женщин, которые несли идеи партии в массы, систематически выступали с лекциями, докладами перед колхозниками, рабочими МТС, совхозов, фабрик и заводов. Все время изыскивала новые формы работы. Интересны были «единые политдни», которые проводились каждую неделю в определенный день и час. На них обсуждались наиболее назревшие вопросы текущей жизни и международной политики. Для проведения их в колхозы выезжал весь партийно-советский актив. Колхозники хорошо отзывались о политднях, проводимых коммунистками Е. П. Троицкой, А. Серебровой, Т. Ушаковой.

Большую работу провел отдел пропаганды и агитации во время первых выборов в верховные и местные Советы депутатов трудящихся. Выборы закрытым (тайным) голосованием проходили впервые, и мы столкнулись с большими трудностями, так как еще не имели опыта. Большую помощь нам оказала комсомольская организация, выделив 1500 агитаторов, из них 1215 девушек.

В итоге избирательной кампании партийная организация выявила большое количество активисток, из которых 24 женщины были выдвинуты на руководящую партийную, советскую и комсомольскую работу.

Самоотверженно трудились секретари партийных организаций. Особенно хочется отметить Марию Семеновну Демину — секретаря парторганизации райздравотдела. Она была делегаткой, участницей многих слетов. Неоднократно встречалась с Н. К. Крупской. Много поработала в области охраны материнства и младенчества, в результате чего резко снизилась смертность детей. Последние 20 лет работала директором и заведующей учебной частью Шадринской медицинской школы. Бессменный секретарь партийной организации, член райкома партии, пламенный пропагандист. Ее очень любили в колхозах. Беседы в колхозах Демина проводила непосредственно в тракторной, полеводческой бригадах, на ферме. На месте помогала устранять недостатки, разъясняла роль передовых методов труда.

Недавно мы с ней встретились в Шадринске. Она мало изменилась. Все тот же задумчивый, внимательный взгляд, плавная речь с характерным зауральским произношением.

Сейчас — пенсионерка, но много у нее дел — работает председателем городского женского совета и выступает в хоре пенсионеров ветеранов труда.

Ефросинья Семеновна Крыслова — секретарь парторганизации гороно, много сделала для ликвидации неграмотности и малограмотности в районе. Выступала с лекциями и докладами среди рабочих, оказывала помощь колхозам во время сельскохозяйственных кампаний, выезжая на помощь подшефному колхозу. Более 35 лет она отдала воспитанию детей. На улице ее часто останавливают, жмут руку и говорят: «Не узнаете? Я ваш ученик». И она с глубоким волнением смотрит на своих питомцев. Ей присвоено звание заслуженной учи-

тельницы РСФСР. Она награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак почета». Ныне — персональный пенсионер.

Партийная организация в те годы большое внимание уделяла подготовке женщин к общественной работе. Один раз в квартал проводились районные и кустовые конференции или специальные совещания. На конференциях ставились доклады о международном положении, о педагогической, воспитательной работе среди детей, о вреде религии, об очередных задачах района и другие. Женщины активно выступали на совещаниях.

Очень трудно было поднять женщин для обучения профессиям трактористок и комбайнерок. Они считали, что это не женский труд. И все же мы ежегодно готовили до 200 трактористок, до 40 комбайнерок и помощников комбайнера. Многие трактористки, комбайнерки, пройдя курсы, работали не хуже мужчин.

Во время уборки бывало рано утром в поле видишь сотни женщин. Смотришь кругом, кипит работа у молодых и пожилых женщин. Все в движении, как пчелы. Комбайнами режут хлебные массивы. Беспрерывным потоком возят «красными обозами» в государственные закрома золотую пшеницу. Тракторами переворачивают землю, готовят будущий богатый урожай. Женщины на животноводческих фермах творили чудеса.

Вот, например, известная в Шадринске доярка колхоза имени Ленина, Коврижского сельского Совета, Федора Андриановна Мурзина. Тихая и скромная, прожила она в Ковриге более 50 лет. На работе молчит, на собрании не разговаривает. Вначале ее никто не замечал: говорить Федора не умела, зато умела хорошо слушать, и каждое новое слово старалась понять и применить на работе. Добивалась она неслыханных в наших местах удоев: по 20—30 литров молока в сутки от каждой коровы.

В районе работали агротехнические кружки. Учеба проходила как в районном центре, так и по МТС, совхозам и колхозам. Учились все: партийно-советский и комсомольский актив, колхозники и рабочие МТС. Особенно интересно проходили практические занятия по снегозадержанию. Кружковцы расставляли щиты, во время тая-

ния снега весной задерживали талые воды путем устройств плотиков, проводили раннюю подборонку массивов на своих личных коровах.

Вместе с колхозниками работали секретари первичных партийных и комсомольских организаций, председатели сельских Советов. Припоминается, как председатель Хлызовского сельского Совета Евдокия Андреевна Рознина, бывший член ВЦИК, ныне пенсионерка, добивалась повышения урожайности колхозных полей.

Немалую роль в успешном проведении уборки хлебозаготовок сыграли так называемые политруки на комбайнах, среди которых было немало женщин.

Райком и актив все время искали новые пути для увеличения урожайности полей и продуктивности животноводства. В нашем районе широко было известно о высоких, рекордных урожаях на Алтае новаторов Ефремова, Чуманова, Ракитина и других.

На одном из совещаний колхозники и колхозницы выступили с предложением послать своих представителей в Алтайский край, на родину Ефремова, для изучения агротехники получения высоких урожаев и одновременно вызвать на социалистическое соревнование за получение 100-пудового урожая Белоглазовский район. Это предложение было принято, инициатива колхозников района одобрена. Такая бригада от Шадринского района была послана. Там на месте она изучила работу белоглазовцев. По возвращении бригады с Алтая созвали совещание передовиков сельского хозяйства, где был заслушан отчет о поездке.

Участник бригады Т. С. Мальцев, полевод, новатор сельского хозяйства, ныне депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, почетный академик, выступая на совещании, сказал:

— Поездка на родину Ефремова лишний раз убедила нас, что не следует ждать милости от природы. Необходимо вооружиться опытом передовиков социалистического земледелия, по-настоящему приложить руки к земле, и тогда высокие урожаи будут обеспечены.

После поездки на Алтай шадринские колхозники еще энергичнее стали внедрять в производство передовую агротехнику, обеспечивающую высокий устойчивый урожай.

В районе создали специальные школы передовиков.

В отстающие колхозы посылали для оказания помощи специалистов, передовых председателей колхозов. Они на месте учили, что надо делать, чтобы получить высокий урожай.

Успехи в развитии сельскохозяйственного производства свидетельствуют о высоком, активном и самоотверженном труде колхозников, о большой организаторской и массово-политической работе актива, о незабываемых трудовых подвигах наших замечательных женщин.

П. Довнар

ЖЕНЩИНА В КООПЕРАЦИИ

Паулина Брониславовна Довнар родилась в 1903 году. Член КПСС с 1920 года. Принимала участие в борьбе с бандитизмом в составе железнодорожного батальона станции Курган. В 1920—1922 годах работала женорганизатором и заведующей женотделом. С 1925 по 1958 год — на ответственной и руководящей работе в потребительской кооперации и Министерстве заготовок. В настоящее время — персональный пенсионер.

Передовые женщины Урала на протяжении всего периода революционной борьбы рабочего класса с самодержавием, капиталистами и помещиками вели поистине героическую работу в большевистских подпольных организациях: выполняли любые поручения и задания партии, шли в тюрьмы и на каторгу в годы реакции и бесстрашно боролись с интервентами и белогвардейцами в незабываемые годы гражданской войны.

Но вот кончилась гражданская война. Началась героическая борьба трудящихся Советской республики за восстановление всего хозяйства, за реконструкцию и индустриализацию промышленности, за коллективизацию сельского хозяйства.

Мужественно перенося все тяготы войны и разрухи,

голода и холода, женщины Урала горячо брались за выполнение любого задания партии большевиков и поручения местных Советов.

Они помогали в установлении революционного порядка, в укреплении рядов Красной Армии и содействии ей в борьбе с дезертирством и с отдельными контрреволюционными выступлениями, выявляли и распределяли среди населения скудные запасы продуктов питания и предметов первой необходимости.

Женщины были организаторами и активными участниками коммунистических субботников на предприятиях, на железнодорожном транспорте, наводили порядок и чистоту в госпиталях, шили белье раненым и для детских домов, очищали клубы, школы, подыскивали помещения для приютов, детских домов и столовых.

Без активного участия женщин не проходила ни одна политическая и хозяйственная кампания; конфискация у буржуазии имущества и распределение его на общественные нужды, организация работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения и особенно женщин, заготовка топлива, организация помощи голодающим, борьба с детской смертностью и беспризорностью.

В первые годы социалистического строительства и мне довелось проводить в Кургане работу среди женщин — работниц и крестьянок. Мы не имели тогда никакого опыта, но главное, что было у каждой коммунистки,— это горячее желание помочь всей массе работниц и крестьянок скорее приобщиться на деле к женскому рабочему движению, которое ставило главной своей задачей — борьбу за экономическое и социальное равенство женщин.

В Железнодорожном районе я начинала работу среди женщин вместе с Александрой Леонтьевной Васьковой, но вскоре она уехала в Москву, а когда я заведовала уездным отделом работниц, со мной вместе работали инструкторами Александра Демина, Мария Шванштейн и другие товарищи.

Вначале у нас еще не было ни клуба, ни других мест для сбора женщин. Политико-воспитательную и организаторскую работу с женщинами мы проводили индивидуально и по группам на производстве, а также по домам железнодорожников. В беседах выявляли более активных женщин, которые выражали свою готовность

помочь женотделу в проведении любого мероприятия, любой кампании. Вот так и сколачивали мы актив, больше узнавали работниц, их способности, нужды, и они нас узнавали, стали нам больше доверять, приходили к нам за советами по работе, по семейным вопросам, за общественными поручениями. Самые активные из работниц и жен рабочих позднее были избраны делегатками женотдела.

Огромную роль сыграли женщины в создании и развитии на Урале советской потребительской кооперации.

Необходимо отметить, что рабочая потребительская кооперация на Урале имела свои особенности, которые сильно задерживали и тормозили ее развитие.

До начала 1924 года всю работу по снабжению рабочих основных предприятий Урала продуктами питания и предметами широкого потребления проводили сами хозяйственники через заводские распределители. За эту систему они крепко держались, но обслуживали нужды рабочих плохо.

По требованию самих трудящихся, а также профсоюзных и кооперативных организаций в 1924 году все дело рабочего снабжения было передано потребительской кооперации. С этого периода уже при активном участии самих рабочих и особенно работниц и жен рабочих потребительская кооперация Урала начала оживать, укрепляться и бурно развивать свою деятельность.

Из работниц и крестьянок, коммунисток и беспартийных, из делегаток женотделов и профсоюзного актива, служащих, домашних хозяек создался на Урале большой женский кооперативный актив.

Женщины проводили большую работу по кооперированию населения и сбору средств пайщиков, так называемых паевых капиталов.

С каждым годом пополнялись низовые кооперативные организации все новыми и новыми членами-пайщиками, увеличивалось и кооперирование женщин как в городе, так и на селе. В 1928 году общее число пайщиков по горрабкоопам возросло уже до 473 800 человек, в том числе женщин 115 700, или 24,4 процента. По сельским потребобществам в 1928 году общее количество членов-пайщиков увеличилось до 580 400, из них женщин-крестьянок — 76 600, или 13 процентов.

В 1929 году вся армия тружеников города и села

была объединена в общества потребителей. К этому времени насчитывалось 1 256 000 членов-пайщиков.

Увеличивались и паевые капиталы первичных кооперативов Урала. Росла сеть магазинов и лавок. Если в городах потребительская кооперация имела в 1924 году 316 магазинов, то в 1926 году их было уже 1193. Сеть сельских потребительских лавок в 1926 году возросла до 2508 против 999, имевшихся в 1924 году.

Бурно увеличивался и торговый оборот. Потребительская кооперация все больше вытесняла частную торговлю, все больше продавала населению продуктов питания, промышленных товаров, предметов и материалов, нужных для домашнего и сельского хозяйства. Кооперация на Урале с каждым годом расширяла строительство бытовых предприятий.

В успешное выполнение этой важнейшей задачи большой труд вложил и женский кооперативный актив.

В Свердловском Церабкоопе, самом крупном на Урале, объединявшем в 1927 году свыше 41 тысячи членов-пайщиков, кооперативного актива насчитывалось более 500 человек, с абсолютным большинством женщин. 10 столовых, организованных при помощи женского кооперативного актива, принесли большое облегчение работницам и женам рабочих. Только за 6 месяцев 1928 года эти столовые отпустили свыше 1 500 000 обедов. Кроме того, свыше двух тысяч обедов в день давала вновь выстроенная фабрика-столовая.

Большой гордостью Церабкоопа был хлебозавод, оборудованный по последнему слову техники, его производительность составляла 3 тысячи пудов хлеба в сутки.

Детская консультация, открытая в 1927 году при Верх-Исетском заводе, пользовалась огромной популярностью не только среди женщин-работниц, домашних хозяек, но и всего рабочего населения. За первые шесть месяцев своей работы, при ежедневном приеме, она обслужила 2900 грудных детей, 2600 беременных женщин. Женским кооперативным активом и врачами консультации проводились беседы и лекции в рабочих клубах и общежитиях.

В самые тяжелые годы Церабкооп помогал нуждающимся рабочим приобрести в кредит одежду и обувь. Индивидуальным кредитованием в 1924 году пользовалось 2300 работниц и рабочих, 553 человека приобрели

готовое платье. Была организована сапожная мастерская для обслуживания нужд рабочих.

Большое доверие и симпатии трудящихся города завоевал Курганский рабочий кооператив, который был сильнейшим конкурентом частных торговцев. А ведь этот город раньше являлся довольно крупным пунктом частной торговли. Кооператив имел семь хороших магазинов, где товары и продукты продавались по более низким ценам, чем на рынке. Не выдержав конкуренции, частники вынуждены были довольно быстро «самоликвидироваться».

Кооперация выделяла из прибылей специальный фонд на культурные мероприятия. За счет его проводилась ликвидация неграмотности среди пайщиков, организовывались кооперативные уголки, кружки, секции, курсы, конференции и совещания женского кооперативного актива, курсы кройки и шитья, «красные посиделки» для крестьянок и т. п.

В 1928 году кооперированным населением на Урале было избрано в органы управления и контроля кооперации уполномоченными кооперативов и в лавочные комиссии свыше двух с половиной тысяч женщин, которые были непосредственными созидателями и строителями своих социалистических кооперативов. И количество этих активнейших строителей потребительской кооперации на Урале увеличивалось с каждым годом.

Делегаты XXII съезда КПСС
В центре (слева направо): А. Н. Бычкова, Е. Д. Стасова, К. З. Пономарева, А. В. Артюхина, А. И. Васильева и М. С. Мавлютова.

А. Скрябина

КОРЕННОЙ ПОВОРОТ

Анна Ивановна Скрябина родилась в 1907 году. Член КПСС с 1926 года. С 1933 года по 1956 год — на ответственной газетной и партийной работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

Впервые я познакомилась с деревней поздней осенью 1929 года. Нас, группу рабочих-коммунистов Сарапульской городской партийной организации, направили в Алмазовский район для оказания помощи в проведении коллективизации сельского хозяйства.

Полная сил и решимости, гордая ответственным поручением, ехала я в эту первую в своей жизни командировку. Мне тогда было 22 года.

В районе нашу группу сразу же направили в отдаленные деревни и села.

Жизнь в деревне кипела ключом. Шел коренной поворот основных масс крестьянства к социализму. Развертывался последний и решительный бой с кулачеством.

Мы сразу же окунулись в водоворот сельской жизни. Вместе с деревенскими активистами проводили собрания крестьян, бедноты, женщин. Разъясняли преимущества коллективного ведения хозяйства, отводили земельные участки организующимся колхозам, выявляли

сельскохозяйственный инвентарь, машины, вели учет лошадей, рабочего скота.

Кулаки оказывали яростное сопротивление организации колхозов. Они запугивали крестьян, распространяли грязные слухи, клеветнические измышления, подстрекали крестьян к истреблению скота. А когда агитация не давала желаемых результатов, они переходили к открытому вредительству, террористическим актам. В селе Алмазово была сожжена общественная конюшня, в ряде деревень сожжены крестьянские овины, амбары. Поджигались избы, где жили уполномоченные. Были случаи, когда кулаки жгли свои дома вместе со всем добром.

Сходки крестьян обычно затягивались далеко за полночь. От табачного самосада в помещениях до утра висел сизый дым. Трудно было крестьянам расставаться с единоличным хозяйством.

Особенно запомнились мне собрания женщин-крестьянок. С интересом слушали они доклады о коллективизации. Выслушав докладчика, женщины не просили слова для выступления, а долго сидели молча, обдумывая сказанное, изредка переговариваясь. Постепенно разговоры становились более оживленными. Сбившись в кучки, крестьянки горячо спорили, задавали вопросы и снова спорили. Только много времени спустя принималось решение.

Больше трех месяцев была я в деревне. Проводила беседы и собрания, выезжала на хутора, помогала создавать колхозы.

Не везде к нам относились с доверием. Помню, когда потребовалось выехать в районный центр на совещание, мне предоставили подводу, но не дали сопровождающего. Я не настаивала. Но, не умея править лошадью, не зная дороги, из-за снежных заносов я быстро сбилась с пути и только благодаря случайности с трудом, полузамерзшая, добралась до Алмазово. Правда, когда я вернулась в свою деревню, меня встретили более дружелюбно.

Второй раз я попала в деревню уже на более длительный срок. Шел 1933 год. К этому времени была завершена сплошная коллективизация сельского хозяйства. Были созданы машинно-тракторные станции.

Но в деятельности колхозов имелось много недостатков. У руководства ими стояли часто слабые, малопод-

готовленные люди. Колхозы были мелкими, экономически отсталыми, не хватало средств, инвентаря, машин, а проникавшие в колхозы кулаки злорадствовали по поводу малейших неудач и, где могли, вредили, подрывали дисциплину труда, расхищали социалистическую собственность.

Январский Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии в 1933 году принял важное решение о создании политических отделов при машинно-тракторных станциях и совхозах. Центральный Комитет направил только в политотделы МТС 17 тысяч партийных работников, в числе которых оказалась и я. Меня послали в Щучанский район, Уральской (ныне Курганской) области в качестве редактора газеты политотдела Щучанской МТС.

Первое время работалось трудно. Мало знала сельское хозяйство, никакого представления не имела о работе редакции, о выпуске газеты.

Коллектив политотдельцев был дружный. Особенно слаженно мы работали с помощником начальника политотдела по комсомолу М. И. Головырцевым (ныне персональный пенсионер) и с женорганизатором А. Никитиной. Дружным оказался и коллектив машинно-тракторной станции, которую возглавлял энергичный коммунист, член партии с 1925 года, Александр Васильевич Носков.

В колхозах мы проводили собрания коммунистов, колхозников, комсомольцев, женщин, выявляли активистов, изучали и подбирали кадры, проверяли выполнение обязательств, помогали колхозам решать практические вопросы. В колхозах мы часто ночевали на полевых станах, в вагончиках трактористов. Колхозники доверчиво относились к нам. Убедившись на опыте, что только коллективное хозяйство выведет их из нужды, откроет широкую дорогу к культуре, науке, знаниям, они всячески поддерживали мероприятия политотдела.

Враги Советской власти не оставляли надежду поколебать колхозный строй. Пробравшись в колхозы, они вели агитацию за выход из них, за порчу и расхищение социалистической собственности, за срыв обязательств перед государством.

Первым практическим шагом работы политотдела было выявление экономического и политического состояния колхозов и оказание им помощи. Особое внимание

уделялось подъему общественного животноводства, которое было сильно подорвано.

Газета политотдела «За большевистские колхозы» оказывала существенную помощь партийным организациям. Выходила она раз в пять дней. За короткое время газета обросла активом сельских корреспондентов, при помощи которых резко критиковала тунеядцев, лодырей, нерадивых руководителей, разоблачала врагов колхозного строя, показывала передовых людей, коллективы, успешно борющихся за выполнение обязательств перед государством, механизаторов, осваивающих новую технику. Газета воспитывала колхозников в духе честного отношения к труду, бережного отношения к колхозной собственности.

По инициативе газеты создавались селькоровские посты на отстающих участках, проводились рейды по проверке подготовки к севу, уборке урожая, качеству ремонта тракторов. Осенью 1934 года был проведен массовый рейд по подготовке к зимовке скота, в котором приняло участие свыше 80 селькоров. Итоги рейда обсуждались на заседаниях политотдела и правлений колхозов.

Во время уборки урожая газета проводила смотр детских учреждений колхозов. Было вскрыто много недостатков. Многие колхозницы не хотели носить детей в ясли, приводить их на детские площадки, боясь, что там с ними будут обращаться плохо. И только когда матери сами стали дежурить в детских учреждениях, они убедились в полезности этого дела и сами стали заботиться о том, чтобы дети были окружены вниманием и заботой.

Много внимания уделялось организации стенных газет в колхозах, обучению редакторов и членов редколлегий. Проводились совещания, семинары, консультации. Весной 1934 года в трех крупных колхозах «Челябинский рабочий», имени Ленина, «За урожай» были проведены кустовые курсы-семинары редакторов стенгазет и рабселькоров зоны Шучанской МТС. Вскоре мы добились, что стенные газеты стали выходить в каждом колхозе, а селькоры выступали не только в политотдельской, но и в районной и областной печати.

Люто ненавидели селькоров враги колхозного строя. От угроз они переходили к физической расправе. 24 ап-

реля 1934 года кулацкие агенты избили селькора колхоза «Свободный труд», Зайковского сельсовета, И. Зайкова, который через газету разоблачил их вредительское отношение к колхозной собственности. Через год, в апреле 1935 года, врагами был убит ответственный секретарь районной газеты «Колхозное знамя» т. Конарев. Преступники понесли суровое наказание.

В тот период возникало много новых форм массово-политической работы. Проводились единые политдни, когда весь партийный актив выезжал в колхозы и выступал на собраниях колхозников с докладами о международном и внутреннем положении, по вопросам колхозного строительства. Организовывались пробные выезды, «смотры коня», сельскохозяйственные выставки, совещания животноводов, механизаторов, проводились слеты ударников-колхозников.

Большую роль в подъеме колхозного хозяйства играли женщины-колхозницы. Они выполняли любое дело. Не считаясь со временем, трудились в поле, в животноводстве, в тракторных колоннах и огородных бригадах, работали избачами, библиотекарями и, конечно, все бытовые учреждения: ясли, детские площадки, общественное питание — целиком ложились на женские плечи.

Женщины стали учиться управлять трактором. Одной из первых в нашей МТС овладела трактором Лена Пеганова из колхоза «Путь молодежи», Зайковского сельсовета. Высокие образцы труда показывала бороноволок С. С. Захарцева.

Из женщин, работающих в животноводстве, запомнилась Лукерья Сергеевна Ашмарина из колхоза «Путь Ленина», в прошлом батрачка. В 1935 году она ездила в Москву на слет ударников-колхозников. М. С. Шахматова, депутат сельского Совета, несколько лет работающая в животноводстве в 1934 году, по рекомендации политотдела была выдвинута правлением колхоза заведующей молочнотоварной фермой.

Вспоминается также бессменный член правления колхоза «Челябинский рабочий», депутат сельсовета, энергичная женщина, заместитель председателя колхоза Анна Тимофеевна Шушарина.

В 1934 году сельскохозяйственные работы прошли более организованно. Трудностей, конечно, хватало.

Особенно затягивалась уборка урожая, отставал обмолот, сказывались отсталые настроения некоторых руководителей колхозов. Но все это преодолевалось общими усилиями. Темпы работы не замедлялись ни днем, ни ночью.

Осень вознаградила старания колхозников. К элеваторам и сдаточным пунктам двигались «красные обозы» с хлебом, большинство из них возглавляли женщины-колхозницы. При распределении доходов колхозники также получили достаточное количество зерна и продуктов.

В начале 1935 года политотделы были ликвидированы. Я была направлена в Троицк, Уральской (теперь Челябинской) области, где редактировала ежедневную районную газету «Вперед».

Со времени организации полиотделов минуло почти 30 лет. В стране за это время произошли колоссальные изменения. Огромные перемены произошли и в колхозах Щучанского района. Вместо 88 мелких, экономически слабых сельскохозяйственных артелей, которые были в 1933 году, в районе создано теперь 11 мощных, оснащенных передовой техникой, коллективных хозяйств и два совхоза.

Значительно повысились урожаи зерновых и других сельскохозяйственных культур, выросло животноводство, поднялась его продуктивность. Если в тридцатых годах урожай зерновых не превышал 5—7 центнеров с гектара, то сейчас район в среднем снимает 18—20 центнеров с гектара. Валовой сбор зерна по району превышает миллион центнеров.

Высоко поднялся культурный уровень населения. В 1933 году в районе не было ни одной десятилетней школы, насчитывалось 10 семилетних, остальные школы были начальные, которые ютились в бывших кулацких домах. Сейчас в районе работает одиннадцатилетняя, десятилетняя, 4 восьмилетних, 6 семилетних и 35 начальных школ. Школы размещены в хороших помещениях. Открыта музыкальная школа.

Выстроен районный Дом культуры, имеется районная, детская, 14 сельских, 7 профсоюзных библиотек, 4 проф-

союзных, 4 колхозных, 14 сельских клубов, 5 изб-читален, 18 киноустановок. А в 1933 году имелось лишь несколько сельских библиотек да изб-читален.

В 1933 году радио еще только входило в быт колхозников, а о телевидении даже не думали, а теперь в районе имеется 3917 радиоточек и около ста телевизионных установок. Районный центр — село Щучье стал городом, в котором полностью завершена электрификация. Строятся районная библиотека, кинотеатр, типография, универмаг, комбинат бытового обслуживания.

Женщина-крестьянка, прежде забитая, рабыня своего хозяйства, стала большой силой. Наравне с мужчиной она активно участвует в жизни колхозов, выращивая небывалые урожаи, добиваясь невиданных надоев молока от коров. Здесь, в колхозах, развернулись ее таланты и способности. Здесь участвует она в замечательном движении современности — в борьбе за право называться ударником коммунистического труда.

М. Евсейчик

КАК МЫ СТРОИЛИ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД

Мария Яковлевна Евсейчик родилась в 1899 году. Член КПСС с 1927 года. После Октябрьской революции работала в Челябинске и его районах на партийной и советской работе. С 1957 года — пенсионерка.

Осенью 1929 года началось строительство Челябинского тракторного завода. Я с первого дня строительства работала женорганизатором в постройкоме Челябтракторстроя. Сюда вербовали рабочих со всех концов Советского Союза. Строительство было начато в чистом поле, на пустом месте. Вначале нужно было построить склады для строительных материалов, магазины, столовые и бараки для жилья. А пока обеды привозили в термосах. Обедали стоя у костра на морозе. Пища быстро остывала, ее приходилось подогревать на костре. Тут же у костра проводились и короткие собрания, подводили итоги работы, выбирали бригадиров, женделегаток и принимали в члены профсоюза.

На строительство приехали разные люди. Многие из них раньше не работали на стройке и на производстве вообще. Надо было всех перевоспитывать, приучать соз-

нательно трудиться и преодолевать трудности. Среди завербованных оказались кулаки и подкулачники, которые старались использовать наши трудности для дезорганизации рабочих, вели подрывную работу.

Но рабочий класс умело давал отпор кулацким вылазкам и пресекал их антисоветскую деятельность. Среди рабочих и работниц широко развертывалось социалистическое соревнование. Рабочие и работницы брали на себя повышенные обязательства.

Итоги соревнования отражались на досках показателей. Эти доски красочно оформлялись. Бригада или участок, занявшие первое место, изображались на самолете, отстающие — на улитке или черепахе. Показатели работы вывешивались ежедневно, и около них всегда собирались рабочие. После работы здесь часто проводились «десятиминутки», где выяснялись причины невыполнения планов отстающими участками, а хорошие бригады делились опытом своей работы.

Передовикам вручалось Красное знамя, они брали на буксир отстающих и помогали им добиться хороших показателей. Среди передовиков были и женские бригады. Так, бригада Клавдии Лихаревой длительное время держала переходящее Красное знамя. Она выполняла план на 160—180 процентов. Кроме этого, для получения первого места от бригад требовалось еще активное участие в общественно-политической жизни.

Клавдия Лихарева была требовательным бригадиром. Она добилась образцовой дисциплины среди женщин. Ежедневно в конце рабочего дня подводили итоги выполнения своих обязательств и намечали план работы на завтра.

Одновременно со строительством основных промышленных и бытовых объектов многие рабочие построили лично для себя землянки. Так образовался целый поселок из землянок. С жильем было трудно, некоторые рабочие, несмотря на мороз, первое время жили в палатках. Чтобы поскорей решить жилищный вопрос, на втором участке построили засыпные бараки, где поселились рабочие: одиночки — в общежитии, а семейные — в отдельные комнаты. Там же появились красные уголки, клуб, поликлиника.

На третьем участке построили бревенчатые двухэтажные дома для инженерно-технического персонала. На

седьмом участке началось строительство кирпичных четырехэтажных домов. Строить приходилось в очень трудных условиях. Рабочие лопатами рыли котлованы, землю вывозили на тачках по выложенным из досок дорожкам.

Каждой бригаде давалось определенное задание. Трудились все: и женщины, и мужчины. Построечный комитет выдавал женщинам-ударницам красные косыночки. И на стройке, как алые маки, сверкали женские головки.

Подготовили четыре котлована, начали кладку стен. По трапам женщины на носилках носили кирпичи, раствор, помогая мужчинам. Рабочие и служащие Челябинска устраивали субботники, помогая нам строить жилье.

Как отличается строительство наших дней от того времени! Сейчас на стройке почти все процессы выполняют машины. Ни одна стройка не обходится без экскаваторов, подъемных кранов и других механизмов. А Челябинский тракторный, как и большинство заводов первой пятилетки, сооружали вручную. Лопата, кайло, носилки да тачки — вот и вся техника.

С большим энтузиазмом застраивали рабочие первые четыре дома, чтобы заселить их семьями лучших ударников к годовщине Октябрьской революции!

В один из предпраздничных вечеров в красном уголке мы проводили собрание актива женщин. Вдруг видим яркое зарево, слышим крики: «Горим!». Все побежали к месту пожара. Это горел на втором участке склад строительных материалов.

Одновременно вспыхнул пожар и на седьмом участке — горели два новых дома, в которых должны были справлять новоселье наши лучшие люди. Какой ужас, какое горе! Горят здания, с таким трудом построенные своими руками.

Эти пожары были делом рук кулацких элементов, которые, злобствуя на наши успехи, пытались вредить нам, чем только могли. Они совершили поджог в двух местах одновременно и перекрыли воду, чтобы сорвать тушение пожара. Все рабочие строительства прибежали на пожар и общими усилиями ликвидировали его.

В ответ на вылазку классового врага рабочие обязались восстановить разрушенные пожаром дома и заселить их рабочими, как и предполагалось, ко дню 7 но-

ября. День и ночь работали ударные бригады и выполнили свое обязательство в срок.

Враги на строительстве проявляли себя во всем. Они хулиганили, учиняли драки в общественных местах, срывали собрания, дискредитировали рабочих социалистической стройки. Вредили они в момент планировки промышленной площадки завода. Днем инженеры и техники распланируют территорию, забьют колышки на определенном месте, а ночью кулачье переставит их на другие места. И так было несколько раз. После этого пришлось увеличить охрану за счет коммунистов и комсомольцев. Все вражеские вылазки своевременно ликвидировались.

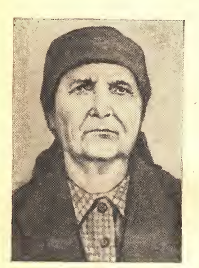
В июне 1930 года я была избрана делегатом на X Уральскую областную партийную конференцию, где рассказала о том, как чуждые элементы на наших государственных предприятиях тормозят нашу работу.

Никакие трудности не помешали рабочему классу завершить свою великую стройку.

В июне 1933 года состоялся пуск Челябинского тракторного завода. На это торжество к нам приезжал Михаил Иванович Калинин.

А. Брюхова

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ [1]

Агафья Петровна Брюхова родилась в 1894 году. Работала в сельском хозяйстве. В 1925—1927 годах была заместителем председателя Шестаковского сельсовета. Чистоозерского района. В 1927 году избиралась членом Уральского областного исполкома и членом ВЦИК 13-го созыва. В настоящее время — персональный пенсионер.

В 1927 году мне посчастливилось быть делегаткой Второго Всероссийского съезда работниц и крестьянок. Я работала тогда в ревизионной комиссии Ново-Троицкого сельсовета, Ишимского округа (ныне Чистоозерского района).

Трудно было в то время женщине на подобной работе, а особенно мне — с двухклассным образованием. На женщину в деревне тогда многие все еще как на рабу смотрели. Помню, иду как-то по улице, а богатые мужики сидят на завалинке и между собой, да так, чтобы слышно было мне, поговаривают:

— Эх, Агафья, была баба как баба, а теперь, вишь ты, делегаткой заделалась.

— Какой от нее прок, ежели она от печи отбилась?

[1] Литературная запись В. Пашина.

А Сильвестр Дронов, самый вредный кулак в деревне, кричит:

— Плохой у тебя муж, Агашка, я бы на его месте такую резолюцию наложил на твою спину — все бы бредни из башки вылетели!

Я острая была на язык — никому бывало слова не спущу. Остановилась, да и говорю ему этак ласково:

— Куда же твоя вежливость-то, Сильвестр Алексеевич, девалась? Сегодня в сельсовете меня на «вы» называл, когда налог просил скостить, в ножки хотел кланяться...

Прикусил губу Дронов, волком на меня взглянул, а я внимания не обращаю, свое ему:

— Выходит, Советская власть тебя опередила: не на мою, а на твою спину резолюцию-то наложила...

Так вот, выбрали меня делегаткой на съезд женщин. Приехала в Москву. Нас от Ишимского округа 12 делегаток, а я вроде как за старшую. Здесь на съезде и познакомилась я с Надеждой Константиновной Крупской. Встретила она нас в одном из залов Большого Кремлевского дворца, сердечно поздоровалась, каждую расспросила, что делается на местах, как мы, женщины, помогаем новую жизнь в деревне строить, и для каждой у нее имелось свое особое слово.

— Откуда, делегаточка? — помню, обратилась она ко мне.

— Из Ишимского округа,— отвечаю.

— С зауральской, значит, стороны... Богачка вы, Брюхова, чего только у вас под боком нет: и хлеб, и руда, и уголь... Сколько веков спало все это непробудным сном, а мы ведь разбудим, нельзя этому добру спать при Советской власти, верно, Брюхова?

— Верно,— говорю,— Надежда Константиновна!

— Ну, рассказывайте, как у вас там дела идут?

Стала я ей жаловаться, что трудно в деревне ломать вековые устои, не слушают нас, женщин малограмотных; на какие только уловки не приходится идти, чтобы быт новый вводить. Рассказала, между прочим, и о том, как я Сильвестра Дронова отделала. Рассмеялась она и говорит:

— Что же вы, Брюхова, жалуетесь? Да если бы вам на округ десятка два таких женщин, как вы, все на свое место поставили. А помощи из центра ждать нечего:

сами вы хозяева на местах, создавайте, ширьте актив — на него вся надежда.

Второй раз мне довелось встретиться с Надеждой Константиновной в мае 1929 года на Пятом съезде Советов, на котором я присутствовала как член ВЦИК. В то время я уже была заместителем председателя сельсовета.

Перед началом, когда все сидели на местах в зале заседаний, Надежда Константиновна проходила по рядам. И вдруг ее взгляд упал на меня. Она улыбнулась, не раздумывая, направилась в мою сторону и обратилась, как к старой знакомой.

— Дорогая Брюхова, и вы здесь! Ну, здравствуйте, здравствуйте,— энергично трясла она мою руку.— Молодец! Видно, впрок пошли вам уроки нашего женского съезда. Как здоровье-то?

— Хорошо,— отвечаю.

В этот момент по залу пробежал легкий шум, потом аплодисменты: это президиум занимал места. Впереди Михаил Иванович Калинин, за ним товарищи Ворошилов, Куйбышев, Кржижановский...

— Поговорим в перерыве,— шепнула мне Надежда Константиновна и удалилась.

В перерыве долго мы с ней беседовали. По просьбе Крупской рассказала я об организации яслей в нашем колхозе «Личный труд», о том, с каким трудом удалось нам, деревенским активистам, получить согласие матерей отдавать в страдную пору в ясли своих детей: ведь кулак-то везде старался нам палки в колеса ставить. Каких слухов он ни распускал по деревне насчет тех яслей: и будто дети там голодные, и что бьем мы их нещадно...

— Ну, и как же вам удалось сломить недоверие матерей? — требовала подробностей Крупская.

Я рассказала, как однажды мне пришла в голову такая мысль: пусть-ка сами матери по очереди дежурят в яслях: и нам помогают, и за работой нашей следят. А на собрании матерей вынесли такое решение: каждая мать имеет право в любое время проверять ясли. С тех пор все пошло как по маслу.

Записала Надежда Константиновна мой рассказ, поблагодарила и непременно велела писать ей, как будут идти дела с яслями дальше.

На Пятом же съезде Советов познакомилась я с Михаилом Ивановичем Калининым, всероссийским старостой, как его ласково называли тогда. Легко было с ним беседовать, потому что знал он наши крестьянские дела как свои пять пальцев. Кстати, на этом съезде он доклад делал «О подъеме сельского хозяйства и кооперативном строительстве в деревне».

Михаил Иванович очень удивился, когда узнал, что я малограмотная.

— А как же это вы так хорошо политику нашу понимаете, будто все книжки по этим вопросам прочитали?

Я ответила, что память у меня хорошая: что на съезде говорилось, могу будто по бумаге пересказать.

— В партию вам надо вступать, товарищ Брюхова, и учиться надо.

— Боюсь я, Михаил Иванович,— отвечаю,— без учебы, без теории тут нельзя никак, того и гляди напутаешь, подведешь авторитет партии.

И тут же рассказала ему один случай. Отчитывалась я как-то в своей депутатской работе перед избирателями нашей деревни. Вопросов, как всегда, было много. Спрашивали меня и о займах, и о налогах, и о тракторах. А я возьми и скажи, что скоро появятся у нас такие машины, которые сами будут жать, вязать и молотить. Народ изумился. Вижу — не верят многие. Кто-то из задних рядов кричит:

— Врет она, не может быть таких машин!

А я отвечаю:

— Нет может, комбайнами называются!

— Скажи же ты, и слово-то какое выдумала «комбай»,— зашумели по рядам.— А ну, расскажи, как он работает!

И все собрание в один голос подхватило: расскажи!

А я сама-то не знала, как он работает, только помню, в «Крестьянской газете» вычитала заметку, что будут такие машины у нас выпускать. Вот, думаю, попала впросак! Подняла руку, чтобы шум стих, и говорю:

— В двух словах тут, товарищи, не расскажешь, потому что механизм этот очень сложный. Давайте по этому вопросу собрание специально проведем, а пока поверьте мне на слово.

Кое-как успокоила народ, а в протоколе так записала: «Провести собрание о комбайне».

Пришла я домой, спешно написала письмо в «Крестьянскую газету», корреспондентом которой я являлась. Дескать, так и так, пришлите литературу о комбайнах. Дней через десять приходит бандероль. Воспрянула я духом, с горем пополам выучила все, что было написано в книге, и рассказала на очередном собрании...

— Вот,— говорю,— Михаил Иванович, хорошо, что редакция быстро мою просьбу выполнила. А затеряйся где-нибудь письмо или бандероль — засмеяли меня бы крестьяне, уж была бы тогда пища для кулацкой агитации. Так что нельзя мне пока с такими знаниями в партию идти.

Выслушал меня Калинин, помолчал минутку и согласился:

— Это верно, товарищ Брюхова, построение социализма — работа творческая, без знаний здесь никак нельзя: надо учиться, учиться, несмотря на ваш возраст.

Михаил Иванович был человеком отзывчивым, внимательным. Он всячески старался нам помочь в работе с массами, давал очень ценные советы и указания.

У меня сохранились письма, задания, которые я получала от Михаила Ивановича Калинина, от Президиума ЦИК Союза ССР.

В одном письме М. И. Калинин просит сообщить президиуму ЦИК Союза ССР замечания и предложения, касающиеся деятельности села. В другом письме от 30 октября 1928 года он дает задание по перевыборной кампании Советов. Часто я получала из Москвы материалы для бесед с крестьянами.

Как дорогую память, храню я членский билет за № 57 члена ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 13-го созыва. Этот билет подписан Михаилом Ивановичем Калининым.

Большую помощь в бытность мою заведующей яслями колхоза оказали мне письма, которые я получала от Надежды Константиновны Крупской. Огромную силу таили в себе эти дружеские письма. Иногда ничего особенного и не пишет, а просто ободрит теплым словом или по-дружески признается, что ей тоже очень трудно сейчас, но ничего — будем крепиться, будем бороться... Прочитаешь такое письмо, и будто вера в тебя вольется, и никакие трудности тебе нипочем...

А трудностей в начале тридцатых годов было много.

Тов. Брюхова, получила я Ваше письмо еще в сентябре месяце, но ответить не смогла, потому что все время была страшно перегружена. Но вот сейчас просматривала не отвеченные письма, перечла Ваше письмо и [illegible] написать Вам. Такие письма, как Ваше, ценны очень: [illegible]

Вас. [illegible]

Дорогой товарищ, в [illegible] Вам шлю Вам и всему коллективу горячий товарищеский привет.

Н. Крупская.

28/I-32. Как теперь Ваше здоровье? Поправились Вы?

Письмо Н. К. Крупской.

Приходилось бороться на два фронта — с кулачьем и с проклятой деревенской темнотой.

Писала я обо всех этих трудностях Надежде Константиновне, только теперь уже без жалоб, а наоборот, с твердой уверенностью, что скоро будем мы торжествовать победу: рушится домострой.

Вот одно из ее ответных писем:

«Тов. Брюхова, получила я Ваше письмо еще в сентябре, но ответить не смогла, потому что все время была страшно перегружена. Но вот сейчас просматриваю не отвеченные письма, перечла и Ваше письмо и захотелось мне написать Вам. Такие письма, как Ваше, ценны очень: не закрываете вы глаза на трудности, но много бодрости в Вашем письме.

Дорогой товарищ, перед нами очень трудный год, который требует от всех нас очень напряженной работы. Я вот по делу народного образования вижу. Провели всеобщее обучение, а теперь надо бороться, чтобы школу сделать как можно лучше, теперь школа приобрела особо важное значение. Тут надо, чтобы своими советами, своим опытом само население помогало. Взрослое население теперь не огрызков знания хочет, а хочет знанием овладеть полностью, и тут нужна большая работа. А главное — организация. По-новому надо организовать весь труд, всю жизнь...

В деревне это труднее, чем в городе. Много старых собственнических привычек. Но меняется жизнь, вперед идет. Об этом вы правильно написали.

Дорогой товарищ, в Ленинские дни шлю вам и всему колхозу горячий товарищеский привет. 22/I—1932 г.

Как теперь ваше здоровье, поправились ли?»

Н. Крупская.

К 1935 году здоровье мое сильно пошатнулось. По требованию врачей пришлось уйти на пенсию. Но переписку с Крупской я продолжала до самой ее смерти. В каждом письме она не забывала спрашивать о моем здоровье, желала скорее поправиться.

Много ценных советов по воспитанию детей в коммунистическом духе дала она нам, женщинам. И направ-

ление этих советов, их суть можно выразить ее же словами:

«Ребят с юных лет надо воспитывать так, чтобы они умели сообща жить и работать».

Как сейчас, помню ее тихий, ласковый голос и добрые-добрые глаза, особенно в те минуты, когда речь заходила о воспитании юного поколения. Трудно себе представить, что эта женщина, не имея своих детей, так хорошо изучила психологию ребенка. Впрочем, я не права: у Крупской, конечно, были дети, много детей, миллионы детей — и все родные!

Ф. Альбенская

В БОРЬБЕ ЗА ТОРЖЕСТВО ИДЕЙ КОММУНИЗМА

Феофания Степановна Альбенская (Бояршинова) родилась в 1900 году. Член КПСС с 1919 года. Трудовую деятельность начала учительницей. С 1920 года по 1923 год — на партийной работе среди женщин. С 1923 до 1931 года — на ответственной профсоюзной работе. 1931—1937 годы — учеба в институте стали. С 1937 до 1957 года — на ответственной работе в Наркомате оборонной промышленности и Министерстве машиностроения. В настоящее время — персональный пенсионер.

Прожив шесть десятков лет, начинаешь анализировать пройденный путь. Добрых 40—45 лет из 60 прожиты в борьбе за торжество идей коммунизма. Видеть воплощение в жизнь своих стремлений и надежд — это большое счастье.

Коммунистическая партия все время борется за овладение сознанием масс. Наиболее забитыми, бесправными, безграмотными в дореволюционные годы были женщины. Поэтому работе среди женщин партия всегда уделяла особое внимание.

Я поделюсь своими воспоминаниями о работе среди женщин в Пермской партийной организации, после освобождения Перми от колчаковских банд.

В январе 1920 года я окончила советско-партийные курсы и была направлена в губженотдел для работы в качестве инструктора по заводским районам. В отделе уже, кроме заведующей, работало три инструктора.

В марте 1920 года была созвана первая губернская конференция женщин. Это было большим событием. Собрались забитые судьбой малограмотные труженицы. Многие из них город увидели первый раз в жизни. Зато с каким вниманием и интересом слушали они все доклады, как загорались глаза живым огоньком надежды и веры в лучшее будущее! Эту веру и полученные ими знания они несли потом в массы, отчитываясь на общих женских собраниях.

Регулярно, через каждые два месяца, проводились совещания работников женотделов. Были организованы специальные курсы по подготовке работников женотделов. Заведовала курсами Конкордия Григорьевна Ольховская. Я была заведующей учебной частью. 48 женщин, окончивших эти курсы, были назначены волостными организаторами и семь — уездными организаторами по работе среди женщин.

И все же еще не хватало двухсот работников. Губженотдел ставил перед собой задачу — иметь организаторов по работе среди женщин в каждой волости. Связь с местами осуществлялась через инструкторов. Для связи с другими организациями (здравотдел, наробраз, охрана труда) на делегатском собрании выделялись общественные инструкторы. Делегатки участвовали в съездах советских работников, работников охраны материнства и младенчества, по борьбе с беспризорностью, по ликбезу.

С 1922 года постепенно налаживалась работа среди женщин в профсоюзах. Женотдел через профорганизаторов стремился выдвигать женщин-работниц в члены завкомов, месткомов, в разные комиссии, но часто мешала малограмотность работниц, занятых в промышленности. Поэтому первоочередной задачей ставилось вовлечение женщин-работниц в школе ликбеза. Даже в числе делегаток было много совсем неграмотных.

С восстановлением промышленности женотделы все больше стали заниматься вопросом повышения квалификации женского труда, стремились во все профтехшколы направлять женщин.

В 1923 году были ликвидированы губернии, организованы области. В Перми образовался округ, который входил в состав Уральской области. На окружной партконференции заведующей женотделом избирается Л. А. Мехоншина. Я была направлена для работы среди женщин в профсоюз рабочих-металлистов.

В первую очередь я организовала работу непосредственно на заводах, стремилась к тому, чтобы профорганизаторов-женщин избирали в завкомы и выдвигали их на учебу, на повышение квалификации. Приходилось бороться за каждую работницу, за ее закрепление на производстве. Так как безработица возрождала пережитки капиталистических отношений к женщине, некоторые хозяйственники старались увольнять с предприятия прежде всего женщину, как наименее квалифицированную рабочую силу.

Так год за годом росли женские кадры, учились и выдвигались на ответственную работу в партийные, советские и профсоюзные органы.

Многие работники среди женщин начали свой путь с делегаток, а выросли до секретарей райкомов, председателей райисполкомов и в тридцатых годах были активными кадрами партии по проведению коллективизации на селе и индустриализации в промышленности.

Многие были выдвинуты на работу в вышестоящие организации.

Скажу о себе. Могла ли я, дочь рабочего Очерского завода, мечтать, что меня, 18-летнюю молодую учительницу, революция выдвинет на учебу в институт стали. Получив высшее образование инженера-металлурга, я работала в оборонной промышленности в Наркомате. Затем партия выдвинула меня заместителем начальника главка Министерства, где я и работала всю Отечественную войну и была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Я горжусь, что меня выпестовала Коммунистическая партия и, будучи ее рядовым, я прожила свою жизнь в борьбе за торжество идей коммунизма.

О. Крылова

НА ВЕЛИКОЙ СТРОЙКЕ

Ольга Петровна Крылова родилась в 1899 году. Член КПСС с 1918 года. В годы гражданской войны — политработник Красной Армии, в последующие годы — на партийной и советской работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

В 1928 году, когда у меня было двое детей, я пошла учиться в комвуз. На последнем курсе проходила практику на строительстве Уралмаша и по окончании комвуза была направлена туда на партийную работу — заместителем секретаря парткома.

Парторганизация там была в 1930 году еще небольшая. С развитием строительства и готовностью отдельных цехов приток коммунистов увеличивался. На площадке Уралмаша был создан самостоятельный райком партии, первым секретарем избрали Феньковского.

Я работала в это время секретарем заводского партийного комитета коллектива строительства. Актив у нас значительно вырос и агитационно-массовая работа развертывалась все шире.

Большую помощь оказывал нам начальник строительства А. И. Банников. Это был сильный организатор, знающий свое дело руководитель и прекрасный массовик. Днем решает крупные хозяйственные вопросы, вечером идет в барак и беседует с сезонниками. Народ знал его и любил.

Основные кадры рабочих — сезонники из Костромы, Вятки, Воронежа. Сюда они шли пешком, ехали в теплушках.

Плотники приходили со своим инструментом, в национальных и местных костюмах, в лаптях. Главной фигурой на строительстве тогда являлись землекопы, так как машин и экскаваторов у нас почти не было.

В первый период многое зависело от того, как работали землекопы. А трудились многие из них, не считаясь со временем, по 14—16 часов в день. После основной работы шли на субботники — разгружать оборудование и другие грузы, прибывшие на строительство, чистили площадку, убирали, белили в бараках.

Агитационная работа проводилась в обеденный перерыв на строительных участках, а вечером в бараках. В каждом бараке был красный уголок, заведывал им политрук, он знал запросы и нужды рабочих, читал им газеты, выпускал листовки.

Враги Советской власти, используя раскулаченных, пробиравшихся на строительную площадку, пытались мешать стройке. Так, в кузнечно-прессовом цехе они произвели аварию. В 1930 году в пятом бараке был убит заведующий красным уголком Хабитов.

Строительство проходило в трудных условиях. Не хватало жилищ. Постройка домов не поспевала за размахом стройки. Была одна небольшая деревянная баня. Работала она круглые сутки, но не могла обслужить всего населения.

Поликлиника только что воздвигалась, прием больных проводился также в бараке, на поселке.

На строительство в качестве консультантов были приглашены иностранцы: немцы, американцы. Я с семьей жила тогда в доме немецких специалистов. На одной площадке лестницы с нами жил консультант — американец, а его переводчик — в одной квартире со мной. Они вообще не любили русских, держались высокомерно, по-русски говорить не желали.

Часть оборудования завода шла из Германии и паспорта станков были написаны на немецком языке. Комсомольцы, работая днем, вечером ходили учиться в кружки по изучению немецкого языка. Им хотелось без переводчика разбираться в документах.

Полная энергии и энтузиазма, молодежь работала поударному и хорошо отдыхала и веселилась. Клуб был еще в бараке, но комсомольцы умели занять молодых рабочих.

Уралмашзавод создавала вся страна. Строительство велось под руководством ЦК партии и обкома. На стройку в разное время приезжали Орджоникидзе, Калинин, Ворошилов, Николаева.

Заведующая агитационно-массовым отделом ЦК партии т. Николаева учила нас, как вести партийную и агитационно-массовую работу, сама бывала в бараках, в общежитиях. Она указывала, что главное в партийной работе — идти в ногу с жизнью, больше бывать на производстве, заботиться о людях.

Живое руководство партии обусловило успехи во всей работе строительства.

Скоро на площадке появились квалифицированные рабочие с крупных заводов центральной России и Украины, да и сезонники приобретали квалификацию, ликвидировали неграмотность и становились кадровиками. Было организовано много технических курсов, кружков, где люди овладевали техникой. Впоследствии был создан учебный комбинат.

Лучшие производственники пошли в вузы. Многие учились индивидуально, успешно преодолевая возникающие трудности.

Особенно следует остановиться на росте девушек и женщин, приехавших из далеких деревень. Они ликвидировали свою неграмотность, приобретали профессию, повышали культурный уровень. Многие из них вскоре уже стали одеваться по-городскому, стали ходить в театр, кино.

С развитием строительства росла и парторганизация. В начале моей работы у нас насчитывалось 40 коммунистов, а к осени 1931 года в одной заводской партийной организации уже было 1239 человек.

Расширялась стройка, рос рабочий класс, все сильнее становилась партийная организация, которая все больше оказывала влияния на дела молодого завода.

Вся страна готовилась к пуску первенца индустрии страны социалистического завода-гиганта.

Торжественный пуск «отца заводов» — Уральского завода тяжелого машиностроения — в 1933 году праздновал весь советский народ.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Л. Лебедева

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

Лидия Михайловна Лебедева родилась в 1920 году. Училась в Свердловском педагогическом институте и одновременно на курсах медицинских сестер запаса. Всю Великую Отечественную войну была на фронте. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В настоящее время работает педагогом в Камышловской средней железнодорожной школе.

Взявшись за руки, мы шумной стайкой шли поздним вечером по опустевшим улицам Свердловска. Студентки Педагогического института, мы без отрыва от занятий учились еще в школе медицинских сестер. Но никто из нас, конечно, не думал, что первой нашей профессией будет медицинская. Поступили мы учиться в сентябре 1939 года. В напряженных занятиях и дежурствах в больнице год пролетел незаметно. В июле 1940-го сдали государственные экзамены, получили свидетельства и военные билеты.

А через год — война. Аудитории опустели: в первые же дни большинство ребят ушло на фронт. Я тоже пришла в военкомат и сдала паспорт — гражданский документ. Сборы недолгие: оторвала клочок бумажки от газеты, на один конец намотала белых ниток, на другой — черных. Мама говорит: «Возьми обе катушки». Я отвечаю: «Ты что, мама, зачем мне они, самое большее, через 3 месяца вернемся обратно». Вот с этим «снаряжением» и явилась я в воинскую часть 31 августа 1941 года и

была зачислена в медсанбат при стрелковой дивизии. Нас, сестер, было 23 — из Камышлова, Асбеста, Свердловска. Среди девчат — я старшая. Мне 21 год. Остальным по 18—19 и одной даже 16 лет. Такие, как Лена Бабина, Ася Решетникова, Соня Васильева, Вера Крестьянникова, маленькие ростом, худенькие, выглядели совсем девочками. Но какими они оказались выносливыми, терпеливыми. Настоящие уралочки! Никто не стонал, не хныкал; о себе пришлось забыть, на плечи каждой легла забота о десятках раненых.

Дивизия вступила в бой в конце ноября 1941 года под Москвой. Раненых из медсанбата отправляли прямо в Москву. Тяжелое время. Нет ни опыта, ни сноровки. Жалость к бойцам переполняет сердце. Ухаживали за ранеными, пока не падали от усталости. Никто не замечал смены дня и ночи. Шагая по дорогам Подмосковья, мы часто напевали нашу любимую песню: «А когда не будет фашистов и в помине...» Шли и мечтали о мирных днях.

Пришел первый праздник и на нашу улицу. В начале декабря наши части начали гнать немцев от Москвы. Шагали вместе с дивизией по пятам немцев, сотни их валялись в снегу. От деревень оставались одни печные трубы. Мы развертывали медсанбаты в бывших скотных дворах, ставили бочки-печки, застилали плащ-палатками старый навоз, чтобы раненым было теплее лежать. Старший хирург Виталий Михайлович искусно клал печки. Зима 1941 года была суровая. Замерзали не только руки, но даже губы, пятки ног. Однажды к нам старушка привела девочку. Звали ее Нина, ей было лет 7—8. Пальцы рук, лицо, ноги у нее были обморожены. Девочка рассказала страшную историю. Отступая, немцы угоняли наших людей. Мать девочки тоже выгнали из деревни. Кроме Нины, у нее было еще двое детей: Витя трех лет и Саша трех месяцев. Нина рассказывала: «Витька сам не мог идти, а нести двоих мама не смогла. Снег был очень глубокий. Мама устала. Немцы били ружьями тех, кто отставал. Тогда мама положила Сашу на снег и пошла, взяв на руки Витю. Я плакала, кое-как успевала идти, затем я упала и не помню больше ничего». Молча слушали мы рассказ девочки...

В канун Нового, 1942 года, принимали мы раненых прямо с передовой. Пулеметная стрельба, вокруг пожары. Пришли в назначенную деревню вечером, но... домов

не оказалось, зияли сплошные громадные воронки. Остались только два не совсем сгоревших здания школы. Входим в одно. Встретила нас женщина. Это была учительница, она собрала 15 крохотных детей-сирот. Утром мы зашли к детям с гостинцами — сухарями и кусочками сахара. Почти 20 лет прошло с того момента, но забыть это невозможно. В детских кроватках, держась исхудалыми ручонками за перильца, приподнялись на слабых ножках дети. Личики худые, с болячками, глаза большие. Когда они увидели в наших руках сахар, то единственно, что пролепетали: «Са-са-хар!» И потянулись маленькие ручки... Смотреть на это зрелище не было сил.

Под Ржевом, зимой, на операционный стол положили лейтенанта. Это был паренек 19 лет, свердловчанин. Звали его Борис. Фамилию не помню. Но очень хорошо помню его ранение: миной ему оторвало правую руку выше локтя. Большие осколки торчали в развороченном обрубке руки. Он не жаловался, не стонал, ничего не просил, он был спокоен. Нас всех поразил его рассказ о том, как они шли в бой, как попали под страшный огонь врага, но никто не повернул назад: «Вы понимаете, никто не повернул, никто не струсил!». Спасти его в тех условиях не было сил: он потерял много крови и через несколько часов умер. Мы с сестрами плакали, как будто это был брат или любимый.

Мы продвигались вперед пешком, проходя по 40—45 километров в день без дорог, по сугробам, деля часто сухарь на 5—8 человек. Шли от Москвы все дальше и дальше на Запад.

Когда начались бои под Орлом, раненых поступало в день до 1000 человек. Домишки в деревне маленькие, многие разбиты, класть раненых было некуда. Мы втискивали раненых в дома за печку, под печку, под лавки, лишь бы не оставлять на морозе. На сортировке у нас работала Аннушка Ширяева из Асбеста (она и нынче там работает медсестрой). Ее можно было видеть в любое время суток на ногах, смены ей никогда не было. Как ее только ноги носили! То она записывает раненых, то раздает обед, то развозит раненых по отделениям. И так всю войну. Без жалоб и нытья. Палатной сестрой была у нас Марийка Додонова. Заболела она брюшным тифом, но, немного окрепнув, вновь стала бессменной сестрой. В это время под видом раненого к нам был заброшен зараженный

сыпным тифом изменник Родины. Когда об этом узнали, бо́льшая часть сестер уже заболела сыпным тифом. Ухаживать за больными было некому. Марийка, уже заболевшая, ни на минуту не уходила из палаты. Я помню ее в громаднейших серых подшитых валенках, еле передвигающую ноги. Но когда ей говорили: «Иди ляг», она отшучивалась. Марийка ухаживала за ранеными до тех пор, пока не упала. Она умерла. Похоронили мы ее со всеми воинскими почестями в орловской степи, на высоком холме. Наказывали колхозникам беречь могилу. Эта героиня не взрывала танки, не сбивала самолеты, но мужественно делала свое трудное дело...

Уже в составе танкового корпуса при Второй танковой армии мы шли по курской земле. Здесь, в Коровинском лесу, мы принимали раненых танкистов, у которых от порохового дыма не было видно ничего, кроме белых зубов. Танкисты рассказывали, что фашистов не только били на Курской дуге, а буквально мололи танками. Да, это была жестокая война, и надо сделать все, чтобы такое не повторилось!

...Украина встретила нас в 1944 году непролазной грязью. Но радовались все, глядя на бесконечные вереницы фашистских машин, застрявших по дорогам.

Небольшими группами мы вышли 8 марта из своей части пешком, чтобы подобрать раненых, оставленных передовыми частями в домах на попечение жителей и уцелевших гражданских медиков. Смешно вспомнить, как согнувшись под тяжестью вещевых мешков, где находился медицинский инструмент и медикаменты, мы с трудом вытаскивали ноги из липкой грязи и наши застрявшие машины. Мы прошли 400 километров, не имея даже куска хлеба. Есть мы просили у украинских колхозников. За это время мы собрали сотни раненых, оказывая им помощь. Машины с имуществом нас догнали только под Яссами в канун 1 Мая.

Подвигаясь к Варшаве, мы ехали по шоссе. Навстречу нам двигались кучки людей в лохмотьях, с палками вместо костылей, они шли, поддерживая друг друга, многих вели под руки. Все они были ранены. Люди шли на Восток. Вдруг наши машины свернули в лес. Нам приказали принимать раненых. Здесь мы узнали, что это были за люди. Накануне наши части освободили город Деблин, а там в крепости томились наши пленные раненые

бойцы. Некоторые в плен попали еще в 1941 году. Первого перевязывала я паренька, ровесника мне, а выглядел он стариком. Раны у всех старые, гнойные, обмотанные бумагой. Наложив повязки и шину, я начала бинтовать. Он внимательно смотрит и вдруг говорит: «Сестричка, что же ты так много бинтов на меня расходуешь, за все годы столько не бинтовали меня».

Эти бойцы рассказывали, что среди пленных были врач и сестры. Так они, чтобы хоть как-нибудь помочь раненым, засыпали раны чистой золой и пеплом, а бумажные бинты выпрашивали у немцев.

Заходя в румынские селения, мы были удивлены, что нет детей и молодых женщин. В домах оставались только старухи. Потом мы узнали, что румынский народ был запуган, женщины и дети прятались. В одной хате к нам подошла старуха, внимательно и пристально посмотрела на наши головы, ноги, а затем, не вытерпев, провела по голове одной девушки рукой. Оказывается, им говорили, что мы, большевики, все с копытами и рогами. Нас, военных женщин, боялись больше, чем мужчин. Им внушали, что советская женщина в армии обязательно мстит за кого-то родного. В одном румынском селе со мной произошел забавный и грустный случай. Под вечер, идя по улицам села, я залюбовалась очень красивым мальчиком лет четырех. На завалинке дома сидели взрослые. Мальчик играл на мостике через канавку. Когда я поравнялась с ним, он протянул ручку и сказал по-русски: «Сахар». Я присела на корточки перед ним и говорю: «У меня нет сахару, пойдем ко мне в гости, тогда я угощу тебя». Ребенок, конечно, меня не понял. Взрослые напряженно следили за всем происходящим. Я взяла мальчика на руки и подняла высоко над головой. Он страшно закричал и забился в руках. Одна из женщин кинулась к нам, но ее крепко схватил за руку старик. Я поставила мальчика на ноги и пошла дальше.

В этой деревушке мы стояли несколько дней, крестьяне к нам привыкли, обращались с разными просьбами без боязни. Стояли мы в здании школы. Она помещалась на окраине села, в плохоньком домике из трех комнат. В память ярко врезался сгнивший, покривившийся пол в комнатах. Мы привыкли, что в любом селении у нас лучшее здание — это школа. А тут?..

Все ближе и ближе подходили к Берлину. Мы шли

вместе с танковым корпусом. Очень хорошо помню 29 и 30 апреля. Ясные весенние дни. Небо — голубая бездна и волны наших самолетов, летящих на бомбежку. Земля гудела от взрывов. 1 мая я увозила раненых из Берлина. Меня поразило обилие флагов в окнах домов, белые, красные, они сверкали везде. Располагались в Берлине мы в зданиях больниц. Работали в перевязочной и операционной до полного изнеможения. Была у нас старшая операционная сестра — молодая женщина Аня Булатова. Она не только стояла у стола, но умело проводила рассечение ран, переливание крови. Круглые сутки она была на ногах. Как только у нее хватало сил, трудно понять. Ночью, иногда на час-два, она прикурнет тут же на мешках с перевязочным материалом — и вновь к столу. Если ее звали, когда она спала, то она вскакивала мгновенно, брала банку с кровью и шла к раненому. Мы смеялись, так как ее звали не для переливания крови... Зато в минуту затишья Аннушка играла на гитаре, пела, очень любила плясать.

День Победы нас застал в бывшем концлагере, в Реббике. Утром, в 6 часов, нас подняли по тревоге. И вдруг объявляют: «Войне конец!» Мне, как ветерану войны, дали слово для выступления. Не помню, что я говорила перед строем. А когда распустили из строя, все потеряли вдруг разум. Целуемся, обнимаемся, крутим друг друга. Мы выбежали за ворота лагеря. Толпы людей текли на Восток. Худые, изможденные, но радостные! Каких только не было национальностей! Вечером, впервые за четыре года, мы распахнули освещенные окна. Никто не кричал: «Воздух». Никто не прятал света. Вот и пришла победа!

Мы стали собираться домой. Демобилизовавшись, я сразу же вернулась работать в школу. Я учу теперь десятки Наташ, Валь, Саш и хочу одного: чтобы они никогда не слышали воя бомб, не видели изувеченных людей, чтобы они были здоровы, бодры, катались на лыжах, играли в футбол, чтобы их голоса звучали радостно. У меня растет дочь. Я хочу, чтобы она спокойно спала в своей кроватке, чтобы, приходя из садика, она с радостью рассказывала о том, как весело сегодня играли и пели, чтобы никто не тащил ее, сонную, в окоп, не зажимал рот.

Мир! Что может быть счастливее мира на земле?

Война! Что можно придумать злее и бесчеловечнее?

Ф. Феофилактова

ГВАРДИИ РЯДОВАЯ[1]

Фекла Сидоровна Феофилактова родилась в 1899 году в семье крестьянина. Участница Великой Отечественной войны. Награждена орденом Красной Звезды и медалями. Принимает активное участие в работе женсовета Серовского металлургического комбината и городского женсовета.

Каким-то особым, шестым чувством Фекла Сидоровна почувствовала, что немецкий снаряд летит именно сюда — на лесную поляну, где стояла полевая кухня. Куцый и неуклюжий, он отскочил от бруствера траншеи и, упав поблизости, не разорвался. Фашисты пошли в контратаку. Солдаты, так и не успев пообедать, побежали туда, где уже гремел бой.

К вечеру передовая перенеслась на несколько километров вперед — в глубь Германии. Уставшие бойцы вслух мечтали об обеде. И в это время между поросшими ковылем кочками показался ползущий человек с объемистыми термосами на спине.

— Да это наша мать!— догадались солдаты.— С обедом.

Возле ползущей взметнулись фонтанчики земли. Гитлеровские пулеметчики увидели Феклу Сидоровну и открыли огонь.

А на другой день командир части подписывал наградной лист на гвардии рядовую Десятого Уральского

[1] Литературная запись Р. В. Логинова.

добровольческого корпуса — повара Феклу Сидоровну Феофилактову...

Весной 1943 года она была зачислена в списки корпуса, и вместе со своим мужем Георгием Титовичем прошла славный боевой путь от Москвы до Берлина. Сколько любви и старания она вкладывала в выполнение своих нехитрых обязанностей. Ласковое «наша мать» было лучшей благодарностью солдат-уральцев этой скромной женщине.

— Ночью выпал снег,— вспоминает Фекла Сидоровна,— стало холодно. Наши части подошли к берегу Одера. Фашисты яростно цеплялись за каждый клочок земли. Танкисты закрепились, а на другой день стали готовиться к форсированию реки. В 12 часов дня я приготовила обед и отошла с кухней в прибрежный лесок. А в девять вечера на наши позиции налетели немецкие бомбардировщики. Помню только пронзительный вой бомбы и резкую боль в спине. Так меня ранило.

Фекла Сидоровна нашла в себе силы дойти до пункта первой помощи. От эвакуации в госпиталь отказалась. После переправы через Одер отважная женщина была награждена орденом Красной Звезды.

...В Серове на центральной магистрали города — улице имени Ленина — в одном из многоквартирных домов живет сейчас со своим мужем Фекла Сидоровна. Ей — 63 года, на ее плечах большая забота: она ухаживает за больным мужем — инвалидом Великой Отечественной войны.

Эту чистенькую уютную квартиру знают многие серовцы. Часто навещают своих товарищей калибровщики комбината имени Серова, пионеры. А в городском краеведческом музее, как драгоценные экспонаты, хранятся благодарности Верховного Главнокомандующего, которые были даны супругам Феофилактовым.

Прощаясь, Фекла Сидоровна достает скромную коробочку, в которой хранятся ее боевые ордена и медали. Задумчиво перебирая их, она говорит:

— Всяко приходилось в те трудные годы. Мы победили, потому что защищали нашу свободу, нашу Родину.

Ю. Егошина

УРАЛЬЦЫ СВЯЩЕННУЮ КЛЯТВУ СДЕРЖАЛИ...

Юлия Герасимовна Егошина родилась в 1903 году в деревне Коряковцы, Марийской области. Член КПСС с 1930 года. В этом же году поступила на вечерний рабфак, где училась без отрыва от производства. С 1934 по 1939 год училась в Уральском политехническом институте имени С. М. Кирова. После окончания института, с 1939 до 1958 года, работала на Уралмашзаводе инженером-технологом, старшим инженером и ведущим инженером по новой технике. Лауреат Государственной премии.

В годы пятилеток в глухой тайге, в пустынных степях поднимались новые города, поселки, строились заводы. Дал первую сталь Кузнецк, первый ток — Днепрогрэс, первый трактор — Челябинск, по пустыням Турксиба двинулись поезда. В Свердловске вырос могучий Уралмашзавод.

С ростом промышленности возрастала нужда и в кадрах. Были созданы рабфаки, готовившие рабочих для поступления в институты. Я тоже поступила учиться на рабфак. Потом работала на заводе, а потом, на тридцать шестом году жизни окончив институт, я, в прошлом малограмотная батрачка, стала инженером-специалистом по сварке.

Как описать Уралмаш — этот завод заводов! Гигантские станки, сложнейшие агрегаты. Люди, уверенно

управляющие этими машинами. На мою долю выпала большая честь работать инженером-технологом на этом заводе.

Тогда на Уралмашзаводе сваривались только строительные конструкции: фермы, балки, прогоны, оконные переплеты для цехов и т. п. Все же более ответственные узлы изготовлялись клепаными или же цельнолитыми. Нужны были упорный труд и долгие искания, чтобы изжить клепаные конструкции и большинство деталей перевести с литья на сварку.

Но сварка — это дело новое. Не было нормативов на сварочные и сборочные под сварку работы, очень мало было технической литературы. Кроме того, нужно было найти такие электроды, разработать такие технологические процессы, при внедрении которых качество сварного шва было бы не ниже основного металла.

Перед нами был непочатый край работы. Еще будучи студентами, мы были влюблены в электросварку.

Из месяца в месяц сварочное производство на нашем заводе расширялось и занимало большое место в общем технологическом цикле изготовления различных машин.

Администрация завода нас, специалистов по сварке, посылала в командировки на другие заводы и в научно-исследовательские институты для обмена техническим опытом.

Так, в апреле 1940 года я была командирована в Ленинград на Кировский завод для знакомства с конструкцией и технологией изготовления моста имени лейтенанта Шмидта через реку Неву, впервые изготовленного в Советском Союзе полностью сварным. Мы на месте ознакомились с этим грандиозным сооружением, на котором не было ни одной заклепки. Даже все монтажные соединения моста были выполнены сваркой в вертикальном положении.

А через год я поехала в Днепропетровск для освоения автоматической сварки, где впервые в нашей стране автосваркой под слоем флюса сваривались балки коробчатого сечения для моста через реку Днепр.

Чтобы лучше освоить автосварку, я попросила поставить меня на рабочее место. Моя просьба была удовлетворена, и я около месяца работала на сварочном автомате.

Там я встретила высокого, энергичного, лет семидесяти, человека, с пышными седыми усами, в синей спецовке. Это был академик Е. О. Патон, директор Киевского института электросварки Академии наук УССР.

Евгений Оскарович был автором автоматической сварки под слоем флюса и сам лично ездил по заводам внедрять этот замечательный, высокопроизводительный метод.

С его внедрением сварка перестает быть тяжелым, изнуряющим ручным трудом. Работа сварщика сводится к настройке автомата на нужный режим, включению и выключению пусковых кнопок на щитке управления. Весь процесс идет автоматически, быстро, точно, швы получаются гладкие и со значительно большим проплавлением основного металла.

Наш завод тоже выписал сварочные автоматы, но мы не поспели их применить в работе.

Началась Отечественная война, которая сразу изменила нашу жизнь. Все, что еще вчера казалось важным, волнующим, отступило на второй план. Решался вопрос жизни и смерти социалистического государства, то есть всего, что было дорого каждому советскому человеку.

Утром мы с мужем пошли на вокзал провожать своего сына. Проводила я моего Дмитрия, как многие русские матери провожали на войну своих сыновей. Плакала на вокзале в густой печальной толпе и не хотелось нам идти домой в опустевшую сразу квартиру.

Уралмашзавод получил правительственное задание остановить выпуск гражданских машин и в самый короткий срок освоить производство танков. Сварка сразу превратилась в одну из основных операций.

Казалось, что в мирные годы мы, сварщики, научились многому и многое уже умели, а война показала — мало умеем; мы совершенно не имели опыта по сварке броневой стали. Никаких сроков на освоение нам дать не могли. Мы и сами это понимали. Родине нужны были танки. Пришлось осваивать незнакомое производство на ходу. Главная и самая неотложная задача состояла в том, чтобы на мощных броневых листах в 100 миллиметров добиться швов, равнопрочных металлу. Для этого мы должны были освоить специальные электроды, найти нужные режимы сварки.

Большой вклад в дело внедрения новых марок электродов внесла Анфиса Николаевна Крох, работавшая в то время мастером электродного цеха, а позднее старшим инженером-технологом.

В годы войны мы не были на фронте, но нам казалось, что вся страна: залитые кровью псковские поля, разрушенные дворцы Ленинграда, захваченные врагами украинские села, советские солдаты в окопах — все смотрят на нас, торопят и ждут.

Трудно сказать, сколько месяцев потребовалось бы в мирное время для освоения нового производства, но теперь сроки измерялись неделями и даже днями. При сварке первых же корпусов боевых машин мы применили и автоматическую сварку. Один за другим в строй ввели четыре автомата. Это во много раз повысило производительность труда и качество сварки.

Наша работа шла не всегда гладко. Иногда в швах обнаруживались поры, включения и даже трещины. В борьбе с этим вместе с нами участвовали крупные специалисты, эвакуированные в то время к нам на завод из Ленинграда, и мы общими усилиями находили нужную технологию.

Дни мои были до краев наполнены работой, требовавшей полного напряжения всех сил. Но все чаще и чаще над всеми делами и заботами поднималась в моем сердце давящая и жгучая тревога за сына. Письма от него прекратились. Я взволнованно вчитывалась в сводки Советского Информбюро. От страшных мыслей я искала спасения в работе. А работали тогда уралмашевцы погеройски. Однажды, например, из цеха унесли нашего лучшего сварщика в глубоком обмороке. Ему пришлось варить при большом скоплении газов в корпусе, положенном вверх днищем. Тотчас же ему на смену пришел другой. На следующий день по нашим эскизам на участке сварки уже монтировали вытяжные вентиляторы.

Поздней осенью 1942 года с фронта пришло короткое извещение о гибели нашего единственного сына. Велико было мое горе. Я нигде не находила себе места. Не могла работать. Казалось, что больше не смогу жить, но сердце подсказывало: коммунист не должен уходить из строя в такой ответственный момент.

Дружный, прекрасный коллектив, в котором я работала, и партия поддержали меня, я поднялась и, чтобы

заглушить свое горе, с еще большей энергией отдала себя труду.

Весной 1943 года мы провожали на фронт Уральский добровольческий танковый корпус. Уходили на передовую люди, которые вместе с нами делали танки, шли защищать Родину на своих же боевых машинах.

Прощаясь со мной, наш технолог Павел Петрович Логинов сказал: «Мы отомстим за вашего сына, Юлия Герасимовна».

Взамен ушедших на завод пришли юноши и девушки в ватных телогрейках — выпускники ФЗО, пришли женщины-домохозяйки. До войны сварка считалась «мужской» профессией. Но в трудный час представления изменились. В нашем цехе были организованы две женские бригады по сварке. Они быстро освоили новую для них специальность и работали не хуже мужчин.

Женщины работали токарями, разметчиками, сварщиками, конструкторами, работали талантливо, вдохновенно, самоотверженно.

Токарь-лекальщик Фаина Васильевна Ширинкина, мать большого семейства, систематически перевыполняла нормы и обучила своей профессии немало молодых рабочих. Серафима Петровна Левина, разметчица, перевыполняла норму в два с половиной раза. Под руководством Милицы Ивановны Калашниковой, старшего инженера-конструктора, были разработаны проекты мощных металлургических кранов.

Некоторые женщины работали на ответственных постах и прекрасно справлялись. Анна Платоновна Пенюгина была начальником планового отдела завода; Нина Николаевна Захарова — начальником бюро нормирования; Нина Гавриловна Беляева — начальником первого отдела. Этот список можно было бы продолжить.

В положенное время гудел заводской гудок, возвещающий начало и конец смены. Но на самом деле рабочий день уралмашевцев потерял всякие границы. Люди работали, не считаясь со временем, и очень часто ночевали прямо в цехе.

И железнодорожные составы, груженные боевыми машинами, один за другим уходили на фронт.

Наши танки прошли от великой матушки Волги до Берлина, и самый последний из них решено было поставить на заводской площади. Мы еще раз кругом

проверили его, заправили бензином, и он своим ходом, тяжело урча, поднялся на заранее подготовленный постамент. Стоит теперь этот гордый памятник на чугунном постаменте вздыбленный, словно готовящийся к прыжку.

«В память Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»,— написано на одной стороне постамента, а на другой:

Снарядами, танками,
тоннами стали
уральцы священную
клятву сдержали.

Е. Смирнова

НА СЛАВНОМ ПОСТУ

Елизавета Петровна Смирнова родилась в 1895 году. Училась в Томском университете. В 1920—1922 годах работала военным врачом, затем — в больницах Урала и Сибири. В годы Великой Отечественной войны — начальник эвакуационного госпиталя. С 1959 года — на пенсии.

В декабре 1919 года Красная Армия, преследуя банды Колчака, вступила в Томск. В марте 1920 года мы, студенты медицинского факультета, досрочно сдали государственные экзамены и были мобилизованы в армию. Я была назначена врачом-ординатором в госпиталь-приемник города Томска. Госпиталь был инфекционным, на 2000 коек. Мне было поручено вести 150 больных возвратным тифом. Больные были размещены в двух палатах, на каждых двух топчанах с соломенными матрацами лежало по три больных. Эпидемия носила чрезвычайно тяжелый характер с высоким процентом смертности. И мне, начинающему врачу, было нелегко. Вскоре я сама заразилась сыпным тифом... Так началась моя врачебная деятельность в трудные годы гражданской войны.

С 1923 года я работала в городе Кургане. Это были годы организации советского здравоохранения на Урале и в Сибири.

Заболеваемость населения инфекционными болезнями — сифилисом, трахомой, туберкулезом, дизентерией — была высока. С такими болезнями при отсутствии санитарной культуры населения бороться было трудно. И мы не только лечили, но и занимались санитарным просвещением. Учили своих подчиненных и учились сами. Так росли медицинские кадры, укреплялось советское здравоохранение, улучшалось качество профилактической и медицинской помощи населению.

И вот наступает 1941 год. Я снова мобилизована и назначена на должность начальника эвакогоспиталя. Было переоборудовано и передано нам помещение и дан месячный срок на подготовку к приему больных. Госпиталь был внеплановый и для него здесь не было подготовлено никакого оборудования. Вот где мне помог мой многолетний опыт. Пока заканчивался ремонт в здании госпиталя, шел подбор и расстановка кадров, мы организовали женщин-домохозяек на помощь госпиталю. Женщины горячо взялись за дело, и через несколько дней у нас уже было полно посуды — кухонной, столовой и чайной.

Очень помогли нам горсовет, военкомат, торговые организации, шефы-заводы. И когда с помощью общественности было сделано все, даже водопровод (водопровода в городе тогда не было), я поехала в Челябинский облздравотдел и там получила медицинское оборудование, белье и койки. Точно в срок мы приняли больных. И опять на помощь пришла общественность: выгружать из вагонов раненых помогала санитарная дружина, а принимать их в госпиталь помогали домохозяйки. Они таскали носилки, мыли, одевали, кормили раненых. И бесконечно я была благодарна за сделанный водопровод: 5 душей и 3 ванны дали нам возможность провести хорошую санобработку раненых, не нужно было думать, хватит ли воды.

Врачи и медсестры работали всю ночь в перевязочной, пока не осмотрели всех раненых и не сменили всех повязок. Никто не думал о времени, каждый вкладывал в работу все свои знания и всю любовь к делу. Вспоминаю эту первую ночь приема трехсот раненых. Заранее до мелочей было продумано, кто и что будет делать и в каком порядке. И вдруг нас подводит свет. Напряжение в электросети такое, что в комнатах полумрак. На сча-

стье, кто-то из наших добровольных помощников принес лампочки малого накала. Яркий свет дал возможность четко справиться с работой. Они горели только одну ночь, но какую большую помощь они нам оказали! Наши добровольцы-общественники помогали нам повседневно. Они навещали больных, приносили подарки, читали им, писали письма для тяжелораненых, ухаживали за ними, словом, оказывали им внимание, как своим близким родным. А в праздники приезжали шефы из колхозов. Колхозникам трудно жилось, они все отдавали фронту, и все-таки они привозили подарки раненым и душевно беседовали с ними. Связи с колхозами установились настолько прочно, что некоторые раненые, снятые с военного учета, по выздоровлении не поехали в дома инвалидов, а остались жить в наших колхозах, так как их родные колхозы в это время были оккупированы.

Большую заботу наш коллектив уделял бойцам, получившим инвалидность. Мы организовали для них курсы счетоводов колхозного профиля, портняжные, столярные мастерские, а также мастерские по починке обуви. Нам хотелось, чтобы человек ушел из госпиталя спокойно, в надежде, что будет полезным и в коллективе и в семье. Мне вспоминается один паренек из Башкирии. У него были отморожены все пальцы на руках, он хорошо поправлялся, а настроение было угнетенное. Когда я спросила его, куда он поедет по выздоровлении, он ответил: «Некуда мне ехать. Матери у меня нет, а отцу 70 лет. Я должен кормить отца, а я сяду ему на шею. Не могу я так поступить». Выяснилось, что до войны он закончил 7 классов. Мы дали ему тетрадь и карандаш и посоветовали писать одну страницу в день. На другой день я поинтересовалась, как он написал. И оказалось, что своей культей он написал красивее, чем я пишу здоровой рукой. Посоветовали ему написать письмо отцу и уверили его, что и отец его ждет, и колхоз ему будет рад, так как там сейчас некому работать и грамотные люди там нужны. Договорились, что он поедет к отцу, а если там его не возьмут на работу, то пусть возвращается, и мы его устроим на работу в свой колхоз. Парень уехал и не вернулся.

На фронте ранили не только тело, но тяжело травмировали и психику. Немало приходилось заниматься и психотерапией. Хирург-специалист был только один, он

был контужен в первые дни войны, эвакуирован в тыл и поступил работать в наш госпиталь. С помощью хирурга мы организовали учебу для врачей других специальностей по полевой хирургии. Практика для них была огромна, а каждый врач вел не менее 50 коек. Хирург Иткин контролировал их работу. Учились они хорошо. К раненым были очень внимательны. Выхаживали отлично даже тяжелых. Особенно мне запомнились И. Я. Файнберг — педиатр из Минска и Л. К. Брук — педиатр из Ленинграда. Они не успокоятся, пока не выведут больного из тяжелого состояния. Часто приезжал проверить нашу работу хирург Калмановский из Челябинского эвакопункта.

Процент выписки раненых, годных к строевой службе, из нашего эвакогоспиталя был высокий. Все мы отлично понимали, что должны хорошо делать то, что от нас требует фронт,— давать как можно больше выздоровевших, годных к строю, а для этого и я, терапевт, обязана уметь руководить хирургическим госпиталем и врачи-нехирурги обязаны овладеть полевой хирургией. И мы все учились и старались лечить раненых как можно лучше.

В 1943 году госпиталь передислоцировался на фронт, и я была спокойна, так как была уверена, что врачи госпиталя с честью справятся с работой: они прошли хорошую школу. Меня перевели главным терапевтом отдела эвакуационных госпиталей при облздравотделе. При посещении госпиталей мне пришлось встретиться впервые с заболеваниями, которые возникли уже в военное время — с дистрофией и витаминозами. Для таких больных мы организовали специальное лечебное питание с большим количеством витаминов В и С. Вместо готовых аптечных препаратов, которых тогда не хватало, мы приготовляли дрожжевой напиток (витамин В), настойку из хвои, настойку из шиповника, весной, пока не созревали овощи, делали салаты из дикорастущих трав и из овощной ботвы.

Война закончилась, но я еще в течение двух лет принимала участие в долечивании инвалидов Отечественной войны. Потом, уже в должности заместителя заведующего облздравотделом, мне снова пришлось включиться в работу по улучшению медицинской помощи гражданскому населению. Последствия войны еще остро чувствовались. Появлялись вспышки сыпного тифа в различных

районах области. Увеличилась заболеваемость трахомой и туберкулезом. Высока была заболеваемость среди детей, особенно раннего возраста,— рахитом, детскими инфекциями, легочными, желудочно-кишечными болезнями. Работы было много. И сейчас, оглядываясь на свое прошлое, я испытываю чувство глубокого удовлетворения, что смогла вложить и свою долю труда в огромное и такое нужное дело — в охрану здоровья трудящихся моей Родины.

Е. Каргаполова

В ГРОЗНЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

Елена Николаевна Каргаполова родилась в 1902 году. Член КПСС с 1940 года. Работник железнодорожного транспорта. Избиралась депутатом железнодорожного районного совета г. Свердловска.

В июне 1941 года, когда враг напал на нашу страну, я работала заведующей делопроизводством 3-й дистанции службы пути станции Свердловск. В то же время была агитатором в женских общежитиях: знакомила женщин с последними событиями, читала им газеты и журналы, разъясняла международное положение.

Весь наш коллектив встал тогда на фронтовую вахту.

В феврале 1942 года райком партии и политотдел дороги выдвинул меня внештатным инструктором узлового комитета станции Свердловск-Пассажирский, и я стала работать агитатором среди кондукторских бригад.

В партийный комитет за советом и разрешением всевозможных вопросов заходили не только коммунисты, но и беспартийные. После каждой поездки они заглядывали в партком и рассказывали о проведении составов по участку и недостатках в работе.

Был, например, такой случай. На станции Свердловск

стояли два срочных маршрута, готовых к отправке. В резерве не было ни одной бригады. В это время только что прибыли из уфалейского резерва кондукторы тт. Вяткин и Туркин. Им было предложено поехать с этими поездами. Они отказались, так как работали беспрерывно уже 30 часов. Во время обеда им рассказали о последних событиях на фронтах и разъяснили необходимость быстрейшей доставки фронту вооружения, боеприпасов и продовольствия. Тогда тт. Туркин и Вяткин отправились принимать составы. Поезда на фронт были отправлены точно по графику.

В мае 1942 года райком партии послал меня парторгом полеводческих бригад на посевную кампанию в Артинский район, в колхоз «Майский вечер».

Председателем колхоза была т. Черепанова. Она заменила мужа, ушедшего на фронт. В бригадах работали только женщины, мальчики-подростки да старики. Земли было много, рабочих рук мало. Но люди трудились не покладая рук, от зари до глубокой ночи.

Когда я вернулась из колхоза, меня выдвинули на должность инструктора курсов медсестер и санитарных дружин при райпрофсоже Свердловской железной дороги. Девушки шли на курсы охотно, некоторые закончили учебу с отличием и сразу же уезжали на фронт.

Ко Дню железнодорожника мы организовали бригаду женщин дистанции. Наша бригада проделала большую работу. Шили солдатское белье, проводили беседы и читки газет в общежитиях.

Нашими активистками были т. Карякина — жена начальника дистанции пути, жены дорожных мастеров — тт. Ляхова, Коптяева, Брусницына, жены бригадиров — тт. Бурыманова, Филатова и другие. Мы бесплатно отработали 5 дней на ремонте пути, привели в культурный вид путевые будки и общежития.

В августе 1942 года наша бригада организовала политпоход по линии Синарского участка (80 километров). Мы побывали на разъездах Перебор, Лечебный, на станциях Хромцово, Марамзино, Калюткино и Вьюхино.

Бригада разделилась: знающие путейское дело тт. Малышева и Карякина проверяли состояние пути, хранение инструмента в кладовых. Культбригада в составе тт. Антоновой, Першиной, Таскаевой и Каргополовой выступала с концертами. Всей бригадой проверяли

бытовые условия — обследовали казармы, будки, квартиры рабочих.

Я, кроме того, проводила работу по санитарной подготовке населения.

Шли мы пешком, останавливаясь по пути в каждой будке и казарме. Беседовали с путевыми обходчиками и стрелочниками. Везде нас встречали хорошо.

Мы видели замечательных людей, работающих, не считаясь со временем, отдающих все силы делу помощи фронту.

Образцово была поставлена работа на 9-ом околодке пути, где мастером был т. Топорков. Путь здесь содержался в исправном состоянии, бровки были ополоты. Путеобходчики зорко охраняли путь. Встречая незнакомых людей вблизи полотна, они тщательно проверяли документы.

Во время похода бригада провела 48 бесед, 7 занятий по санитарной подготовке, дала 4 концерта.

В мае 1943 года я была назначена председателем дорожного комитета Красного Креста. Он объединял 7 райкомов: Свердловский, Надеждинский, Нижне-Тагильский, Тюменский, Егоршинский, Кузинский и Камышловский. Работы было много, особенно по подготовке медицинских кадров для фронта.

Нам, санитарным дружинникам и медсестрам, приходилось дежурить в комнате раненых военнослужащих на Свердловском вокзале, выгружать раненых из эшелонов, приходящих с фронта. Оказывали мы помощь врачам при обработке раненых, ухаживали за тяжелоранеными. Писали от них письма родным и знакомым. Отправляя домой выздоравливающих, сандружинницы или активистки сопровождали их в другие города.

При клубе имени Андреева тогда находился эвакуационный пункт. Мне как депутату райсовета приходилось искать квартиры для расселения эвакуированных. Большинство граждан сочувствовало им, зная, что эти люди потеряли родственников и детей, перенесли бомбежки. Их встречали приветливо, давали им жилье, теплую одежду и делились тем, что есть.

Приходилось мне трудно. Надо было работать и учиться. Без отрыва от работы я окончила курсы медсестер и сандружинниц, получила звание политрука и медсестры.

Бывало, придешь домой, еле дотащишься до постели и уснешь, не раздевшись. Отдохнешь час-другой, вскакиваешь и бежишь на работу: в госпиталь или на вокзал...

Собирали мы также теплые вещи, посылали подарки на фронт, проводили подписку на постройку танка. В клубе имени Андреева был организован вечер. Деньги, вырученные от концерта, также пошли на постройку танка.

Я сама тоже отправила посылку на фронт, и она попала командиру Павлу Васильеву. В ответном письме он пожелал мне успеха в производственной работе и в личной жизни. Плакала я над этим письмом: у меня тогда не было совершенно личной жизни. Муж мой, офицер, погиб на фронте в марте 1942 года, а через год умерла мать. Я осталась совершенно одна... Но жила и работала. Только бы победить фашизм.

И день победы наступил, радостный день 9 мая 1945 года. В этот день я была в Москве на Всесоюзном съезде Красного Креста.

Народ такой радостный, все улыбаются, целуются, знакомые и незнакомые поздравляют друг друга — этот день никогда не забудешь!

А. Михайлова

ЗАКАЛЯЯСЬ В БОРЬБЕ[1]

Анфиса Георгиевна Михайлова родилась в 1913 году. Член КПСС с 1942 года. Работала бригадиром свиноводов в Калиновском совхозе, Камышловского района. В 1960 году, по примеру Гагановой, перешла бригадиром в отстающую ферму Квашнинского совхоза.

Никогда не забыть мне 22 июня 1941 года. Я в то время работала бригадиром свиноводов. Вместе со свинарками находилась на пастбище, в летних лагерях. В середине дня на пастбище остановилась легковая автомашина. Из нее вышел незнакомый мужчина и спрашивает:

— Кто бригадир?

— Я,— отвечаю.

— Собирайте немедленно людей на митинг. Война началась...— Я сказала об этом своим женщинам. Они быстро загнали животных в летние домики. Все вместе мы пошли к поселку.

Возле столовой уже собралось много людей. Лица у всех серьезные. У женщин слезы на глазах. В середине круга — инструктор Камышловского райкома.

[1] Литературная запись Л. И. Локосовой.

Он рассказал о последних важных событиях, которые потрясли весь мир, о варварских бомбардировках советских городов.

Со следующего дня наши близкие, товарищи по работе начали уходить на фронт. Мой младший брат Василий, служивший в армии, прислал телеграмму из Новосибирска о том, что его часть перебрасывают на передовую, что будет он через нашу станцию Еланскую проезжать.

Пришли мы с мамой туда. Вскоре и эшелон остановился. Вася спрыгнул навстречу к нам, обнял маму.

— Не горюй,— говорит,— береги себя.

Недолгой была эта встреча. Раздался гудок паровоза. Вася уже на ходу вскочил в теплушку. Ушел состав, постукивая колесами на стыках рельсов, а мама, плача, упала на железнодорожную насыпь.

Больше нам не пришлось увидеть Васю. Через три месяца пришла похоронная...

Еще трое мужчин из нашей семьи ушли на фронт, а вернулся лишь один, да и тот контуженный — мой старший брат Владимир.

Ушел защищать Родину и управляющий нашим отделением. Вскоре вызывает меня к себе директор совхоза, говорит:

— Вам, Анфиса Георгиевна, придется заменить управляющего.

Что оставалось делать? Пришлось согласиться. А после того как и председатель рабочкома — Сергей Кузьмич Щипачев ушел воевать, мне пришлось и его заменить.

Зима предстояла трудная. В те годы все корма заготовляли вручную. А ведь наши лучшие работники в самую пору сенокоса ушли воевать. Мы, женщины, не сумели хорошенько обеспечить фермы кормами. Корпуса тоже были не готовы. Но ведь надо было и поголовье сохранить и свинину на фронт отправлять.

Уйдешь, бывало, на ферму в пять утра, а вернешься вечером в одиннадцать. Хорошо еще, что своих малолетних девчушек — Валю и Тамару — в детские ясли пристроила. Почти их и не видела.

...Хорошие люди были у нас на ферме. Все женщины работали не щадя своих сил и здоровья. Особенно помню Елену Федоровну Алемасову, Таисью Кузьмовну Якимову,

которые, проводив мужей на фронт, одни растили своих детишек.

Соберемся мы все вместе, придут к нам бригадиры Елизавета Антоновна Шурова, Анна Никитична Мельникова, Христина Михеевна Тюшева и обсуждаем, как жить дальше.

Помещения мы сами отремонтировали. Новые бревна в корпусах, конечно, не смогли установить, зато тщательно проконопатили стены, промазали все щели глиной, натаскали земли на потолки, побелили. В свинофермах стало тепло и чисто.

Хлеб в то время очень был нужен Родине. Все зерно, кроме семян, совхоз сдавал государству. А как же свиней без концентратов выращивать? Теперь вот руководители Калиновского совхоза порой плачутся — не хватает, говорят, концентратов. А мы тогда не растерялись. Понимали, что не можем загубить поголовье. Решили резервы искать. И нашли. В одном озере оказалось много сапропеля. Мы его стали использовать. Резали и запаривали солому, смешивали ее с сапропелем и отходами от очистки зерна. Неважный был корм, но свиньи и его ели.

А самолеты увозили от нас мясо бойцам.

В те трудные времена произошло в моей жизни очень большое событие. В конце первого года войны к нам приехала коммунистка Софья Алексеевна Ершова. Ее избрали секретарем партбюро. Она все с нами, женщинами, беседовала. Вот и говорит как-то:

— А не думаете ли вы, Анфиса Георгиевна, что вам в партию вступать надо?

Я давно мечтала об этом. Еще перед войной окончила годичную партшколу при Камышловском райкоме. Комсомол дал мне рекомендацию.

Еще более старалась и сама лучше работать и подругам помогать.

Наконец, Софья Алексеевна сказала, что назавтра меня и других свинарок вызывают в райком.

Ехали мы все в грузовике. День, как часто бывает в августе, стоял теплый, солнечный. Низко к земле наклонились золотистые колосья спелой ржи. Безмятежное небо синело над нами. А на душе у нас тревожно: тяжелые дни настали для Родины, самые дорогие наши люди стояли насмерть у Волги. Всю дорогу разговаривали мы о

последних известиях с фронта, о письмах, которые присылали нам близкие.

А вот и райком. На душе и тревожно и боязно. Уж очень важный момент наступил. Думала: справлюсь ли?

Всех нас в этот день приняли в партию. Вручал нам партийные билеты первый секретарь райкома Григорий Григорьевич Попов. Пожелал успехов. Я ответила за всех:

— Чести своей не уроним. Высокого звания коммуниста не запятнаем...

Вернулись мы из райкома домой и еще горячее взялись за дело, потому что понимали: хорошим трудом помогаем нашим дорогим бойцам бить проклятых фрицев.

Вспоминаю своих подруг, бригадира Елизавету Антоновну Шурову, вместе с которой в партию вступала, свинарок Таисью Кузьмовну Якимову, Агриппину Степановну Щипачеву и других. Как много было трудностей. Но они ничего не страшились. К осени 1942 года и кормов побольше заготовили, и корпуса привели своими силами в порядок. И дружба наша, зародившаяся в тяжелые годы войны, все крепла.

Никогда не забуду Дня Победы. К тому времени я снова вернулась в свою бригаду. К нам на ферму зашли товарищи, веселые, возбужденные:

— Девчата, война кончилась! Идите скорее в клуб...

Мы им не сразу поверили. Но вскоре директор приехал и сообщил то же самое. То-то было радости!

Мы закончили работу, сбегали домой переодеться и поспешили на центральную усадьбу. Дождь лил, как из ведра, но никого он не мог остановить.

В клубе полно народу. Играет гармонь, кое-кто пляшет. А иные оплакивают погибших.

* * *

Кончилась война, надо было хозяйство восстанавливать, поднимать, увеличивать производство мяса и других продуктов, и мы взялись за это. Постепенно наш совхоз вышел в передовые. В 1959 году он занял первое место в области по производству свинины. И в моей жизни произошло большое событие: меня избрали членом Свердловского обкома КПСС.

Но я понимала, что нельзя довольствоваться достигнутым, что теперь мало просто хорошо работать. Надо и товарищам помогать. И я попросила горком партии направить меня бригадиром на отстающую ферму соревнующегося с нами Квашнинского совхоза.

Прошел год с тех пор, как я работаю на Пульниковской свинотоварной ферме. Наши свинарки неплохо потрудились: они применили много новых передовых приемов. Внедрены туровые опоросы, организовано лагерное содержание свиней, откорм их крупными группами. И стало наше отделение получать от свиноводства прибыль, а ведь раньше были лишь убытки.

Одним словом, закалились наши свиноводы в борьбе с трудностями и теперь набирают высоту. Мы стремимся с честью выполнить задачи, поставленные перед животноводами XXII съездом Коммунистической партии.

Ю. Обухова, Э. Этлин

ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА

Юлия Николаевна Обухова родилась в 1902 году. Член КПСС с 1924 года. Трудовую деятельность начала чернорабочей с одиннадцатилетнего возраста. С 1925 по 1958 год — на ответственной партийной и советской работе.

Этиль Моисеевна Этлин родилась в 1901 году. Член КПСС с 1921 года. С 1919 до 1924 года — на комсомольской работе. С 1925 до 1956 года — на партийной и советской работе.

В настоящее время Обухова и Этлин — персональные пенсионеры.

Тысяча девятьсот сорок третий...

Гитлеровские полчища ползли тяжелой лавиной по нашей земле.

Советская армия готовилась к решительному наступлению. Все для фронта, все для победы! Под этим лозунгом женщины Урала, заменившие своих мужей и братьев на заводах, фабриках, в учреждениях, на колхозных полях, самоотверженно работали, проявляя беспримерный героизм.

В грозные дни октября 1943 года трудящиеся нашей Челябинской области готовили подарки фронтовикам. Сколько любви было вложено в каждую посылку! Женщины и дети шили мешочки, украшая их красивыми вышивками, вязали носки, варежки, шарфы, чтобы было теплее нашим бойцам.

Особенно много тепла и ласки было в письмах. В них

мы вкладывали надежду на скорую победу, на полное уничтожение злейшего врага.

Нас, коммунистов, вызвали в Челябинский обком партии, и там мы получили задание поехать на Северо-Западный фронт и раздать подарки бойцам.

Собралось 16 человек из разных районов области. Возглавлял делегацию работник военного отдела обкома партии товарищ Коржев. Нам предоставили 55 двухосных вагонов, в которые мы, вместе с провожающими нас рабочими, погрузили наш драгоценный груз.

...Состав идет по Северной дороге на Северо-Западный фронт. Мелькают полустанки, вокзалы. Здесь еще война не наложила свою черную тень: окна не затемнены, дымят трубы заводов, фабрик, спокойно ходят прохожие.

Приближаемся к Ярославлю. Ночь. Темно. Выделили дежурных, остальные легли отдыхать. Долго стоим, почему-то задерживают отправку нашего эшелона, и вдруг среди напряженной тишины раздается сигнал тревоги.

Быстро, по-военному, наши товарищи берут винтовки в руки, прыгают из вагона и бегут к месту вызова.

На рассвете выяснилось: двое бандитов хотели сбить пломбы на наших вагонах,— их поймали.

За Ярославлем — страшное зрелище войны: сожженные деревни, торчат одни трубы. Людей почти не видно. На одной из станций, где паровоз набирал воду, появились женщины, дети, старики. Узнав, что мы везем подарки бойцам на фронт, просили передать, что ждут воинов с победой. Мы стали угощать пришедших, особенно детей, но они отказывались что-либо брать... К нам, еле передвигая ноги, подошел старик с батожком, говорит:

— Вы уж не обижайтесь, родимые, скорей уж везите нашим сыночкам гостинцы, пусть они быстрее бьют фашистов.

Эта встреча произвела на нас незабываемое впечатление. Если бы можно было, мы бы сами толкали поезд, чтобы быстрее доехать до фронта.

Станция Бологое. Здесь нас, делегатов, встретил полковник Лазаревский из штаба Северо-Западного фронта. Встреча была трогательная; бойцы, офицеры, рабочие и крестьяне, которые пришли нас встречать, обнимали, целовали нас.

Выступая на митинге, бойцы говорили:

— Радостно видеть вас, приехавших с далекого Ура-

ла, чтобы довезти живое слово в подарок для каждого бойца. Это воодушевляет нас и поможет быстрее добить врага.

Бойцы организовали для нас вечер самодеятельности. А утром мы направились в политотдел армии, там нас встретил генерал Окороков, побеседовал с нами, познакомил с членами Военного Совета Северо-Западного фронта, рассказал о положении на передовой.

Затем мы отправились для вручения подарков в штаб I Ударной армии, которой командовал генерал Белобородов.

Под Старой Руссой мы были свидетелями допроса пленных немцев. Вид пленных был отвратителен: они были грязные, в эрзац-валенках, рваных платках, наши морозы пришлись им не по нутру. Сейчас они, пряча свои подлые глаза, твердили: «Гитлер капут».

Вечером мы были уже на передовой линии. Прибыли ночью, нам уступили землянку, где мы легли спать. Заснуть было трудно: все время думали о том, как завтра встретим наших дорогих бойцов.

Вдруг слышим какой-то шорох. Не выдерживаем, выходим. У землянки три силуэта. Подходим ближе. Подымаются три бойца. «Мы из Челябинска! — говорят, — не спится. Хочется узнать, как живут наши».

До рассвета беседуем. Утром идем в часть — там все челябинцы — и все награжденные... В задушевной беседе с ними мы рассказали, как живут и трудятся их жены, матери, дети. Как трудно приходится им. Но они не унывают, уверены, что их труд будет вознагражден. Сказали мы бойцам, что ждем с победой. Слушали они нас, и не одна слезинка скатилась по щекам солдат.

С большой радостью они получали подарки, каждый спешил раскрыть пакет и в первую очередь искал письма. Особенно радовались письмам девушек и детей.

Возвращаясь, мы увидели одного бойца. Сидит мрачный, на вопросы не отвечает. Рядом лежит развернутый пакет с подарком. В чем же дело? Причину узнали только вечером: в подарке не оказалось письма. Мы стали рыться, искать в пакете и — о радость! в пальце варежки нашли письмо. И сразу же повеселел наш боец.

Мы вручали подарки бойцам в землянках, в блиндажах, окопах, встречались с минометчиками, снайперами, разведчиками. Были на месте гибели отважных разведчиков Наташи Ковшовой и Марии Полевановой.

Выполнив свое задание, прощаемся с бойцами. На Урал мы увозим чемоданы писем, родным, знакомым и незнакомым, горячие приветы, пожелания и самое главное — уверенность в победе.

А. Шмелева

ЖЕНСКИЙ ТАНК

Александра Федоровна Шмелева, член КПСС с 1939 года. Трудовую деятельность начала в 1914 году — летом служила няней, а зимой училась. Закончила школу в 1920 году и стала работать экономистом. С 1939 года — на ответственной советской работе. В 1956 году вышла на пенсию. Сейчас председатель Октябрьского районного женского совета г. Свердловска.

В день 8 марта 1944 года, мы женщины-активистки Октябрьского района города Свердловска (в то время я работала заместителем председателя исполкома Октябрьского райсовета) решили собрать средства на танк и направить эту грозную машину на разгром фашистского зверя.

Как это было? Созвали собрание женщин. Первой выступила депутат Свердловского горсовета К. М. Михайлова. Ее поддержали С. М. Трошина, А. К. Патокина, А. Г. Фетисова, М. Н. Цветкова и другие.

Председатель уличного комитета Антонина Васильевна Каменщикова сказала:

— Мы гордимся тем, что принимаем активное участие в разгроме фашизма, я призываю всех женщин внести свою лепту в строительство танка. Мы будем в тылу помогать фронту трудом. Окажем помощь эвакуированным, разместим их по домам, окружим заботой и вниманием.

Екатерина Николаевна Попова заявила:

— Когда я узнала, с какой целью собирают нас на собрание, я обошла население по дворам, и женщины тепло и сердечно откликнулись на сбор средств, говорили, что отдадут все, что в их силах, лишь бы фашизм был уничтожен. Соберем средства, отомстим за смерть наших близких. Танк построим!

Выступающая С. Трошина положила на стол свои личные сбережения — 1000 рублей. Мать восьмерых детей Е. Рюмина выложила 500 рублей, эвакуированная Е. Иванова — 300 рублей. То же самое сделали и многие другие женщины.

После этого собрания началась работа по сбору средств на танк. Зоя Яковлевна Потапова пошла на один из заводов, провела там сменные собрания с работницами и принесла оттуда не одну тысячу рублей.

Я тоже пошла на другой завод, и там женщины с энтузиазмом откликнулись на наш призыв.

Депутат Октябрьского райсовета А. С. Акулова успешно собирала средства среди женщин ткацкой фабрики имени Ленина. Пришлось открыть текущий счет, куда мы клали деньги на танк.

Сбор средств продолжался. Об этом стало широко известно в районе. Многие женщины приходили ко мне в райисполком, по одиночке без всякой агитации, и вносили деньги на строительство танка.

Женщины не только давали деньги на танк, но и по-матерински заботились об обмундировании защитников Родины. В одной из квартир по улице Мамина-Сибиряка организовалась целая мастерская. Домохозяйка Е. И. Трофимова вязала теплые носки и варежки. Домохозяйка М. И. Замараева шила белье. Большое участие в пошиве обмундирования принимали З. Я. Лотасова, А. Г. Фетисова, Л. А. Васильева и многие другие.

6 марта 1945 года состоялась передача воинской части самоходного орудия, построенного на средства, собранные женщинами Октябрьского района.

Перед цехом остановилось самоходное орудие. На броне его четко выделялись надписи: «На штурм Берлина» и «От женщин Октябрьского района города Свердловска».

Это был подарок родной Советской Армии, ее воинам от женщин-матерей, сестер, жен и дочерей. Состоялся краткий митинг. Слово предоставили К. М. Михайловой:

— Любимые наши воины! Примите от нас, женщин, сердечный материнский привет! Даем вам свой наказ: бейте фашистов беспощадно, отомстите им за все страдания и муки, которые они причинили нашему народу! Мы надеемся, что наше орудие, опаленное огнем сражений, пройдет в числе других победным маршем по улицам Берлина, а мы в тылу будем работать не покладая рук!

Ответил ей член экипажа т. Афанасьев. Он поднялся на броню орудия.

— Я, механик-водитель,— сказал он,— принимая от вас машину, клянусь: бить врага беспощадно и вернуться с победой.

Затем выступил командир орудия младший лейтенант т. Ерко:

— Ваше доверие, товарищи женщины, обещаем оправдать. Скоро я поведу машину в бой. Мы будем сражаться, как подобает советским воинам!

Мы приготовили экипажу подарки: воротнички, носовые платки, белье, каждому члену экипажа по серебряному портсигару с папиросами и выгравированной надписью: «От женщин Октябрьского района города Свердловска». Кроме того, были сделаны подарки продуктовые: консервы, печенье, конфеты и т. д.

Мы тепло и сердечно попрощались с «нашим» экипажем. От самого сердца шли слова привета, слова которые говорят родным, близким людям перед разлукой, перед сражениями.

Раздалась команда. Экипаж занял свои места. Орудие развернулось и двинулось по дороге. Играл оркестр.

Счастливый путь, на Берлин!

Да, наш танк дошел до Берлина. Об этом нам писал механик-водитель т. Афанасьев. Он писал о том, что экипаж орудия почти полностью погиб при штурме Берлина. Сам же он чудом остался жив...

Дальнейшая судьба экипажа и танка неизвестна. После окончания войны приходил ко мне один воин, Анатолий Кузнецов, и говорил, что наш танк передан в музей, а в какой — он не знает. Вот, пожалуй, и все о нашем подарке Советской Армии.

Н. Лисина

ЧТО МЫ ДЕЛАЛИ ДЛЯ ФРОНТА [1]

Нина Федоровна Лисина родилась в 1903 году. Член КПСС с 1942 года. Трудовую деятельность начала с 1923 года секретарем сельсовета. С 1929 до 1941 года учительствовала в средней школе. Потом работала председателем сельсовета, директором средней школы, заведовала сельской библиотекой. С 1959 года — на пенсии.

В один из осенних дней 1923 года меня пригласили в Камышловский райисполком. Робко вошла я в просторную комнату, поздоровалась, села возле покрытого кумачом стола.

— Так вот какая ты, Нина Федоровна Лисина,— не то с лаской, не то с удивлением сказал председатель.— Сколько же тебе лет?

— Девятнадцать,— ответила я.

— Исполком решил попросить вас, Нина Федоровна,— сказал председатель,— организовать подготовку и проведение выборов в Реутинском сельском Совете.

— Согласна, постараюсь,— сказала я...

[1] Литературная запись Л. И. Локосовой.

И вот я в Реутинке. Мне понравилось это село. Привольно раскинулось оно на высоком берегу и глядится в голубые ясные воды Пышмы. За деревней — березовые колки, одетые в багрянец и золото осени.

Выборы прошли в начале 1924 года. Меня тоже избрали членом сельского Совета. Я стала его секретарем. Трудно было мне. Члены Совета все мужики, немолодые, с бородами. А я еще девчонка. Но товарищи чутко относились ко мне. Ни разу никто не закурил при мне, не сказал грубого слова. Среди них было много неграмотных и малограмотных. Поэтому грамотных людей они очень уважали. С тех пор и до последних выборов, 5 марта 1961 года, я была бессменным депутатом Реутинского сельского Совета.

Здесь же я и свое счастье нашла. В 1926 году председателем Совета стал крестьянин из деревни Федюшиной, сын первого председателя Реутинского ревкома, Павел Щербаков. Мы крепко подружились, а через год решили пожениться. Это был первый гражданский брак в Реутинке: без попа, без церковных обрядов. Для нашей встречи вынесли из сельсовета Красное знамя. Товарищи горячо поздравляли нас... Много с тех пор событий произошло, больших и разных.

Не забудется тревожный 1941 год. На другой день после объявления войны состоялась сессия сельского Совета. Мужчины уходили на фронт. Меня выбрали председателем Совета. А через несколько дней позвонил председатель райисполкома.

— Принимай,— говорит,— эвакуированных.

Что делать? Из депутатов сельсовета в Фадюшиной, кроме меня, осталась лишь одна заведующая детским садом Елена Ивановна Алферова. Она быстро сумела сколотить женский актив. Анна Сергеевна Холодкова, Татьяна Дмитриевна Лихачева и другие колхозницы помогли выбрать дома для прибывающих к нам людей, вымыли в них полы, нашли посуду. Эти женщины стали нашими верными помощниками. Очень тепло, по-сестрински, встречали они обездоленных, измученных войной людей, прибывавших с запада.

И те горячей благодарностью, дружбой платили нам. Брались за любое дело, работали охотно. Помню, приехала к нам артистка МХАТа Елизавета Ауэрбах. Мы ей поручили должность почтальона. Веселая молодая

женщина по душе пришлась солдатским матерям и жёнам. Она писала им письма на фронт, а те ее уральскими шаньгами угощали. Придет, бывало, в сельсовет и хвастается:

— А меня сегодня шаньгами кормили...

Веселый она была человек. Нарядится неожиданно, придумает какую-нибудь шутку — всю печаль у нас как рукой снимет.

Большая дружба до сих пор сохранилась у меня с ленинградками: инженером Валентиной Кузьминичной Назаровой и швеей Евгенией Александровной Спиридоновой. Мы до сих пор переписываемся. Когда они выходили на пенсию, я помогла им получить справки о трудовой деятельности в Фадюшинском колхозе в годы войны.

...Среди работников эвакопункта пронесся слух, что мы очень тепло встречаем беженцев. И к нам стали посылать самых несчастных, обездоленных. Никогда не забуду, как пожилой колхозный конюх Петр Тимофеевич Парфенов привез в коробе молодую женщину. Белокурая, голубоглазая, она и в лохмотьях была красива... А с ней шестеро оборванных ребятишек. Старшему 11 лет, младший родился во время бомбежки, в лесу, где его мать скрывалась от немцев.

— На тебе, Федоровна, пополнение,— говорит Петр Тимофеевич, а сам в кустистых бровях глаза, полные слез, прячет.

Наде (фамилию этой женщины не помню) колхозники помогли одеться, дали дом, устроили на работу. И молодая женщина воспрянула духом. Старательно трудилась на полях. И старший сынишка помогал ей.

Помню другой, очень тяжелый случай. В Камышлове с поезда сняли больную дистрофией, пережившую блокаду в Ленинграде, Аню Н. Выписавшись из больницы, она пешком пошла к нам, через бор. Безмерно ослабшая, больная, она зашла в сельсовет и упала со словами:

— Помогите, умираю...

Я подняла ее, привела в чувство.

Аня поселилась у меня. Благо, картошки в голбце было еще много. Несколько месяцев жила. Поправилась. А глаза все хмурые. Большое горе ее давило: у нее в Ленинграде потерялась дочка. Мы писали в разные

инстанции, просили помочь разыскать девочку. И вот однажды прибегает Аня, возбужденная и такая сияющая, какой я ее еще никогда не видела.

— Нашлась,— кричит,— дочка!

Как только сняли с Ленинграда блокаду, Аня вернулась туда.

Одним словом, все, кто хотел трудиться, устраивались, работали и жили в Фадюшино. Зато, кто хотел поживиться за чужой счет,— а такие тоже встречались, хоть и редко,— быстро сматывали удочки. Потому что соблюдали мы закон нашей жизни: кто не работает, тот не ест.

Вот тогда-то в самые тяжелые годы, я поняла, что не могу жить дальше вне рядов Коммунистической партии. В тревожном 1942 году первый секретарь Камышловского райкома вручил мне партийный билет... С плаката, висевшего на стене, суровый воин спрашивал:

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ФРОНТА?

И продолжением этой мысли звучали слова секретаря:

— Выполнение плана хлебопоставок равносильно победе на фронте.

Я старалась помочь колхозам своего сельсовета бороться за хлеб, картофель, за корма для животноводства. Колхозники трудились не покладая рук. Умелыми руководителями оказались многие женщины, возглавившие хозяйство, взамен ушедших на войну мужчин.

Особенно прославился колхоз «Ленинский призыв», которым руководила простая славная женщина Варвара Федоровна Лапшина. Хлеборобы этой артели успешно выполняли планы хлебопоставок, получали самые высокие в районе урожаи овощей.

Всю войну работала я председателем сельского Совета. Была на этой должности до 1947 года. На фронт провожала всех наших мужиков и встречала их. Уходило защищать Родину 96 человек, а вернулось только 50.

Много погибло хороших людей. Большие раны нанесла война народу.

А. Халиченко

У НАС ГЕРОЕМ СТАНОВИТСЯ ЛЮБОЙ

Александра Васильевна Халиченко родилась в 1911 году в семье батрака. Трудовую жизнь она начала чернорабочей на Харьковском паровозостроительном заводе. С 1931 года работала электросварщицей на том же заводе, а с 1941 года и по настоящее время — электросварщицей на Уралвагонзаводе.

В 1940 году Александра Васильевна вступила в ряды КПСС. Сейчас она член заводского партийного комитета. Халиченко удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда.

Наверное, каждому человеку задают такой вопрос: за что он любит свою профессию? Задавали такой вопрос и мне. Трудно, конечно, на него ответить так, чтобы спрашивающие поняли всю тонкость дела, почувствовали такую же любовь к твоей работе. Скажу так: полюбила я работу электросварщицы, наверное, потому, что до сих пор чудится мне в огнях электросварки то пламя, которое охватило нашу Родину в 1917 году. Работаешь и каждый раз вспоминаешь, что это Октябрь принес тебе такую счастливую жизнь, в которой ты не посторонний наблюдатель, а хозяин, творец. Полыхает огонь электросварки! Это хорошо, когда огонь, а не тление. Огонь в любом деле нужен.

Более 30 лет я работаю электросварщицей и не встречала, кажется, профессии лучше, чем моя. Работала я

сначала на Харьковском паровозостроительном заводе чернорабочей. Убирала в цехах, носила кирпичи, словом, делала все, что поручали и что не требовало особых знаний и квалификации. В те годы электросварщики пользовались, наверное, самым большим авторитетом. На них смотрели, как на людей особенных. Нравилась и мне их работа. Часами готова была я наблюдать, как в пролете цеха вспыхивают голубые огоньки.

Видно, мою необычайную любовь к электросварке заметили, и в мае 1931 года меня перевели ученицей к электросварщикам. Обрадовалась я этому несказанно. Пришла домой и стала делиться с сестрой своей радостью. А она меня начала отговаривать: «Да ты что, одумайся, ты же ослепнешь через два года!» В общем, всяких ужасов наговорила. Но я не очень ей поверила тогда. И оказалась права.

Итак, я — ученица. Мне 19 лет. Я готова работать сколько угодно, лишь бы скорее, накрывшись щитком, провести первый раз в жизни сверкающий шов. С большой благодарностью вспоминаю своих первых учителей — опытных электросварщиков тт. Дворецкого, Зиморева, Лиморенко, Барабаша и многих других. Они от всего сердца делились со мной своим опытом. Им во многом я обязана тем, что стала хорошей электросварщицей. То, чем раньше привлекала меня электросварка, было, пожалуй, романтикой. А вот опытные сварщики научили меня любить эту трудную профессию за ее содержание. А трудности? Что ж, пожалуй, настоящая романтика и бывает там, где наиболее трудно. Возьмите нашу нынешнюю молодежь. Она стремится туда, где труднее: на стройки электростанций, на целину, на металлургические комбинаты. Вот она, наша советская, рабочая романтика! Романтика труда, романтика подвига.

Так и в те годы. Конечно, работать мне было на первых порах трудно. Но я всегда ощущала помощь коллектива. Трудности заключались еще и в другом. Время было тяжелое.

Навсегда в моей памяти останется март 1940 года. В этом месяце я вступила в ряды Коммунистической партии. Помню, когда получала партийный билет, во мне все пело. Хотелось сделать что-то необыкновенное, большое, сказать спасибо Советской власти.

И хотя с тех пор прошло более 20 лет, чувство это до сих пор не остыло. Все мне кажется, что сделано еще очень мало, что находишься еще в большом долгу перед Родиной.

И вдруг... До сих пор без содрогания не могу вспомнить тот ужасный день. День, когда в небе нашей любимой Родины появились фашистские стервятники, когда многие дети неожиданно стали сиротами, когда многие родители так же неожиданно потеряли детей.

Это было в воскресенье. Я вместе с группой работников завода вывозила ребят на летние дачи. Было солнечное, теплое июньское утро. В лесу было тихо, мирно щебетали птицы, словно колокольчики, звенели детские голоса. А возвратились в город и услышали это страшное слово — война. С первых же дней войны мы сами, без всякого приказа, стали работать не по восемь часов, а значительно больше. Нам хотелось как можно больше сделать для фронта.

Скоро над Харьковом появились первые вражеские самолеты, и заводские корпуса содрогнулись от разрывов авиационных бомб. Были выбиты стекла, кое-где разрушены стены, но мы продолжали работать. Работали по 12—16 часов, выполняли по три-четыре нормы, и никто не жаловался на усталость.

Враг продолжал наступать. Над Родиной нависла опасность. Завод наш эвакуировался на Урал. 12 октября 1941 года мы тронулись в путь. Как-то, на одной из станций, по пути нашего следования на Урал, к вагону, в котором я находилась, прибежала большая группа моих подруг. Фира Смолянская, которая сейчас работает в вагоносборочном цехе, размахивала газетой и что-то кричала. Остальные девчата перебивали ее, с чем-то поздравляли меня, а я от волнения ничего не могла понять. Лишь когда они ушли, а у меня в руках осталась газета, я прочитала в ней, что награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Приехали в Нижний Тагил. Встретили нас тепло и сердечно, как старых знакомых. В цехах работала в основном одна молодежь да женщины. Моими первыми учениками были Маша Дарьяновская, которая сейчас работает в бригаде коммунистического труда, Аня Доброрадова, работающая сейчас контролером, и многие другие. Все мы тогда старались помогать друг другу.

С. М. Буденный вручает А. В. Халиченко звезду Героя Социалистического Труда́ и орден Ленина.

Помню, у подруги по работе Нади Черупной создалось тяжелое положение в семье. Муж был на фронте, она осталась с двумя маленькими детьми. Без просьбы или поручения с чьей-либо стороны Феня Шум оказывала Наде большую материальную и моральную поддержку.

Хотя до Урала и не долетали вражеские самолеты, хотя здесь не было слышно завывания фашистских бомб, здесь царила напряженная военная обстановка.

Тяжело было не только духовно, но и физически, не хватало самого необходимого — пищи. Но люди помогали друг другу, делились последним куском хлеба. Работать приходилось по полторы, а иногда по две смены подряд. Но никто и никогда не отказывался от тяжелой работы. Все стремились оказать как можно большую помощь Советской Армии. В 1945 году, когда победоносные войска штурмовали Берлин, все мы с минуты на минуту ждали дня победы. Помню, вечером, 8 мая, трудящиеся завода не уходили от репродукторов.

В три часа утра по местному времени мы услышали радостную, долгожданную весть: война окончена.

Сколько было радостных слез! Обнимали и поздравляли каждого человека, независимо от того, знакомый он был или нет. Никак не верилось, что начинается мирная жизнь. Никак не могли свыкнуться с мыслью, что после шести дней работы бывает выходной.

Много слез и горя, большие разрушения принес нашему народу Гитлер. Нужно было восстанавливать народное хозяйство, а для этого требовалось большое количество вагонов. Перед нашим заводом стояла особенно большая задача — обеспечить железные дороги страны подвижным составом.

Прошло 17 лет после окончания Великой Отечественной войны. Все эти годы я работала электросварщицей на Уралвагонзаводе. За это время я обучила своей профессии свыше 150 молодых рабочих.

В 1960 году меня назначили инструктором по электросварке. Этот год ознаменовался большим событием в моей жизни. В Международный женский день мне было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Это большая награда.

Коммунисты завода вот уже не первый год избирают меня в состав партийного комитета. Как я работаю, им виднее.

В 1961 году мне исполнилось 50 лет. Можно и на пенсию. Ее бы вполне хватило для хорошей обеспеченной жизни. Но не могу расстаться с коллективом, не могу уйти с переднего края, особенно в такое время, когда весь советский народ приступил к строительству коммунизма.

И хотя проработала я более 30 лет и трудилась как будто неплохо,— все кажется, что сделано еще мало, что нужно сделать больше, чтобы отблагодарить нашу родную Коммунистическую партию и правительство за сердечную заботу о нас, рядовых советских людях.

НА ПУТЯХ К КОММУНИЗМУ

Н. Партина

НАШ РОДНОЙ УРАЛМАШ[1]

Надежда Ефимовна Партина родилась в 1916 году в селе Айртав, Кокчетавской области, в семье крестьянина. Работает на Уралмашзаводе со дня его основания. Первая женщина Уралмаша, удостоенная звания Героя Социалистического Труда.

Кто не бывал на больших заводах, тому, наверное, не приходилось видеть мостовых кранов. Наш цех на Уралмаше огромный. И во всю его длину под самой крышей движутся пять-шесть кранов. Они и в самом деле похожи на мосты, перекинутые через пролет цеха. Колесами-бегунками краны опираются на рельсы и катятся по ним.

...На работу я всегда прихожу задолго до смены. По металлической лестнице поднимаюсь в небольшую кабинку, прилепившуюся к фермам мостового крана. Сменщица сообщает мне о работе механизмов, о неполадках, если они были.

Окинув взглядом площадку около мартеновских печей, я сразу вижу, какая работа мне предстоит.

Кран, на котором я работаю, все время занят около

[1] Литературная запись Е. П. Медяковой.

мартенов. Он устанавливает изложницы, грузит шлак, переносит слитки в вагон-термос, и, главное, принимает металл из печи в ковш и заливает его в изложницы. Это очень ответственная работа. И если предстоит выпуск металла, я всегда строго проверяю все механизмы.

Обычно мой кран стоит недалеко от печи. Я присматриваюсь к тому, что делается у нее. Мастер смены или канавный дает мне команду. Я включаю автомат и еду брать ковш. В это время нужно быть особенно внимательной, выполнять все точно и аккуратно. По команде низовых рабочих я подаю ковш к мартену.

Велика ли сила в человеческой руке? Но вот, подчиняясь этой руке, огромный качающийся мартен начинает наклоняться. Струя расплавленной стали льется в гигантский пятидесятитонный ковш. Вблизи невозможно смотреть на поток стали невооруженным глазом. Сталевар и его подручные опускают на глаза синие очки.

Снопы искр летят во все стороны. До моей кабины искры не долетают. Но от стали, наполняющей ковш, нестерпимо жарко.

Бывает, что сталь, сваренная в мартене, не уходит в один ковш. Тогда мартен «выпрямляется», я увожу ковш на разливку, а к печи подъезжает второй ковш.

Рядом с нашим цехом расположен сталефасонный. Бывает, ему надо залить крупную форму, например, станину прокатного стана. Тогда мы, крановщицы, льем четыре ковша жидкого металла, взятого из двух мартеновских печей в одну гигантскую форму.

Конечно, не сразу я приобрела умение управлять краном. Упорно училась у более опытных товарищей. Люди охотно делились со мной опытом, подсказывали, как лучше «взять» ковш, как подставить его под струю расплавленной стали, быстро и точно разлить металл в изложницы. Учась у товарищей, я постепенно привыкла делать для себя выводы. Шли годы, я приобретала знания, опыт. Ежегодно механик и энергетик цеха проводили переаттестацию.

Сейчас мне присвоен уже восьмой разряд.

Наш мартеновский цех одним из первых на заводе перешел на семичасовой рабочий день. Через четыре дня на пятый каждый из нас отдыхает. А заработки стали еще выше. Я, например, получаю в месяц 160—

170 рублей. Живу я в хорошей трехкомнатной квартире со всеми удобствами.

Разве могут женщины капиталистических стран мечтать о таких условиях труда, о такой оплате его, о такой жизни?

Мой муж по-прежнему работает на заводе, дочь Римма окончила десятилетку и поступила чертежницей в отдел главного технолога завода, сын Володя с отличием окончил машиностроительный техникум.

Как же не чувствовать себя счастливой?

Цех наш горячий, дело мы имеем с огненным металлом. Поэтому каждый думает обо всех и все — о каждом. Очень сильна у нас рабочая спайка, дружеская взаимопомощь. Иначе и быть не может! Ведь все мы плавим сталь для того, чтобы страна наша становилась все краше и могущественнее.

* * *

В начале марта 1960 года мне сообщили, что я поеду в Москву на празднование пятидесятилетия Международного женского дня.

От Свердловской области нас ехало четверо: электросварщица Уралвагонзавода А. Халиченко, доярка из колхоза имени Калинина, Пышминского района, П. Г. Колобова, заведующая областным отделом народного образования О. С. Комова и я. В дороге мы подружились.

В Москву приехали в канун 8 Марта. Наутро прибыли в Центральный Комитет партии. Инструктор поздравил нас с праздником и вручил приглашения в Кремль. Мы все заволновались.

А дальше было как в сказке. Приехали в Кремль. Никогда я в нем не была. Но все кругом казалось очень знакомым, все эти палаты и залы мы видели в кинофильмах и на фотографиях.

Вместе с нами в Кремль прибыла большая группа женщин. Среди них — старые большевички Елена Дмитриевна Стасова, Александра Васильевна Артюхина.

В одиннадцать часов начался торжественный прием.

Электросварщице с Уралвагонзавода Александре Халиченко и мне присвоили почетное звание Героев Социалистического Труда.

Я перебирала в памяти всю свою жизнь и удивлялась: за что мне, простой труженице, дали такую высокую награду? Ведь, кажется, ничего не было в моей жизни героического.

Все окружающие поздравляли нас.

В числе десяти женщин Российской Федерации, которым было присвоено звание Героев Социалистического Труда, я присутствовала в тот день на приеме у Никиты Сергеевича Хрущева.

А вечером в Георгиевском зале Кремлевского дворца состоялся прием в честь пятидесятилетия Международного женского дня. Мне выпала честь приветствовать руководителей партии и правительства от имени трудящихся женщин Урала.

Я стала говорить, что мы оправдаем высокие награды самоотверженным трудом. Но Никита Сергеевич с улыбкой прервал меня и сказал, что мы уже заслужили эти награды, что я тружусь как настоящий беспартийный большевик...

Вечер продолжался. Я видела вокруг себя сотни наших советских женщин. Все лица светились радостью и счастьем.

Наши спутницы тоже были награждены: знатная доярка Пелагея Гавриловна Коробова — орденом Ленина, а заведующая областным отделом народного образования Ольга Сергеевна Комова — орденом Трудового Красного Знамени.

А потом нас встречали на вокзале родного города. Едва мы вышли на перрон, как нас окружили, стали обнимать, целовать, поздравлять. Вручили букеты живых цветов.

Как тут было не заплакать от радости, от большого волнения?

* * *

Незаметно идут годы. Все старше становится наш завод.

Продукция, которую выпускаем мы, уралмашевцы, идет не только во многие города нашей Родины, но и во многие страны мира. Уралмаш, который Алексей Максимович Горький назвал «заводом заводов», шлет свои изделия великому Китаю, республике Индии. Мы

можем гордиться тем, что Аньшаньский металлургический комбинат наши друзья в Китае называют китайским Уралмашем.

....Рано утром, когда еще не хлынул в проходные многотысячный поток моих товарищей по заводу, я иду на смену. Я прохожу мимо многоэтажных красивых домов, через площадь имени Первой пятилетки. И думаю, раньше ничего этого не было. Все строилось у меня на глазах. Вот и памятник Серго Орджоникидзе. Рядом, в мраморном бассейне, бьет фонтан, разливается аромат цветов. И на территории завода — клумбы с цветами, деревья и кустарники.

И я думаю: какой красавец Уралмаш! Как же не любить его! Как не гордиться заводом-гигантом, который мы сами создавали, вместе с которым мы росли, которому отдали свои лучшие мечты и стремления.

П. Основина

РАЗВЕДЧИЦЫ БУДУЩЕГО

Павла Петровна Основина родилась в 1914 году в семье крестьянина-бедняка, красного партизана. В 1935 году она окончила Нижне-Тагильский горнометаллургический техникум и была направлена на Уралвагонзавод, где работала старшим химиком до 1944 года. С 1947 года П. Основина работает начальником участка на Свердловском заводе медицинских препаратов. В 1951 году она вступила в ряды Коммунистической партии. За активное участие в строительстве завода и за освоение новой технологии Павла Петровна награждена орденом «Знак почета» и значком «Отличник социалистического соревнования».

Нет, это не воспоминания о прошлом, это рассказ о сегодняшнем дне женщин-тружениц, активных участниц строительства коммунизма. Это рассказ о тех, кого Никита Сергеевич Хрущев назвал «разведчиками будущего».

В апреле 1959 года бригады Р. И. Плотниковой и Н. М. Першиной первыми на нашем участке стали бригадами коммунистического труда. Через год этого же добился весь участок, а потом и весь завод медицинских препаратов первым в Свердловской области, завоевал звание предприятия коммунистического труда.

Если вы хотите поближе познакомиться с работой участка, зайдите в наш цех. Вы сразу же увидите, как напряженно и сосредоточенно трудятся люди. Иначе нельзя! XXII съезд партии поставил перед трудящимися огромные задачи по созданию материально-технической базы коммунизма.

На видном месте вывешен щит с социалистическими обязательствами смен и бригад. А вот книга в красном бархатном переплете. Сюда записываются личные трудовые подарки рабочих Родине. Заглянем в книгу.

С первой страницы вам улыбается простая девушка комсомолка Аня Абрамова. Милое лицо, большие, задорные, с лукавинкой глаза... Под портретом — личные социалистические обязательства, а дальше итоги их выполнения. Вы убедитесь в том, что все пункты обязательств выполнены. И так на сорок одном листе книги — скупая, но какая радостная фраза: «Все пункты выполнены».

Так же успешно выполняются бригадные и участковые социалистические обязательства.

За высокие показатели в соревновании за коммунистический труд и быт коллектив участка занесен в Книгу трудовой славы района и города. Нам не раз присуждалось переходящее Красное знамя завода.

Много важных событий происходит в жизни нашего коллектива. Вот, например, одно из них: на заводской конференции бригад и ударников коммунистического труда нашему участку присвоено имя XXII партийного съезда. Это имя будут также носить две бригады нашего участка, возглавляемые З. М. Дворниковой и Б. А. Куниной.

В цехе у нас очень уютно, как-то даже по-праздничному торжественно. Всюду цветы. Очень много цветов. На столе мастера участка большая сумма денег, разложенная по купюрам. Сегодня день получки. Каждый подойдет и возьмет сколько ему полагается. Мы уже давно обходимся без кассира.

Приближается конец смены, в цехе становится многолюдно. На улице сыро и грязно, а резиновая ковровая дорожка на полу цеха так чиста, что в ней можно увидеть свое отражение. Вторая смена уже собралась, а первая не спешит уходить. Председатель цехового комитета А. В. Ольшевская приглашает всех в зал для того, чтобы торжественно поздравить Б. А. Кунину с днем рождения. Много теплых, идущих от сердца слов, много рукопожатий — и все довольные расходятся по своим местам.

Коллективные поздравления товарищей по работе в день их рождения стали у нас традицией, и мы убеди-

лись в том, как много значат для человека эти теплые слова и эти дружеские рукопожатия. Иногда такой день рождения становится днем перерождения человека. Так было, например, с Зиной С. Зина долго не чувствовала себя членом нашей трудовой семьи, стояла в стороне от многих дел коллектива, завод был для нее лишь источником заработка, она не видела радости в труде, вечно была чем-то недовольна, часто плакала.

Мы долго думали над тем, как же сделать, чтобы Зина чувствовала себя в коллективе, как в родной семье? И вот в день ее рождения весь цех на стыке двух смен торжественно поздравил Зину. Вручили ей цветы и подарок. Это было у нас впервые. Все мы, а особенно инициаторы, страшно волновались. И каково же было наше разочарование, когда Зина очень спокойно и, как нам показалось, даже равнодушно, приняла и подарок и поздравления. Но на другой день случилось «чудо». Зина преобразилась, она засветилась каким-то внутренним светом и, по-моему, даже внешне стала красивее. Кажется, впервые тогда я увидела на лице Зины улыбку. Она подошла ко мне и сказала: «Знаете, Павла Петровна, я просто потрясена была вчера. Почти всю ночь не спала, все думала: какой хороший коллектив меня окружает»,— и благодарила, благодарила всех.

Сейчас Зина активно участвует в общественной работе, настойчиво учится, посещает университет культуры. И надо видеть, как жадно, с каким вниманием слушает она лекции!

Да, с декабря 1958 года, с того самого дня, когда мы вступили в соревнование за коммунистический труд, наш коллектив начал новую, более интересную, насыщенную замечательными событиями жизнь. За это время мы все словно помолодели, выросли духовно, и производственные успехи у нас стали значительнее, весомее.

А как все это началось? Давайте вспомним.

Еще в сентябре 1958 года у агитатора Розы Плотниковой возникла мысль поговорить с коллегами и предложить им вступить в соревнование за коммунистический труд.

К беседе о новых формах социалистического соревнования Роза готовилась тщательно. Прочитала много

литературы и особенно проштудировала знаменитую работу В. И. Ленина «Великий почин». Роза была почти уверена в том, что после ее беседы все единогласно заявят: «Да, мы готовы работать и жить по-коммунистически». Но каково же было ее огорчение, когда на ее вопрос слушатели ответили... молчанием.

Только спустя два месяца на очередной беседе товарищи вернулись к этому вопросу, хотя тема беседы была иная. Разговорились и выяснилось, что все эти дни они думали о соревновании. И вот у всех созрело решение: взять обязательство учиться, работать и жить по-коммунистически.

Бригада Р. И. Плотниковой из одиннадцати человек обязалась увеличить выход пенициллина по расфасовке на 0,5 процента против плана, повысить производительность труда на два процента. Следующий пункт — повышение знаний. Учиться пошли все.

Одновременно с этой бригадой взяла повышенные социалистические обязательства и бригада Н. М. Первишиной.

В выполнении своих обязательств девушки были упорны. Они шаг за шагом ломали устаревшие нормы в труде и отношении друг к другу. Порой они были даже суровы в своей требовательности. Но как они оказались правы! Это им мы обязаны тем, что прогул у нас теперь отошел в область предания. Даже самое незначительное нарушение трудовой дисциплины является сегодня предметом особого обсуждения: «помни, что ты работаешь на участке коммунистического труда»!

Девушки из бригады Розы Плотниковой придавали большое значение укреплению дружбы в коллективе, это они предложили впервые коллективно отметить день рождения Зины С. Это они вели горячие споры о счастье и красоте человека. Это они явились инициаторами многих хороших начинаний, помогающих сплочению коллектива.

Теперь мы часто бываем вместе. Ходим коллективно в театры, кино. Недавно наша дружная семья отпраздновала новоселье Оли Черноусовой и Зины Сафоновой. Живем по принципу: один — за всех, все — за одного. Если кто-то не вышел на работу, навещаем его обязательно в этот же день и стараемся помочь человеку,

если он заболел и нуждается в помощи. Вообще, никогда не оставляем товарища один на один с горем, несчастьем или какими-то трудностями. Вот, например, Ольга Черноусова, участница Великой Отечественной войны, инвалид второй группы, нервная очень, а соседи по квартире у нее оказались не чуткими людьми, доставляли ей много неприятностей. Коллектив не мог примириться с этим. Товарищи по работе поставили перед райисполкомом вопрос об обмене квартиры Черноусовой. Хлопот было много. Не раз и не два пришлось сходить в райисполком и райжилуправление. Особенно много старания приложила Фаина Степановна Денисова, наш агитатор и бригадир. И хлопоты не пропали даром. Черноусова получила изолированную комнату. На торжественном новоселье Оля горячо благодарила коллектив за чуткое, внимательное отношение.

Делиться друг с другом всеми радостями и горестями, разговаривать спокойным, ровным голосом и откровенно — такой у нас в коллективе неписаный закон.

Как-то одна из наших работниц, мать троих детей, пожаловалась Фаине Степановне Денисовой, что ее очень обидел муж и она не знает, как ей быть. Нам было известно, что и с другими нашими работницами мужья не всегда хорошо обращаются. Фаина Степановна задумалась.

Нужно обязательно защитить достоинство наших женщин-работниц, жен и матерей! Но как это лучше сделать? Посоветовались и решили провести вечер встречи с мужьями. За чашкой чаю рассказать им о хороших общественных и производственных делах их жен, поднять авторитет женщины-труженицы, матери. За производственные успехи участку как раз была выделена премия. Мы не стали распределять эти деньги, а использовали их на проведние вечера. Готовились тщательно. Избрали комиссию во главе с бригадиром Ф. С. Денисовой. Директор предоставил в наше распоряжение красный уголок завода. Туда мы снесли все цветы. Поставили столы, накрыли их белоснежными скатертями и хорошо сервировали. Спиртного на вечере, конечно, не было.

Мужьям устроили торжественную встречу, показали им свою самодеятельность. А когда сели за стол, по

очереди выступили все бригадиры участка и рассказали о каждой женщине: как она трудится на производстве, как коллектив ценит ее работу и гордится ее производственными успехами. Фаина Степановна Денисова в своей взволнованной речи заявила, что коллектив не позволит кому бы то ни было, в том числе и мужу, унижать достоинство женщины-труженицы, женщины-общественницы, женщины-матери.

Потом стали выступать сами мужья. Они благодарили нас за теплую встречу, за хорошую организацию вечера, по-дружески жали наши руки, с гордостью смотрели на своих жен и говорили: «Как это здорово все у вас получается. Вот теперь мы видим, что вы, действительно, люди коммунистического труда». Некоторые из мужчин после этого вечера стали нашими последователями в движении за коммунистический труд. Так, муж А. М. Филимоновой организовал на камвольном комбинате первую бригаду, борющуюся за звание бригады коммунистического труда. Отношения в семьях стали лучше, теперь мужья более внимательно относятся к своим женам и детям. Между отдельми семьями нашего коллектива тоже завязалась дружба.

Забота, внимание, дружба! Мы воспитываем эти качества в членах нашего коллектива не только в отношении друг к другу, но и вообще в отношении к человеку.

Как-то к нам на завод пришла тревожная телеграмма из Симферополя с просьбой выслать в одну из клиник новый препарат эритромицин. Под угрозой жизнь человека. Нужно испробовать последнее средство, чтобы спасти ее. Промышленного производства эритромицина еще не было, мы, первыми в стране, получали его лишь лабораторным способом. Но посылка была отправлена. В тот же день летчик т. Поляков доставил ее в указанную клинику. Жизнь человека была спасена.

Позднее мы узнали, что этим человеком была студентка педагогического института Надя Сагулякина. У нее был септический эндокардит, в течение девяти месяцев девушка была прикована к постели, и врачи потеряли всякую надежду на ее выздоровление. Через неделю после получения нашей посылки Надя встала на ноги. Началась волнующая переписка между девуш-

кой и коллективом нашего завода, перешедшая в большую, настоящую дружбу. Надя приезжала к нам в гости. Мы ей послали денег на дорогу и встретили, как родную. Удочерили. Теперь она с гордостью носит имя «дочери коллектива коммунистического труда». Надя достойна этого имени. Несмотря на тяжелую болезнь, она сдала все экзамены отлично, перешла на следующий курс и теперь продолжает успешно учиться.

Большая дружба завязалась у нашего коллектива и с Викой Дулиной, молодой учительницей из города Енакиево. Коллектив нашего завода не только спас ей жизнь, но и принял большое участие в ее дальнейшем устройстве. У Вики было общее заражение крови. Мы послали в Енакиево эритромицин. После того, как учительница выздоровела, ее направили работать в школу, отдаленную от места жительства. А по заключению врачей ей нельзя было много ходить. Наш коллектив не мог оставить это без внимания. Общественные организации завода обратились в районо с просьбой или перевести учительницу Вику Дулину в другую школу, ближе к месту ее жительства, или помочь сменить ей квартиру. Наша просьба была удовлетворена. Вика получила работу в другой школе и ей была предоставлена квартира рядом со школой.

Вика Дулина тоже приезжала к нам в гости. Она встретилась с рабочими в красном уголке завода, произнесла проникновенную речь. Благодарила за внимание. «Спасибо, родные, — говорила она, — как только я переступила порог вашего здания, сразу почувствовала, что попала в хороший коллектив, в большую и дружную семью». Трижды Вика выступала перед пионерами города, в кинотеатре «Салют», по телевидению — и всюду рассказывала о нашем коллективе.

Мы стараемся не оставлять без внимания ни одной просьбы советских людей, если есть хоть малейшая возможность, выполняем эти просьбы.

Не так давно мы получили телеграмму, что в одной из деревень нашей области умирает ребенок. Срочно нужен наш препарат. Железной дороги там нет. Связались по телефону с больницей и договорились о том, чтобы они выслали нарочного на ближайшую железнодорожную станцию. Поехали на вокзал и с начальником поезда отправили препарат.

Таких случаев очень много.

Наше внимание к людям вознаграждается множеством теплых благодарственных писем, которые приходят на завод со всех концов Советского Союза.

Вот что пишет военврач Л. В. Шутилова из Севастополя:

«Здравствуйте, дорогие товарищи, спасшие мне жизнь!

Пишу Вам, зная, что подходите к XXII съезду партии со знаменем коммунистического труда. Вы это знамя завоевали своими делами. Четыре слова: «для спасения жизни человека» лучше всего характеризуют ваш труд. Своей деятельностью на земле вы можете гордиться.

Мне Вы спасли жизнь эритромицином, вернее, подарили мне вторую жизнь, подарили счастье жить среди своего любимого народа, видеть его растущую мощь, его великие завоевания...»

А вот письмо геолога из Сибири:

«Я стал слышать. Это «чудо» совершили двадцать таблеток эритромицина. Полтора года полной глухоты — и снова я слышу... Слышу шепот, тиканье часов, наслаждаюсь музыкой. Настроение такое, что пускаюсь в пляс. Я слышу! Понимаете? Слышу! Буду искать опять золото, спорить с северной стихией!»

Эти письма нам приносят большую радость, помогают воспитывать в коллективе чувство законной гордости за свой труд.

Дружба, сознание долга перед своим коллективом и всем советским народом, любовь к своему делу, вера в собственные силы помогают добиваться успехов в работе.

Девушки из бригады Розы Плотниковой и Нины Первишиной настойчиво учили нас экономить, рационализировать, изыскивать еще неиспользованные резервы повышения производительности труда.

Бригада Розы Плотниковой обслуживала 10 полуавтоматов. За две смены каждый из них ежедневно простаивал один час (время обеденного перерыва). Роза предложила ликвидировать этот простой таким образом: уходить на обед не всем вместе, а по очереди, с таким расчетом, чтобы тех, кто обедает, могли подменить у полуавтоматов наладчик, операционник, дози-

ровщик или бригадир. Это, казалось бы, очень простое новшество дало нам возможность намного увеличить выпуск продукции.

Далее, девушки внесли предложение, которое позволило увеличить скорость полуавтоматов: вместо 29 флаконов в минуту каждый полуавтомат стал давать 31.

Смелый почин бригады Розы Плотниковой был подхвачен всем коллективом участка, а затем и завода.

Новые формы социалистического соревнования способствовали объединению коллектива в единую сильную трудовую семью, способную решать большие и сложные задачи.

Особенно важное значение мы придаем рационализаторским предложениям, направленным на экономию дорогостоящего препарата эритромицина.

На участке произведены организационно-технические мероприятия, улучшившие качество продукции и культуру производства. Своими силами модернизированы старые таблетировочные машины, смонтированы две камеры для сушки эритромицина с применением ламп с инфракрасными лучами. Освоены счетно-фасовочные машины. Большие работы проводятся по монтажу и освоению автомата для штамповки пластмассовых упаковочных коробочек.

Вместе с успешной производственной деятельностью коллектив участка уделяет много внимания учебе — политической, экономической, общеобразовательной. Каждый рабочий получил знания по основам конкретной экономики, мы теперь хорошо знаем, от чего зависит производительность труда и каковы пути ее повышения, что такое себестоимость и как можно добиться ее снижения. Несколько человек из нашего коллектива обучаются в школе рабочей молодежи. Роза Плотникова успешно закончила десятилетку и в этом году поступает в Политехнический институт. Нина Первишина перешла в 9-й класс.

Многие наши женщины занимаются в кружках текущей политики, истории партии, посещают университет культуры. Все наши работницы выписывают газеты и журналы. Два раза в месяц на участке выходит стенная газета, регулярно проводятся беседы.

Подавляющее большинство работающих на нашем

участке состоит в народной дружине. Один раз в месяц каждому из нас приходится выходить на патрулирование.

Активно участвует наш коллектив в озеленении и благоустройстве своего города и заводской территории. Когда началось это движение, в коллективе родилась очень хорошая мысль: в честь каждого новорожденного в семьях наших рабочих сажать возле завода куст сирени. Первый такой куст посадили супруги Колесниковы в честь своей дочки Ольги. Этой весной сирень уже цвела. Теперь таких кустов уже несколько. Пусть эта сирень возле нашего завода будет живым и вечным памятником первым бригадам коммунистического труда, пусть она напоминает потом нашим детям, людям коммунизма о том, как их отцы и матери прокладывали путь в это общество.

Коллективом участка проводится большая шефская помощь многим классам школ имени М. И. Калинина Ленинского района, № 2 Верх-Исетского района, № 2 Железнодорожного района и другим. Особенно тесную связь мы поддерживаем со школой, где обучаются дети наших рабочих. Итоги каждой учебной четверти мы подводим на собрании в красном уголке завода, куда приглашаем всех детей, родителей и учителей. Проводятся встречи учащихся детских школ с учащимися школ рабочей молодежи. Цель таких встреч — рассказать ребятам об их матерях — ударницах коммунистического труда, зажечь в ребятах стремление к новому, передовому, к борьбе за звание спутника семилетки.

Результаты работы с детьми неплохие. Все дети наших рабочих перешли в следующие классы. Ребята стараются подражать своим родителям: их классы борются за звание спутника семилетки. Многим это звание уже присвоено.

Коллектив нашего участка выезжал в подшефный совхоз на строительство сельского клуба. Днем строили, а вечером проводили беседы и выступали с концертами. Помогли мы организовать в селе бригады, борющиеся за звание коммунистических.

Все мы активно участвуем в самодеятельности. Один раз в неделю на участке поет весь коллектив. Хором руководит одна из наших работниц Л. Батунова.

Ныне у нас появилась новая забота — пропаганди-

ровать передовые методы труда, формы социалистического соревнования. Мы уже неоднократно встречались с коллективами многих предприятий Свердловска и области. Активным пропагандистом нашего опыта является коммунистка Тамара Воронина, одна из лучших наших работниц.

Весь коллектив гордится тем, что одна из работниц нашего завода, аппаратчица цеха химической очистки Людмила Казакова была делегатом XXII съезда КПСС.

Мы уверенно поднимаемся по ступенькам коммунизма. И в этом — смысл нашей жизни, наше большое настоящее счастье.

А. Пирогова

БОЕВЫЕ ПОМОЩНИКИ ПАРТИИ

Агния Васильевна Пирогова родилась в 1906 году, член КПСС с 1925 года. Трудовую деятельность начала с шестнадцатилетнего возраста работницей фармацевтического завода. По окончании тракторного техникума была послана на Челябинский тракторный завод, где 24 года работала контрольным мастером инструментального цеха. В 1961 году ушла на пенсию, но продолжает работать председателем женсовета Челябинского тракторного завода.

Часто слышишь, как рабочие в разговорах с окружающими гордо произносят: «Это наш трактор», «Это сделано на нашем Челябинском тракторном». И невольно перед глазами возникает гигант-завод с многочисленным коллективом рабочих и работниц, чьим трудом воплощена в жизнь мечта Ленина — дать стране мощные машины.

Вспоминаются мне недавние дни, те дни, когда наш завод готовил достойную встречу XXII съезду КПСС. И тут Мария Федоровна Мороз была в первых рядах соревнующихся. Она пересмотрела свои социалистические обязательства и разработала новый комплексный план использования резервов. Его осуществление поз-

волило повысить производительность труда, снизить себестоимость и завершить выполнение семилетней производственной нормы ко дню открытия съезда.

В чугунолитейном цехе работает молодая женщина Евдокия Митрофановна Шахова. На заводе знают ее с 1950 года. Дисциплинированную, обладающую организаторскими способностями девушку выдвинули бригадиром стержневого отделения. Руководимый ею коллектив в основном состоит из молодых женщин. Он живо подхватывает все новое, передовое, прогрессивное, рождающееся в ходе социалистического соревнования. Бригада Евдокии Митрофановны одной из первых на заводе поставила перед собой задачу: работать и жить по-коммунистически. Борясь за досрочное выполнение семилетки, коллектив бригады добился замечательных успехов, работницы внесли ценные рационализаторские предложения по экономии металла, повышению производительности труда и т. д.

Ударник коммунистического труда Евдокия Митрофановна Шахова первая на заводе последовала примеру Героя Социалистического Труда Валентины Гагановой: перешла работать в одну из отстающих бригад, сумела вывести ее в число передовых. Но не такой характер у т. Шаховой, чтобы успокоиться на достигнутом, она перешла в третью отстающую бригаду и сейчас эта бригада борется за высокое звание коллектива коммунистического труда.

Нельзя не упомянуть и о скромной труженице Акулине Михайловне Агарковой. Это она в далекие годы начала строительство Челябинского тракторного завода, была в числе передовых энтузиастов, которые заложили первые камни промышленных корпусов. Акулина Михайловна и поныне трудится в семье строителей. Она руководит бригадой маляров на одной из строек. Ее бригада борется за звание коллектива коммунистического труда.

Под руководством партийной организации на заводе развернулось широкое движение общественной деятельности женщин. Были созданы женсоветы в цехах и женсовет завода. Ныне они превратились в боевых помощников партийных организаций на заводе. Они провели большую работу по вовлечению женщин в соревнование за коммунистический труд. Сейчас на

заводе работает семь женских коммунистических бригад. Первой коммунистической бригадой на заводе стала бригада дизель-моторного цеха № 1, руководимая Ниной Карпенко. 550 женщинам уже присвоено почетное звание ударника коммунистического труда. На 98 коммунистических участках подавляющее число составляют женщины. Большую работу женсоветы проводят по наведению чистоты и порядка в цехах, по озеленению территории завода, по улучшению работы цеховых столовых, по воспитанию детей.

Так работают женщины нашего завода. Они вносят свой достойный вклад в создание материально-технической базы коммунизма.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ [1]

Валентина Ивановна Климантова родилась в селе Хлупово, Курганской области, в 1929 году. Работает в колхозе с двенадцатилетнего возраста. С 1951 года работает дояркой колхоза «Гигант». В. И. Климантова — депутат Верховного Совета РСФСР.

Так уж случилось, что свою трудовую жизнь я начала с детства. Когда началась Великая Отечественная война, мне шел тринадцатый год. В первые же дни отец ушел в Советскую Армию. Возле матери нас осталось пятеро. Старше меня была только одна сестра, остальные же, как говорят, мал мала меньше. Всю эту ораву мать должна была накормить, обуть, одеть. В то время я, пожалуй, не совсем понимала заботы и переживания матери, но все-таки чувствовала, что ей тяжело и надо помогать. Помощь требовалась не потому, что мать не могла прокормить нас. Колхоз знал нужды каждой семьи и выделял из своих запасов продукты особо нуждающимся.

Помогать нужно было по другой причине. Мать работала в колхозе свинаркой. С уходом мужчин на

[1] Литературная запись Жиленкова.

фронт ее помощников послали трудиться на другие участки, а мать должна была теперь одна управляться на свиноферме. Уходила она туда в 4—5 часов утра и возвращалась к одиннадцати-двенадцати ночи. Вот и решила я: пойду на ферму. К колхозным фермам я пристрастилась давно. Зимой, и особенно летом, во время школьных каникул, часто целыми днями находилась там и помогала матери выполнять разные мелкие работы. Мыла в свинарнике клетки, полы, белила стены, протирала окна. Иногда мать доверяла мне кормить молодняк или выгонять его на прогулку.

— Что, Анна Федотовна, смену готовишь? — спрашивали колхозники.

Так с начала войны я стала трудиться в колхозе. Вначале просто помогала матери. Но не долго. Кто-то из членов правления заметил, что я хорошо выполняю работу и могу быть полезной в другом месте. Рабочие руки тогда везде нужны были, и меня послали в тракторную бригаду. Какие только обязанности я не выполняла! Была и прицепщицей, и поварихой, и сеяльщиком, вязала снопы, подавала их на стол молотилки. А наступала зима — снова шла в животноводство. Здесь тоже освоила все профессии. То ухаживала за овцами, то за телятами, то за лошадьми. Не работала только дояркой, хотя впоследствии это и стало моей основной специальностью.

Отгремела война, отпраздновал советский народ великую победу. По всей стране развернулась новая битва — битва за восстановление народного хозяйства. Нелегко было хлуповским колхозникам, как, наверное, и другим, сразу двинуть вперед общественное производство. Пришлось не раз заменить руководство, укрепить надежными людьми основные участки производства, объединиться с соседней артелью.

Уже одиннадцать лет я работаю дояркой. Но и теперь очень хорошо помню, почему выбрала именно эту профессию. У нас в селе есть колхозница Фекла Максимовна Завьялова. Сейчас этой женщине больше пятидесяти лет. Двадцать пять из них она проработала дояркой. Фекла Максимовна не просто доярка, а можно сказать мастер своего дела. А как она влюблена в свою профессию! Ведь это, можно сказать, подвиг, когда человек в течение четверти века изо дня в день, в

жару, стужу, непогоду с раннего утра и до позднего вечера находится на ферме. Несколько раз Фекле Максимовне предлагали отдохнуть, но она решительно отказывается. А если случится, что приболеет, то все равно больше двух-трех дней не пробудет дома. Смотришь, идет Фекла Максимовна на ферму и, как бы оправдываясь, говорит:

— Не могу, бабоньки, дома сидеть, вся душа изболелась.

Фекла Максимовна и привила мне любовь к труду доярки. Глядя, как ловко она управляется с животными, хотелось и самой поработать вот так же. И вот после укрупнения колхоза я стала дояркой. Стала не случайно, а с твердым намерением посвятить этому делу не один и не два года. Та же Фекла Максимовна посоветовала мне не принимать старых коров, а самой выбрать подходящих нетелей и раздоить их.

— Не пожелеешь труда, будут удои, — говорила она.

Сколько раз я потом с благодарностью вспоминала Феклу Максимовну, которая не только подавала добрые советы, но садилась со мной рядом и учила, как лучше всего раздоить корову.

...Быстро идет время. Многое изменилось к лучшему. Разве, например, могли мы, хлуповские доярки, десять лет назад думать о механической дойке. Об этом только читали в газетах да слышали по радио. А теперь, пожалуйста, каждая доярка обслуживает 20 коров.

Когда я впервые пришла работать на ферму, коровы содержались в плохих помещениях, кормов не хватало, надой молока на фуражную корову не превышал 800 килограммов. А теперь у нас хороший четырехрядный электрифицированный коровник. В нем есть отделение для механической дойки. Механизированы подача кормов и уборка навоза. В помещении оборудована хорошая комната для отдыха доярок.

Наш колхоз одним из первых в районе применил беспривязное содержание коров. Что это дало? Если ранее за 200 коровами нашей группы ухаживало 16 человек, то теперь ту же работу выполняет только восемь. Но главное, чего мы добились механизацией животноводства, состоит в том, что на ферме резко

повысилась производительность труда. А это снижает себестоимость и увеличивает выход продукции на одного работающего. Так, себестоимость центнера молока у нас сейчас снижена до 7,1 рубля против 9,6 рубля.

А как изменилось сознание людей! Наша бригада успешно борется за звание бригады коммунистического труда.

Много перемен произошло и в облике нашего села. В последние годы выросли десятки новых домов колхозников, почти заново перестроены все животноводческие помещения, открыты детские ясли, сооружен просторный светлый клуб. Много труда вложено в строительство пекарни, столовой, бани, парикмахерской.

Нет слов, чтобы по-настоящему описать те перемены, которые произошли и в моей жизни. Всегда вспоминаю с волнением тот февральский день 1959 года, когда мои односельчане выдвинули меня кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Этой вести просто не верилось. Ведь это такая великая честь!

А потом я присутствовала на совещании передовиков сельского хозяйства в Свердловске. Это совещание для нас явилось хорошей школой.

Наши колхозники с большим воодушевлением борются за выполнение задач, поставленных XXII съездом КПСС. Мы не пожалеем сил для того, чтобы претворить их в жизнь, чтобы с каждым днем укреплялась мощь нашей Родины, повышалось благосостояние советских людей.

П. Пайвина

ТРУД — НАШЕ СЧАСТЬЕ

Полина Васильевна Пайвина родилась в 1914 году, в селе Кабанье, Шадринского района, Курганской области. До 1938 года она работала в Шадринске на элеваторе, затем на хлебозаводе. С 1938 года Полина Васильевна трудится в животноводческом совхозе «Красная звезда». П. В. Пайвина окончила курсы животноводов и стала работать дояркой, затем свинаркой. П. В. Пайвина — Герой Социалистического Труда.

Свинаркой, да еще опытной, я стала, конечно, не сразу. Работала я в Шадринске Курганской области, на элеваторе, потом на хлебозаводе.

В 1938 году наша семья переехала в животноводческий совхоз имени Демьяна Бедного. С той поры мы здесь и живем. Мать 14 лет трудилась бухгалтером, а сейчас на этой должности сестра Раиса, братья Василий и Леонид работают шоферами, а брат Аркадий — офицер Советской Армии.

В совхозе я работала некоторое время продавцом. Потом окончила курсы животноводов и перешла в животноводство. Была дояркой, работала и свинаркой. И работа эта мне нравилась.

Но случилось так, что в магазине не было продавца. Меня стали просить снова перейти в магазин.

— Дело для тебя знакомое, — уговаривали меня. —

Туда каждого не поставишь. Подберут продавца, и ты снова вернешься в животноводство...

Не хотелось мне оставлять свинарник, но если народ просит, надо соглашаться.

Торгую я в магазине, а смены все нет и на сердце неспокойно. Слушаю разговоры покупателей. Часто о животноводстве говорят. Плохо в свинарниках. Кормов недостает. Молодые свинарки чуть не плачут: трудно им работать.

И подумала я: «Что же это в такое время я за прилавком спряталась? Родине нужно мясо. Вернусь на прежнее место».

Пошла к управляющему отделением и попросила перевести меня на работу в свинарник. Он выслушал внимательно, одобрил мое намерение и вскоре я вернулась к знакомому делу.

На душе сразу радостно стало. Нашлись, правда, и такие женщины, которые осуждали меня: «вот, мол, глупая! Была на чистой работе и сама выпросилась на грязную». «Нет,— думаю,— никакая работа на благо народа не может быть грязной».

Поставили меня на откорм свиней. И принялась я опять за любимое дело. Сначала откармливала по 100 голов в год. Потом по 300. А в 1959 году я откормила 760 голов и сдала государству 837 центнеров свинины.

Узнала я о замечательных успехах новаторов по откорму свиней. Захотелось мне изучить их опыт и применить на нашей ферме.

Стала по книгам изучать методы работы передовиков. Делегации свинарок из нашего совхоза ездили в Лузинский совхоз, Омской области, где смело применялось свободно-выгульное содержание свиней на откорме. Когда они вернулись, я обо всем расспросила их.

Потом подумала, подсчитала и взяла на 1960 год новое, повышенное обязательство: откормить 2000 голов, сдать государству 2000 центнеров свинины, получить привеса 1200 центнеров, значительно снизить себестоимость мяса против плана.

А тут произошло радостное событие. Мне выпало большое счастье: вместе с сотнями других передовых тружениц заводов, фабрик, совхозов, колхозов, научных учреждений я была приглашена в Москву на празднование 50-летия Международного женского дня. Здесь я

узнала, что правительство высоко оценило мою скромную работу. Мне было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В тот же день в Кремле член Президиума Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза С. М. Буденный вручил мне Золотую Звезду и орден Ленина.

Руководители партии и правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым сфотографировались с нами в Кремле.

Как мне описать все то, что я пережила, перечувствовала в этот самый большой день в моей жизни. Где найти такие слова, чтобы выразить мое волнение. Только подумайте!.. Я — дочь забитого, темного мужика из глухой зауральской деревни и вдруг — герой. Ведь до революции у нас женщину и за человека не считали.

Как же я сейчас должна работать, чтобы отблагодарить партию и правительство за такую заботу о женщине-труженице, за высокую награду?! Я отлично понимаю, что эту награду мне вручили не только за то, что я уже сделала, но и за то, что я еще должна сделать. Работать вдвое, втрое лучше, чем до сих пор — вот моя задача!

И как на крыльях, я летела домой, в родной совхоз.

Как раз в это время у нас на ферме было закончено строительство нового свинарника. Мне предложили его принять. Разумеется, я отказалась. Зачем создавать мне какие-то особые условия, лучшие, чем у других свинарок? Нет, я и в старом свинарнике выполню свои обязательства.

Домик, в котором я живу, сильно поизносился. Мне предложили перейти в новый дом. И это ни к чему. Достаточно мою квартиру подремонтировать и в ней можно великолепно жить. А новый дом пусть заселят те, кто больше нуждается.

Группа свиней, которую я откармливаю, размещена в старом свинарнике. Правда, здесь механизирована подача воды, вывозка навоза, есть водопровод, подвесные вагонетки.

Сначала я приняла 970 голов, из них около 300 голов со средним весом 25 килограммов. Потом стадо было 1100, а иногда 1300 голов. Стадо я подсортировала по весу и возрасту и разделила его на 3 группы. Если все свиньи будут вместе, то сильные оттеснят слабых, и те будут откармливаться медленнее. Да и вообще молодняк

медленнее прибывает в весе. Кроме того, и корм для него надо готовить несколько иначе: давать больше витаминной и минеральной подкормки, чем взрослому поголовью.

В зимнее время у меня самокормушки стоят и в свинарнике, и на выгуле. Лавы открыты. Так что свиньи едят и на выгуле, и в свинарнике.

У нас вступил в строй комбикормовый завод. Концентраты подвозит кормовоз и засыпает часть их в кормушки, а часть — в резервный лагерь. Потом подвозят силос, а я подсыпаю его вручную.

Я слежу, чтобы в самокормушках всегда был корм и чтобы он правильно распределялся по кормушке. Два раза в сутки я провожу уборку навоза.

Я считаю, что хороший привес — это не только хороший корм, но и обязательно обильный водопой. Ну и, конечно, чистый воздух, свободное движение животного и продолжительный покой.

За водопоем я внимательно слежу. Под водопроводным краном стоят корыта. Отвернешь кран — и вода наполняет поилку. Свинья пьет лишь свежую, чистую воду. Но иной раз свинья влезает в корыто ногами. Вода загрязняется и другие свиньи ее уже пить не будут. Если свинья страдает от жажды, она будет худеть. Вот почему в течение дня приходится много раз мыть все корытца и наполнять их водой.

К слову сказать, пора бы уж нашим механизаторам сконструировать такие поилки, которые животные не могли бы загрязнять. Это очень облегчило бы ручной труд свинарки.

Признаться, я каждую ночь обязательно прерываю сон и иду в свинарник, чтобы не только проверить, как отдыхает стадо, но и вымыть поилки, а потом наполнить их водой.

Однажды ко мне приехал секретарь парткома совхоза т. Гуляев и говорит:

— Очень обидели вас, Полина Васильевна?

— Кто? — спрашиваю. — Никто меня не обижал, я спокойно работала и работаю.

— А с зарплатой? — продолжает он.

— Я аккуратно получаю зарплату.

— А с начислением? — сказал Гуляев. — Не доглядели мы вовремя. Вы больше всех даете мяса, а зарабатываете мало. Но сейчас мы это дело исправили. Путаница

тут в бухгалтерии получилась. Инструкцию неправильно применили.

— Не об этом, — говорю ему, — я думаю. Все мои мысли только о том, как бы мне выполнить свое обязательство. Слово я дала партии получить в течение года 2000 центнеров свинины. Не обмануть бы мне. Ведь это наша партия, которая никогда нас не обманывала. Раз дала слово — его надо честно сдержать. И вот я думаю: все ли делаю для того, чтобы как можно больше откормить свиней, как можно больше дать дешевого мяса Родине?

Побеседовали мы с секретарем, обсудили все вопросы, и с еще большей энергией принялись за дело.

Преодолев все трудности, я свое обязательство выполнила: откормила 2425 голов свиней и сдала 2306 центнеров мяса, получив привес 1254 центнера.

В следующие годы я брала более высокие обязательства и выполняла их.

Конечно, чтобы не отстать от других, приходится читать, следить за специальной литературой по животноводству и быстро подхватывать все новое, передовое. Свой опыт я охотно передаю товарищам по работе. Правда, говорить красиво и читать лекции я не умею, просто прихожу в свинарник и все, что знаю, показываю на практике.

Радует меня, что передовой опыт откорма все шире и шире применяется теперь у нас в совхозе. Свинарки берут обязательства откормить по 500—800—1000 голов свиней и больше. На нашей ферме свинари Г. А. Шамаров и З. И. Ляхова обязывались сдать по 1500 центнеров мяса, и слово свое они сдержали.

Многие свинарки, работающие на маточном поголовье, сейчас обслуживают не по 16—18 маток, как было раньше, а по 40—50.

У нас в совхозе наряду с честными тружениками были и тунеядцы, которые числились на работе лишь для маскировки, а сами старались побольше урвать у совхоза и жили за счет своего личного хозяйства, продавая продукты на рынке. Сейчас многие из них стали хорошо работать, ибо поняли, что главным источником их благосостояния может быть только честный труд, повышение рентабельности совхоза. Теперь уже все в совхозе знают, что передовые свинарки зарабатывают до

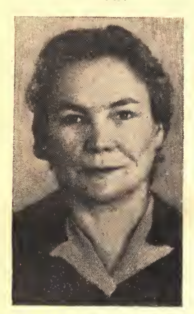
300 рублей в месяц. Получи хороший привес, откорми больше скота, отдай больше мяса государству, да снижай его себестоимость — и ты больше заработаешь, тебе будет почет и уважение от всего народа.

В 1961 году произошло у меня еще одно великое событие. Я принята кандидатом в члены Коммунистической партии.

И сейчас у меня одна дума — оправдать это высокое доверие честным трудом на благо Родины. Буду трудиться так, как призывает в своем письме знатная украинская колхозница Н. Г. Заглада, так, чтобы наша родная Коммунистическая партия была всегда довольна моей работой.

Н. Черемных

ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА

Наталья Ивановна Черемных родилась в 1902 году, член КПСС с 1922 года. В 1921—1922 годах участвовала в ликвидации бандитизма в Сибири. С 1922 по 1959 год на руководящей партийной и советской работе. С 1959 года — персональный пенсионер.

Прошло три года с тех пор, когда по инициативе областного и городского комитетов партии в нашем городе были созданы женские общественные организации: женсоветы, городской и районные, на предприятиях и в в учреждениях, при домоуправлениях и в поселках.

Мы, женщины-общественницы, как и все советские люди, с гордостью можем сказать: хорошие были эти три года, наполненные богатейшими событиями всемирно-исторического значения. Это были годы славной советской семилетки.

Многотысячная армия женщин-общественниц горда тем, что и она активно борется в славных рядах своего

народа за претворение в жизнь задач коммунистического строительства.

Женские советы Челябинска за три года своей деятельности доказали свою жизненность, завоевали прочный авторитет.

В составе городского женсовета было 32 человека и, надо сказать, что большинство членов совета принимало активное участие в его работе. Многие систематически выступали с докладами и беседами в цехах, общежитиях и при домоуправлениях и за эту работу были награждены благодарственными грамотами Общества по распространению политических и научных знаний.

Большую, разнообразную массово-политическую и организаторскую работу проводят наши женсоветы. При 7-м домоуправлении, например, где председателем женсовета т. Дмитриева, организован лекторий. Здесь же ежемесячно проводятся юридические консультации. Женсовет под руководством И. А. Федоровой организовал университет женщины-матери, завоевавший большую популярность среди работниц и домохозяек.

Председатель женсовета второй дорожной больницы т. Логвинович проводит вечера-встречи женщин с депутатами райисполкома, вечера вопросов и ответов. Женщины охотно посещают эти мероприятия.

В домоуправлении № 1 по улице Цвилинга были организованы ленинские чтения, которые проводила заместитель председателя городского женсовета заслуженная учительница республики т. Статирова, лично встречавшаяся с Н. К. Крупской. Женщины активно участвовали в проведении подписки на газеты и журналы. Одна только т. Голышманова провела подписку на 35 тысяч рублей.

В Металлургическом районе по инициативе женсовета создан университет здоровья. Занятия в университете систематически посещают более 150 женщин. В этом районе, как и в других, кроме лекций, докладов, ленинских чтений, часто проводятся общие собрания женщин, родительские конференции, устраиваются коллективные посещения кино и театров.

Женсовет домоуправления № 14 треста «Челябметаллургстрой» по инициативе председателя т. Кузоватовой одним из первых организовал для домохозяек кружок

текущей политики. При участии районного женсовета здесь издается стенная газета «За здоровый быт». Она поднимает многие важные вопросы — выступает против пьянства и проявлений «домостроевщины», ведет борьбу за здоровую и дружную семью.

Во Дворце культуры завода имени Серго Орджоникидзе стало традицией проведение ежемесячных «дней отдыха» домохозяек. Характерно, что «дни отдыха» охотно посещают не только женщины, но и мужчины. Здесь же хорошо зарекомендовала себя такая форма работы, как читательские конференции, женщины активно посещают их, горячо спорят о прочитанном.

На заводе металлоконструкций по инициативе женсовета (председатель т. Аксенова) часто проводятся лекции и беседы на атеистические темы.

Наиболее характерным для женсоветов Ленинского района является настойчивая борьба с пережитками прошлого в сознании людей, с различного рода аморальными поступками. Члены женсоветов идут в семьи, где неблагополучно, ведут задушевные беседы, находят ключи к сердцу каждого. Они привлекают к неблагополучным семьям внимание общественных организаций и в большинстве случаев добиваются того, что в семье наступает мир и порядок. Такая работа с людьми требует особой чуткости. В этом особенно хорошо проявила себя бывший председатель районного женсовета т. Степанова.

В Тракторозаводском районе удачно применяется такая форма воспитательной работы, как тематические вечера. Они тщательно готовятся, тематика их весьма разнообразна и злободневна. Главная цель вечеров — воспитать в людях необходимые черты нового человека. В этом же районе хорошо организована массовая работа в окраинных поселках. Несмотря на отсутствие помещений, люди охотно собираются зимой на квартирах, а летом — на свежем воздухе.

В поселке 1-й Никольской рощи работа женсовета (председатель т. Емельянова) тесно координируется с такими общественными организациями, как уличный комитет, родительский комитет, народные дружины. При активной помощи парторганизации здесь читаются доклады, проводятся беседы и вечера.

Следует сказать и об интернациональном воспитании женщин. При городском и районных советах созданы секции, которые организуют проведение вечеров дружбы, посылку подарков и писем зарубежным женщинам и т. п.

В воспитательной работе особое место занимает забота об укреплении советской семьи и оздоровлении социалистического общежития. Опыт накопился большой.

Женщины работают и с отдельными семьями и в общежитиях, организуют торжественные свадьбы и т. п.

В женсовете Металлургического района только за один год побывало много посетителей, которые просили общественниц призвать к порядку мужей, воздействовать на взрослых детей, которые обижают престарелых родителей, одернуть зарвавшихся и хулиганствующих соседей, заняться отдельными нерадивыми родителями, неправильно воспитывающими своих детей и т. п.

Наши активистки принимают близко к сердцу невзгоды людей, спешат помочь им.

Многие женщины-общественницы состоят в народных дружинах. Например, в Советском районе насчитывается около 400 человек. В Тракторозаводском районе в народных дружинах участвуют женсоветы в полном составе.

Второе направление в работе женсоветов — это помощь школе и семье в коммунистическом воспитании детей. Воспитательную работу среди детей общественницы проводят главным образом через детские комнаты и пионерские клубы по месту жительства, оказывают помощь школам.

Женские советы являются организаторами детских комнат и клубов при домоуправлениях. Эти очаги культуры зарекомендовали себя с самой положительной стороны. В них проводится интересная, содержательная работа, организована художественная самодеятельность, у детей воспитываются эстетические чувства и вкусы. В кружках «умелые руки» прививаются трудовые навыки, растет физическая закалка детей, воспитывается чувство бережного отношения к общественному добру, уважение к престарелым людям. Тимуровские команды повседневно оказывают им помощь в быту. У ребят

расширяется общий кругозор, крепнет товарищество, дружба, коллективизм.

В клубах и комнатах детям показывают телевизионные передачи, кинокартины, спектакли, концерты, участниками которых являются их товарищи; организуются читательские конференции, шахматно-шашечные турниры, экскурсии на стройки семилетки, встречи со старыми большевиками и знатными людьми. Во многих клубах и комнатах издаются стенные газеты и листки сатиры, изготовляются монтажи о В. И. Ленине, о семилетнем плане, к знаменательным датам.

В праздничные дни дети посылают поздравительные письма и преподносят сделанные своими руками подарки родителям, инвалидам Отечественной войны или семьям погибших воинов. В некоторых комнатах торжественно отмечается день рождения детей. При всех детских комнатах и клубах имеются библиотеки. В них большое количество читателей. Руководят библиотеками, как правило, общественницы, им помогают учащиеся школ.

Одним из лучших считается у нас пионерский клуб имени Олега Кошевого Тракторозаводского района. Клубом руководит совет из 12 человек под председательством ученика 5-го класса 52-й школы Вити Размина. Совет в настоящее время собирает материалы о героях революции на Южном Урале для открытия при клубе музея В. И. Ленина. Группа разведчиков «железных кладов» работает по сбору металлолома. На вырученные средства клуб направит свою делегацию в Краснодон, на родину Олега Кошевого.

Летом работа из помещения переносится на свежий воздух, на детские площадки, в пионерские лагери, туристские походы и поездки. Зимой, особенно в каникулы, для детей устраиваются катки и горки. И летом и зимой женсоветы организуют интересные массовые гулянья.

Участники художественной самодеятельности клубов часто выступают во Дворцах культуры, в школах, на улицах и площадках, где зрителями являются не только дети, но и взрослые.

Многие женсоветы совместно с детскими комнатами милиции и родительскими комитетами проводят вечерние рейды на улицах. Женщины-активистки отводят

запоздавших детей к родителям, с которыми проводят беседы о режиме дня ребенка.

Работа с детьми неразрывно связана с работой среди родителей. Поэтому женсоветы используют детские клубы и комнаты и для педагогической пропаганды, организуя для родителей лектории, беседы, вечера, конференции и собрания.

Ряд женсоветов систематически проводит родительские собрания, а женсоветы при домоуправлении № 7 Советского района организовали родительский университет (руководитель домохозяйка т. Конопасова) и лекторий для родителей.

Женские советы взяли под контроль работу детских садов и яслей, шефствуют над детскими домами и интернатами. Общественницы берут к себе домой на праздники и выходные дни воспитанников из детдомов и интернатов, согревают их материнской теплотой и лаской.

* * *

Все женские советы борются за превращение своего города в благоустроенный и красивый. Забота общественниц направлена на озеленение улиц, улучшение санитарного состояния, сохранение жилого фонда, на лучшее бытовое обслуживание населения. Как хорошие хозяйки и настоящие патриотки подходят женщины к вопросам благоустройства. Только за год в Челябинске высажено и выращено около 30 миллионов цветов.

Женсоветы города широко привлекали к озеленению улиц, уходу за деревьями и цветами сотни детей, организованных в «зеленые патрули».

Неоценимый вклад вносят женсоветы в улучшение бытового обслуживания трудящихся, особенно торговли и общественного питания. Они сами идут в магазины, столовые, в ателье и бытовые мастерские и не столько как ревизоры, сколько как помощники. Результаты проверки, как правило, обсуждаются на совещаниях коллективов этих предприятий. Активистки тактично, но настойчиво указывают на недостатки и ошибки. Одной из действенных форм работы являются конференции покупателей, которые женсоветы проводят совместно с райисполкомом и торгами.

Женсоветы взяли под свой неослабный контроль работу школьных буфетов, питание детей на летних площадках, в пионерских лагерях и в детских учреждениях.

* * *

Большую работу проводят женские советы на промышленных предприятиях.

Женсовет металлургического завода (председатель т. Сарафанова) создал во всех цехах женсоветы. Они ведут большую работу по развертыванию новых форм социалистического соревнования, вовлечению женщин в цеховые школы конкретной экономики, в университет здоровья, организуют для женщин-работниц тематические вечера, наводят чистоту и порядок в цехах.

Целеустремленно работает женсовет железнодорожниц из резерва проводников (председатель т. Митлаш). Он уделяет большое внимание политической учебе. Коллектив резерва проводников, состоящий главным образом из женщин, по итогам соревнования получил первое место по Южно-Уральской железной дороге. Десяти бригадам присвоено звание бригад коммунистического труда. В этом славном коллективе трудится заместитель председателя женсовета т. Литвинюк. Она трижды переходила в отстающие бригады и выводила их в число передовых.

* * *

В свое время А. М. Горький говорил, что в жизни всегда есть место подвигу. Героями люди не рождаются. Они становятся ими благодаря своим великолепным поступкам и делам.

На общественной работе широко развернулись способности, расцвели таланты, раскрылись благородные чувства сотен скромных, недавно еще ничем не примечательных женщин.

Теперь даже пенсионерки, которым государство предоставило возможность отдыхать, говорят: «Как приятно и радостно потрудиться ради осуществления величественного семилетнего плана».

Недаром недавно на ленинской районной конференции женщин старейшая наша общественница Ольга Петровна Чернышева сказала, что комсомольская песня о горячих сердцах вполне применима и к пенсионерам.

Надо вовлекать в ряды общественниц новые и новые слои патриоток, расширять сеть женских советов, особенно по месту жительства. Это позволит усилить политическую работу среди женщин, организовывать их на выполнение решений XXII съезда КПСС.

Е. Родионова

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НА ТРАКТОРЕ

Екатерина Ивановна Родионова, Герой Социалистического Труда, трактористка совхоза «Степной», Половинского района, Курганской области. Родилась в 1904 году. Беспартийная. Депутат Половинского районного Совета.

Тридцать лет работает Родионова на тракторе, ежегодно добивается высокой производительности труда и хорошей урожайности хлебов.

В 1931 году в нашем селе был создан колхоз «2-й год пятилетки». Вместе с мужем мы записались в него в числе первых. И сразу началась боевая, дружная артельная жизнь. Первое время ограничились тем, что объединили скот, инвентарь, семена. Но развивать общественное хозяйство можно было с успехом только на базе широкой механизации. Уже во второй год существования колхоза у нас появилось два трактора. Были это небольшие и не очень мощные машины, но какое удивление и восторг они вызвали у нас.

В 1935 году я окончила курсы трактористов дизельных тракторов и с тех пор работаю на машинах этих марок. Сейчас мы, пожалуй, не совсем отдаем себе отчет в том, как много перемен произвела техника на наших полях. А давайте сравним показатели прошлых лет и теперешние. В тридцатых годах мы получали урожай по

9—10 центнеров с гектара, а нынче нас не удовлетворяет урожай в 14—15 центнеров.

В прошлые годы мы находились на полях с ранней весны и до заморозков, а сейчас — считанные недели. У себя в совхозе мы проводим сев за 10—12 дней, но и этот срок нам кажется большим.

Вот что значит техника!

Вспоминаю, как выручала нас техника в годы войны. Мой муж с первого дня ушел громить фашистов. Прошел путь от Волги до Восточной Пруссии. А вот встретить его не довелось. В последние дни войны не пощадила его пуля.

До войны мы жили, хотя и скромно, но хорошо. Перед войной взяли на воспитание троих детей. Трудновато пришлось мне без мужа работать и хлопотать по хозяйству, но уныния не было. Не одна я была такая. Вместе со мной трудились на тракторах Евдокия Художидкова, Ирина Пономарева, Анна Крючкова, Анна Бухтоярова. И только благодаря технике мы, оставшись без достаточного количества рабочей силы, могли справляться успешно с работой.

Женщин-трактористок у нас было много. С 1949 года по 1951 год я была бригадиром тракторной бригады, которая состояла почти целиком из женщин. И работали мы хорошо. В 1951 году наша бригада получила лучший урожай по всему району. Но в последние годы девушки не очень охотно садятся на трактор. Думаю, что не их вина в этом. Просто перестали вести эту работу с девушками, не разъясняют им, какое увлекательное и интересное дело быть трактористом. Правда, по инициативе нашего райкома комсомола была создана молодежная тракторная бригада. В нее вступило много девушек. Зинаида Подгорбунских, Юлия Храмцова, Галина Иванова, Валентина Мерзлюк быстро овладели трактором «ДТ-54» и отлично поработали на освоении целины. Однако осенью эта бригада распалась. А ведь молодежная бригада могла бы сделать еще много хорошего, так как освоение целины у нас еще не окончилось.

Раз уж зашла речь об освоении целины, то поделюсь своими воспоминаниями об этой работе. Партия и правительство очень правильно и своевременно поставили вопрос о распашке целинных и залежных земель. К 1955 году на наших полях создалась невообразимая

пестрота. Тут залежь, там выпасы, а далее перелог. Под ногами лежали нетронутые богатства, а мы гоняли технику с клочка на клочок. Вот почему все наши механизаторы горячо откликнулись на призыв партии и не пожалели сил для подъема целины. За все эти годы наш совхоз поднял более 10 тысяч гектаров целинных земель, что составляет почти половину всей посевной площади района. Более 1000 гектаров приходится на мою долю. Много труда вложили в это благородное дело мои товарищи-трактористы: Тимофей Александрович Азеричкин, Александр Николаевич Девяткин, Афанасий Андреевич Дедов и многие другие. Все они за свой самоотверженный труд были награждены орденами.

Никогда не забыть мне первые дни января 1957 года. За освоение целинных земель мне было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Раньше за свою работу я получала немало денежных премий, почетных грамот и медалей. Каждая награда радовала меня и заставляла трудиться еще лучше. Такое же решение я приняла, получив высокое и почетное звание Героя.

В 1959 году я тяжело заболела. Думала, что никогда больше не придется вернуться к любимому делу. Но советские люди — врачи помогли мне встать на ноги и через несколько месяцев я снова села на трактор.

Сейчас мне 58 лет. Чувствую себя очень хорошо и на отдых не собираюсь. Да и какой может быть отдых. Недавно в Кургане нашей области вручили орден Ленина. Мне выпало счастье быть на торжественном заседании и слушать Никиту Сергеевича Хрущева. Он призвал курганских хлеборобов бороться за повышение урожайности полей.

Значит, не время мне, с моим тридцатилетним опытом, думать об отдыхе. Пока есть силы, свое дело не оставлю и буду трудиться во славу нашей Родины.

З. Суетина

ЗА ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

Зоя Михайловна Суетина родилась в 1921 году. Член КПСС с 1951 года. Работает начальником химического цеха электростанции Серовского металлургического комбината имени Серова, возглавляет участок коммунистического труда.

Много важных событий произошло в моей жизни за годы работы на Серовском металлургическом комбинате, но никогда из памяти не изгладятся те дни, когда мы начали борьбу за звание коллектива коммунистического труда. Помню, в руках у меня газета «Правда». Вокруг собрались товарищи по работе. Только что я прочитала статью о почине московских железнодорожников, начавших бороться за звание бригад коммунистического труда. Лица собравшихся сосредоточены. Я знаю, они думают: можем ли мы включиться в соревнование? Под силу ли нам такая задача?

Потом заговорили все. В конце концов, пришли к выводу: не можем мы стоять в стороне от всенародного дела. Мы решили не только хорошо работать, системати-

чески улучшать производственные показатели, но и повышать образование, развивать чувство товарищества, коллективизма. Нашим лозунгом стали слова В. Маяковского:

Увидел недостатки — их не таи.
Недостатки товарища — недостатки твои!

И вот мы принялись за выполнение своих обязательств. Прежде всего каждый рабочий овладел всеми профессиями на нашем участке. Затем за счет внедрения рационализаторских предложений и некоторой модернизации оборудования мы повысили производительность водоочистки на 18—20 процентов. От снижения себестоимости химводоочистки получили тысячи рублей экономии в год. Этих денег хватило бы на четыре месячные зарплаты для всего нашего коллектива.

Большим и радостным событием для нас был ознаменован День металлурга 1959 года: нам присвоили звание, обязывающее нас к очень многому — звание участка коммунистического труда.

Для нас стало совершенно ясно, что теперь мы должны работать еще лучше, сегодня знать больше, чем вчера, а завтра — больше, чем сегодня. Может, не всегда и не все еще у нас именно так получается, но у каждого из нас есть огромное стремление добиться этого. Чужая беда — наша беда. Одному человеку с ней трудно справиться, а когда против нее все, она отступает скорее.

Из ремесленного училища пришел к нам на практику Саша Афонин. Мы заинтересовались судьбой юноши. Оказалось, что он в трехлетнем возрасте, в тяжелые дни блокады Ленинграда, потерял родных. После долгих поисков мы помогли парню найти его мать и сестру. Сейчас Саша живет с ними в Ленинграде и работает там, но наш коллектив стал его второй семьей.

Разные характеры у женщин, работающих на химводоочистке, но всех их сплотило стремление быть примером для других. Две коммунистки — участницы Великой Отечественной войны, прошли с Советской Армией от Ленинграда и Калинина до Чехословакии. Нина Сергеевна Кондратьева радисткой, Анисья Аристарховна Коса топографом. Нина Сергеевна, несмотря на то, что воспитывает троих детей, уделяет много времени общественной работе. Она библиотекарь цеховой библиотеки-передвижки. Нина Сергеевна не просто выдает книги,

она рекомендует, кому что прочитать, вовремя узнает, кто не читает, кого надо привлечь в библиотеку.

Все члены коллектива дежурят во Дворце культуры в те дни, когда там бывают дети. А. Б. Зырянова — председатель цехкома профсоюза, Инна Чудина, Эля Горчакова, Роза Ивановна Владимирова — агитаторы.

Общественная работа как-то преобразила наших людей. Об этом хорошо сказала наша старая работница Наталия Степановна Костромитинова:

— Сейчас я словно помолодела, как будто жизнь вторую начала. И действительно это так. Интересной, например, стала жизнь у лаборантки Зои Васильевны Никитиной. Раньше она только и знала: завод — дом, дом — завод. Зое Васильевне уже 50 лет, но она охотно посещает музыкальный лекторий университета культуры. А сколько раз в свободное время она бегала в детский дом, чтобы помочь в его работе или просто погулять с ребятами. Другими стали и самые молодые в нашем коллективе: Эля Горчакова и Инна Чудина. Пришли они на химводоочистку после десятилетки. И, чего греха таить, считали, что не всякая работа для них подходит. А сейчас они не боятся испачкать руки. Хорошо работают. Эля занимается на подготовительных курсах в институте.

Сила нашего коллектива — в крепкой дружбе. У кого за детьми присмотреть некому — присмотрим. Почти у всех наших работниц ребята-школьники. Каждая их пятерка радует весь коллектив, а каждая двойка огорчает, заставляет принимать меры. Мы проводим специальные собрания, на которых присутствуют все наши школьники. Понимают ребята, что ими интересуются не только папа с мамой, но и все рабочие, и стараются учиться лучше.

Так мы живем и работаем. Вроде бы революции мы никакой не совершили, а каждый человек стал духовно богаче, стремления стали выше. И не только у нас, женщин, но и у наших мужей.

У нас нет равнодушных. Любое событие в жизни нашей страны или за рубежом, новый спектакль, фильм находят горячий отклик, активно обсуждаются.

Каждому из нас хочется жить и работать так, чтобы своим трудом приблизить коммунизм.

О. Сенокосова

КАЖДЫЙ ДЕНЬ, КАК В БОЮ

Ольга Николаевна Сенокосова — заслуженный врач РСФСР. Родилась в 1896 году.

После окончания Харьковского медицинского института, в 1924 году, вернулась в родной город Надеждинск (ныне Серов), где работала хирургом в городской больнице. В годы Великой Отечественной войны была на фронте. Награждена орденами Красной Звезды, «Знак почета» и Трудового Красного Знамени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг». За хорошую работу ей присвоено звание «Отличник здравоохранения».

Быстро пролетели годы студенчества. Я получила диплом врача и была направлена на родной Урал в Надеждинск.

Сначала мне не разрешали оперировать самостоятельно. Но настойчивое желание быть настоящим хирургом не покидало меня. Я старалась не пропускать ни одной операции, ассистировала хирургу, давала больному наркоз.

Однажды главного хирурга и акушера вызвали в район. Опытных врачей в городе не хватало, поэтому хирургическое отделение оставили на мое попечение, а родильное отделение поручили терапевту.

На нашу беду у одной из рожениц внезапно начались неправильные роды. Мы, понятно, растерялись. По книгам помнили, что необходимо делать, но ни тот, ни дру-

гой не могли сделать это сейчас, так как в практике у нас не бывало подобных случаев.

Посоветоваться было не с кем, а меры надо принимать срочные, иначе оборвутся сразу две жизни.

И тогда я пошла на риск — сделала кесарево сечение. К счастью, операция закончилась благополучно — мать и сын остались живы. Ох, и попало мне, когда вернулся главный хирург. Александр Степанович Смирнов сначала поругал меня, а затем похлопал по плечу и сказал:

— Вот наш герой! Первая операция, а какой молодец!

Много трудностей встречалось на моем пути, пути молодого хирурга. А сколько было разочарований и сомнений! Но старшие товарищи вовремя подавали руку помощи.

1935 год. Партия и правительство обратилось к врачам с призывом поехать на село. Я изъявила желание работать в одном из отдаленных поселков...

Марсятская больница обслуживала лесозаготовителей и рабочих марганцевого рудника. Она была небольшой, всего на 25 коек, и в запущенном состоянии. Не было операционной, отсутствовало родильное отделение. А как работать хирургу без операционной?

Много сил и энергии пришлось потратить, прежде чем поселковая больница стала отвечать своему назначению. Операционная была открыта, был подготовлен хирургический инструментарий. Вскоре начало работать и родильное отделение.

Немало пришлось повозиться и с медицинским персоналом. Большинство сестер не имели специального образования. Поэтому вечерами я преподавала им теорию, а днем в палатах и операционной проводила практические занятия. Изучали сестры хирургические инструменты, учились давать наркоз, а затем и сами начали ассистировать при операциях.

Кроме меня, в больнице работали два фельдшера. Один, бывший заведующий участком, оказался беспробудным пьяницей, второй — старичок, бывший ротный фельдшер времен первой мировой войны. До приезда врача на них возлагалось руководство восемью фельдшерскими пунктами, в которых работали тоже или бывшие ротные фельдшера или санитары.

Все восемь точек были раскиданы в радиусе 24 ки-

лометров. Пришлось заниматься и с персоналом этих пунктов.

Несмотря на большие трудности, росло больничное хозяйство. Так как с продуктами питания для больных было трудно, больница организовала свое небольшое подсобное хозяйство, откуда получали мясо, молоко, овощи и картофель. С помощью леспромхоза и рудника при больничном городке построили овощехранилище, ледник и прачечную.

Сейчас это был целый больничный городок, утопающий в зелени.

Вместо года я проработала в Марсятах целых пять лет.

...Великая Отечественная война. Меня направляют на фронт. Я оперировала раненых в прифронтовых госпиталях. Пережила и горечь отступления, и радость победы.

Всю войну провела за операционным столом. В госпиталях работала начальником отделения, начальником медицинской части, ведущим хирургом.

...В 1950 году мне присвоили почетное звание заслуженного врача РСФСР. Это было самым знаменательным событием в моей жизни. Горячо поздравили меня общественность города и рабочие многотысячного коллектива серовских металлургов.

Меня несколько раз избирали депутатом Серовского городского Совета депутатов трудящихся.

Сейчас я на пенсии, но продолжаю держать тесную связь с поликлиниками. Молодые врачи нередко обращаются ко мне за практическими советами, а порой и сама я участвую в операциях. Не люблю сидеть дома, сложа руки. Летом работаю в своем небольшом садике, люблю ухаживать за яблонями, малиной и смородиной. У меня сейчас хватает времени и перечитывать классиков, и следить за новинками литературы, и знакомиться со многими журналами.

Недавно, перелистывая подшивку газеты «Серовский рабочий», я увидела стихотворение рабкора И. Антропова, посвященное работникам хирургического отделения Серовской городской больницы:

Ваш труд очень дорог Отчизне,
Вы каждый день, как в бою.
Спасибо за сотни спасенных жизней,
И в том числе за мою!

М. Гуртовник

ЖЕНСОВЕТ АЛАПАЕВСКА ЗА РАБОТОЙ

Мария Андреевна Гуртовник родилась в 1902 году. Член КПСС с 1919 года. С 1920 по 1929 год работала в женотделах Камышлова, Ирбита, Ишима и Кургана. Позднее была выдвинута на судебно-следственную работу. С 1957 года является председателем женсовета города Алапаевска. Награждена орденом Трудового Красного Знамени. С 1953 года — персональный пенсионер.

У нас есть еще часть женщин, не занятых общественным трудом (домохозяйки, пенсионерки и т. п.), которые не хотят ограничивать свои интересы только домашним хозяйством. Их энергия и инициатива бьет ключом. Мы в своем городе стали свидетелями того, как отдельные группы женщин организовывали субботники по наведению чистоты на производстве, приводили в порядок общежития и красные уголки, высаживали деревья и цветы на улицах города и т. п. Но вся эта полезная работа проходила бессистемно, неорганизованно.

Горком партии решил собрать женщин и посоветоваться с ними. Общегородское собрание женщин проходило 17 марта 1957 года в клубе металлургов. Тут же

был избран городской женский совет из 17 человек. В него вошли домохозяйки-активистки, пенсионерки и коммунистки, ранее работавшие среди женщин. Меня избрали председателем совета, а А. П. Закайдакову и М. В. Румянцеву — заместителями. Участницы собрания горячо поддержали совет и обещали всяческую помощь.

При женсовете мы создали три секции: культурно-массовую, производственную и по работе с детьми.

Производственно-бытовой сектор возглавила коммунистка А. П. Закайдакова, а сектор по работе с детьми М. В. Румянцева. Вокруг каждой секции организовался большой актив женщин, желающих принять участие в общественной жизни своего родного города.

Под руководством городского совета стали создаваться женские советы на предприятиях, в совхозах, на лесоучастках и т. д.

К 1960 году в г. Алапаевске было создано свыше 70 женсоветов, в работе которых участвует 710 человек. Кроме того, в сельской местности работают 40 женсоветов, объединяющих 360 женщин — своих членов. Женсоветы созданы при сельских и поселковых Советах, при колхозах, животноводческих фермах. В отличие от городских в сельских женсоветах принимают участие и работающие женщины: врачи, учителя, агрономы, доярки и колхозницы.

Женсоветы совместно с активом проводят огромную работу. Они организовали благоустройство города и поселков. Неузнаваемо преобразились улицы Алапаевска. Каждое лето на них высаживается огромное количество цветов. Активистки, любители цветов, М. Ф. Столбова, З. Н. Бабушкина, А. И. Гордюшева, В. П. Авдюкова и другие сами выращивают рассаду. Женщины борются за чистоту улиц. Шефствуют над садом имени Чайковского, на территории которого помещаются музыкальная школа и Дом пионеров. Совместно с ребятами женщины разбили клумбы, рассадили на них цветы. Высадили 500 яблонь и кустарников. Для поливки насаждений провели водопровод. Теперь этот сад украшает наш город.

С особым вниманием следят женсоветы за работой детских учреждений. Женщины — частые гости в школах, детских садах и яслях. Они проверяют в них чисто-

ту и порядок. Помогают наладить горячие завтраки в школах, провести своевременный ремонт в детских учреждениях, следят за учебой детей, их досугом, их питанием.

Был такой случай. Несколько родителей и воспитателей детского садика № 14 сообщили нам, что там не все благополучно.

Общественницы выявили там большие неполадки. На кухне грязно. На складе запас продуктов портился, а в меню детского питания их не включали. Они закрыли склад на свой замок и потребовали ревизии детсада. Городской финансовый отдел провел эту ревизию и выявил недостачу продуктов, присвоение родительских средств заведующей детсадиком Воропаевой. Одновременно выявилось, что злоупотребления Воропаевой покрывались инспектором-методистом гороно Проскуряковой.

После выявления этих недостатков горисполком проверил работу еще нескольких детсадов, результаты заслушали на заседании исполкома горсовета, на котором присутствовали все заведующие детсадами.

Материнской заботой окружают женщины воспитанников детских домов. У нас в районе два детских дома, один в городе, другой в Нейво-Шайтанке. К праздникам мы посылали воспитанникам подарки. Например, к 7 ноября члены женсовета Закайдакова, Быкова, Калмыкова и другие собрали библиотечку хороших книг, купили настольные игры, лыжи, коньки, сладости и вручили их детям. Сколько было восторгов и радости!

Члены Нейво-Шайтанского женсовета также постоянно бывают в своем детском доме, помогают шить белье, проверяют успеваемость в школе. Они взяли индивидуальное шефство над отдельными воспитанниками, которые часто приходят к ним в семью и дружат с их детьми.

Женские советы проводят антирелигиозную пропаганду среди населения. Одной из форм этой работы является Праздник улицы. Эти праздники, возникшие по инициативе женщин Березовска, у нас стали традицией.

На одном из областных совещаний в Каменске-Уральском я услышала об этом и рассказала своим женщинам. Предложение о проведении Праздников улиц было горячо поддержано всеми.

Для проведения первого Праздника улицы — улицы

Защиты был назначен день 19 декабря. Этот день совпадал с религиозным праздником: мы хотели отвлечь население от религии. Для подготовки к празднику была выделена комиссия, которая провела большую работу. Она выявила, насколько возросло население улицы Защиты, как изменился его культурный уровень. Установили, что 80 процентов жителей выписывают и читают различные газеты и журналы. На этой улице проживает несколько героев и ветеранов труда. Общественницы поговорили с ними и попросили выступить на этом торжестве. Решено было также дать концерт силами художественной самодеятельности.

В день праздника был заслушан доклад об истории возникновения улицы Защиты, ее революционных традициях и тех изменениях, которые произошли с ее населением. После доклада взял слово старожил улицы 80-летний ветеран труда Закожурников — в прошлом металлург, обер-мастер. Он рассказал о тяжелой доле рабочего в демидовские времена.

Потом выступили участники гражданской и Великой Отечественной войны, гости из бригады коммунистического труда. Вечер закончился интересным концертом участников самодеятельности и дружеской беседой за чашкой чая всех жителей улицы.

Они здесь же единодушно решили отработать по 40 часов на благоустройстве улицы, и по 4 часа в сельском хозяйстве.

Этот вечер положил начало соседской дружбе жителей улицы.

Через год снова был проведен Праздник улицы Защиты. Подвели итоги своей работы. За это время была заасфальтирована одна сторона тротуара и подготовлена под асфальт вся проезжая часть. У вновь открытого клуба разбиты клумбы, в газонах у домов рассажены цветы.

Провели Праздник улицы в день 90-летия со дня рождения В. И. Ленина жители улицы, носящей имя нашего великого вождя. К празднику готовились все. Привели улицу Ленина в образцовый порядок.

Такие же вечера прошли в рабочем городке и в Монастырском совхозе.

По инициативе женсовета машиностроительного завода был проведен вечер дедушек и бабушек.

Беседу «Как воспитывать внучат» провела учительница, в классе которой учатся их внуки. Затем, уже за чашкой чая, разговор продолжался о воспитании детей. Старики горячо благодарили общественниц за организацию интересного вечера.

Многое уже сделано и еще больше будет сделано золотыми руками наших общественниц. Они активно участвуют в проведении массово-политических кампаний: оборудуют помещения избирательных участков, устраивают выставки. Организуют праздники песни, концерты самодеятельности, помогают своим мужьям навести чистоту на предприятиях, следят за общественным питанием, участвуют в дружинах по охране порядка в городе.

Я буду проводить работу среди женщин до тех пор, пока хватит моих сил.

Б. Рябинин

НАРОДНАЯ

Мария Александровна Токарева родилась в 1894 году на Украине, в семье рабочего. Свою артистическую деятельность начала в 1912 году в Симферополе. С 1931 года работает в Свердловском драматическом театре. Народная артистка РСФСР.

Вот уже полвека ее имя не сходит с театральных афиш. Полвека на сцене, полвека непрерывного творческого горения, мучительных поисков, высоких духовных взлетов, полвека — вот уже полвека! — талант ее служит народу.

В 1912 году, в Симферополе, еще совсем юной девушкой, вступила она на тернистый путь драматической актрисы. Первый договор — ангажемент, первые скитания вместе с труппой...

Каждый новый сезон был сопряжен с новыми волнениями, хлопотами: устроится или нет? Не было рекомендаций, протекции, имевших столь огромное значение в ту пору. Но у нее было самое главное — талант.

Уж тогда ей посчастливилось встретиться со многими крупными русскими актерами. Великаном среди них возвышался Мамонт Дальский.

Говорят, истинно талантливые люди — щедры; Даль-

ский был живым подтверждением этому. Он дал ей так много, что, как она говорила потом, если бы даже учиться десятки лет, то и тогда она не получила бы столько. С ним и под его руководством она сыграла свою первую значительную роль — Марины Мнишек из «Бориса Годунова» (а до этого играла не героинь, а чаще подростков, девчонок).

Она играла в труппе Дальского сезон 1913—1914 года. Разъезжали по разным городам Юга России.

Сколько кривых тропок встретилось ей! Тяжка была доля молодой актрисы в старое время.

На Кавказе, владелец театра Муштаид, толстый жирный армянин предложил «госпоже Токаревой» поступить к нему в шантан.

— В бриллиантах ходить будешь,— посулил он, бесцеремонно разглядывая ее.

Нет, она не хотела бриллиантов. И сейчас у нее, народной артистки, очень скромно дома. Разве счастье — в роскоши?

Было тяжело... Позднее она пишет в своих воспоминаниях:

«...Об искусстве предреволюционного десятилетия было известно мне по собственному опыту. Я сама видела много позорного и бездарного в театрах тех лет. Декаданс, мистика и порнография мутной волной заливали сцены русской провинции. Классика все реже и реже появлялась в репертуаре. Чехов и Горький почти совсем исчезли с афиш. Бессодержательные, пустые пьески ставились второпях, по трафарету. Все это обедняло сценическое искусство, все это волей-неволей приводило нас, актеров, к узкому профессионализму, к условному и поверхностному изображению жизни.

...В мрачных условиях дореволюционного театра все наши усилия, направленные к созданию образов, жизнеутверждающих, зовущих к борьбе, были напрасны. Мешала не только царская цензура, мешала и вся сложившаяся в театре обстановка. Я собиралась в эти горькие годы покинуть сцену. Я чувствовала, что у меня иссякают силы от бесконечно спешной, всегда не законченной и почти всегда пустой и бессодержательной работы. Я мечтала об идейной драматургии, а мне приходилось играть в пошлых мелодрамах и в театре миниатюр. Я верила в актера-просветителя и в театр-трибуну, а вынуждена

была играть в театре-забаве и выполнять роли актера-развлекателя. Театр нуждался в раскрепощении. Тоска по настоящему народному искусству могла быть удовлетворена только при разрешении самых существенных проблем общественной жизни».

Все изменилось с великой пролетарской революцией.

Дочь рабочего, Токарева приняла революцию сразу и безоговорочно. Отошло в вечность то, что свело преждевременно в могилу отца, чуть было не загубило талант молодой актрисы. Вот когда театр по-настоящему ощутил свою тесную близость к народу...

Долго перечислять, где вместе со своим спутником жизни Николаем Николаевичем Недельским актриса побывала в эти годы. Тбилиси, Проскуров, Николаев, Кременчуг, Могилев, Брянск, Иваново-Вознесенск, Ярославль...

С 1931 года Мария Александровна Токарева прочно связала себя с Уралом, Свердловском.

Канули в прошлое бесконечные скитания по разным городам. Теперь актер — такой же оседлый труженик, как инженер на заводе, педагог, врач. И такой же участник всех свершений народа. Не случайно ей выдана драгоценная книжечка в коленкоровом переплете — грамота ударника, где написано: «СССР — ударная бригада международного пролетариата». Значит, она, актриса, тоже член этой ударной бригады.

Оглядываясь на прошлое, она даже не сразу может сказать, что было главным из созданного ею. «У меня нет любимых ролей, все роли — одинаково дороги». Играла много, трудилась неустанно, с отдачей всех сил. Но, если проследить внимательнее, то, пожалуй, одна линия в ее творчестве вырисовывается наиболее ярко — это создание образа женщины-матери. И здесь первой надо поставить работу Токаревой в пьесе современного чешского писателя Карела Чапека «Мать».

Постановка этой пьесы, впервые осуществленная у нас в стране Свердловским драматическим театром (до того была лишь одна — в Париже), требовала определенной смелости. Многое в ней необычно, и прежде всего то, что центральный персонаж — мать — разговаривает и встречается со своими умершими сыновьями и мужем.

Драматургу понадобился этот прием, чтобы лучше

донести основную идею своей замечательной драмы, произведения философского и психологического. Но как можно воплотить такой замысел на сцене! Мертвые разговаривают с живыми!

Актриса долго билась над ролью, образ рождался в мучительных поисках. Днем она работает, как все: заучивает текст, беседует с режиссером. Но самое плодотворное время — ночные, вечерние часы, когда схлынет дневной шум. Иной раз лежит в постели, а перед глазами возникают целые сцены, толпятся образы... Сегодня находится одна деталь, завтра — другая, третья... Вспоминала все характеры женщин-матерей, которых когда-либо встречала.

«Найти общение с мертвыми, с детьми,— говорила она себе,— ведь они же мои дети, они — в моем сердце...»

Сердце актрисы — самый чуткий советчик. И когда на приемке спектакля кто-то из членов комиссии бросил: «Мистика!»,— ему решительно возразил участвовавший в обсуждении писатель Бажов:

— Нет, это не мистика!— покачал он осуждающе седой головой.— Это живой человек, это трепещущее сердце матери. Как кто, а я очень хорошо его ощущаю...

Один большой художник вступился за другого. Это было признание, которого она так жаждала. Это была победа.

Пьеса «Мать» была страстным протестом против фашизма и войны; именно так прочли ее постановщики, так она и прозвучала со сцены Свердловского театра. Но все усилия режиссуры и актерского коллектива были бы сведены на нет, если бы не удался основной, всеобъемлющий герой — мать.

Другая этапная работа Токаревой — образ Марии Александровны Ульяновой в пьесе Попова «Семья».

К исполнению ее актриса подошла вооруженная многолетним сценическим опытом, и тем не менее... Тоже мать — но мать совсем другая, мать вождя трудового человечества; какая огромная ответственность — воссоздать ее черты! Как она относилась к своим детям, что чувствовала, думая о них? Как влияла? Из книг, из воспоминаний современников это известно; но как увидеть это зримо и так же зримо воспроизвести на сцене?

Она пристально вглядывалась в портреты Владимира Ильича Ленина и М. А. Ульяновой, изучала их.

Не нужно говорить, какие чувства питает к создателю нашего государства каждый советский труженик; это имя дорого, как самое близкое, родное, миллионам сердец во всех концах земного шара. Но теперь артистка хотела полюбить его еще как-то по-другому, увидеть в нем живого реального человека, выросшего, жившего бок о бок с нею. И снова, как некогда при работе над чапековской матерью, она видела свои глаза, слышала свои слова, обращенные к гениальному сыну. Будучи в Москве в ленинском Мавзолее, она не могла удержаться от рыданий. Володя Ульянов облекся для нее плотью... Влить живую кровь, свою кровь, пропустить человеческие чувства через себя,— вот что должна сделать актриса, если она хочет, чтобы созданный ею образ ожил, заговорил со зрителем.

И здесь она добилась серьезной удачи. «Образ Марии Александровны в исполнении М. Токаревой,— писала газета «Уральский рабочий»,— покоряет высоким благородством души, огромной нравственной силой».

А сколько еще матерей в ее творческой биографии! Пассионария из «Альказара» Мдивани, мать Харитонова из «Русских людей» Симонова, Елена Николаевна Кошевая из «Молодой гвардии» Фадеева...

Готовя роль Кошевой, Токарева ездила на Всесоюзную конференцию сторонников мира. Там, в Колонном зале Дома Союзов, дважды встречалась с Космодемьянской. Ее потрясло величие этой советской матери, потерявшей обоих детей — Зою и Шуру, при таком огромном горе сохранившей необычайную твердость духа, веру в жизнь.

Жизнь — учитель актрисы.

Недаром она большая общественница, всегда в кругу людей. Общественная работа неотделима у нее от творческой, помогает на сцене. Неудача там — нет запала здесь.

Дома, в шкафу, хранятся бесчисленные грамоты от различных организаций: от драмколлектива одного из цехов Уралмашзавода, от обкома комсомола, от облисполкома, от управления трудовых резервов,— да надо ли перечислять все? Грамотами можно увешать всю комнату (и, право, это куда «богаче» самой богатой обстановки!). На этажерке стоит драгоценная инкрустированная шкатулка тонкой китайской работы — подарок

министра внутренних дел за шефскую деятельность в конвойных войсках; на стене портрет в красках, нарисованный солдатом,— тоже знак признательности за шефство. Среди целой груды мандатов, удостоверений, пригласительных билетов на разные конференции и совещания — книжечка «Отличник культурного шефства над Вооруженными Силами СССР».

Армия — старый, испытанный друг. С армией связывают давние тесные узы еще с первых лет революции и гражданской войны.

В 1917 году, в местечке Навтлуг под Тбилиси, она, сама еще не оперившаяся как следует, вкупе с такими же энтузиастами, организовала солдатский театр самодеятельности. Работала у моряков, на командных пехотных курсах. Всего, пожалуй, не упомнить.

В стране свирепствовал голод. Случалось, от недоедания актеры падали в обморок на сцене. Уходя со спектакля, она находила в сумочке куски сахара, сухари: зрители в бушлатах и шинелях потихоньку подкладывали это ей, делясь скудным пайком.

Около двух лет она заведовала студией драматического искусства у моряков Черноморского Красного флота. Помнится, однажды смотреть спектакль моряцкой самодеятельности приехал М. В. Фрунзе. Токаревой выпала честь приветствовать его от имени коллектива перед открытием занавеса. Волновалась ужасно, губы дрожали. Фрунзе сидел в первом ряду, подтянутый, с открытым, приветливым лицом. После спектакля пришел за кулисы и благодарил. С ободряющей обаятельной улыбкой мягко сказал: «Что же вы так волновались?..»

Точно так же врезалось в память выступление в конных частях Котовского, незадолго до трагической гибели отважного начдива.

А годы Великой Отечественной войны! Сколько благодарностей хранит она за выступления в госпиталях перед ранеными солдатами и офицерами Советской Армии!

Раненые любили ее посещения. Она была всегда с ними, как мать, как друг, способный утешить, облегчить страдания, теплотой сердца вселить радость и надежду. Потом, покидая госпитальную койку, воины, как правило, писали ей.

Письма приносят ей ежедневно — пачками. Но ни одно не доставило столько радостного волнения, сколько

это — написанное не слишком уверенной рукой, на тетрадном листике с линейками, с ошеломляющим обращением:

«Мама!

Вам кажется странным это слово, но, простите меня, Вы — моя мать. Я хочу, и в моем мире Вы моя мама, хотя Вы меня и не знаете. Я не умею, как это выразить. Когда я Вас увидел еще в «Последних», понимаете, я почувствовал, что такое Мать. Я своей мамы не помню, она умерла, когда мне было год или полтора, и мне никогда не приходилось чувствовать мать, мне незнакомо было даже это слово. Когда я читал и мне встречались материнские или сыновьи чувства, я не понимал их, они как-то проходили мимо меня, но когда я посмотрел, как Вы играли, я не знаю, как назвать то, что Вы делали на сцене, когда шла пьеса «Мать», я почему-то подумал, что это моя мать.

Сейчас я учусь, мне двадцать один год; ну, вот, пожалуй, и все, что я могу сказать о себе, почти — ничего».

Послание заканчивалось словами: «Ваш сын Федор».

Мать на сцене, она вдруг стала матерью в жизни — матерью взрослого сына... Надо представить ее переживание!

Вскоре он сообщил полностью имя, фамилию. Завязалась переписка. Откуда-то из Сибири он прислал свою карточку, она ему — свою. Теперь она уже ждала его писем...

Начались события на Карельском перешейке. Федор замолк. Потом выяснилось — был на Ханко.

Затем разразилась Отечественная. Опять он не подавал о себе вестей. Целый год.

И вдруг ночью позвонили по телефону. Чей-то голос сказал:— Здесь вашего сына привезли, раненого...

Она не помнила, как дождалась утра. Прибежала в госпиталь. Ввели в палату. Он тяжелый, весь обвязанный.

И у нее слезы ручьем лились из глаз.

Как она выхаживала его! Несла свой паек. Просиживала ночи. Специально для Федора, прямо тут же, между коек, артистами театра был устроен концерт. Все знали эту историю, и все болели душой за раненого юношу. Потом, когда ему стало лучше, по обоюдному согласию с мужем, они взяли его к себе.

Полгода он жил у них. Набрался сил, здоровья. С полным правом они могут сказать, что поставили его на ноги.

А сколько было других историй, быть может, не столь трогательных, но одинаково человечных, говорящих о большой душе актрисы.

Три даты отмечают ее путь: в 1941 году ей присвоили звание заслуженной артистки РСФСР; в 1950 году она стала народной артисткой РСФСР; в 1939 году впервые выдвинули кандидатом в депутаты областного Совета депутатов трудящихся. С 1939 года и поныне — она депутат облсовета, вот уже бессменно почти четверть века...

Люди охотно идут к ней за помощью и советом: тому нужно помочь в делах квартирных, другому — устроить ребенка в ясли (строим, строим, а все еще недостаточно!). Ходатайства, жалобы. Работы непочатый край!

«Большой души человек» — говорят про нее. Может ли быть похвала выше этой?

«Народная» — это значит, прежде всего, всегда быть с народом, понимать и любить народ, творить для народа. Про себя она может с гордостью сказать, что она — с народом.

Нарастают годы, движется неумолимое время, прибавляется седины в волосах, но не угасает огонь души и сердца актрисы, кажется, неисчерпаемы ее энергия и бодрость, жажда творить, служить людям.

ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ

Зоя Васильевна Пушкарева родилась в 1907 году в Свердловске. Член КПСС с 1941 года. В 1932 году окончила Ленинградский химико-технологический институт, а затем аспирантуру. С 1938 года исполняла обязанности декана химико-технологического факультета Уральского политехнического института. В годы войны заведовала экспериментальной лабораторией Свердловского химико-фармацевтического завода, затем снова работает в Уральском политехническом институте (заместителем директора по научной части, заведующей кафедрой). В 1947 году Зоя Васильевна защитила докторскую диссертацию. С 1947 года и по настоящее время заведует кафедрой технологии красителей и лекарственных препаратов. З. В. Пушкарева, член Свердловского промышленного обкома КПСС, председатель областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний, депутат Верховного Совета СССР. Награждена орденом Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак почета».

Мы живем в век великих научных достижений.

В октябре 1961 года с трибуны XXII съезда Коммунистической партии на весь мир прозвучала научная программа строительства коммунистического общества, которую люди называют Коммунистическим Манифестом современной эпохи.

В этой Программе высоко оценивается роль науки в деле общественного прогресса.

Наука в нашей стране необычайно расцвела и приобрела богатырскую силу, потому что для ее развития дала

толчок Октябрьская социалистическая революция. Она открыла двери к вершинам знаний для миллионов советских людей. И замечательно, что в рядах этих миллионов советские женщины идут рядом с мужчинами. «Нигде, кроме Союза Советов, нет ничего подобного, нигде еще женщина трудовых классов не играет такой активной роли в жизни, как у нас»,— писал Алексей Максимович Горький.

Ни о каком участии женщин в науке до революции не могло быть и речи, так как только двенадцать с половиной процентов женщин царской России были элементарно грамотными. Если же единицы высокоталантливых женщин, таких, как Софья Ковалевская и другие, пробивались к знаниям, то им не оказывалось места в родной стране.

Женщины-ученые старшего поколения видели это, сталкивались с этими фактами в жизни. Они начинали, что называется, сначала. А сейчас наши девушки идут в науку при совершенно других условиях, когда среди специалистов с высшим образованием более половины женщин. Сейчас участвуют в научной деятельности более ста тысяч советских женщин и более десяти тысяч из них имеют ученые степени и звания.

Бывая за рубежом, я много раз видела на лицах женщин из капиталистических стран искреннее изумление перед этими фактами и много раз слышала вопросы: как это удалось советским женщинам, каков их путь в науку?

Этот путь через подлинное равноправие, через постоянную заботу государства о реальных возможностях использования женщинами их прав.

Ярким свидетельством тому, как женщины росли вместе с революцией, вместе с бурным развитием науки социалистического государства может быть научная деятельность женщин на Урале.

...В 1919 году на Урал пришла радостная весть о декрете, подписанном В. И. Лениным, о создании в Екатеринбурге Уральского государственного университета. В недрах этого первого высшего учебного заведения зародилось на Урале большинство высших учебных заведений, в виде факультетов, отделений, которые затем отпочковывались в самостоятельные институты.

Сейчас в Свердловской области 12 высших учебных

заведений и 33 научно-исследовательских института, в которых около половины работников — женщины. Только в Уральском политехническом институте, среди научных работников 393 женщины, четверо из них заведуют кафедрами.

А в самые первые годы работы высшей школы на Урале их были единицы. Это Надежда Васильевна Галли — заведующая кафедрой физики в Уральском государственном университете и Ольга Федоровна Нейман-Пермякова — на горном факультете Уральского политехнического института. Большинство же женщин-ученых — воспитанники советской школы. Они пришли в науку из трудовых уральских семей, из комсомольских рядов.

Хорошо мне памятен путь известного уральского профессора, доктора технических наук Анны Кирилловны Шаровой. Наши отцы до революции были разъездными почтальонами, соседями по квартирам и товарищами по работе. У обоих были большие семьи. Могли ли в прежнее время дети из этих семей, да еще девушки, получить высшее образование! А сейчас это стало возможным.

Уже в 1928 году А. К. Шарова успешно закончила Уральский политехнический институт по специальности «Цветные металлы» и была направлена на научно-исследовательскую работу в Уральское отделение института цветных металлов. Пытливый ум, горячая любовь к своей специальности, неутомимый труд быстро вывели ее в ряды молодых ученых.

Последние 25 лет Анна Кирилловна работает в Уральском филиале Академии наук СССР, руководя лабораторией редких металлов. Она занимается исследованием одной из важнейших для народного хозяйства проблем: химией и технологией редких металлов, получением чистых соединений, вопросами комплексного использования редких и рассеянных элементов. В 1948 году А. К. Шарова успешно защитила докторскую диссертацию. Она имеет более ста опубликованных работ и полтора десятка авторских свидетельств и свидетельств о приоритете.

А. К. Шарова, как истинный советский ученый, совмещает свою научную работу с общественной деятельностью: она неоднократно избиралась депутатом городского Совета.

В Свердловском медицинском институте, готовящем кадры врачей для всех областей Урала, несколько лет проректором по учебной части работает Мария Александровна Азина. Эту важную работу она совмещает с научной деятельностью на кафедре хирургии, занимаясь патологией желудочных заболеваний.

Поступила она учиться в институт в год его создания (Свердловский медицинский институт был открыт в 1931 году), приехав из небольшого уральского города Катав-Ивановска. Дочь рабочего, она еще в юности полюбила медицину и, учась, продолжала работать медицинской сестрой. Помогая семье, без отрыва от производства она закончила институт и уехала участковым врачом в Первоуральский район. Но глубокий интерес к медицинской науке привел ее снова в родной институт — ординатором на кафедру хирургии. С первых же дней войны, вместе с многими своими товарищами, она — военный врач, работает в госпитале.

В 1947 году Мария Александровна защитила кандидатскую диссертацию. Вновь годы напряженной научной работы, и через десять лет — защита докторской диссертации. Теперь она — ученый, профессор, воспитатель молодых медицинских кадров, крупный организатор.

Вместе с институтом рос и другой крупный ученый — Ирина Николаевна Печорина — заведующая кафедрой автоматики и телемеханики Уральского политехнического института. Родилась она хотя и не на Урале, но считает себя коренной уралкой, так как с одиннадцати лет приехала с родителями в Свердловск. Закончила она Уральский политехнический институт в 1940 году по специальности электрификация промышленных предприятий. Затем — годы аспирантуры, защита кандидатской диссертации...

Автоматизация производственных процессов становится одним из основных направлений в техническом прогрессе. Возникает огромная потребность в специалистах по автоматике, и Уральскому политехническому институту поручается их подготовка. И вот со дня основания радиотехнического факультета И. Н. Печорина заведует кафедрой автоматики и телемеханики. Готовя кадры инженеров, она ведет одновременно интереснейшие исследования по систематике автоматического

управления, по выявлению закономерностей самонастраивающихся систем, способных проводить анализ.

И. Н. Печорина не только ученый, она активный общественный деятель, скромный человек. К пятидесятилетию Международного женского дня 8-го Марта она была награждена орденом Ленина.

Я уже около тридцати лет работаю в высшей школе и с радостью наблюдаю, как с каждым годом у молодежи возрастает сознательность в выборе специальности, глубокий интерес к ней. И по себе знаю, какое это счастье — учиться. и работать по специальности, которая увлекает с юных лет.

Думая об этом, я невольно вспоминаю нашего замечательного уральского астронома коммунистку Клавдию Александровну Бархатову. Родилась она в Нижнем Тагиле, в семье рабочего — старого большевика. Еще с 7-го класса она стала интересоваться астрономией. А теперь — крупный специалист в этой области, заведует кафедрой астрономии Уральского государственного университета. Окончив этот университет, затем аспирантуру в Москве, она стала кандидатом наук, сейчас заканчивает работу над докторской диссертацией. В 1958 году Клавдия Александровна выступала с докладом на международном астрономическом конгрессе в Москве, недавно участвовала в международной конференции астрономов в Калифорнии (США).

Сейчас К. А. Бархатова борется за осуществление своей мечты — за создание большой обсерватории на Урале.

И еще мне хочется рассказать о двух уральских химиках.

Большим успехом химии в последние годы является изучение методов получения и свойств больших молекул. Производство синтетических полимерных материалов по решениям майского Пленума ЦК КПСС (1958 г.) за текущее семилетие увеличивается в 8 раз и позволит в значительной мере удовлетворить потребности советских людей в одежде, обуви, предметах домашнего и хозяйственного обихода, создаст условия для нового развития производительных сил страны. Металл, дерево и другие строительные материалы будут все более заменяться экономичными, прочными и легкими синтетиками.

Но химия полимерных материалов еще молода и нуждается в разработке многообразных проблем.

Профессор доктор химических наук Анна Александровна Тагер работает именно в области высокополимерных соединений и занимается интереснейшими вопросами структуры растворов высокополимерных материалов. Именно из растворов формируются материалы: пленки, нити и т. д. Здесь, в растворах, рождаются и свойства замечательных изделий из полимеров. Не меняя способа получения, путем придания соответствующей структуры и иного расположения макромолекул можно, например, увеличить прочность материала в пять-шесть раз.

А. А. Тагер окончила в свое время военно-химическую академию, затем аспирантуру при Московском институте им. Карпова. Война привела ее на один из оборонных заводов Урала. Теперь она заведует кафедрой высокополимерных соединений в Уральском государственном университете, готовит будущих молодых ученых для этой важной и перспективной отрасли.

Второй химик, о котором мне хотелось рассказать, это Васса Николаевна Подчайнова, заведующая кафедрой аналитической химии Уральского политехнического института. Она пришла в науку из учителей, проработав несколько лет преподавателем химии в одной из школ Нижнего Тагила. С 1930 года она преподает в высшей школе и работает в области аналитической химии меди, занимаясь определением ее малых количеств. Это важный для практики вопрос. Вот один из примеров: для создания полупроводников нужны сверхчистые металлы, а часто медь является вредной примесью. В. Н. Подчайнова разрабатывает теорию новых чувствительных реакций на медь с применением органических реактивов. Она ведет свои работы в содружестве с инженерами Нижне-Тагильского металлургического комбината, Челябинского цинкового завода и других предприятий. Ею опубликовано более сорока печатных работ и солидная монография. Совсем недавно В. Н. Подчайнова защитила докторскую диссертацию. Васса Николаевна с большой любовью ведет исследовательскую работу со студентами, воспитывая в них любовь к науке. Помню, начинали под ее руководством свои исследования студенты Зина Кокошко, Соната Оносова, Маргарита Иванцова, Олег Чупах и другие.

Теперь они либо кандидаты химических наук, либо готовятся стать кандидатами.

В заключение — несколько слов о своей работе.

Последние годы я занимаюсь главным образом поисками веществ для лечения рака. Попытки применить химические средства для лечения злокачественных опухолей делались давно. Этим занимались химики всего мира. Было испытано более десяти тысяч веществ, но снова и снова приходило разочарование. Ученые впадали в скептицизм и безнадежность, казалось, нет перспектив найти химическое средство против этой болезни. Но теперь большинство химиков и онкологов оптимистически смотрят на перспективы химиотерапии рака.

Есть ли, однако, основания для такого оптимизма?

Я с уверенностью отвечаю: да, есть. Правда, и трудностей немало. Бактериальные болезни лечить легче, так как бактерии, попавшие в организм человека, чужды ему.

Раковая же опухоль представляет собой хотя и переродившиеся, но клетки самого организма. Труднее найти вещества, которые действовали бы только на раковые клетки, а на здоровые не влияли.

Однако уже теперь ясно, что есть в раковой клетке «уязвимое звено», на которое можно нацелить химические средства.

Сложность проблемы состоит также в том, что идея получения одного препарата, вылечивающего любую из многочисленнных форм рака, обречена на провал. Надо искать свой «ключ» к каждому замку — особый препарат для лечения каждой формы рака.

И вот несмотря на то, что еще и сейчас не найдены лекарства, которые вылечивают рак легкого, желудка,— в химиотерапии есть успехи, которые окрыляют исследователей. Есть уже около десятка форм раковых заболеваний, вылечиваемых химическими средствами. К ним относятся заболевания некоторых желез, крови, кожи.

Настойчивая работа по синтезу и изучению веществ с предполагаемым противоопухолевым действием подскажет новые пути исследований. В нашей работе нельзя надеяться на скорый и легкий успех, но она очень увлекательна. Ее проблемами занимаются у нас главным

образом молодые ученые. Мне хочется отметить хорошую работу Л. В. Алексеевой, Е. В. Алфеевой, З. П. Пенюгаловой, Л. Ф. Петровой и других наших женщин. Не боясь трудностей, нередко испытывая неудачи и разочарования, они с увлечением и настойчивостью ставят опыт за опытом, разрабатывают теоретические вопросы.

Широкую дорогу в науку для советской женщины открыли Октябрьская революция и Коммунистическая партия нашей страны.

З. Шведова

НА СТРАЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Зоя Ивановна Шведова родилась в 1914 году. С 1937 года — на ответственной юридической работе. Член КПСС с 1942 года. В 1950 году Зоя Ивановна избрана председателем Свердловского областного суда. З. И. Шведова — депутат Свердловского областного Совета депутатов трудящихся.

Сегодня, когда наша страна уверенно шагает к коммунизму, когда советские люди строят свое светлое счастье, мне вспоминаются первые годы Советской власти, те дни, когда мы вступали в битву за социализм.

Я родилась в 1914 году. Это был тяжелый год. Шла империалистическая война. И детство мое было тоже тяжелым: рано лишилась родителей, а вокруг разруха, голод — нападение международного империализма, пытавшегося задушить молодую Советскую республику.

Тяжкую утрату понес наш народ в 1924 году. Умер Владимир Ильич Ленин. Хотя было мне в ту пору всего 10 лет, но я хорошо помню, как все советские люди клялись выполнить заветы дорогого Ильича. Давала клятву такую и я. В этот год я вступала в ряды пионерской организации имени В. И. Ленина и принимала

торжественное обещание, клялась быть до конца своей жизни преданной Родине.

В 1929 году, 14 лет я была принята в ряды Ленинского комсомола.

Многим, очень многим я обязана пионерии и комсомолу, закалившим меня идейно, давшим путевку в нашу большую жизнь.

В 1930 году меня, ученицу 7-го класса, назначили пионерработником. Сочетать учебу с этой ответственной работой было нелегко. В стране тогда шла жестокая классовая борьба. Враги не выпускали из поля зрения и детскую среду. Дети торговцев, кулаков, подкулачников преследовали пионеров-активистов, клеветали на них. В печати появлялись сообщения об избиениях, убийствах активистов-коммунистов, комсомольцев, а также пионеров.

Но ничто не могло запугать нас. С гордостью выполняли мы свою нелегкую работу.

В числе других товарищей обком ВЛКСМ направил меня на Уральский хромпиковый завод для улучшения пионерской работы. Здесь, в марте 1932 года в моей жизни произошло событие исключительной важности. Я возглавила делегацию Урала на Всесоюзной конференции школ химической промышленности. На этой конференции я имела счастье не только увидеть Н. К. Крупскую, Е. Д. Стасову, но и слушать их выступления.

Участники конференции были приглашены в Наркомпрос. Несмотря на большую занятость другими государственными делами и неважное состояние здоровья, Надежда Константиновна Крупская охотно дала согласие поговорить с нами.

Трудно описать наше волнение, связанное с ожиданием этого замечательного друга детей, верного соратника великого Ленина.

Надежда Константиновна произнесла проникновенную речь, призвала нас быть честными, правдивыми, преданными Родине, беззаветно выполнять заветы Ильича.

Не менее волнующей была и встреча с Еленой Дмитриевной Стасовой.

Простота обращения, интересные, задушевные беседы Елены Дмитриевны с нами, ее рассказы о тяжелых условиях жизни детей и молодежи капиталистиче-

ских стран, о задачах комсомольцев и пионеров в борьбе за социализм, за нового советского человека оставили неизгладимое впечатление и глубокий след в наших сердцах.

Со времени встречи с Н. К. Крупской, Е. Д. Стасовой прошло долгих 30 лет. Я, как и многие другие участники конференции, с чувством глубокой благодарности и гордости вспоминаю эти дни, напутственные речи, советы представителей старой гвардии коммунистов, прошедших суровую школу борьбы и жизни во имя процветания Советского государства.

В дни работы исторического XXII съезда КПСС я вновь вспомнила о первой встрече со старыми большевиками и решила написать Елене Дмитриевне Стасовой письмо.

Признаться, я не надеялась получить ответ: Елена Дмитриевна и очень занята, да и возраст у нее уже преклонный. Но вскоре мне пришло письмо из Москвы. Вот что пишет Елена Дмитриевна:

«9 ноября 1961 г.

Дорогая т. Шведова!

Получила Ваше письмо от 31 октября и с хорошим чувством вспомнила то время, о котором Вы пишете, сообщая о конференции молодежи-химиков. Я всегда была и остаюсь близко связанной с нашей молодежью; вот накануне 44-й годовщины была на собрании Московской организации комсомола. Ведь я в первые годы революции, являясь секретарем ЦК партии, принимала участие в создании комсомола и не перестаю интересоваться его жизнью и делами.

Спасибо Вам за все, сказанное в мой адрес, и добрые пожелания. С юристами я тоже была связана всю свою жизнь. Мой отец был адвокатом, кроме того, с молодых лет я считала, что юридические науки являются чуть ли не основой людских отношений и в свое время изучала римское право.

Желаю Вам больших успехов в Вашей трудной работе, здоровья и счастья.

Крепко жму руку.

Елена Стасова».

Осенью 1934 года я по совету руководителей обкома комсомола поступила в юридический институт, а в 1937 году была направлена на производственную практику в судебные органы. Мне выпала честь работать народным судьей Свердловска.

Работы в народном суде было более чем достаточно. Приходилось подолгу просиживать за предварительным изучением, а затем и рассмотрением уголовных и гражданских дел, среди них были и дела о привлечении к ответственности спекулянтов, воров, хулиганов, и дела о взыскании алиментов на содержание детей и престарелых родителей. Приходилось рассматривать и жилищные споры, и дела, связанные с трудовым законодательством, одним словом, разбираться в самых сложных человеческих отношениях.

В 1943 году я была избрана заместителем председателя Свердловского городского суда, а в 1944 году — заместителем председателя Свердловского областного суда.

Окончилась Великая Отечественная война. Многие мои друзья и товарищи: Иван Попилин, Евгений Шабонин, Мария Елисеева, Людмила Болдырева, Геннадий Бойко не вернулись домой, они пали смертью храбрых в боях за нашу великую Родину. Не вернулись и многие другие судебные работники.

Необходимо было готовить кадры взамен погибших на фронте и вместо уехавших для работы на освобожденные от немецких захватчиков территории, проводить большую воспитательную работу среди молодых судей и смело выдвигать их на руководящие посты. Необходимо было правильно осуществлять правосудие в новых, мирных условиях.

Под руководством областной партийной организации с этой задачей мы справились в относительно короткое время.

В 1950 году в моей жизни произошло еще одно важное событие. Я была избрана председателем Свердловского областного суда и вот уже 12 лет работаю на этом посту.

На этой нелегкой работе мне оказывали большую помощь весь коллектив областного суда, партийная организация, работники областного комитета КПСС и облисполкома.

В 1953 году я пережила еще одно радостное волнение. Коллектив Заводоуспенской бумажной фабрики, Тугулымского района, Свердловской области, выдвинул меня кандидатом в депутаты Свердловского областного Совета депутатов трудящихся.

Встречи с избирателями: рабочими, инженерно-техническими работниками, служащими Ертарского стеклозавода, Успенской бумажной фабрики, лесорубами леспромхоза, домохозяйками были торжественно деловыми. Мы вели задушевные, непринужденные беседы. Избиратели высказывали теплые слова любви, обращенные к Коммунистической партии, давали наказы, советы быть достойным депутатом. Избиралась я депутатом и в последующие годы.

Я стремлюсь добросовестно относиться к депутатским обязанностям. Работая в депутатских постоянно действующих комиссиях здравоохранения и социалистической законности, стараюсь все поручения выполнять аккуратно и в срок.

Большое место в моей депутатской работе занимает рассмотрение писем, жалоб, заявлений избирателей.

Много писем получаю я и по вопросам, связанным с моей профессиональной работой. Расскажу только об одном из таких писем.

Работница Серовского металлургического комбината Н. сообщала в письме о таком случае. От нагрева печки в ее отсутствие в комнате загорелась стена. Жилищно-коммунальный отдел отремонтировал стену и предъявил иск. Стоимость работ надо было оплатить в трехкратном размере. Ущерб в твердой государственной стоимости она погасила, а остальную сумму уплатить не в силах. Тщательная проверка письма вскрыла формальный подход работников ЖКО к гражданке Н. Справедливость была восстановлена.

Свердловский областной суд накопил немало положительного опыта. Этот опыт распространялся на другие суды страны. И это нас ко многому обязывает. Я считаю так: главное не зазнаваться, не успокаиваться на достигнутом, а совершенствовать организаторскую работу, повышать теоретическую подготовку, усиливать влияние на подбор, расстановку и воспитание кадров, принципиально улучшать качество рассмотрения дел. Важно также правильно применять советские законы

с партийным пониманием их внутреннего смысла и гуманных принципов советской социалистической законности.

Все эти важные задачи могут быть осуществлены при правильном подборе, расстановке и воспитании кадров судебных работников. И надо сказать, что с каждыми очередными выборами народных судей и областного суда эта задача решается все более положительно.

Так, например, если в 1950 году из общего количества народных судей области с высшим образованием было 52 процента, а членов областного суда — 63, то в 1962 году народных судей с высшим образованием — 86 процентов, а членов областного суда — 96 процентов.

В результате улучшения образовательного уровня, накопления опыта членами судов улучшается и качество работы, расширяются связи с общественностью.

Весьма отрадным является тот факт, что в органах юстиции Свердловской области работает много женщин: 42 процента — народными судьями, 48 — членами областного суда, 85 — судебными исполнителями, 96 — нотариусами и т. д.

На протяжении многих лет на посту народного судьи работают такие товарищи, как Ирина Владимировна Котельникова, Серафима Григорьевна Томашеня, Анна Васильевна Журавлева, Мария Матвеевна Журикова, Нина Васильевна Граматчикова, Надежда Николаевна Бреус.

Отличительной чертой их характеров является скромность, дисциплинированность, добросовестность, чуткое отношение к нуждам и судьбам людей.

Мария Матвеевна Журикова в 1938 году после окончания средней школы поступила учиться в Свердловский юридический институт. В 1941 году, когда немецкие захватчики вероломно напали на нашу страну, Мария Матвеевна с последнего курса института ушла добровольно на фронт. Служила радиотелеграфистом, начальником радиостанции. Ее заслуги перед Родиной высоко оценены нашим правительством, она награждена двумя орденами Красной Звезды и двумя медалями. После демобилизации в 1946 году т. Журикова закончила институт и в этом же году была избрана народным судьей. Бессменно, на протяжении 16 лет она на судебной работе.

Нина Васильевна Граматчикова также добровольно ушла на фронт. Сначала курсант пехотного училища, командир минометного взвода первой женской добровольной бригады, начальник гарнизона по охране особо важных объектов — вот ее боевой путь. За боевые заслуги она награждена двумя правительственными наградами. После демобилизации Нина Васильевна поступила учиться в Свердловскую юридическую школу. В 1948 году досрочно была избрана народным судьей Тагилстроевского района Нижнего Тагила. И вот уже 14 лет — бессменный судья этого района. Нина Васильевна снискала себе огромный авторитет среди народа, товарищей и заслуженно считается одним из лучших народных судей области.

Таких товарищей, как Граматчикова и Журикова, в нашей области немало.

С чувством большого такта, с уважением к человеческой личности, с большой ответственностью к выполнению служебного долга относятся многие женщины областного суда.

Заместитель председателя Александра Петровна Бржезовская, члены суда: Лидия Кузьминична Холевинская, Марина Петровна Ширковская, Ангелина Валентиновна Бисерова, Нина Даниловна Зараменских, Раиса Андреевна Севницкая, Галина Владимировна Логинова, Вера Николаевна Чурова, главный бухгалтер областного суда Тамара Павловна Цветкова.

Разные жизненные пути у этих женщин. Курьер-архивариус, ученица-печатница типографии — таково начало трудовой деятельности Александры Петровны Бржезовской.

Материальные условия в прошлом не позволили ей учиться и только в 1937 году уже 28-летней женщиной смогла она поступить в Харьковский юридический институт. Вскоре война, эвакуация на Урал, работа на одном из заводов Магнитогорска. По окончании Свердловского юридического института, с 1944 года Бржезовская работала в судебных органах Свердловской области: народным судьей, членом Свердловского городского суда, ревизором Управления юстиции, заместителем председателя областного суда.

За долголетнюю добросовестную работу в органах юстиции коммунист Александра Петровна Бржезовская

неоднократно была отмечена приказами Министерства юстиции РСФСР.

Преподавательница русского языка и литературы одной из средних школ города Свердловска Ангелина Валентиновна Бисерова очень любила свою работу и никогда не думала о том, что в недалеком будущем ей придется осуществлять социалистическое правосудие. Но вот лютой зимой 1942 года в школе начались кражи вещей из гардеробной. Вначале исчезали галоши, варежки, воротники, шапки, а затем, однажды — сразу пять зимних пальто учениц 10 класса.

В расследовании дела принимала участие и т. Бисерова. Этот случай и помог ближе узнать о имеющихся в нашей жизни правонарушениях. Беседы с людьми, борющимися с преступными проявлениями, окончательно укрепили у т. Бисеровой горячее желание узнать как можно больше о советских законах, об охране государственных интересов, прав личности, личной собственности граждан. В итоге — учеба в вечернем юридическом институте, а после его окончания — работа народным судьей, а затем членом областного суда, членом его президиума.

Вера Николаевна Чурова 18-летней девушкой добровольцем ушла на фронт. Служила медицинской сестрой на Ленинградском, Карело-Финском и Белорусском фронтах в воздушно-десантных частях. Там же вступила в ряды комсомола. Побывала в Польше, Австрии и Пруссии. После демобилизации из рядов Советской Армии в 1945 году поступила в Свердловский юридический институт, по окончании которого была направлена на работу в судебные органы. Была т. Чурова секретарем народного суда, судебным исполнителем, консультантом Управления Министерства юстиции, а с 1953 года она — член Свердловского областного суда.

Много гражданских дел рассмотрено под председательством Веры Николаевны, но большую часть их составляют вопросы семьи и брака, где нужно не только хорошее знание советских законов о семье, но и большое чуткое сердце.

Нельзя не упомянуть о Зое Акимовне Федотовской — бывшем заместителе председателя Свердловского областного суда. Успешно закончив Академию общественных наук при ЦК КПСС, она на протяжении многих лет

работала заместителем председателя Верховного Суда РСФСР, а затем старшим научным сотрудником Всесоюзного института юридических наук.

Евфалия Алексеевна Панова в 1943 году была избрана членом Верховного Суда РСФСР, окончила Академию общественных наук и успешно работает во Всесоюзном институте юридических наук.

Хочется мне рассказать и о женщинах, которые также успешно работают в Свердловском юридическом институте.

С 1934 года, когда я поступила в институт, по настоящее время здесь произошли большие изменения. Возьмите хотя бы состав преподавателей. Ранее среди них не было ни одной женщины, теперь количество их значительное и они играют видную роль в научной работе и в педагогическом процессе. Достаточно сказать, что почти половина состава кафедры гражданского права — женщины, принимающие активное участие в научной работе. Две из них — Мария Яковлевна Кириллова и Валентина Ивановна Сырнева, участницы Отечественной войны. Обе они, а также Галина Ивановна Петрищева защитили кандидатские диссертации, имеют ряд научных трудов, в настоящее время работают над докторскими диссертациями. Они, коммунистки, отлично сочетают большую педагогическую и партийную работу с упорным научным трудом. Их лекции и практические занятия пользуются большой популярностью среди студентов. Одно общее роднит всех этих женщин — большой труд, преданность партии, любовь к своему делу, безукоризненное личное поведение.

Можно было бы рассказать и еще о многих женщинах института, их жизненных путях, их героическом труде, который они сочетают с воспитанием своих детей, с большой общественной работой. Мы, выпускники старых лет, по-хорошему завидуем тем, кто учится под руководством этих замечательных женщин, воспитанных Коммунистической партией.

* * *

Большие, ответственные задачи по воспитанию советских людей выдвинул ныне XXII съезд КПСС. В решении этих задач определенную роль должен сыграть и советский суд.

Победа коммунизма в нашей стране предполагает не только гигантский прогресс в экономике, в развитии производительных сил общества, но и величайшие изменения в сознании людей. Поэтому формирование нового человека, искоренение антиобщественных явлений, уголовной преступности приобретает исключительное значение.

Коммунистическая партия проводит огромную воспитательную работу среди наших людей, используя разнообразные формы и методы, опираясь на широкую общественность, на весь народ.

Но, к сожалению, наша действительность иногда омрачается недостойным поведением отдельных граждан, в сознании которых еще не изжиты пережитки прошлого, приводящие к нарушениям общественного порядка, пьянству, хулиганству, воровству, взяточничеству, спекуляции и другим аморальным поступкам.

В своей речи на XIV съезде комсомола Н. С. Хрущев указывал, что в нашей стране еще имеются паразитические элементы. Их немного, но, к сожалению, они есть. Они хотят жить только за счет других, а некоторые грабят и порой даже убивают. Требуется так организовать работу, чтобы исключить возможность того, чтобы люди, которые не вкладывают своего труда в создание материальных и культурных благ для общества, черпали из той чаши, в которую вносят свой вклад все труженики.

В. И. Ленин придавал огромное значение вопросам воспитания, убеждения советских людей. «Прежде всего,— говорил он,— мы должны убедить, потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало убедить, а потом принудить».

Поэтому принуждение не главное в деятельности Советского государства и его органов. Главный наш метод — это метод убеждения, воспитания и предупреждения. Только там, где он не помогает, где он недостаточен, там убеждение дополняется принуждением. Государство обязано для общего блага применять подобные меры.

Как известно, применение принуждения, уголовного наказания за совершенное правонарушение и преступление по советским законам принадлежит только суду.

Никакому иному органу, пожалуй, не приходится в такой мере выполнять двуединую задачу нашего государства — убеждения и принуждения.

Работа судьи очень сложная, тяжелая, кропотливая. Судье вместе с народными заседателями при рассмотрении конкретных уголовных и гражданских дел приходится разбираться в сложных человеческих отношениях, распутывать преступные деяния отдельных проходимцев. Приходится тщательно исследовать все обстоятельства дела, изучать доказательства обвинения, данные, характеризующие личность совершившего преступление, находить правильное применение закона. Соблюдение такта, высокой культуры судебного процесса, объективное отношение к судьбе человека, попавшего на скамью подсудимого,— только при этих условиях можно обеспечить вынесение правильного, обоснованного, убедительного и справедливого приговора.

Вот уже четверть века мне приходится встречаться с самыми разнообразными судебными делами. И всегда я стараюсь глубоко разобраться в судьбах людей, взвесить все обстоятельства и принять верное решение.

В деятельности советского судьи всегда должна ощущаться глубокая партийность, принципиальность, справедливость.

Бурное время переживает сейчас наша страна. Мы строим коммунизм, воспитываем прекрасного человека будущего. В это большое важное дело внесут свою долю труда и наши судебные работники.

А. Мошкова

ДЕТИ — НАШЕ БУДУЩЕЕ

Анна Ивановна Мошкова родилась в 1897 году, член КПСС с 1917 года. Более тридцати лет работала на ответственной партийной работе. В настоящее время — персональный пенсионер, член пленума Верх-Исетского райкома КПСС, депутат районного Совета, председатель женсовета Верх-Исетского района.

Верх-Исетский женский совет, первый в Свердловске, организован 8 октября 1957 года. В его состав вошли в основном пенсионерки старые коммунистки: Е. И. Венедиктова, М. И. Кондратова, А. Е. Усольцева, А. Д. Левадных и другие.

Первые наши шаги были неуверенными. Это были робкие поиски форм и методов культурно-массовой и организационной работы. Находились даже скептики, которые не верили в успех этой работы, отождествляли женсоветы с женотделами. Они недопонимали существа нового периода женского движения.

В начале своей работы члены женсовета пришли в цехи, повели борьбу за чистоту, организовали красные уголки, проверку питания в цеховых столовых, наладили гигиену в душевых комнатах — одним словом, навели культурный порядок в цехах. Затем общественницы пошли в молодежные общежития.

В настоящее время мы занимаемся культмассовой и воспитательной работой в семьях рабочих по месту их жительства. В крупных домах завода организовано 11 женских советов.

Учитывая новые задачи, мы в 1961 году перестроили свою работу, выбрали бюро из 9 человек. В бюро входят: председатель женсовета, два его заместителя, ответственный секретарь, председатель кустового женсовета ВИЗа и четыре руководителя секторов: детского, организационно-массовой работы, культурно-бытовой, общественного питания и торговли. Районный женсовет собирается один раз, секторы заседают 2 раза в месяц. Бюро женсовета собирается каждую неделю.

Главной задачей мы считаем воспитание подрастающего поколения. Руководителем детского сектора утверждена бывшая учительница Ирина Ивановна Киселева. В работе сектора активное участие принимают товарищи, раньше служившие в детских учреждениях: М. К. Павлова, М. А. Михайлова, М. К. Бойцова и другие.

Всю работу среди детей мы проводим в тесной связи с районо, райздравотделом, районной комиссией райисполкома по борьбе с несовершеннолетними нарушителями, а также с детской комнатой милиции.

В этом году детский сектор успешно провел ряд мероприятий по воспитанию детей. Важнейшее из них — организация детских клубов при домоуправлениях и уличных комитетах (до 1961 года у нас в районе их не было). В районе создано 10 детских клубов: «Огонек», «Космос», «Орленок», «Дружба» и другие. В клубах дежурят женщины-общественницы и родители, многие из них состоят членами правления клубов.

В детских клубах созданы кружки художественной самодеятельности, домоводства, выпиливания, уголки природы, организованы тимуровские команды.

Спортсмены детских клубов «Огонек», «Дружба» и «Орленок» в городских детских спортивных состязаниях по футболу, волейболу и хоккею в 1961 году завоевали первенство, награждены вымпелами. А общественницы В. Ф. Шургунова, Т. Ф. Танюкова, Е. П. Ардышева, которые заведуют этими клубами, получили от райисполкома грамоты.

Хорошо дети были подготовлены к детским город-

ским праздникам — Русская березка, Праздник цветов. Сами шили костюмы, делали цветы, готовили стенды. Большую помощь детям оказали прикрепленные к клубам учителя школ 29, 55 и 73.

Участие в детских клубах помогло многим детям исправиться. Например, ученица 5 класса школы № 9 Люда Т. плохо училась, грубила, пропускала уроки. Ее хотели даже исключить из школы. За воспитание Люды взялась общественница Е. Н. Матигорова. Присмотревшись к девочке, она заметила, что у Люды незаурядные танцевальные способности. Матигорова привела Люду в кружок художественного танца при клубе «Орленок». Люда серьезно увлеклась балетом, стала организованнее, повысила дисциплину и сейчас учится хорошо. Таких примеров много.

В этом году интересно был организован досуг детей в зимние каникулы. Общественницы П. А. Зубрицкая, Л. Н. Журавлева, К. Д. Пахтусова, А. В. Крестьянникова, А. Т. Склюева и другие организовали вместе с детьми во дворах и на улицах района 42 катушки, 21 каток, 31 елку. На улицах и дворах елки горели разноцветными огнями. Игрушки были сделаны из льда и покрашены в разные цвета.

У елок и на катках общественницы несли дежурство. Помогали учителям школы водить детей на экскурсии и в кино. Товарищи Ваганова и Склюева организовали катание детей на пони в зоопарке.

И еще большое мероприятие провели члены детского сектора. Они обследовали 45 семей, в которых воспитываются дети, не имеющие родителей (подопечные). В результате двадцати семьям была оказана материальная помощь, некоторые опекуны были заменены.

Над трудновоспитуемыми детьми общественницы детского сектора берут индивидуальное шефство.

Обратилась к нам в женсовет гражданка М. — работница макаронной фабрики, с просьбой помочь ей в воспитании детей. Дочь ее Тамара, ученица 5 класса 73 школы, совсем ушла из-под влияния матери. Тогда член детского сектора А. И. Бушуева взяла над Тамарой индивидуальное шефство.

Много времени и сил потратила пожилая женщина на воспитание Тамары. Часто приходила в ее семью, иногда брала Тамару к себе домой, покупала ей книги,

водила в кино. Не раз приходила Бушуева в школу, где учится Тамара, говорила с учителями о ее воспитании. Так продолжалось более двух лет. Девочка первое время плохо поддавалась воспитанию. Однако Александра Ивановна добилась своего. Тамара стала дисциплинированной, в семье не грубит, учится хорошо, и в октябре 1961 года ее приняли в пионеры.

Член нашего совета А. А. Полевина прикреплена к школе № 63, в которой 10 учеников, детей рабочих ВИЗа, были неуспевающими, нарушителями дисциплины, некоторые из них имели приводы в милицию. Она побывала у двух школьников дома, и оказалось, что отец у них пьянствует, мать больна, и дети оставались безнадзорными. Полевина устроила этих детей в школу продленного дня. Дети стали учиться хорошо.

Ирина Иосифовна Белоусова шефствует над шестью семьями, в которых дети-подростки вернулись из мест заключения — детских колоний. Она часто бывает в этих семьях, беседует с ребятами и их родителями, помогает советами. Ее подопечные сейчас трудоустроены и учатся в вечерних школах. Витя Сучако учится уже на курсах токарей. Золотухин Витя работает в отделе капитального строительства ВИЗа. Крутиков Валерий освоил специальность сапожника. Так же и другие.

Нынче в нашем районе открыта новая школа-интернат. Общественницы детского сектора обследовали семьи, детей которых нужно устроить в эту школу, семьи матерей-одиночек, инвалидов Отечественной войны, семьи, где много детей. По их просьбе в интернат принято более 70 ребят.

В это лето общественницы по-матерински позаботились о здоровье и летнем отдыхе детей. По их инициативе было организовано и работало 42 детские оздоровительные площадки. Из них 12 с питанием. Больше ста раз выходили общественницы и родители на субботники: расчищали площадки, копали клумбы, высадили много тысяч цветов и кустарников. Они построили столики, скамеечки, грибки, качалки, песочницы. Воспитательную работу с детьми проводили учителя и ученики старших классов.

Женсовет оказал большую помощь пионерскому лагерю ВИЗа. Так было проведено 2 субботника. Женщины расчищали площадки, мыли помещения, копали

клумбы и высаживали цветы. Они проверяли детское питание, следили за санитарным состоянием лагеря. Всего не перечтешь, что сделали для ребят руки матерей и горячие сердца наших лучших общественниц.

Мария Александровна Михайлова организовала у себя дома уголок природы — аквариум, в котором собраны всякие породы рыб Советского Союза и других стран. Она выращивает различные цветы, разводит кроликов. Все это она делает для того, чтобы привить детям любовь к природе, воспитать у них любознательность и трудолюбие. Мария Александровна часто беседует с детьми, консультирует их. Дом ее превратился в любимое место детей.

Анастасия Ивановна Кеткина организовала у себя детскую библиотеку-передвижку. Книги она берет из библиотеки старых большевиков. Ведет эту работу Анастасия Ивановна уже четвертый год. Вначале она разносила книги по домам, потом дети стали приходить к ней. Четыре года назад у нее было 10—15 читателей, а сейчас — 360. Такую же благородную работу библиотекаря-общественника проводят наши активистки Вера Михайловна Давыдова и Серафима Дмитриевна Новикова.

Но, занимаясь с детьми, мы пришли к выводу, что нельзя упускать из поля зрения и родителей, особенно тех, которые не могут обеспечить правильное воспитание детей и нуждаются в педагогической помощи.

Обсудив этот вопрос на заседании женсовета, решили организовать 10 лекториев для родителей, по месту их жительства. Для чтения лекций районо выделил учителей. Прочитано 42 лекции на следующие темы: «Коммунистическое воспитание подрастающего поколения», «Воспитание воли и характера у детей», «Атеистическое воспитание детей в семье», «Авторитет родителей». Лектории себя оправдали, слушатели горячо благодарили учителей за прочитанные лекции.

Многообразна деятельность женских советов. Но я особенно подробно рассказала о их роли в воспитании детей, потому что дети — наше будущее.

И. Зюзин

ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЛЮДЕЙ

Матрена Степановна Мавлютова родилась в 1908 году. Член КПСС с 1955 года. С начала коллективизации сельского хозяйства — колхозница. С 1953 года работает звеньевой по выращиванию картофеля. Одна из лучших картофелеводов страны. Участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Герой Социалистического Труда. Делегат XXII съезда КПСС.

Хоть и давно это было, но все же день, когда ее назначили звеньевой, Матрена Степановна Мавлютова помнит хорошо, вплоть до мельчайших подробностей.

...1953 год. Месяца через полтора после сентябрьского Пленума Центрального Комитета партии, в деревне Озерки проходило колхозное собрание. Задолго до его начала в клубе стал собираться народ. Управившись по дому, пришла сюда и Матрена Степановна. Здесь уже были секретарь райкома партии и председатель исполкома районного Совета. Беседа между ними и членами артели переходила с одного вопроса на другой. Только что речь шла о зимовке скота, а вот сейчас разговаривают уже о технике. Еще через минуту — насчет того, как поднять урожай зернобобовых, картофеля...

— А почему бы вам, — заметил секретарь райкома, — не поручить выращивание картофеля самым старательным и добросовестным людям. — Он посмотрел вокруг,

словно отыскивая кого-то, и, увидев, наконец, Матрену Степановну, добавил: — Вот хотя бы ей. Да, да. Матрена Степановна, почему бы вам не организовать свое звено?

Нет, не случайно секретарь райкома указал на М. С. Мавлютову. Высокие урожаи картофеля и других кормовых культур — это база для успешного выращивания общественного поголовья скота. Тут нужны люди серьезные, трудолюбивые. И не только трудолюбивые, но и умеющие вдохновить, повести за собой остальных. Такой и была Матрена Степановна Мавлютова. Немногословная и слегка медлительная в повседневной жизни, на работе она словно преображалась. Откуда только и брались сноровка, быстрота. Куда ни направь ее: севачом ли в посевную или прицепщиком во время подъема зяби — отовсюду о ней идут хорошие отзывы. И люди к ней тянутся. Редко ее увидишь одну. Пожилые колхозницы и девушки идут к ней со своими радостями и житейскими неурядицами.

При подборе людей в звено Матрена Степановна не встретила серьезных трудностей: люди шли охотно. Набралось десять человек. Среди них были и совсем еще молодые, и женщины средних лет, и пожилые. Их не страшило то, что звену предстояло в первый же год бороться за высокий урожай картофеля — 150 центнеров с гектара. А надо сказать, что в колхозе больше 40—50 центнеров с гектара еще никогда не получали. Женщины рассуждали так: «Будем лучше землю обрабатывать. Ведь кто лучше землю лелеет, того и земля жалеет».

И земля отозвалась, подчинилась воле небольшого коллектива. В первый же год в звене было выращено по двести с лишним центнеров картофеля.

Конечно, без трудностей не обходилось. Поначалу давала о себе знать и недостача техники. Поэтому приходилось больше налегать на лопаты да мотыги. Но это только в первые годы. Потом закрепили за звеном все необходимые для возделывания картофеля машины. Но и их надо было применять с умом. Помнит Матрена Степановна, как с самого же начала во время междурядной обработки всходов ей пришлось выдержать бой с трактористами, которые пытались проводить междурядную обработку вдоль посадки. От этого звено не досчиталось бы многих квадратов на участках. И Матрена Степановна настояла на своем: первую междурядную

обработку проводить сначала поперек посадки, а уже потом — вдоль.

Недаром говорится в народе, что хорошая слава далеко ходит. Первые же успехи звена Матрены Степановны Мавлютовой сделали ее имя известным далеко за пределами родного колхоза, а затем и района.

1955 год стал для Матрены Степановны Мавлютовой особенно памятным. Она вступила в ряды КПСС, прочно связала свою жизнь с жизнью партии, с теми, кто всегда идет впереди и указывает путь другим.

Трудно доставался звену высокий урожай в 1957 году. Члены звена прилагали много усилий, чтобы вывезти на участки как можно больше навоза. А «заправить» землю удобрениями надо было как следует: — агроном сказал, что на каждый гектар надо доставить навоза не меньше чем по 70 тонн. Ранним утром собирались члены звена у скотного двора, откуда возили навоз. Но еще раньше начинался рабочий день у Матрены Степановны. Зато, когда осенью подсчитали, оказалось, что звено вырастило небывалый урожай — по 506 центнеров клубней с каждого гектара. В том году Матрена Степановна участвовала во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Ей было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Успех этот был не случайный, не временный.

Засушливый 1958 год. Подготовили хорошие семена, посадили вовремя. Сейчас бы нужен дождь, а его нет и нет. Потянулись недели мучительного ожидания. Матрена Степановна уже не раз в течение дня устремляла взгляд вверх. А там, ничего, кроме синего бездонного океана. И ни одной тучки, из которой могла бы пролиться долгожданная влага... А когда ждать больше стало нельзя, Матрена Степановна решила — будем сами поливать картофель. Правление колхоза выделило лошадей для подвозки воды в бочках, а уж по полю разносили воду члены звена сами. Это была борьба людей с природой, борьба неравная, но исполненная глубокого смысла. И люди победили.

В том году во многих хозяйствах получили мизерный урожай картофеля, а в звене Героя с каждого гектара было собрано по 507 центнеров. В 1959 году звено получило по 607 центнеров картофеля с гектара.

Пример передовика вызывает у других желание до-

биться такого же успеха, стать с передовиком вровень, а если удастся, то и обогнать его. По примеру т. Мавлютовой высоких урожаев картофеля добились и в ряде других колхозов района. Но это не пришло само собой. Нужны были годы труда, поисков. Особенно сильно почувствовала это Матрена Степановна на зональном совещании передовиков сельского хозяйства Урала. Выступая на этом совещании, Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Приветствую вас, дорогая Матрена Степановна, желаю вам новых успехов. Желаю также, чтобы ваш опыт шире распространялся, чтобы уральцы имели в изобилии хороший картофель».

И в самом деле, почему в ее родном районе в 1960 году урожай картофеля в среднем составил только по 78 центнеров с гектара, в то время, как ее звено вырастило в том же году в несколько раз больше центнеров? Условия почвы другие? Ничего подобного. Нужны такие же звенья, как ее, а звеньям нужен богатый опыт таких, как она. Еще в пути из Свердловска домой у нее родилось много планов передачи опыта. Мавлютова повела занятия в школе передового опыта, в которой учились 30 звеньевых-картофелеводов. На страницах районной газеты она вела заочную школу картофелеводов. Ездила Матрена Степановна в совхозы, выступала там на семинарах членов картофелеводческих звеньев, взяла шефство над двумя звеньями: помогла им семенным картофелем, советами. И труд ее не пропал даром. В 1961 году ученики Матрены Степановны вместе со своими звеньями выращивали картофель на площади 772 гектара и получили урожай в звене первого ученика и последователя Мавлютовой — картофелевода из Бардымского совхоза члена областного комитета партии Михаила Николкина — по 454 центнера с гектара на площади в 50 гектаров, в том числе по 615 центнеров с площади в 10 гектаров. Много картофеля продали государству совхозы района сверх плана.

Матрена Степановна является инициатором социалистического соревнования в районе за все новое, передовое и ведет большую общественную работу.

...Богата почта депутата Свердловского облисполкома Матрены Степановны Мавлютовой. Один из избирателей просит поделиться опытом выращивания картофеля, другой обращается с просьбой похлопотать

насчет пенсии. И Матрена Степановна помогает: пишет выезжает на места, встречается с избирателями.

На XIV Свердловской областной партийной конференции Матрена Степановна Мавлютова была избрана делегатом на XXII съезд КПСС. В ответ на эту высокую честь она с каждым днем трудится все лучше и лучше. Она посвятила свою жизнь служению народа, счастью людей. Такой эту скромную труженицу полей воспитала Ленинская Коммунистическая партия.

В. Мичурина

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

(Воспоминания о З. А. Гуриной)

Зинаида Александровна Гурина родилась в 1901 году в Невьянске. Член КПСС с 1919 года. С 1918 до 1931 года — на советской, партийной и профсоюзной работе на Урале. Затем училась в институте цветных металлов имени М. И. Калинина. По окончании института З. А. Гурина работала инженером, затем начальником цеха на одном из крупнейших московских заводов. С 1939 года по 1945 год — она на ответственной партийной работе. С 1947 года до конца жизни З. А. Гурина — секретарь Международной Демократической Федерации женщин. Награждена орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Умерла в 1951 году.

Очень трудно писать воспоминания о самом близком и дорогом человеке. Всегда кажется: что-то упущено, что-то недосказано. Моя мать, как мне думается, прожила трудную, цельную и беспокойную жизнь — жизнь, которой можно гордиться.

Родилась Зинаида Александровна Гурина в городе Невьянске (тогда это был еще не город, а завод) бывшей Пермской губернии, ныне Свердловской области. Отец ее был прекрасный мастер-чеканщик.

Ко времени установления на Урале Советской власти Зине Гуриной было шестнадцать лет. Она поступила на работу в Невьянский Совет рабочих депутатов.

В августе 1919 года в жизни Зинаиды Алексеевны Гуриной происходит самое значительное событие: ее приняли в ряды Коммунистической партии.

Через месяц семнадцатилетнюю девушку избирают членом райкома РКП(б). Зина заведует районным женотделом и, несмотря на ее молодость, женщины охотно идут к ней за советом, за помощью.

В 1921 году Гурину переводят в Надеждинск, Свердловской области, и назначают заведующим женотделом Укома ВКП(б). В 1925 году З. А. Гурину направляют на профсоюзную работу инструктором и членом президиума Уралпрофсовета. Здесь она вовлекает женщин в производство, добивается, чтобы они овладевали сложными профессиями. Она работает, как большой организатор и пропагандист. На Урале Зину Гурину любили и уважали. В 1928 году Уральская профсоюзная организация рекомендовала Гурину для работы в ВЦСПС. Она была инструктором и одновременно членом пленума. Но в ВЦСПС работала Гурина недолго. Вскоре партия в числе «парттысячников» послала ее на учебу.

В 1935 году, окончив институт цветных металлов и золота имени М. И. Калинина, З. А. Гурина идет работать на один из московских заводов. С этим заводом связан большой период ее жизни. До конца своих дней она называла его «мой завод».

Работала Гурина инженером, затем начальником кузнечного цеха. Специальность у нее была такая: инженер-технолог по обработке цветных металлов давлением. И в этом цехе, считавшемся тяжелым даже для мужчин, Зинаида Алексеевна скоро завоевала авторитет, уважение, признание.

С сентября 1939 года З. А. Гурина работала секретарем райкома партии по кадрам. На этом посту ее застала Великая Отечественная война. Трудное, незабываемое время. Уходили на фронт коммунисты-добровольцы, приходили в райком, прощались. Каждый был ей знаком и дорог, каждого провожала как родного. Ночи стали беспокойными: Москву бомбили.

...8 марта 1945 года. Торжественное заседание в Большом театре. Доклад о Международном женском дне делает заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды Московского комитета ВКП(б) З. А. Гурина.

Работа в Московском комитете партии резко отличалась от работы на заводе. Но оставалась неизменной твердая черта характера — любовь к делу и к людям.

Здесь пригодилась ей упорная работа над собой: занятия философией, теорией марксизма, которых она никогда не прекращала. Зинаида Алексеевна умела построить доклад, написать ясную, доходчивую статью. И всегда писала сама, не признавала докладов, подготовленных другими.

Окончилась Великая Отечественная война. Страна залечивала раны, восстанавливала хозяйство. А за рубежом кое-кто уже начинал думать о новой войне. Но простые люди не хотели войны, повсюду возникало и ширилось движение в защиту мира, против последователей фашизма. Особенно активно выступили за мир женщины.

В Москве создался антифашистский комитет советских женщин. Активное участие в его работе принимала Зинаида Алексеевна Гурина.

В декабре 1945 года в Париже состоялся I-й конгресс Международной Демократической Федерации женщин. Среди советских делегаток была Зинаида Алексеевна. Вернувшись домой, она много рассказывала о конгрессе, о встречах с женщинами разных стран, о Париже. Особенно запомнился мне один ее рассказ.

— В перерывах между заседаниями конгресса,— вспоминала мама,— к нашему столу подошла седая женщина-француженка в старомодной шляпе и ветхом пальто. Из старенькой сумочки она достала фотокарточку и показала ее нам. На карточке — мужчина средних лет и двое юношей.

— Это мой муж и два моих мальчика. Они погибли, их замучили фашисты. Я прошу вас написать что-нибудь на этом снимке.

Наши делегатки несколько смущены. Нам кажется неудобным делать надпись на фотокарточке, которая является реликвией этой старой женщины.

Но пришлось уступить просьбе матери. Эта седая, сгорбленная женщина-француженка и сейчас стоит перед моими глазами. Она не была делегаткой конгресса, но все время присутствовала на его заседаниях.

— Мне было поручено,— продолжала мама свой рассказ,— передать от нашей делегации подарки испанским женщинам. То были очень скромные подарки, но с какой радостью они были приняты! Не помню, была ли в тот момент с нами переводчица, но она была явно не нужна:

все было понятно. Начались поцелуи, объятия, у многих на глазах я увидела слезы...

Маме всегда казалось: того, что она знает,— мало, что надо учиться и учиться. Училась она всю жизнь. А вернувшись из Парижа, объявила: «Плохо знаю языки, французский забыла, английский. Надо заняться».

Вечерами мы вместе садились за учебники английского языка, занимались упорно. Через полгода мама уже читала по-английски, говорила, а летом 1946 года, когда она поехала в Англию, она уже смогла там выступить по радио на английском языке. Случилось это так.

Союз австралийских женщин пригласил советскую делегацию на свой конгресс. Руководителем делегации советских женщин была назначена З. А. Гурина. Делегатки получили все необходимые визы, но кое-кому, видимо, не хотелось допустить советских женщин на конгресс. И вот, приехав в Лондон, наши женщины столкнулись с препятствием: на десять дней вперед ни на одном из многих летевших в Австралию самолетов не оказалось мест. Официальные лица разъяснили:

— Ничего не можем сделать. В Австралию летят купцы за шерстью.

Прогрессивные женщины Англии нашли выход: организовали радиопередачу для Австралии. С приветственным словом от имени советских женщин выступила З. А. Гурина. Говорила она по-английски. Потом рассказывала, что страшно волновалась, боялась за произношение. Но английские женщины ее успокоили: мол, все понятно, все правильно.

В феврале 1947 года в жизни Зинаиды Алексеевны произошло знаменательное событие: трудящиеся Тимирязевского района города Москвы избрали ее депутатом Верховного Совета РСФСР.

Избиратели хорошо знали, за кого они отдают свои голоса. Одни знали З. А. Гурину лично, другие слышали о ней, читали.

— Я глубоко взволнована и тронута тем доверием, которое выразили мне трудящиеся и жители вашего района,— говорила Зинаида Алексеевна на собрании избирателей Тимирязевского округа Москвы. Многие похвалы, сказанные по моему адресу, в основном предназначены не мне, а Коммунистической партии, воспи-

танницей которой я являюсь. Эти похвалы в огромной мере относятся к советским женщинам, которые вложили свои силы во всенародное дело строительства коммунизма в нашей стране. Ваше доверие обязывает меня отдать всю себя верному служению Родине.

Я помню, с каким волнением читала мама письма избирателей, опущенные вместе с бюллетенями. Это были письма разных людей, но все они были написаны от души и смысл их сводился к тому, что люди верили своей избраннице.

И Зинаида Алексеевна отдавала все силы, чтобы оправдать это доверие, выполнить наказы избирателей. А наказов было много: и жилищные вопросы, и вопрос о трамвае, который идет по однопутке, из-за чего люди опаздывают на работу, и даже жалобы на то, что не огорожено кладбище. После работы мама садилась за письма, звонила и писала в разные организации, напоминала, требовала ответа. А после обязательно проверяла: все ли сделано.

Июль 1947 года. Новый рубеж в жизни. Зинаида Алексеевна уезжает в Париж секретарем Международной Демократической Федерации женщин. Почти четыре последних года своей жизни отдала она этому делу, делу борьбы за мир.

Обстановка в Париже была сложной: широкая волна забастовок, выступления рабочих. Французское правительство проявляло «повышенный интерес» к работе всех демократических организаций, в том числе и к женской федерации. Довольно часто ее сотрудники ходили с «хвостами» — шпиками из политической полиции. Велась постоянная «война виз», и у мамы вместо двух помощников — референта и переводчика, был только один переводчик, а длительное время ей приходилось работать одной. Вот когда пригодилось знание языков. Можно было разговаривать с французами, понимать их. Несколько месяцев практики — и мама обходилась без переводчика даже во время выступлений перед французскими женщинами.

Большую работу пришлось провести в период подготовки первого Международного конгресса сторонников мира. Несколько месяцев подряд, вместе с генеральным секретарем Союза писателей Александром Фадеевым, Зинаида Алексеевна встречалась с представителями раз-

личных организаций, обсуждала, уточняла, спорила. И, наконец, сам конгресс — прекрасный гимн миру,— в работе которого З. А. Гурина приняла самое деятельное участие.

Все дни ее жизни в Париже заполнены до предела. Вот отрывок из одного ее обычного письма мне:

«...События из общественной жизни: приехали делегатки с конференции стран Азии и Африки (я имею в виду «черных делегаток» Африки и Мадагаскара). Французские женщины устраивали с ними различные встречи. 25 января состоялся грандиозный митинг на Вел-д'Иве. Председательствовала Эжени Коттон.

В связи со всеми этими событиями, как сама понимаешь, у нас полна квартира цветов, пахнет фиалками, мимозой, гвоздиками.

Завтра утром рано поеду в Иври, там будет Национальный совет союза французских женщин. Он продлится два дня — субботу и воскресенье. Как видишь, единственная возможность отдохнуть раз в неделю опять теряется. И так все время...»

Англия, Швеция, Чехословакия, Италия, Венгрия, Финляндия... Во многих странах пришлось побывать моей матери. Отовсюду неслись ее страстные призывы к борьбе за мир, за счастье женщин и детей.

Трудная, ответственная работа подорвала здоровье З. А. Гуриной. За последние десять лет мама только дважды была в отпуске.

31 декабря 1950 года мама прилетела на самолете в Москву. С аэродрома ее увезла санитарная машина. Врачи оказались бессильными: страшная болезнь — рак, проникла глубоко. 13 января ее не стало.

Как светлую память, я храню вырезки из газет, многочисленные письма, которые пришли на мое имя.

«Оборвалась жизнь преданного поборника мира, женщины большого мужества и самоотверженности. Весть об этой утрате опечалила всех, кто знал ее как человека, труженика, борца»,— писал журнал «Советская женщина».

«З. А. Гурина как активный деятель международного движения женщин отдавала всю свою энергию делу борьбы за мир и безопасность народов, делу защиты интересов женщин и детей»,— отмечала «Правда».

Генеральный секретарь Международной Демократи-

ческой Федерации женщин Мари Клод Вайян-Кутюрье прислала мне такое письмо:

«Я горячо любила твою мать и испытывала к ней глубокое уважение, к ее замечательным качествам советской женщины, к ее готовности исполнять свои обязанности, даже будучи тяжело больной, на трудном посту секретаря МДФЖ.

Я не могу представить себе, что я больше никогда не увижу ее черные глаза, светящиеся умом и жизнью. И она была такой доброй, твоя мама!

Ты можешь гордиться своей матерью, она была для нас подлинным примером».

С волнением я перечитываю письмо из далекой Индии. Гита Банерджи из Калькутты писала мне:

«Дорогая сестра!

Когда я услышала ужасную весть, я сейчас же подумала о тебе, потому что мне показалось, что я потеряла собственную мать.

Не будет преувеличением, если я скажу, что Зина действительно была для меня матерью и товарищем. Она руководила мною в повседневной жизни, обогащала движение в моей стране своими сердечными и животворными советами. Для меня она была символом советских женщин. Мы, женщины Индии, навсегда сохраним память о таком близком друге и товарище, отдавшем свою жизнь за то, чтобы для всех нас и на нашей родине жизнь стала прекрасной».

* * *

...У меня сейчас растет дочка — тоже Зина. Чертами лица она похожа на мою маму. Моя мечта, чтобы дочь прожила такую же кипучую, светлую жизнь, как и ее бабушка, унаследовала ее горячее сердце.

ВСЕГДА С НАРОДОМ

Анна Петровна Алимова родилась в 1918 году.

Член КПСС с 1939 года. Окончила Уральский государственный университет им. Горького в 1942 году. Долгое время находилась на ответственной партийной работе. С 1961 года — заместитель председателя Свердловского горсовета. Награждена орденом «Знак почета».

Не знала Нюра Колчева, деревенская девчонка, ласки и заботы матери; росла она в семье тетки, как тогда говорили «маломощной крестьянки».

Тетка растила и своих детей, и племянницу без мужа. Сама она работала, как лошадь, жила тяжело. И детям никакой скидки не делала. В добрую минуту поговорит сердечно, а под горячую руку изобьет.

В семь лет Нюра уже исполняла работу по дому. Подмести, убрать избу, накормить свинью, кур, наносить воды. Ведро тяжеленное, и девчонка ждала у колодца, чтобы подошел кто-нибудь из взрослых и вытащил ведро. А то и самой приходилось — ревет да тащит. Дома стирает пеленки и «водится» с первым ребенком, а там со вторым, с третьим.

Досыта хлеба в семье никогда не бывало, а к концу зимы и совсем голодно жили. Ели ржаной хлеб пополам с картошкой или мякиной.

В годы, когда рожь плохо уродится, толкли сушеные головки клевера, а то и мох в еду шел.

— Из мха мука белая-белая,— вспоминала потом Аня.— Но с этой муки люди опухали...

Одежду для девочки никогда не шили, все носила она с чужого плеча. Шубенка — теткина, Нюрка в ней тонула. Но она не горевала, накинет шубенку, запахнется потуже и бежит. Ни сапог, ни ботинок она и не видывала. Зимой ходила в лаптях, да и то часто в отопках.

Не сразу согласилась тетка отдать Нюру в школу. Но, в конце концов, разрешила.

В школу ходили ребята за пять километров. Зимой прибежит Нюра,— кажется, лапти к ногам примерзли. Еле отогреется, еле пальцы разотрет...

Училась она хорошо, на лету схватывала всю немудрую школьную науку. А летом опять наваливалась на нее тяжелая крестьянская работа.

Четвертой группы в школе не было, а учиться в город тетка не отпускала. Руки одиннадцатилетней девочки были тетке нужны не только в поле, но и дома: надо прясть, шить, вязать. Почти не удобряемые калужские земли испокон веков скудно родили хлеб. Но в голодный год тетка согласилась отпустить Нюру в город с условием, что по воскресеньям и в каникулы девочка по-прежнему будет работать в ее хозяйстве.

Нюра жила в общежитии. В большой девичьей комнате стояло около тридцати коек, вернее это были козлы, накрытые досками и тощим матрацем, набитым соломой.

Нюра решила учиться и работать.

Бойкую, грамотную девочку взяли работать рассыльной в контору торфоразработок, потом перевели ее уборщицей в барак, где жили инженерно-технические работники.

Нюра стала зарабатывать 25 рублей. Впервые она могла сама купить себе обувь, одежду.

...Приехала с Урала знакомая женщина, рассказала Нюре, что сестра ее матери Дарья Герасимовна живет в Свердловске. Сын ее, Виктор, студент, учится. Про Нюру Виктор говорил: «Если сюда приедет, мы ее куда-нибудь устроим».

Нюра нашла на географической карте Свердловск.

С интересом разглядывала она коричневую линию Уральского хребта.

Какой он, Урал?

Недолго она думала: собралась и приехала в Свердловск.

* * *

Нюра поселилась в семье двоюродного брата. Как она завидовала Виктору! Он будет инженером!

Она снова мечтала об учебе. Все равно где учиться, лишь бы учиться! Брат помог Нюре поступить на вечерний рабфак лесотехнического института. А днем девушка работала в политехническом институте уборщицей. Попробовали поставить ее в раздевалку, но она и до крючков на вешалке не доставала.

В те годы студентами вузов большей частью были люди немолодые, уже поработавшие на производстве, видевшие жизнь. Они по-хорошему жалели малолетнюю уборщицу, помогали ей. Убирает Нюра в аудитории, студенты всю мебель стащат в один угол. Вымоет Нюра пол, они опять расставят все столы и скамьи.

Виктор, ее брат, окончив институт, получил назначение в Нижний Тагил, на строительство Уралвагонзавода. Это была одна из замечательных строек первых пятилеток.

Вместе с братом уехала и Нюра Колчева. Поступила в вечерний машиностроительный техникум, а днем работала оператором в главной диспетчерской на стройке.

В тот год произошло в ее жизни большое событие: Аня стала кандидатом Коммунистической партии. Она понимала, что теперь надо жить и работать по-другому. Но как? Не легко в 20 лет сразу осознать всю ответственность, которую налагает звание коммуниста.

Окончив три курса машиностроительного техникума, Аня решила заканчивать образование в Свердловске.

Свердловский политехникум. Здесь она секретарь комсомольской организации. В лыжных походах, на катке, в спортивных состязаниях крепла дружба и спайка учащихся. Организованную комитетом комсомола школу мотоциклистов-пулеметчиков Колчева окончила одной из первых.

Следующий год застал Аню на новой работе — инструктором горкома ВЛКСМ. Занимаясь самостоятельно, она экстерном сдала экзамены за десятый класс. Теперь ее привлекало уже не техническое образование. Университет! Вот о чем мечтала Анна Колчева.

Государственный университет имени Горького Аня кончала уже в военные годы. До этого большие события произошли в ее личной жизни. Она вышла замуж и стала Анной Петровной Алимовой, и вскоре муж ее ушел в армию, на фронт. Она осталась одна. В 1942 году родился сын Володя. Все экзамены Анна Петровна сдавала с ребенком на руках.

* * *

Университет окончен. Анна Петровна стала работать в облтлите. Сына отдала в ясли.

Шла вторая военная зима. В городах не хватало топлива. В доме, где жила Алимова, от холода лопнули трубы отопления.

Как нести ребенка после яслей в дом, где даже жильем не пахнет? Анна Петровна переселилась на работу, в Дом печати. В служебной комнате, за шкафом, стояла детская коляска. В ней спал Володя.

Анне Петровне посчастливилось работать вместе с Клавдией Тимофеевной Свердловой, женой любимого вождя уральских пролетариев.

Суровый, требовательный человек, Свердлова сначала присматривалась к молодой сотруднице.

Утром Аня торопится в ясли отнести малыша. Начинается рабочий день. Уже затемно Алимова идет в ясли. А работа еще не кончена. Вечерние часы мать делит между работой и сыном. Поздно вечером, усыпив ребенка, Аня начинала стирать пеленки.

— И когда она спит?— строго и в то же время сочувственно говорила Клавдия Тимофеевна.— Надо и самой отдыхать, для ребенка беречь себя...

В 1943 году Алимову взяли в аппарат райкома партии инструктором. С той поры, на много лет, Алимова посвятила себя партийной работе.

В 1951 году А. П. Алимову избрали третьим секретарем Кировского райкома. А назавтра первый секретарь выехал в Москву. В отпуске был и второй секретарь.

...Лето. Полным ходом идет ремонт школ, детских

учреждений. С предприятий и строек приходят в райком люди. Алимова плохо знает район. Со свойственной ей прямотой она просила технического секретаря помочь ей — коротко сообщить: кто звонит ей, что за человек, откуда.

По утрам Алимова знакомилась с организациями, бывала на предприятиях. Все увидеть своими глазами, составить свое мнение — это было для нее правилом.

Иногда Анна Петровна, пользуясь тем, что ее еще не знали в лицо, приходила в приемную руководителя предприятия и, послушав, посмотрев, выносила свое заключение о том, как директор завода относится к рабочим, насколько он внимателен к их нуждам...

Десять лет работала Алимова в райкоме партии.

Кировский район — один из крупнейших в большом индустриальном Свердловске. Десятки промышленных предприятий, вузы и научно-исследовательские институты, техникумы, десятки школ, крупные строительные и транспортные организации, почти вся полиграфическая промышленность города, главпочтамт и отделения связи, дворцы культуры, клубы, магазины.

Сколько сложных вопросов, сколько неотложных дел должен разрешить секретарь райкома в своей повседневной работе!

Воспитывать трудящихся в духе коммунизма и требовать неукоснительного выполнения государственного плана. Заботиться о подборе и расстановке кадров. Помогать райисполкому и контролировать его работу. Поднимать роль и значение партийной организации на каждом предприятии. Организовать работу так, чтобы народ постоянно чувствовал руководящую роль партии. И, наконец, повседневно работать с аппаратом райкома, потому что один секретарь, без поддержки коллектива, немного сделает.

* * *

Трудности в работе... Какие разные они могут быть. И нет рецепта, одного на все случаи жизни.

В районе много строительных организаций, домостроительный комбинат. Многие стройки отстают, срываются сроки сдачи объектов. Необходимо созвать совещание руководителей строительных организаций. Но как говорить с ними? Насколько авторитетно будет для

них мнение Алимовой? Ведь для нее не секрет, что некоторые из строителей рассуждали так: «Алимова не инженер и к тому же женщина. Она в нашем деле не разбирается».

Анна Петровна чувствовала себя несколько неуверенно. Но сказать, что она не разбирается...

Алимова объехала самые важные объекты, старалась своими глазами оценить положение на стройках. А самое главное — больше беседовать с народом. Руководитель говорит одно, а те, кто строит своими руками,— подскажут иногда и другое.

На стройке районной больницы бригадир, не таясь, говорил о недостатках: труд плохо организован, перебой с доставкой строительных материалов, рабочих гоняют с места на место, а в результате они мало зарабатывают.

Совещание прошло плодотворно и имело важное значение для будущего. Руководителям организаций пришлось признать правоту замечаний членов бюро и первого секретаря райкома Алимовой. И если до совещания Анна Петровна терялась: надо от них потребовать,— но что?— то теперь она делала выводы из положения на объектах, из выступлений на совещании и даже... из взаимных попреков.

Чем дальше, тем бо́льшим уважением пользовалась Алимова в районе, люди оценили ее принципиальность и уменье разбираться в обстановке, войти в курс дела.

С молодых лет А. П. Алимова сохранила особенное влечение к молодежи и комсомолу и всегда находила время познакомиться с работой комсомольских организаций,— это было для нее родное дело.

Когда в районе началось движение по созданию народных дружин, Алимова одна из первых вступила в дружину и активно участвовала в ее работе. «Это дает мне моральное право требовать и с других»,— говорила Анна Петровна. Она бывала в штабах дружин, проверяла, как идут дежурства.

Деловая и в то же время дружественная, теплая атмосфера свойственна работе всего аппарата райкома партии. Здесь принято помогать молодым работникам, воспитывать их. Отправляясь на предприятие по вопросу, скажем, качества продукции или политпросвещения, Алимова брала с собой инструктора и на месте, на

живой жизни, учила его, как разбираться в вопросе, давая в то же время простор и его инициативе. Коллегиальность в решении важнейших вопросов, слаженность, взаимопомощь — характерные черты коллектива райкома паратии.

Секретарь райкома А. П. Алимова всегда была готова помочь любому человеку, поддержать его в трудную минуту. Если товарищ заболел, она находит время навестить его, ободрить, настоять, чтобы человек вылечился как следует.

Дружеская шутка в работе сочетается у Алимовой со строгой требовательностью. Простота и скромность — органические черты ее характера.

В течение многих лет трудящиеся выбирали А. П. Алимову в начале депутатом райсовета, потом — горсовета. На сессии горисполкома Алимову выдвинули заместителем председателя. Жизнь ее пошла по новому руслу.

Как пригодился ей опыт работы первого секретаря! В таком районе, как Кировский, где сосредоточены вузы, театры, редакции газет, клубы, ей приходилось очень много заниматься вопросами культуры, народного образования и здравоохранения. Как раз этими вопросами депутат Алимова и стала ведать в исполкоме горсовета. И, казалось, еще меньше стало в сутках часов, еще больше дел, которые надо разрешить именно сегодня.

Конференцию медицинских работников сменяет совещание строителей, возводящих школы и детские учреждения...

Необходимо и самой (в который раз!) побывать на строительстве школы-интерната или детского сада...

На Уралмаше сдается больничный городок, а в Чкаловском районе идет закладка фундамента новой большой больницы...

Трудовые резервы — завтрашний молодой рабочий класс. Алимова едет в ремесленное училище и придирчиво знакомится, как живут ребята, как работают, учатся, отдыхают...

А через несколько часов заместитель председателя горсовета Алимова выступает на приеме, устроенном свердловскими писателями, художниками и композиторами в честь английских друзей из Бирмингама...

Осуществлять надежды простых людей, заботиться, чтобы еще радостнее стала жизнь, чтобы новые волнующие спектакли появлялись в наших театрах, чтобы больше было школ, поликлиник, детских садов и ясель, чтобы больше было жилищ для трудящихся — во все эти дела вкладывает свой труд, энергию, волю и свой порыв народный депутат Анна Петровна Алимова.

Один из ее товарищей рассказал как-то:

«В тот год, когда Анну Петровну выдвинули первым секретарем райкома, районная партийная конференция проходила в актовом зале Уральского политехнического института имени Кирова. Не все присутствующие знали Алимову. Ее попросили выступить, рассказать о себе.

— Наша конференция проходит вот здесь, в политехническом институте,— говорила Алимова.— Когда я приехала из Калужской области в Свердловск, именно здесь, в этом здании, начинала я свою трудовую деятельность. Я работала тут уборщицей...»

* * *

За четверть века деревенская девушка, стоявшая в сущности на одной ступеньке с кухаркой, получила среднее и высшее образование, стала партийным, а затем государственным деятелем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

III. НА СТРОЙКАХ ПЯТИЛЕТОК

IV. ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

V. НА ПУТЯХ К КОММУНИЗМУ

Издательство просит
читателей и библиотекарей
присылать отзывы об этой книге
по адресу:
Свердловск, ул. Малышева, 24
Свердловское Книжное Издательство

ЖЕНЩИНЫ УРАЛА
В РЕВОЛЮЦИИ И ТРУДЕ

Редакторы: *Л. Адамова, И. Круглик, Ю. Гетлинг, Б. Путилов, М. Козлов*
Оформление *М. Заводчиков*
Художественно-технический редактор *Я. Черников*
Корректоры: *А. Курленко* и *В. Бурангусова*

Подписано к печати 11/II 1963 г. Уч.-изд. л. 26,12. Бумага 54×84[1]/16 = 16,75 бумажного — 27,47 печ. л.
НС 18050. Тираж 7000 экз. Заказ № 964.
Цена 88 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.

13

ЖЕНЩИНЫ УРАЛА В РЕВОЛЮЦИИ И ТРУДЕ